

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Н. В. ПИГУЛЕВСКАЯ

АРАБЫ У ГРАНИЦ ВИЗАНТИИ И ИРАНА В IV~VI вв.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
·НАУКА·
МОСКВА-ЛЕНИНГРАД
1964

ВВЕДЕНИЕ

Проблемы истории Ближнего Востока в период между III и VII в., веком арабских завоеваний, стали предметом наших исследований более тридцати лет тому назад. На пути в поисках нового стояло немало препятствий, связанных с ложными концепциями, как теория цикличности исторического процесса, европоцентризм, определявший «нормы» общественного развития, пресловутая теория «отсталости Востока».

Сравнительное изучение терминологии восточных источников позволило нам определить уровень развития обществ Передней Азии этого времени. Выявление особенностей как рабовладельческой, так и феодальной формаций на Ближнем Востоке явилось решением ключевой проблемы, которое позволило дать новое направление историческим разысканиям. Феодализм развивался здесь в условиях, где рабовладение не носило тотального, всепоглощающего характера, где сохраняла свое значение соседская община, где ремесло знало и свободного ремесленника, где сохранились города с их рынками, местной и транзитной торговлей, караванной и морской.

Новые выводы, к которым мы пришли, были сделаны на конкретном историческом материале, на длительном и тщательном изучении источников, остававшихся до того в неизвестности. Греческие хронографы, сирийские исторические и юридические памятники, пехлевийские законодательные акты позволили нам выявить новый характер собственности на землю и переходные формы эксплуатации крестьян, каким был колонат в Византии. В Иране, где рабо-

владение отступало постепенно, рабу предоставлялась возможность частично «работать на себя». Наличие соседской крестьянской общины является существенным элементом социального развития на Востоке.

Значительное место в наших исследованиях заняло изучение городов и торговых путей как некоей особенности этого периода на Востоке, которая наложила свой отпечаток на формы развития феодализма. Конечно, в те далекие годы, когда автор лишь начинал работу в этом направлении и «даль свободного» исследования «еще не ясно различал», монография, посвященная Эдессе, открыла новую страницу в исследовании византийского города на далекой восточной границе. Эта проблема была изучена нами в дальнейшем, как имеющая существенное значение в истории Ирана времен сасанидов, так как в слагавшемся феодальном строе город занял своеобразное положение.

Образование новых феодальных общественных отношений сопровождалось кризисом, обострением классовых противоречий, которые нашли отражение в борьбе «димов», партий Византии, и знаменовало глубокие изменения в жизни и строе ее городов. В Иране мощное маздакитское движение было в сущности сопротивлением крестьянских общин их феодальному закреплению.

Как и в другие периоды истории Ближнего Востока, общественное развитие происходило в постоянной зависимости от связей и взаимных столкновений между оседлым населением давно сложившихся государств и кочевыми племенами пустыни, спорадически наступавшими на них.

Все осложнялось еще постоянными военными столкновениями соперничавших между собой государств-гегемонов, отстаивавших свои границы и право на контроль торговых путей. Клубок, в который свились отношения между Ираном и Византией, был разрушен арабами. Часть своих территорий Византия удержала и на азиатском материке. Иран был полностью подчинен мусульманскими полчищами. Волна движения арабов на север в VII в. принесла им победу, чему способствовало истощение сил великих держав, длительно сражавшихся друг с другом. Свежие силы арабов были объединены надплеменными организациями, новой идеологией, которая открыла новые возможности, разбудившие силы, таившиеся в арабском народе.

Проблема завоеваний арабов, проблема ислама может быть разрешена лишь при глубоком изучении их истории в предшествующий период, их истории на Аравийском полуострове и в Передней Азии. Культура государств Южной Аравии, с их городами, архитектурными памятниками и замечательной письменностью, является важным этапом в истории арабов и была предметом нашего исследования в связи с древними торговыми сношениями по «шелковой дороге» и по «пути ароматов».

Значение северных арабских племен исключительно велико, они вошли в общение с соседними странами древних культур, их язык и письменность восторжествовали в тот период жизни арабов, когда она стала частью мировой истории. Новая идеология соединила воедино древние верования арабов, их идеи единобожия, испытав и значительное влияние монотеистических религий Ближнего Востока, в первую очередь христианства.

Историей арабов у границ Византии и Ирана в доисламский период мы как бы завершаем разработку проблем, которым были посвящены последовательно наши книги: «Месопотамия на рубеже V и VI вв.» (1940), «Византия и Иран на рубеже VI и VII вв.» (1946), «Византия на путях в Индию» (1951), «Города Ирана в раннем средневековье» (1956 г. — *Les villes de l'état Iranien aux époques Parthe et Sassanide*. Paris, 1963). Возникновение и развитие феодальной общественной формации на Ближнем Востоке, ее особенности, ее своеобразный характер были основной темой наших исследований, в том числе и настоящего труда об арабском народе, творческие силы которого неиссякаемо действуют до наших дней.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ДОИСЛАМСКИХ АРАБОВ И ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

АРАБСКИЕ ИСТОЧНИКИ

История северных арабских племен до великого мусульманского движения может быть изучена лишь в сочетании многих разноязычных источников.

Из числа собственно арабских источников следует прежде всего отметить эпиграфиче-

ские памятники, среди них тамудские и лихьянские, недостаточно изученные, содержащие мало данных, из которых можно было бы извлечь исторические сведения. Арабские и южноарабские датированные надписи имеют большое значение как аутентичный материал, превосходно сочетающийся с другими источниками. За исключением знаменитой эпитафии Амрулькайса (Марулькайса), в течение десятилетий привлекавшей исследователей и получившей детальные истолкования, другие эпиграфические памятники к истории северных арабских племен привлекались мало. Достаточно сказать, что наиболее замечательные южноарабские надписи были найдены в 50-х годах текущего века, а монографические исследования о северных арабских племенах написаны в конце прошлого столетия и в 20-х годах. Лишь издатели южноарабских надписей указывали на их связь с племенами арабов Неджда и более северных областей. В изучении южноарабских надписей, этого первоклассного источника для древности и средневековья, следует прежде всего отметить поиски и изыскания Глазера, труды Мордтмана, Млакера, Родоканакиса. Замечательные результаты дали исследования главы целой школы эпиграфистов проф. Г. Рикманса, его ученицы — палеографа и историка Ж. Пиренн, Ван ден Брандена и других. Филологически тонким и глубоким анализом надписей наука обязана проф. М. Хёфнер.

Если доисламская поэзия арабов и дошла в более поздних записях, то как размер стихов, так и содержание их не подвергались особым изменениям, они являются «верным эхом, в целом, этой эпохи и этой жизни», — таково мнение наиболее выдающихся ее исследователей. Некоторые поэмы способствуют возможности углубить и понять отдельные явления в жизни бедуинов, в их судьбе, отражают родовые связи и межплеменную вражду. Лирика поэтов-номадов передает общий колорит кочевой жизни бедуинов, которая выработала в них своеобразные черты, выявляет их психический облик. В поэмах не отражена политическая жизнь, нет намеков на события, но живое представление о складе, обычаях, порядках они передают доподлинно.¹ Большой интерес представляет в этой связи диван Амрулькайса, последнего царственного киндита.²

Своеобразной формой являются *ahbar*. Это не хроники и не истории, а рассказы, повести. Они могут быть привлечены в качестве исторических источников, но должны быть предварительно подвергнуты тщательному критическому анализу. Даже лучший их образец *Ayat al 'Arab* требует крайней осторожности.³ «Дни арабов» — это дни битв арабов, дни сражений, в которых участвовали те или другие племена, в известной мере это эпический элемент доисламской литературы, так как некоторые дни относятся к раннему периоду. Так, день *Zu Kar* повествует о битвах с таалабитами, а день *Zu Nadjab* — о сражении между киндитами Хасана ибн Моавии с Ханзалой ибн Малик-Тамим.⁴ Записанные много позднее, они хранят достоверные бытовые сведения, которые нельзя извлечь из других источников.

Географические и исторические сочинения мусульманского периода являются результатом более поздней обработки материала, часто легендарного характера. Их характеризует особый интерес к генеалогии, к вопросам родственности племен, далеко не всегда отвечавшим действительному происхождению того или другого рода. Чтобы найти опору для искусственно составленной генеалогии, ее искали в связях, фактически не существовавших. Только тщательная аналитическая работа может привести к относительно надежным результатам. Хронологические указания арабских географов и историков также требуют исследований. В ряде случаев их следует отвергнуть, и только путем синхронистических сопоставлений можно установить время того или иного события. Для доисламского периода исторические и географические сочинения арабов переписывают сведения друг у друга, с незначительными вариантами. Но данные некоторых авторов представляют большой интерес при сопоставлении их с материалами византийских историков, хронологические и политические сведения которых сомнений не вызывают. В настоящее время мы имеем возможность также указать на связи, которые можно обнаружить между традицией, сохранившейся у арабских историков (Хамза Испаганский, Табари), и тем, что сообщают недавно открытые южноарабские надписи.

В первой половине X в. были завершены труды нескольких замечательных арабских ученых. Прежде всего это Табари, без которого едва ли могла быть написана история Ближнего Востока в период раннего средневековья, история возникновения мусульманства, история Корана. Составитель «Всемирной истории» собрал во время путешествий огромное количество разнообразных материалов. Он учился в лучших мусульманских школах своего времени, сам преподавал. Его многотомный исторический труд включает множество документов, передает различные традиции, в подлинности которых нельзя быть уверенным. Противоречивые данные

приводятся им без согласования; не сглаживая их, Табари тем самым дает возможность исследователю самому судить о ценности и достоверности приводимых им материалов.⁵ Для настоящей темы значение имеют его сообщения об арабах в связи с историей Ирана в сасанидский период, преимущественно сведения о лахмидах.

Табари умер в 923 г. н. э. В 60-х годах того же X в. закончил свои труды филолог Хамза Испанский, оставивший небольшую, но очень ценную сводку последовательности династий. В ней уделено место и доисламским племенным объединениям арабов. Наряду с главой о лахмидах в его «Анналах» упомянуты киндиты и гасаниды. При всей краткости, Хамза дал ценные сведения, некоторые из них подтверждают теперь южноарабские надписи; он же указал на то, что существовали хронологические записи в Хиртской церкви, устанавливавшие соответствие между временем царствования лахмидов и сасанидов. Хамза упоминает и о некоторых источниках, например о «Книге царей Кинда».⁶

В 947 г. были закончены, а в 956 г. повторно пересмотрены знаменитые «Золотые луга» Масуди, побывавшего во всех городах и областях халифата.⁷ Живое изложение, последовательность, занимательность его книг покорили его читателей и исследователей. В части, посвященной истории Ирана и событиям сасанидского времени, он не раз упоминает арабов-лахмидов, не оставляя в стороне легенды и анекдоты о них. Во всем этом материале есть ценные крупинки, окрашивающие исторические события в более яркие цвета, в частности данные о непосредственных сношениях лахмидов с шаханшахами.

Абульфед, умерший в 1331 г., принадлежал к боковой линии Айюбидов, принял участие в войне с крестоносцами, остался верным мамлюкам и правил в Хамате (Hamāh).⁸ Среди написанных им книг «Домусульманская история» занимает скромное место, но именно она важна для настоящей темы; в ней кратко перечислены основные правители арабских династий «языческого» периода. Традиции, приведенные автором XIV в., в общей форме восходят к достаточно достоверным источникам.

Особо следует отметить сведения, сообщаемые арабскими христианскими источниками, в частности так называемой «несторианской историей» или «Хроникой Сеерта».⁹ Открытый и изданный Шером, этот анонимный памятник составлен арабом, принадлежавшим к числу несториан, и содержит историю главным образом христианского населения. В хронику вкраплены биографии отдельных деятелей несторианской церкви, их споры с монофизитами, истории патриархов и византийских императоров. Эта особая струя арабской христианской литературы отразила влияние византийского и сирийского летописания. Она, быть может, недостаточно использована историками средневековья, хотя тонко и верно охарактеризована литературоведами.¹⁰

Все эти группы арабских источников не дают, однако, возможности составить последовательную историю отдельных арабских княжеств, оценить их участие в общей жизни Ближнего Востока, их связь с Византией и Ираном.

Политическую и социальную историю доисламских арабов, последовательность событий во времени можно установить лишь в зависимости от использования византийских — греческих и латинских источников и сведений сирийских авторов. Эти источники имеют то преимущество перед арабскими историческими трудами, что современны событиям, о которых сообщают, но они, тем не менее, требуют тщательного анализа. Гордость и самомнение Рима полностью унаследовала Византия, второй Рим, для которой все восточные народы были «варварами», в том числе и персы, в культурном отношении не только не уступавшие «ромеям», но во многом достигшие более высокого уровня. Тем более арабские племена казались ей малодостойными внимания.

Большое значение приобретают сирийские источники, ценные уже по одному тому, что их свидетельства записаны современниками, для которых арабы были близкой, хорошо известной народностью. Сирийцы, владея родственным арабскому языком, находились с ними в постоянном общении, они сговаривались на своеобразном диалекте, сиро-арабской койнэ.

ГРЕЧЕСКИЕ И ЛАТИНСКИЕ ИСТОЧНИКИ

До настоящего времени греческие и сирийские источники недостаточно использовались для истории доисламских арабов, между тем их привлечение для истории химьяритов, как показали наши исследования, помогло разрешить вопросы, не находившие до того ответа.

У византийских писателей IV и V вв. можно найти немало сведений об арабах.

Спутник Юлиана Отступника в его походе за Евфрат в 363 г., Аммиан Марцеллин, вы-

явил характерные черты сношений с арабами, необходимость для империи поддерживать с ними добрые отношения.¹¹ Гибель Юлиана 26 июня 363 г., как сообщает Аммиан, последовала от стрелы, которую метнул в него араб. Его история носит все черты римской традиции летописания: спокойный эпический тон, объективность и последовательность изложения, стилистически тщательно отделанный язык упрочили за ней славу классического памятника. Одним из главных устремлений церкви было обращение в христианство язычников. Нельзя забывать, что для Константинополя христианизация играла известную политическую роль и новая идеология проникала в арабскую среду при официальной поддержке империи. Византийские церковные историки оставили в своих трудах сведения об арабах, которые могут быть дополнены тем, что можно извлечь из агиологических памятников.

Руфин, около 370 г. ставший монахом в Аквилее, жил в кругах, близких Блаженному Иерониму, Вслед за ним он отправился в Египет, а затем жил в Иерусалиме. Около 397 г. он вернулся в Италию и начал свою литературную деятельность в Риме. Ему принадлежат многочисленные переводы на латинский язык трудов Оригена. «Достопочтенный отец Хроматий» из Аквилеи побудил его «ut ecclesiasticam historiam, quam vir eruditissimus Eusebius Caesariensis Graeco sermone conscripserat, in Latinum verterem», что он и выполнил, добавив две книги и доведя историю до смерти императора Феодосия (395 г.).¹² Писал Руфин после 402 г. Добавленные им от себя две книги, десятая и одиннадцатая, представляют большую ценность, так как они включили «часть из старейших традиций, часть из того, что удержала наша память».¹³

История «царицы сарацин Мавии»,¹⁴ известная Руфину, знакома и Сократу, светскому человеку, жившему в Константинополе, автору церковной истории в 7 книгах, изложившему события с 305 по 439 г. Сократ использовал утерянное собрание соборных документов, принадлежавших Савину, епископу Гераклеи.¹⁵ Об арабских племенах он упоминал в связи с политическими и военными событиями в империи.

Созомен, посвятивший свою «Историю церкви» императору Феодосию младшему, составил ее в 40-х годах V в. в 9 книгах, охватывающих события от 324 по 439 г. (сохранилась лишь часть, доходившая до 423 г.). Одним из источников Созомена была история, написанная Сократом, которого он тщательно проверял. Самостоятельно им собран и изложен материал по истории христианства и гонений в Иране, в Палестине.¹⁶ Его сведения об арабах представляются достоверными.¹⁷

Дошедший в сокращенном виде труд Филосторга содержит сведения об арабах; часть его материалов была использована позднейшими авторами. Филосторг писал в первой половине V в., а свою историю довел до 425 г.¹⁸ Он родился в Каппадокии, получил образование в Константинополе. Им были использованы церковные историки и Евнапий.

Еще один церковный историк уделил внимание арабским государствам, их сношениям с Византией, участию в войнах с персами. Евагрий Схоластик, продолжатель Евсевия, Сократа, Созомена и Феодорита Кирского, родился в 536 г. в Епифании, в Сирии, получил образование, стал юристом и жил в Антиохии. В его труде, охватывающем период от собора 431 г. в Ефесе до 593 г., использованы не дошедшие до нашего времени сочинения Евстафия Епифанийского и Иоанна Епифанийского; автору были известны также хроника Иоанна Малалы, труды Прокопия Кесарийского, Менандра. Манера изложения Евагрия спокойная, эпическая, отношение к источникам добросовестное. Наиболее ценны для нас его сообщения о гасанидах Аламундаре (Мундаре) и Наамане (Нумане), а также о Наамане лахмиде.¹⁹

Если бы не случайно сохранившиеся отрывки безвестного греческого историка с семитическим именем Малх, то остался бы неизвестным договор 473 г., заключенный между императором Львом Макеллом и киндитским царьком Имрулькайсом, захватившим ключевые позиции у Красного моря, в Петре и на острове Иотаба. Это существенным образом подтверждает значение и уясняет общее положение государства киндитов в V в.,²⁰ о котором известно из южноарабских надписей.

В VI в. возрастает участие арабов в политической жизни Ближнего Востока, и византийская историография богата сведениями о них. Прокопий Кесарийский, официальный льстец и тайный памфлетист всемогущего императора, секретарь полководца Велизария, описал войны Византии с Ираном, в которых и с той, и с другой стороны принимали живое участие арабы.²¹ Давая общую оценку положения, Прокопий верно учитывает значение государств гасанидов и лахмидов, кровавую вражду между ними, опасность, грозившую от этого империи; он знает цену арабскому оружию, боеспособности арабов при охране границ. Но он обвинил в предательстве патрикия и царя арабов Арефу. О Прокопии существует огромная литература, а его

труды переведены на многие языки.²² Ему даются самые различные характеристики. Пристрастность автора вызывает недоверие к некоторым его сообщениям, но в основном следует признать большое значение трудов Прокопия, осведомленность, интерес и ценность данных, сообщаемых им.

Хронография Иоанна Малалы, состоящая из 18 книг, написана в Антиохии при жизни императора Юстиниана; вторая часть последней, 18-й книги была закончена после его смерти в Константинополе. Автор, вероятно сириец по происхождению, был ритором (ῥήτωρ), чему соответствует его сирийское прозвание.

Примитивный, простонародный характер памятника с незатейливыми рассказами не мешает доверять его сообщениям. В числе источников им была использована хроника Евстафия Епифанийского, которая не сохранилась.²³ Глубоко связанная с антиохийской традицией и Сирией, где жили и по соседству с которой кочевали многочисленные арабские племена, хроника Малалы учитывает все трудности империи, опасность для нее вражды с арабами. Отсутствие тенденциозности, простота и непредвзятость, как и хронологическая канва при изложении событий, являются достоинствами этого памятника.

От большого труда Менандра Протектора, составленного в 583/4 г., сохранились лишь фрагменты в выписках Константина Порфирогенита.²⁴ Получивший хорошее образование, Менандр был не только в курсе жизни столицы, но был причастен к жизни провинции; он имел непосредственные сведения о сношениях Византии с «варварами», используя устные источники и материалы посольств, в частности Петра Патрикия, на которого он ссылается. Им сохранен текст протокола мирного договора, заключенного между Византией и Ираном в 561 г. Пункты 2-й, 5-й, 9-й и 11-й характеризуют отношения арабских княжеств с этими державами, участие арабов в транзитной торговле, требования, предъявляемые ими в надежде на свою военную силу.²⁵ Документальный материал греческого историка делает дошедшие до нашего времени фрагменты особенно ценными.

Не обошел молчанием арабов и Феофилакт Симокатта, современник императора Ираклия (610—641). В своей «Истории» он касается похода Маврикия против персов и действий гасанида Мундара, будто бы предупредившего об этом персов, что и привело к неудаче всего похода. Византийские историки не раз упрекают арабов в предательстве и возлагают на них ответственность за свои поражения.²⁶

Хронография Феофана Исповедника (род. в 752 г. — ум. в 818 г.), написанная им между 810 и 814 гг., в период расцвета халифата, включает большое число сведений об арабах.²⁷ Не говоря о значении его труда для датировки этапов завоеваний арабов в VII в., Феофан является ценным источником для их истории в предшествующие века. Автор жил под впечатлением мощи, силы, значения арабов и собрал поэтому у своих предшественников всевозможные сведения о них. Хронография дает известную последовательность в истории арабов до ислама, точные имена филархов племен и родов, к которым они принадлежали, указывает на их роль в различных событиях, устанавливает хронологическую нить. Связать данные византийских авторов с сообщениями арабских историков и эпиграфических памятников позволяет именно Феофан.²⁸

В связи с христианизацией арабов они интересовали не только историков церкви, но и агиологов.

Автор житий монахов и пустынножителей Кирилл Скифопольский писал на основании устных преданий, сохранившихся в лаврах и монастырях Палестины и Сирии, и личных встреч.²⁹ В 532 г., когда св. Савва, основавший монастырь около Иерусалима, был в его родном городе Скифополе, Кириллу было лет шесть. В 544 г. он поселился в киновии св. Евфимия, где оставался около 10 лет, и собрал там сведения об этом просветителе арабов-скинитов. Житие Саввы он написал в 556 г. и в следующем 557 г. посетил его лавру.³⁰ Жития Кирилла написаны простым и живым языком, особенно ценны бытовые подробности, обычаи, которые он описывает мимоходом, в частности таковы сведения о тех же арабах.

Иоанн Мосх (ум. в 622 г.) со своим учеником Софронием, будущим патриархом Иерусалимским, в конце VI и в начале VII в. обошел все монастыри Палестины, Сирии, Египта и достиг Фиваиды. В «Луге духовном»³¹ Иоанн Мосх собрал благочестивые рассказы, случаи, чудеса, записанные им как назидания. В этих повестях упоминаются арабы, отдельные эпизоды, в которых они участвуют. Общее впечатление, что это номады, верблюдоводы, кочевники, ведущие самое бедное, полуголодное существование. Такие материалы создают общий колорит, окрашивают историческую ткань.

Следует упомянуть о надписях на греческом языке; их оставили арабы-христиане, филархи, цари, некоторые из надписей были сделаны ктиторами храмов. Так, например, сохранилась надпись лахмидской царицы Хинд из рода киндитов на стене монастыря в Хирте. Эти надписи разбросаны по специальным археологическим и эпиграфическим изданиям и журналам.

СИРИЙСКИЕ ИСТОРИКИ И ХРОНИСТЫ

Сирийцы сохранили сведения об арабах того периода, когда те не имели своей письменности; живя в соседстве много веков, имея общие корни в языке, они понимали друг друга. Их связывали и общие интересы как в области экономики, так и в политике. Торговля, главным образом транзитная, объединяла их, так как водили и охраняли караваны по дорогам пустынь именно арабы. Политически существовала зависимость от византийских и персидских интересов, которым были вынуждены подчиняться как сирийцы, так и арабы. Их объединяла и общая идеология: в западных от Междуречья областях часть арабов, как и их учителя сирийцы, приняли монофизитство. Все «восточные» дружно придерживались его, вопреки великодержавию Константинополя. В областях, тяготевших к Ирану, в Междуречье было распространено несторианство, форма, в которой здесь приняла христианство часть арабов.

Зная арабов близко, сирийцы сохранили такие материалы, которые позволяют воссоздать социально-экономическую основу их жизни.

Написанная около 518 г. в Эдессе, сирийская хроника Иешу Стилита вплела в историю войн между Ираном и Византией сведения о лахмидах, полные непосредственности и наблюдательности. Автор знает, как стабилизируется лагерь кочевников и становится городом, обнесенным стеной, он учитывает воинственность арабов, легкость их кавалерии, решавшей не раз исход битвы.³²

В хронике, известной под именем Захарии Митиленского, составленной в 60-х годах VI в., нет отдельной главы или раздела, посвященного арабам; у автора не было особого источника, но сведения о них разбросаны по всей книге. Сложный клубок политических отношений на Ближнем Востоке, войны и участие в них арабов, вражда, разжигаемая между гасанидами и лахмидами, выявлены на страницах хроники.³³

В житии Мар Абы I, патриарха несториан с 540 по 552 г., составленном в ближайшие после его смерти годы, имеются сведения о распространении несторианства и монофизитства среди арабов. Памятник этот во всех отношениях представляет выдающийся интерес.³⁴

В 586 г. умер, не закончив свою историю, страстный монофизит и темпераментный политик Иоанн Ефесский.³⁵ Уцелела лишь третья часть его труда, две первые восстанавливаются с относительной вероятностью по хроникам псевдо-Дионисия и Михаила Сирийца. В 3-й и 6-й книгах 3-й части «Истории» Иоанн изложил историю гасанида Мундара бар Харита, ставшего жертвой жестокой интриги, и события последних десятилетий существования царства гасанидов. Он дает богатый материал о их симпатиях и покровительстве монофизитами.³⁶ Значение имеет и другое сочинение Иоанна Ефесского «Жития восточных святых», где об арабах-гасанидах имеются сведения в жизнеописании Иакова Барадея и Феодора.³⁷

«Анонимная сирийская хроника» середины VII в. рассказывает о сасанидах, связывая их с историей лахмидского княжества; в частности, в ней описаны сношения Наамана с шаханшахом Хосровом II.³⁸

Плодовитый писатель и ученый Иаков, епископ Эдесский (640—708 гг.), родился близ Антиохии, где получил первоначальное образование; он продолжил его в Киннешрине и завершил в Александрии. Среди его трудов имеется «Хроника», первая часть которой является переводом с дополнениями канонов Евсевия Кесарийского. Самостоятельная часть его «Хроники» начинается 21-м годом Константина Великого и доведена до 691/2 г., другим автором добавлена часть до 709/10 г. События, о которых сообщает кратко Иаков, даются в строгой хронологической последовательности. Целый ряд дат для истории доисламских арабов может быть дан на основании его труда.³⁹

В компилятивную хронику псевдо-Дионисия Тельмахрского, законченную в 775 г., вписаны ценнейшие памятники, в том числе упомянутая выше хроника Иешу Стилита и замечательное письмо Симеона Бетаршамского 524 г. о посещении им лагеря царя лахмидов Мундара.⁴⁰ Этот подлинный документ дает представление о живых связях, существовавших между южными и северными племенами арабов, между сирийскими и арабскими христианами.

В сохранившейся в отрывках хронике, доведенной до 724 г., имеются сведения о по-

следних гасанидах. Возможно, что она основана в этой части на несохранившихся главах Иоанна Ефесского.⁴¹

Патриарх монофизитов Михаил Сириец (ум. в 1199 г.) оставил большой труд по всемирной истории; в нем использованы утерянные, не дошедшие до нас источники, списки которых приведены Михаилом. Для интересующего нас периода он назвал книги Иоанна Ефесского, Кира Батнского и Иоанна Литарбского. Замечательна попытка Михаила синхронизировать свой материал, который он разбил на три группы: церковные события, политическая история и случайные сведения или рассказы помещены им в параллельных три столбца, относящихся хронологически к одному времени. Датировка и синхронное расположение событий являются особенностью этого труда, содержащего много неизвестных другим историкам сведений.⁴²

Некоторые дополнения к политической и церковной истории арабов имеются в «Истории династий» и «Церковной хронике» Григория Абульфараджа Барэбрея (1225—1286), мафриан яковитов. Он использовал труды предшествующих, главным образом монофизитских, авторов; в исторической традиции он следует Михаилу Сирийцу.⁴³

Представление о том значительном месте, какое занимали арабы-монофизиты в истории этого идеологического течения, дают существенные данные, почерпнутые нами из сборника «Монофизитские документы». Так назван издателем материал, опубликованный им по древней рукописи VI—VII вв., принадлежащей Британскому музею (add. 14602). Сборник содержит 44 документа, в их числе постановления местных соборов, послания, переписка; все они относятся ко времени возникновения и укрепления монофизитства. В них неоднократно упоминаются имена Харита и Мундара, гасанидов, безуспешно старавшихся предотвратить раскол и распадение монофизитства на мелкие секты.⁴⁴

Для истории несторианства вообще и в известной мере для его распространения среди арабов имеются материалы в собрании постановлений несторианских соборов, в относящихся к этим соборам письмах и документах.⁴⁵ Подписи под соборными постановлениями ставили епископы, возглавлявшие общины арабов-несториан. Известно несколько епископов Хирты. В некоторых письмах упоминаются арабы из числа приближенных лахмидского царя.

Сирийские источники о доисламских арабах замечательны тем, что они основываются на специальной устной традиции, уходящей своими корнями в самую гущу арабской среды. Сирийцев связывала с арабами общая идеология; на востоке — христианство в его несторианской форме, на западе — монофизитство. И в том, и в другом случае сирийский язык был языком писания и литургии. Филологи неоднократно указывали на то, что арабы и сирийцы в живом общении пользовались своего рода сиро-арабской койнэ.

Разноязычные и различные по своему характеру источники, при сопоставлении и сведении их воедино, позволяют воссоздать историю доисламских арабов, не только выделив отдельные союзы племен, которыми были лахмиды, киндиты, гасаниды, но и дать общее представление о том, чем были арабы Передней Азии между двух мощных соперников — Византией и Ираном.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

История арабов до ислама всегда рассматривалась как вопрос второстепенной важности. Пророк и Коран затмили все, что было до них, Мекка стала центром земли, рождение новой религии представлялось величественным, и, наконец, «мировое господство» арабов, покрывших необозримые пространства двух материков, были темами, привлекавшими самых выдающихся исследователей Востока. Блестящая литература арабов приобрела славу классической, ее изучали, ею зачитывались, но, быть может, презрение «правоверных мусульман» к языческому периоду жизни их предков осталось не без влияния на интересы исследователей. И, тем не менее, полуполюгендарное прошлое арабов стало предметом рассмотрения и анализа.

Трехтомный труд Коссена⁴⁶ построен на превосходном знании арабской литературы о племенах доисламской Аравии; в этом отношении, именно как собрание сведений, он остается непревзойденным. Но попытка свести воедино разноречивые данные, согласовать легендарные рассказы так, чтобы выделить из них исторические факты, конечно, ему не удалось и не могла привести к положительным результатам, по самому характеру используемых источников.

Как и во многих других отраслях науки, новое слово было сказано Т. Нельдеке.⁴⁷ Он привлек к истории доисламских арабов сведения византийских хронографов. Это дало ему хронологическую канву событий, он смог установить целый ряд фактов из истории арабов, в чем ему помогли и сирийские источники. Путем сопоставления имен в их греческом, сирий-

ском и арабском написании Нельдеке смог установить соответствие имен, лиц, сообщений и на этом основании написать очерк о княжении гасанидов, к которому постоянно обращаются и до наших дней.

Следующим по времени был труд Ротштейна, посвященный истории лахмидов, в котором им были использованы, по примеру Нельдеке, греческие источники, отчасти сирийские и критически рассмотрены арабские.⁴⁸ Автору ясна зависимость лахмидов от сасанидов, их участие в войнах с Византией, их положение на Ближнем Востоке вообще. К заслугам Ротштейна принадлежит вывод, что в церковном архиве Хирты существовали записи и списки лахмидских царей, хронологически сопоставленные царствованию персидских шаханшахов; это позволило ему установить более точные даты. Особенно подробно он остановился на деятельности Мундара ибн Закики.

Прямого отношения к истории северных арабских племен работы Ламменса⁴⁹ не имеют, но его исследования «колыбели ислама» и целого комплекса явлений, связанных с возникновением новой идеологии, консолидацией арабских племен, их наступлением, глубоко воздействовали и дали новое направление работам арабистов.

Племени киндитов посвятил свою диссертацию Олиндер. Это было первое историческое исследование после соответствующих страниц Коссена и анализа поэтического творчества Амрулькайса де Слэном.⁵⁰ Труд Олиндера представляет, несомненно, шаг вперед, в нем правильно оценено все значение этой группы арабских племен, предшествовавших гасанидам, в роли федератов Византии.⁵¹ На работу Олиндера тотчас отозвался Каскель; он расширил исторические рамки, в которых действовали киндиты, показал значение собственно арабских источников для их истории, в том числе знаменитых «Дней арабов».⁵²

Совершенно новый этап в исследовании доисламской Аравии был открыт привлечением южноарабских эпиграфических памятников. Их значение не исчерпывается материалом для истории Йемена, но распространяется и на области центральной Аравии и северных племен. В первую очередь следует отметить деятельность проф. Г. Рикманса в Бельгии, выдающегося эпиграфиста, открывшего ряд надписей, основателя целой школы специалистов. Опубликованные им, с переводами и комментариями, надписи вошли в науку.⁵³ Замечательными палеографическими этюдами и историческими толкованиями надписей наука обязана его талантливой ученице Ж. Пиренн.⁵⁴ Филологическое изучение надписей находит опору в работах проф. Марии Хёфнер,⁵⁵ продолжающей дело Глазера и Родоканакиса в Австрии. Вопросы хронологии с большим успехом решались проф. Бистоном.⁵⁶ Привлечение южноарабского эпиграфического материала к истории северных арабских племен дало возможность, с одной стороны, найти подтверждение сведений византийских авторов, с другой стороны, укрепило традиции, которые были представлены частью арабских источников.

История Южной Аравии и ее социальный строй в V—VI вв. были предметом нашего исследования в связи с транзитной индийско-византийской торговлей.⁵⁷ Южноарабский эпиграфический материал был привлечен А. Г. Лундиным.⁵⁸

К истории гасанидов вновь вернулся Кавар,⁵⁹ который в основном опирается на данные Нельдеке. Попытка Кавара доказать высокое положение гасанидов, снять обвинение в предательстве, возводимое на них византийскими авторами, Прокопием в частности, привела к апологетическому тону, к тому, что он стал выступать защитником арабов в ущерб объективному изложению фактов. Желание их «выгородить» заставило его подробно остановиться на том, когда и какое высокое звание было получено Харитом, в ущерб социальной и политической истории.

Точки зрения отрицательной на политику гасанидов и их общее влияние на Ближнем Востоке придерживается Губер, высказавший ее в одной из глав своей двухтомной монографии «Византия до ислама».⁶⁰

Следует отметить попытки живого, исключительно плодovitого исследователя проф. Альтхейма. В ряде своих книг он возвращался к вопросу об арабских северных племенах, об экономических и технических причинах успеха завоеваний арабов.⁶¹ Если с Альтхеймом не всегда можно соглашаться, то надо отдать ему справедливость за его стремление найти новое решение вопроса.

С учетом новейших работ написаны соответствующие страницы обширной и солидной монографии проф. В. Рубина.⁶² Примечания в его труде являются в каждом отдельном случае углубленным исследованием источников и литературы вопроса. Особенно ценен его замечательный анализ трудов Прокопия Кесарийского в связи с политикой Юстиниана.

Следует признать большую заслугу проф. Ф. Габриэли, блестящего исследователя до-исламской поэзии,⁶³ составившего из новых работ наиболее выдающихся специалистов сборник по «античному обществу бедуинов», где были рассмотрены вопросы социальной структуры и экономической основы кочевого общества арабов.⁶⁴ Таким образом, вопрос об основах и особенностях этого общества был поставлен на разрешение.

Ограничиваемся самой краткой характеристикой основных работ, их общего направления. По частным вопросам точка зрения отдельных исследователей изложена нами в соответствующих главах.

АРАБСКИЕ ПЛЕМЕНА У ГРАНИЦ ВИЗАНТИИ В IV—V вв.

МАРУЛЬКАЙС «ЦАРЬ ВСЕХ АРАБОВ»

У границ империи в IV в. арабские племена заняли своеобразное положение. Их роль как буферных объединений при мощных государствах Передней Азии еще не определилась, но их участие в войнах, согласие оказать помощь или отказать в ней уже создавали взаимную зависимость, которая в полной мере выявилась в первых десятилетиях следующего столетия, когда государства гасанидов и лахмидов заняли свое, столь заметное в V и VI вв., место.

Задолго до того, как Константинополь стал центром Римской империи на Востоке, сложились арабские государства Петра и Пальмира, возникшие на торговых путях. Петра держала в своих руках ключевые позиции путей в Хиджаз и дальше в Южную Аравию, как и на запад в Африку. Пальмира расцвела у самых границ империи, на «дороге Диоклетиана», соединявшей важнейшие города Финикийского побережья, Сирийской пустыни и Междуречья.

Письменность и язык надписей Петры и Пальмиры — арамейские, влияние их было обусловлено торговыми связями этих государств. Лишь постепенно стал возрастать удельный вес арабского языка. Под давлением Рима прекратила свое существование в 106 г. Пётра, а в 272 г. была разрушена Пальмира. К этому времени, после падения государства Одейната и Зейнабы (Зиновии), в период значительного ослабления Ирана, при сасанидах Варахране II (275—292) и Нерсе (292—301) арабские племена пустынь почувствовали крепкую руку нового господина из рода лахмидов в Хирте. Лахмидские цари не были зависимы от персов и стремились стать твердой ногой у границ империи.

О северных арабских племенах IV в. сохранились сведения у греческих и латинских историков, имеются немногочисленные надписи и малодостоверные генеалогии арабских авторов.

В качестве источника по истории арабов IV в. существенное место занимает древнейшая арабская надгробная надпись из Немары, селения, расположенного на юго-запад от Дамаска и на северо-запад от Бостры (Босры), в приблизительно равных расстояниях от обоих городов.¹ Этот памятник хранится в Лувре.

Надпись, состоящая из пяти строк, написанных набатейским письмом на базальтовой плите размером 116x33 см, неоднократно издавалась, переводилась и комментировалась. Приводим ее русский перевод:

«(1) Это гробница Амрулькайса сына Амра, царя арабов всех, того, что повязал диадему, (2) покорил Асад и Низар и их царей, обратил в бегство Мазидж до сего дня, отправился (3) поразить Неджран, город Шамира, покорил Маад, разделил сыновьям (4) племена, предоставил Перас им и Руму. Ни один царь не достиг его высоты (5) до сего дня. Он умер в год 223 в 7 день кислула. Да будет благополучие его потомству».²

Транскрипцию имени «Амрулькайс» принял в своей последней, упоминающей эту надпись, работе Дюссо, тогда как в предыдущих он транскрибировал это имя как «Имрулькайс». С нашей стороны укажем, что греки писали «Аморкес», что подтверждает произношение как «Амрулькайс». Этот «царь всех арабов» повязал (очевидно, «повязал» себе) диадему — «тадж». О том, что слово «тадж» приобрело широкое распространение из персидского языка, неоднократно отмечалось.³ Слово ملك в строках 2-й и 3-й имеет смысл «покорить», «захватить», «подчинить». بين — «разделил» сыновьям, т. е. разделил между своими сыновьями «племена» الشعوب. Смысл последнего слова, как «племена», иногда как «общины», постоянно встречается в южноарабских надписях. Дюссо допускает перевод слова وتكلمت — «подразде-

лил» («départagea»). Но правомерен и перевод, предложенный Пейзером, — «предоставил» («hatte überlassen»).⁴ Это слово имеет еще значение «быть опорой», «опираться», но в этом случае оно требует предлога, которого в тексте нет. **مبلغته** буквально означает «его высота», но, конечно, правомерно переводить это выражение и как «слава». **ولده** — собственно «его порождение» и, следовательно, «потомство».

Эпитафия Амрулькайса была написана на его гробнице; в ней он назван сыном Амра. Есть основания предполагать, что это представитель рода, занявшего положение царствующего дома в Хирте. Лахмид Амр сын Адай царствовал с 270 до 300 г. Амрулькайс I был его сыном, и его смерть датируется данной надписью. Названный царем «всех арабов», он объединял не только племена, кочевавшие вдоль границ Восточно-Римской империи и Персии, от Дамаска и Антиохии до берегов Тигра, но подчинил племена Асад, Низар и обратил в бегство «бану» Мазидж или Масхидж. Надпись свидетельствует также о совершенном им походе в Южную Аравию. Так как в ней говорится, что царь «отправился», «двинулся вперед» — **وجا بزجای**, в противоположность предшествующим «покорениям», следовательно, можно с уверенностью считать, что его коренные владения были значительно удалены и, вероятно, составляли области Сирии и Месопотамии, издавна бывшие местами арабских кочевий. В какой-то мере лахмиды должны были утвердиться в областях, принадлежавших царям Пальмиры. Неджран, «город Шамира», важный торговый центр, сыгравший особенно большую роль в политических событиях VI в., был целью этого похода. Следует отметить, что Шамир был царем Неджрана до 320 г., о чем свидетельствуют южноарабские надписи, и это находится в полном хронологическом соответствии с надписью Амрулькайса.⁵ Удар, нанесенный Амрулькайсом, вероятно, должен был привести к подчинению, может быть, к уплате дани городом; во всяком случае, формулировка отличается от «покорения», как оно выражено во 2-й строке относительно племен Асад и Низар. Племя Мазидж было обращено в бегство и, следовательно, не покорилось «царю всех арабов», а ушло, бежало и вновь не появлялось «до сего дня».

Вслед за походом на Неджран в надписи упоминается о покорении племени «Маад». Маадеи, большое, многочисленное и воинственное племя, неоднократно называется как греческими и сирийскими источниками последующих двух веков, так и северными и южноарабскими надписями. Маадеи «покорил» Амрулькайс.

Далее следует сообщение о внутреннем устройстве государства «сына Амра». Главенство над племенами он «поделил» или роздал своим сыновьям, выражаясь словами надписи, «разделил сыновьям племена», сохраняя за собой верховную власть в качестве «царя всех арабов». Следующее предложение надписи содержит некое определение его отношений к Персии и к «Руму». Прежде всего следует обратить внимание на то, что «Перас» предшествует «Руму», следовательно, первое и более почетное место принадлежало Ирану. Это имеет значение и в том случае, если принять перевод Клермон-Ганно, с которым согласился Дюссо, а именно читать «li Fars wa li Roum» — «он поделил (племена) между персами и ромеями».⁶ Пейзер понимая это место иначе, он переводил: «так как Персия предоставила их Риму» — «denn Persien hatte sie Rom überlassen» («sie» — это племена).⁷ В последнем чтении арабский текст сохраняется без дополнения переводчика, тогда как при переводе Клермону-Ганно было необходимо вставить «li» перед словом «Перас», которого в тексте надписи нет. Нам представляется возможным такое истолкование, при котором выражение **وكتبت** сохраняет свой первоначальный, основной смысл — «быть опорой», опираться, «предоставлять», т. е. выделение племен сыновьям Амрулькайса произвел при поддержке Персии, и «li», стоящее в тексте надписи перед словом «Roum», переводится «и Риму». Иначе говоря, оставаясь «царем всех арабов», герой эпитафии действовал, примиряя интересы обеих держав. Самый факт, что названы оба государства, взаимоотношения которых в V и особенно в VI в. играли такую решающую роль в жизни северных арабских племен, указывает на то, что и в IV в. равновесие достигалось лишь при условии примирения их интересов.

Амрулькайс, конечно, не был зависим от Ирана, как это утверждал еще Нельдеке.⁸ Это ясно из надписи, где нет данных о его подчинении, и хотя он находился на территории, принадлежавшей империи или контролируемой ею, ему было подчинено много племен; именно потому он и назван царем «всех арабов». Лахмид Амрулькайс, не зависевший от персов и ромеев, умер в Немаре, близ известной древней дороги, превращенной при Диоклетиане в римскую мощеную Страту. После того как Рим разделался с Пальмирой, арабы могли искать и находили возможности для объединения. Следует также напомнить, что в VI в., во время спора за Strata Diocletiana, лахмиды ссылались на свои давнишние права на нее. Надпись из Немары

указывает, что еще в IV в. лахмиды находились близ Страты и могли ее контролировать.⁹ Отсюда и их претензии на эту дорогу тогда, когда они уже были в тесной связи с шаханшахами и «под их рукой». Как ни расценивать прославление царя Амрулькайса в эпитафии, во всяком случае его «высота» или «слава», которой «не достигал ни один», очевидно, арабский царь, говорит об объединении в его руках многих племен. На основании других источников можно говорить, что после разрушения Пальмиры в 272/3 г. и до 363 г., года похода Юлиана Отступника в Персию, Ближний Восток переживал сравнительно мирный период. С известной вероятностью к 300—328 гг. можно отнести царствование Амрулькайса, не зависимо от обоих великих государств, державшего в повиновении «всех арабов». Именно поэтому, видимо, не нарушался мир среди арабских племен, как это случалось в последующее время, когда между арабами «персидскими и ромейскими» происходили бесконечные стычки, угрожавшие и без того непрочному миру между этими державами. Надпись датирована. Годом смерти Амрулькайса назван 223 г., соответствующий 328 г. н. э., так как следует считать дату надписи по летосчислению, принятому в Бостре, где эра начиналась в 105 г. н. э.¹⁰ Близость к Бостре оправдывает это предположение, против которого никем не было сделано возражений.

Амрулькайс принадлежал, по всей видимости, лахмидской династии, генеалогические списки которой внушают мало доверия. «Царя всех арабов» Амрулькайса, сына Амра, следует считать Амрулькайсом I.¹¹ Время господства Амра, его отца, можно отнести к последней трети III в. н. э., после того, как Пальмира была низвергнута Римом.

Выше было уже отмечено, что надпись, упоминая рядом Перас и Рум, тем самым полагает не враждебное противопоставление их, а примирение, объединение, хотя первое и потому доминирующее положение принадлежит Ирану, чему соответствует и «тадж»

Амрулькайса, все же связанный с иранской традицией, хотя слово это и имело широкое распространение на всем Ближнем Востоке.¹²

Благодаря надписи из Немары Амрулькайс перестает, быть героем легендарных сообщений, он вырастает в историческую фигуру. До настоящего времени не привлекала внимания возможность сопоставить дату его смерти, данную в эпитафии, с хронологическими указаниями арабских хроник. Сведения, которые дают Хамза Испаганский и Табари, говорят о последовательности правления князей Хиры и начинаются именем Амра ибн Адай (Адай). Следующим назван его сын Амрулькайс. И первому и второму приписывается неправдоподобное число лет правления — Амру 118, Амрулькайсу 114 лет. Эти годы синхронистически сопоставляются с годами правления сасанидских шахов. Несмотря на то что эти сопоставления были взяты на подозрение еще Нельдеке,¹³ можно убедиться в том, что в арабских хрониках сохранились некоторые достоверные факты.

Хронология Амра и Амрулькайса указывает на то, что на протяжении 232 лет у арабов сохранились данные лишь о двух князьях Хиры. Следовательно, можно предположить, что непрерывной линии рода не было или что число лет царствования князей Хиры продлено искусственно и только два названных имени остались в традиции. Список хиртских князей у Табари восходит к Хишаму ал Кельби, по словам которого известия об арабах (الخبار العرب), родословие Насра ибн Рабийя ربيعة | وانساب ال نصر بن, количество лет жизни правивших членов этого рода и хронику их правления он почерпнул «из церкви Хирты» الحيرة من بيع. Иначе говоря, в архивах христианских церквей лахмидской столицы были хроникальные записи царствования этих князей, которыми воспользовался Хишам.¹⁴ Записи эти велись путем сопоставления, синхронизации времени их правления с временем царствования сасанидских царей. Эти данные и легли в основу списка князей Хирты у Табари и у Хамзы.¹⁵ Резко отличается от них хронология у Якуби.¹⁶

Табари знает об Амрулькайсе, сыне Амра ибн Адай, что он стал первым христианином из рода Насра ибн Рабийя и из «правителей царей Персии».¹⁷ Сообщив, что он княжил 114 лет, со ссылкой на авторитет Хишама, Табари дает, однако, в своем подсчете гораздо меньшее число лет, кончая его синхронистически на имени сасанида Бахрама II; дальнейшие сопоставления у него отсутствуют. Те же данные имеются и у Хамзы Испаганского, который также исчисляет для Амрулькайса 114 лет, но и его синхронизмы не составляют этого числа лет в общей сумме. Сравнивая данные обеих хроник, следует отметить близость их у Табари и Хамзы. Возможно, что сведения последнего также восходят к Хишаму. Синхронизм у Табари внезапно обрывается, возможно, что он пользовался дефектным экземпляром Хишама. Искусственность такого рода таблиц очевидна.

Амрулькайс 114 лет
Одновременно с Шапуrom,
сыном Арташира 23 года
с Хормиздом 1 год 10 мес.
с Бахрамом 9 лет 3 мес.
с Бахрамом II 13 мес.

с Бахрамом III 6 мес.
с Наресом 11 лет
с Хормиздом 13 лет
с Шапуrom II 20 лет 5 мес.
80 лет 1 мес.

Амрулькайс . . . 114 лет
Одновременно с Шапуrom, сыном.
Арташира 23 года 1 мес.
с Хормиздом 1 год 10 дней
с Бахрамом ... 3 года 3 мес. 3 дня
с Бахрамом II 18 лет
45 лет 4 мес. 13 Дней

Таким образом, ни та ни другая таблица не покрывают 114 лет правления Амрулькайса. Очевидно, лишь синхронизмы последнего периода имеют относительную историческую ценность, тогда как отдаленные сопоставления никак не могут отвечать годам правления Амрулькайса.

Одновременно с Шапуrom II Амрулькайс царствовал 20 лет и 5 месяцев, по данным Хамзы. Так как Табари ссылается на Хишам и та часть синхронизмов, которая сохранилась у него, имеет общее со сведениями Хамзы, то возможно, что эти синхронизмы в целом восходят к Хишаму. Прерванный у Табари список связан с его неуверенностью и неопределенностью данных.

Царствование Шапура II началось 5 сентября 309 г.,²⁰ причем 309 г. является первым годом его правления, как это было принято считать, хотя это был и неполный год. В таком случае смерть Амрулькайса на двадцатый год правления Шапура II и соответствует 328 г.

У Табари имеются два драгоценных свидетельства об Амрулькайсе, которые могут быть сопоставлены с тем, что известно из эпитафии. Прежде всего Амрулькайс принадлежал к числу «правителей царей Персии» — *وهو من ملوك الفرس*²¹ что согласуется с данными надписи, упоминающей Иран. По-видимому, Табари, а до него Хишам, на которого ссылается Табари, считали, что из числа царей рода Насра ибн Рабаи Амрулькайс был первым, принявшим христианство — *وهو أول من أنصرت من ملوك نصر بن ربيعة*²²

Нельдеке относил эти слова Табари к кому-нибудь из последующих хиртских царей, носивших то же имя.²³ Из эпитафии никаких выводов о принятии христианства Амрулькайсом сделать нельзя. Надпись в Немаре несомненно говорит о его связях с империей, на территории которой находилась гробница. В арабской традиции сохранялась, следовательно, память о связях этого «царя хиртского» с империей, но переход его в христианство едва ли имел место; сообщение говорит только об отношениях с Румом, известным и по другим источникам.

Арабские историки сохранили также сведения, которые объясняют причины продвижения некоторых арабских племен к границе империи. Так, Масуди сообщает, что в период малолетства Шапура Ирак был захвачен арабами, главным образом племени «Иада сына Низара» (*إياد بن نزار*). Когда Шапур достиг возраста 16 лет, он выступил в поход против «сыновей Иад». Последние были предупреждены о грозившей им опасности своим соплеменником Лакитом, но не приняли этого во внимание. Персы разбили их племя, и только небольшая часть спаслась бегством. *منهم إلا أنفر لحقوا الروم وما أفلت*²⁴ — «и те, что вырвались от них бегством, присоединились к земле Рум».

Таким образом, вырисовываются обстоятельства, при которых арабские племена из областей Междуречья продвинулись на запад, в области, принадлежавшие империи. Разные арабские племена, пользуясь временным ослаблением Персии, усилили свои набеги и продвинулись со своими стадами в более северные и восточные области Месопотамии. Шапур «в возрасте 16 лет», т. е. за несколько лет до 328 г., разбил арабские племена, вследствие чего часть из них перешла границы империи.

Из другого, в значительной части легендарного рассказа, сохранившегося у того же Масуди,²⁵ следует, что Шапур II стремился сохранить мирные отношения с некоторыми племенами арабов и пошел на соглашение с ними. Более чем вероятно, что Амрулькайс главенствовал как над арабскими племенами, продвинувшимися к границам империи, так и сохранил господство над племенем, тяготевшим к Ирану, а тем самым и связь с шаханшахом.

Своим сыновьям он «разделил племена», из которых одни тяготели к «Перасу», другие были теперь предоставлены «Руму». Сам же Амрулькайс был царем, каких «до него не было»;

потому что он объединил под своей властью арабские племена, кочевавшие на огромном пространстве. Противоречивые сообщения об этом периоде при таком сопоставлении источников помогают истолкованию надписи из Немары и объясняют положение ее героя между гегемонами Ближнего Востока.

Нам представляется возможным сделать общий вывод, что в IV в. арабские племена Передней Азии, включая Аравийский полуостров, не находились в такой постоянной и тесной зависимости от Восточно-Римской империи и Ирана, как это имело место в последующие века. Они оказывали помощь и служили в качестве *auxilia* то одной, то другой стороне, но не было еще утвердившейся закрепленной позиции союза арабских племен в качестве буферного государства, подчиненного одной или другой державе. На основании надписи из Немары можно считать, что лахмид Амрулькайс господствовал на пространствах до самой Страты Диоклетиана вблизи Бостры и Дамаска; это подтверждается и другим свидетельством. Аммиан Марцеллин сообщает, что на стороне Ирана в кампании 363 г. сражались арабы, их главой назван *Malechus Podosacis nomine, phylarchus Saracenorum Assanitarum*.²⁶ Ассаниты — это без придыхания произнесенное гасаниды. Следовательно, филарх гасанидов, которого Аммиан называет разбойником и обвиняет в постоянных жестоких нападениях на пограничные области империи, находился на службе у шаханшаха и оказывал ему помощь в войне. Таким образом, связь племен, объединенных гасанидами с Восточно-Римской империей, не определилась еще как постоянная. Наоборот, филарх Подозак сражался на стороне Ирана, враждебен войскам Юлиана и в предшествующее время нарушал границы империи. Это отвечает вполне отсутствию установившейся зависимости в IV в. как гасанидов, так и лахмидов от гегемонов Передней Азии. Зависимость эта определится лишь в V в. и скажется в полной мере в VI в. Но следует отметить, что после 363 г. сообщения о «сарацинах» начинают вновь появляться на страницах латинских и греческих источников; затишье, относительно мирные отношения с арабами были нарушены походом Юлиана, что привело к затруднениям и в дальнейшем.

Для истории арабов до возникновения ислама важным источником являются сообщения латинских и греческих историков. Они помогают уяснить содержание, уточнить хронологию и представить последовательность событий, на которые лишь редко и лаконично указывают эпиграфические памятники.

Писатели IV в. рисуют участие в войнах, набеги, жизнь и быт арабов. Эти сведения позволяют также определить общественный строй мелких арабских кочевых государств, в известной мере и социальные отношения. Сообщения носят, однако, случайный характер; дать в последовательности историю арабских племен можно лишь для последующих столетий, для IV в. они остаются отдельными событиями, слабо связанными между собой.

Несомненный интерес представляет то, что сообщает об арабах Аммиан Марцеллин, спутник императора Юлиана. Значительная часть его «*Res gestae*» написана на основании непосредственных, личных впечатлений и устных источников, как это доказывают новейшие исследования.²⁷ Его характеристика жизни арабов, как и отмечаемые в сношениях с империей черты, подтверждаются и другими современными ему писателями, и в этом случае нет расхождения между Аммианом, человеком светским и военным, и церковными историками. Ранние историографы Восточной империи были историками церкви, увлеченными догматическими вопросами, представителями нового идеологического направления. В их трудах имеются страницы, посвященные политической истории, в связи с чем упоминаются арабы, которые временами становились союзниками империи в ее военных предприятиях. В других случаях они были ее жестокими врагами, напали на ее границы и держали целые провинции в страхе и ужасе.

Последовательный анализ всех разнообразных источников по истории северных арабских племен до возникновения ислама не имел еще места, между тем только на основе такой работы и может быть воссоздана их история.

Об арабах Аммиан Марцеллин упоминает в связи с персидским походом императора Юлиана в 363 г. Ранней весной были подготовлены войска для перехода через Евфрат и дальнейшего движения на восток. В это время «посланцы нескольких народов» обратились к Юлиану, предлагая свою помощь: *inter haec tamen legationes gentium plurimarum auxilia pollicentium liberaliter susceptae remittebantur*.²⁸ Хотя здесь и упомянуты «разные» народы или племена, вероятнее всего, что речь шла главным образом об арабских племенах. Приняли этих посланцев любезно, но их помощь (*auxilia*) была отклонена под совершенно ложным предлогом — якобы ромейское войско должно в данной войне опираться только на собственные си-

лы. Следует предположить, что у императора не было уверенности в тех племенах, которые предлагали ему эту помощь. Военачальники ромейских войск прекрасно понимали, какое значение могли иметь превосходно осведомленные в местных условиях арабы, конница которых отличалась отвагой и быстротой передвижения.

Войска Юлиана и он сам провели 27 марта 363 г. в крепости Каллинике (Ницефориум-Ракка), расположенной на левом берегу Евфрата. По этому левому берегу вдоль течения реки тянулась дорога, по которой, по-видимому, и следовала армия, так как через некоторое время она достигла Киркесия (Circesium).²⁹ Когда Юлиан отошел от Каллиника, его войско расположилось «в некоем лагере» — *in statione quadam* и «пребывало в палатках» — *sub pellibus mansit*. Сюда к нему явились «царьки сарацинских племен», которые, преклонив колени, поднесли ему золотую корону и воздали почести, как «господину народов мира и своему» — *ubi Saracenarum reguli gentium genibus supplices nixi oblata ex auro corona tamquam mundi nationumque suarum dominum adorarunt suscepti gratanter ut ad furta bellorum adpositi*.³⁰ Они были приняты с радостью (*gratanter*) как «расположенные», т. е. пригодные для скрытой, тайной войны.³¹ Очевидно, на них возлагались надежды, как на умеющих вести разведку, захватить «языка», что видно из дальнейшего.

Присоединив к своим войскам *auxilia*, т. е. «помощь» арабских отрядов, имперские войска двинулись «быстрым шагом» и достигли в начале апреля сильной крепости Киркесия, которая благодаря слиянию здесь Хабора и Евфрата превращалась в стоящее как бы на острове укрепление — *Adscitis Saracenorum auxiliis, quae animis obtulere promptissimis, tendens imperator agili gradu Circesium principio mensis Aprilis ingressus est*.³²

Заслуживают внимания выражения, в которых Аммиан говорит об укреплении Киркесия. Стены и крепость были отстроены при Диоклетиане, когда он «устраивал» или приводил в порядок пограничную линию, «внутренние границы», т. е. укреплял смежные с «варварами» или близкие к ним рубежи — *cum in ipsis barbarorum confiniis interio res limites ordinaret*,³³ т. е. находившиеся в непосредственной близости к соседям. Он укреплял как бы вторую линию границы, находившуюся уже далее первой собственно имперской границы и составлявшую ее вынесенные вперед форпосты. Известная неопределенность границы там, где находились кочевые и полукочевые арабские племена, может быть отмечена по целому ряду источников и представляет своеобразное явление. Эта граница не была строго определенной, как об этом свидетельствуют различные данные.

Арабы действительно оказали в дальнейшем помощь ромеям и немного времени спустя доставили из разведки пленных: *Post quae Saraceni procuratores partis cuiusdam hostium obtulere laetissimo principi et munerati ad agenda similia sunt remissi*³⁴ — «После чего легкие передовые части арабов добыли пленных к радости императора и были отпущены одаренными для того, чтобы поступали впредь подобным же образом».

Военачальники имперских войск считали такие действия арабов выгодными для себя, так как пленные всегда могли дать сведения, необходимые для дальнейших военных действий.

Большой интерес представляют сообщения Аммиана Марцеллина о том, что некоторые арабские племена были на службе у шаханшаха. Персы, узнав, что один из отрядов войска Юлиана должен был выйти на рекогносцировку, решили этому воспрепятствовать. Это должны были осуществить «сурена»: *surena post regem apud Persae promeritae dignitatis* — военачальник, «имеющий высшее звание после царя у персов», и «филарх» арабов, воевавший на стороне персов. *Malechus Podosacis nomine, phylarchus Saracenorum Assanitarum famosi nominis latro, omni saevitia per nostros limites diu grassatus* — «царь по имени Подосак, филарх сарацин гасанидских, известный разбойник, со всяческой свирепостью в наших пределах давно буйствовал». ³⁵ *Malechus*, конечно, соответствует арабскому «царь» (*malik*). Имя Подосак трудно связать с каким-нибудь соответствующим арабским именем, и по своему окончанию оно скорее отвечает именам персидским. Что касается «сарацин ассанитских», то совершенно очевидно, что речь идет о племени гасанидов, которое в V в. приобрело известное значение на границах империи и заняло особенно важное положение, как союзное Византии, в VI в. Упоминание гасанидского племени в таком памятнике, как «*Res gestae*» Аммиана, указывает на то, что его присутствие в областях по Евфрату и в Месопотамии может быть отмечено раньше, чем это было обычно принято. Более того, совершенно очевидно из текста, что гасаниды с Подосаком и до начала похода Юлиана были враждебны империи, так как филарх назван «известным» или «знаменитым» разбойником, который постоянно нарушал границы, «буйствовал», и притом «свиреп», в областях, принадлежавших ромеям. Его враждебность объясняет и то, что при

первой возможности именно сильное племя гасанидов было привлечено Константинополем на службу и должно было действовать на границах в качестве охраняющих ее отрядов. Филарх этого племени получал жалование или содержание от империи. Аммиан Марцеллин излагает также общий взгляд на арабов, который является выражением мнения господствовавшего в правительственных кругах империи, близких самим кесарям. «Нам не следовало бы желать иметь арабов ни друзьями, ни врагами» — *Saraceni tamen nec amici nobis umquam nec hostis optandi*, так как они блуждают или ездят туда и сюда и в кратчайшее время — *momento temporis* опустошают все, до чего могут добраться. Они подобны хищникам коршунам, которые хватают добычу, высматривая ее с высоты, и тотчас улетают, если им не удалось нанести удар. Хотя в различных случаях автору приходится упоминать об арабах, но здесь он дает им краткую характеристику. Их распространение он определяет от границ Ассирии, в то время персидской провинции в нижнем течении Тигра, до «катаракт Нила» и «пределов блеммиев». В другом месте Аммиан говорит, что на восток от Египта находятся арабы-скиниты, «которых мы ныне называем сарацинами».³⁶ Перечисляя местонахождение различных народов на побережье Красного моря, Аммиан Марцеллин также называет арабов-скинитов, «которых впоследствии назвали сарацинами».³⁷

Все арабы без различия — воины (*omnes parisorte sunt bellatores*). Они ходят полуобнаженные (*seminudi*), в цветных одеждах, вернее, плащах, покрывающих их до бедер (*coloratis sagulis pube tonus amicti*).³⁸ Их беспорядочное передвижение, то спокойное, то тревожное (*in tranquillis vel turbidis rebus*), осуществляется на быстрых, опасных лошадях и сухошавах верблюдах. Никогда и никто из них не берется за рукоять сохи, не садит дерева, не ищет пропитания, обрабатывая землю. Они вечно блуждают, передвигаются «вдоль и поперек» пространств, без дома, без определенного места жительства, без законов. Они не могут длительно оставаться под одним и тем же небом, и им не нравится одно и то же место на земле, «их жизнь постоянно в движении» (*vita est illis semper in fuga*).³⁹

Описание, данное спутником императора Юлиана арабам, совершенно ясно говорит, что это племена кочевые, без каких-либо признаков оседания, совершенно не связанные с земледелием, хотя бы и в самой примитивной форме. В определении этнографов это низшая ступень варварства. Брак у арабов рисуется Аммианом как временное соглашение, заключенное на определенный срок (*conducte ad tempus ex pacto*). Женщина дарит будущему мужу копьё и палатку (*hastam et tabernaculum offert*) и может его покинуть, если сама того пожелает, в назначенный срок. И вновь, подчеркивая постоянное их передвижение, Аммиан говорит, что женщина в одном месте выходит замуж, в другом рождает, в третьем воспитывает детей, «не зная покоя» (*nulla copia quiescendi permissa*).

Примитивному образу жизни арабов соответствует и нища — это мясо животных и молоко, которое они имеют в изобилии, разнообразные травы и пернатая дичь, если им удастся ее захватить. Автор сам встречал многих арабов, которые совершенно не знали употребления зерна и вина (*et plerosque nos vidimus frumenti usum et vini penitus ignorantibus*). В заключение он называет их «опасной народностью» (*natio perniciose*).⁴⁰

После смерти императора Юлиана поставленный войсками Иовиниан начал отступление из персидских пределов. Июльская жара, голод, жажда истомили войска, а нападения ставших враждебными арабов держали их в напряжении. Набеги «сарацин» были вызваны тем, что по распоряжению Юлиана было запрещено выдавать им жалование или подарки, как это было прежде (*quod salaria muneraque plurima a Juliano ad similitudinem praeteriti temporis accipere vetiti*). Им было строго сказано, что «у воинственного и бдительного императора имеется железо, но не золото» — *solum audierant imperatorem bellicosum et vigilantem ferrum habere, non aurum*.⁴¹

Прекращением выдачи подарков и оплаты арабам ромейские войска были поставлены в особенно тяжелые условия, так как те вступали в мелкие стычки, причиняли неприятности и вредили им. Открыто не осуждая Юлиана, Аммиан Марцеллин все же дает понять, что лучшая и наиболее безопасная форма сношений с арабскими племенами была мирная, располагавшая их к себе путем дотаций, вознаграждений и подарков. Иметь их врагами было нежелательно, особенно в данном опасном и далеком походе.

ЦАРИЦА МАВИЯ

Для представления о самом характере отношения, которые складывались между арабскими племенами и Византией, особого внимания заслуживают сведения о «сарацинской ца-

рице Мавии».

Руфин, переводчик с греческого на латинский «Истории» Евсевия Кесарийского, добавил от себя две книги, в которых описал события второй половины «царствования Константина» и «до кончины Феодосия Августа». В этой части, написанной вскоре после 402 г., содержится рассказ об арабских племенах и их войне с Византией. Описываемые им события датируются временем императора Валента (364—378), а более точно ближайшими годами после смерти Афанасия Александрийского (т. е. после 373 г.), когда деятельность арианствующего епископа Лукия приняла особенно агрессивный характер в Александрии. С наибольшей вероятностью эти события можно отнести к 376 г.

Руфин сообщает следующее: «Мавия, царица арабских племен (*Saracenorum gentis regina*), вела ожесточенную войну в Палестине и арабских пределах (*Arabici limitis*), стала разрушать города и крепости (*oppida atque urbes*) и опустошать селения и провинции (*vicinasque ... provincias*). Частыми войнами она ослабила ромейские войска, многих погубила, прочих обратила в бегство».⁴² Соглашаясь заключить мир, о котором ее просили, Мавия оговорила условие, чтобы «некий монах ее племени (*genti suae*), по имени Моисей, был поставлен епископом». Известный своей добродетельной жизнью, Моисей не пожелал получить посвящения в Александрии от Лукия, как еретика, и упрекал его в жестоком; преследовании православных клириков. Он потребовал посвящения от этих последних, от «епископов, которые были брошены в изгнание» — *ut ad episcopis, quos in exilium truserat sacerdotium sumeret*.⁴³

Этот рассказ Руфина был широко использован греческими авторами. Он повторяется у Сократа,⁴⁴ описавшего события с 305 до 439 г. Сократ родился около 380 г., был светским человеком, юристом, имел звание схоластика, жил в Константинополе. Свою «Историю» Сократ писал при жизни Феодосия II, причем пользовался документами, которые приводил дословно. В предисловии ко 2-й книге им указано, что сочинение Руфина было его источником, но что последний допускал ошибки в хронологии.

Особый интерес представляют сведения Созомена, литературная деятельность которого относится к первой половине V в. Созомен пользовался Руфином и Сократом, но, кроме того, располагал источниками по истории Ирана и Палестины, часть которых была устной традицией,⁴⁵ о чем свидетельствует его выражение «говорят», которым он предваряет некоторые свои сообщения. Данные об арабах-скинитах и их христианизации — факты, ставшие ему известными изустно. Его рассказ о Мавии гораздо более подробный, чем у Руфина и Сократа, в нем есть черты, вырванные прямо из живой жизни. Кроме того, Созомей дополнил свой рассказ «исторической» справкой о происхождении измаильтян, «о сарацинах» и о начале распространения среди них христианства.

Заголовок и текст 38-й главы 6-й книги «Истории» Созомена⁴⁶ следующий:

«О Мавии, арабском филархе, о том, как был разорван договор с ромеями и был возобновлен епископом Моисеем, поставленным для их христиан. Также рассказ о измаильтянах и сарацинах, и их божествах, и как через их филарха Зокома началась их христианизация.

«В это самое время умер царь арабов и были расторгнуты их договоры с ромеями. Его жена Мавия, принявшая управление племенами (*την ἡγεμονίαν του ἔθνους ἐπιτροπεύουσα*), опустошала города Финикии и Палестины и до населенных египетских областей, называемых климатом Аравии, что на левой стороне Нила, если плыть против течения.

«Хотя война и велась женщиной, ее нельзя было назвать легкой. Говорят, что эта борьба была трудной и непреодолимой для ромеев, так что начальник войск в Финикии (*ὡς και τον ηγεμόνα των εν Φοινίκη στρατιωτών*) призвал на помощь стратига всех конных и пеших войск Востока. Этот посмеялся над его зовом и приказал ему не вступать в бой (не участвовать в бою). Построившись, он выступил против Мавии, но был обращен в бегство и был едва спасен начальником (*ηγεμόν*) палестинских и финикийских войск. Последний, видя его [стратига] в опасности, считал, что оставаться вне битвы, согласно его приказу, неразумно, он поспешно выступил, противостал варварам, дав время стратигу для безопасного бегства. Сам же он, понемногу отступая, метал стрелы и отражал стрелами нападавших врагов. Многие из живущих там до сих пор об этом вспоминают, а арабами воспеваются в стихах (*παρα δε Σαρακηνοῖς εν ὠδαῖς ἐστίν*).

«Обремененные войной ромеи считали необходимым обратиться к Мавии с посольством относительно мира. Говорят, что она отвергла предложение послов о договоре с ромеями, если ее подданным (*τοῖς υπ' αὐτην ἀρχομένοις*) не рукоположат епископом некоего Моисея, который тогда мудрствовал в ближней пустыне. (Он был муж добродетельной жизни, известный

божественными знаменьями и чудесами). Начальники войск, сообщив об этом царю и получив его согласие, взяли Моисея и привели его к Лукию».

Но Моисей, как об этом сообщил и Руфин, не хотел принимать посвящения в Александрии у арианствующего Лукия, обвинял его при всех и поклялся в своем решении твердо. Тогда были вынуждены свести его к епископам, которые были в ссылке, и он получил у них сан епископа.

Затем «он отправился к арабам, примирил их с ромеями, сам продолжал священствовать, многих подготовил к христианству, найдя немногих точно усвоивших догматы».⁴⁷

Сообщения этих авторов говорят о том, что арабы, как это было и в последующие времена, то вступали в соглашение с империей, то нарушали ее спокойствие. Около 376 г. император Валент находился в Антиохии. Как только он ее покинул, арабы подняли восстание.⁴⁸

К этому времени относится смерть филарха, мужа Мавии, не названного в текстах по имени. Мавия его сменила и нашла повод для нарушения договора. Сократ говорит, что «арабы, прежде подчиненные, отпали от ромеев»,⁴⁹ а Созомен вслед за замечкой о смерти филарха сообщает, что договор был нарушен или расторгнут — *σπονδαί ἐλύθησαν*, после чего под предводительством Мавии начались нападения на города Финикии и Палестины. Описание этой войны, к участию в которой были призваны конные и пешие войска, возглавляемые стратигом, указывает на то, что местные легионы и их военачальник справиться с этими нападениями не имели сил. Самая необходимость дать возможность стратигу отступить под прикрытием отрядов «эгемона» говорит о том, что война была для имперских войск тяжелой. Такова и характеристика этой войны в источниках. Руфин называет ее «сильной», грозной войной (*vehementi bello*), а Созомен — «трудной и непреодолимой для ромеев» (*καρτεράν γάρ καί δυσκαταγώνιστον φασὶ γενέσθαι Ῥωμαίους ταύτην τὴν μάχην*). Царица Мавия была христианкой. Древнейший источник, Руфин, считал, что она была арабского происхождения, так как называет Моисея, которого она просила поставить в епископы для арабов-христиан, человеком «ее племени» (*suae genti*). Созомен не говорит специально о ее происхождении, но, видимо, его мнение совпадает с высказанным Руфином. Только более поздние авторы — Феофан, а затем Михаил Сириец — считают ее гречанкой.

Феофан пишет: «Говорят, что и она была христианкой, родом ромеянка, захваченная в плен и взятая за красоту царем арабов и таким путем достигшая царствования».⁵⁰ Это повторяет и Михаил Сириец.⁵¹

Желание Мавии иметь для «своих христиан» епископа, араба по происхождению — *Σαρακηνός το γένος*,⁵² было понятным. Все народы, обращаемые в христианство, обычно стремились стать иерархически независимыми, и Византии приходилось идти на соглашение, как она это сделала для Армении и в последующие века для славянских народов.

В соответствии с текстом первоисточников воинственность Мавии, подчинение ей арабов, как и самое поставленное ею условие — посвящение в епископы араба, говорят за её принадлежность к арабскому племени. Моисей оказался ярким противником арианства, отказался принять посвящение от Лукия и требовал, чтобы ему дали возможность принять его от «епископов», которые брошены в изгнание.⁵³ Он проповедовал среди арабского населения и многих обратил в христианство. Созомен делает тут же экскурс в историю арабов, сообщает об «их происхождении от Исмаила» и о том, как филарх арабов Зоком сам принял христианство и многих своих соотечественников привел к тому же.⁵⁴

Участие сарацинской царицы в жизни империи этим не ограничивается. Сократ сообщает, что Мавия выдала свою дочь замуж за стратилата Виктора и поэтому оставалась верной заключенному с Византией миру.

Когда в 378 г. император Валент в походе против готов прошел со своими войсками всю Фракию, он достиг Адрианополя. В плохо подготовленном бою его конные и пешие войска были рассеяны. Сам Валент с немногими сопровождающими попытался скрыться в какой-то хижине от преследования готов, которые, обнаружив убежище, обложили его хворостом и сожгли вместе со всеми там находившимися.⁵⁵ Готы после этой победы двинулись обратно, разоряя и опустошая всю Фракию, и совершили набеги на предместья Константинополя. Феофан говорит о разоренных ими проастиях — *τα προάστεια Κωνσταντινουπόλεως ἐδήουν*.⁵⁶

Защиту столицы организовала вдова Валента, Домника, которая использовала «немногих посланных Мавией из союзных сарацин» — *ἐκ μεν τῶν υποσπόνδων Σαρακηνῶν παρα Μαυίας αποσταλέντες*,⁵⁷ т. е. немногочисленные отряды арабов, посланные Мавией в качестве федератов. Связанные соглашением (*οποσπόνδοι*), арабы выполняли взятые на себя обязатель-

ства, заключавшиеся в сохранении мира с империей и в оказании ей военной помощи.⁵⁸ Значительным было то, что «ромей», народ, сам бросился защищать город, «вооружившись как попало» — *ἐκαστος το παρατυγχάνων αντι όπλου λαμβάνοντες*, а Домника приказала выплачивать народу из демосиона — *εκ τοῦ βασιλικού ταμείου* — такое же жалование (*μισθον*), как и страстиотам.⁵⁹ Поощрение оказало свое действие, и общими усилиями враги были отброшены далеко от Константинополя.

В несколько ином виде сообщает об этих же фактах и Аммиан Марцеллин. После гибели императора Валента⁶⁰ готы, гунны и аланы продолжали двигаться и угрожали Константинополю. Отряд арабов, который находился в распоряжении военачальников империи, выступил и сразился с ними. Битва была длительной. Исход ее решил ужас, внушенный готам поступком одного из арабов, который, бросившись вперед с ножом, перерезал горло готу и стал пить его кровь. Страх и отвращение заставили остальных снять осаду и уйти в северные области Балканского полуострова.⁶¹ Возможно, что сообщенный Аммианом Марцеллином факт и имел место, но, конечно, не он заставил варварские отряды оставить осаду Константинополя и уйти. Руфин и Созомен сообщают о защите столицы ее вооруженными гражданами, войском и отрядами арабов; все вместе и вынудило готов отступить. Это положение вещей и следует признать отвечающим исторической действительности.

История Мавии показывает одно из звеньев той цепи отношений, которые связывали арабов-скинитов с империей. Политика империи была направлена на возможные соглашения с арабскими племенами, заключение договоров и условий, на которых они являлись бы ее союзниками и в положении федератов помогали бы в борьбе с другими варварскими народами.

Имя Мавии известно и из арабских источников. Так, Хамза Испаганский сообщает, что лахмид «Амрулькайс ибн Амр ибн Адай наследовал своему отцу Амру ибн Адай. Матерью этого Амрулькайса была Мавия, дочь Амра, сестра Кааба сына Амра Аздита» — *عمرو الازدي* *وامه ماويه بنت عمرو اخت كعب بن*⁶² В этой генеалогии Амрулькайсу приписано 114 лет царствования, из которых последние 20 лет и 5 месяцев имели место при Шапуре, сыне Хормизда (309—379 гг.). Есть все основания предполагать, что только это последнее сопоставление отвечает исторической действительности, тогда как все предшествующие царствования сасанидских царей сопоставляются с временем господства Амрулькайса, с тем чтобы заполнить длительный период, о котором у арабов не сохранилось сведений, кто именно из лахмидов царствовал. Если принять во внимание эти соображения, как и то, что лахмид Амрулькайс умер в 328 г. недалеко от Бостры, то соответствия с греко-латинскими источниками не получается, так как смерть мужа Мавии, после которой она стала филархом, относится ко времени императора Валента, а восстание арабов еще точнее — к 376 г. Кроме того, у Мавии была дочь, которую она выдала за военачальника Виктора. Если бы у Мавии был сын, то, конечно, наследовал бы отцу он, а не его мать. Смутные традиции арабских генеалогий могли бы позволить считать Мавию матерью второго Амрулькайса, названного Хамзой, но и то с натяжкой. Вероятнее всего предположить, что муж Мавии принадлежал к одной из боковых ветвей лахмидов, а Мавия носила имя, принятое в роде Аздитов, как на это указывает сообщение Хамзы, приведенное выше.

Табари называет мать Мундира, сына Амрулькайса, Марией, у Хамзы она тоже названа Мавией. Нельдеке считал эти генеалогии сомнительными.⁶³ Последние из имен относятся к VI в., так как они хронологически отнесены ко времени шаха Кавада.

В политических связях империи, в вопросах сближения и смягчения отношений с «варварскими народами» существенное значение имел идеологический момент. Христианство, как официальная религия Восточно-Римской империи, получило возможность более широкого распространения. Обращение некоторых арабских родов и племен к христианству, по свидетельству источников, не было связано со специальной миссией, оно носило как бы случайный характер.

Арабов по происхождению называют «измаилитами» — *Ἰσμαηλίτας αυτοῦς οἱ αρχαῖοι αλο τοῦ προλάτορος ονόμασαν* — по «праотцу» Исмаилу, сыну Авраама, рожденному от его рабыни Агари.⁶⁴ По мнению Созомена, первоначально арабы жили по законам, принятым древними евреями, а затем «исказили» этот образ жизни и позаимствовали свои обычаи у других соседних народов, стали чтить их богов и переняли их нравы. Но, встретив впоследствии иудеев, часть арабов вновь перешла к их обычаям. Представление примитивное, однако в нем следует принять во внимание не столько соображения Созомена, сколько факты, о которых он сообщает.

Незадолго до «настоящего царствования» арабы «начали принимать христианство» — *Ὁυ προ πολλοῦ δε της παρούσης βασιλείας και χριστιανίζειν ήρξαντο.*⁶⁵ Какое царствование имеет в виду Созомен: то время когда он сам писал, т. е. при Феодосии младшем, или то время, которое он описывает в данной главе, время императора Валента? Во всяком случае, можно с уверенностью сказать, что христианизацию арабов на основании этих сведений следует отнести ко 2-й половине IV в. Арабские племена были, по мнению Созомена, обращены клириками и монахами, которые жили в пустыне; с ними кочевавшие арабы приходили в близкое соприкосновение. Филарх одного из племен, по имени Зоком, так как ему было обещано рождение сына, принял крещение, а за ним и все его племя. «Говорят, что поэтому-то это племя стало удачливым, многочисленным и страшным для персов и прочих арабов» — *Ἐξ εκείνου τε ταύτην την φίλην γενεσθαι φασιν ευδαίμονα και πολυανθρωπον, Πέρσαις τε και τοις άλλοις Σαρακηνοῖς φοβεράν.*⁶⁶

Арабское племя, о котором идет речь, не названо, но имя Зокома встречается у Феофилакты Симокатты. В 586 г., во время византийско-персидской войны, в столкновениях при крепости Мардине (*η του Μάρδιος φρουρά*) упомянуты «филархи союзного войска ромеев, сарацины» Ошр и Зогом.⁶⁷ Имя Зокома следует сопоставить с арабским *اضجعيم*⁶⁸ как это было предложено Гутшмидтом и Нельдеке.⁶⁹ Это род, принадлежавший к племени Салих, с которым гафнидам пришлось сражаться, когда они добивались господства. Можно насчитать четыре последовательных поколения до последнего потомка этой династии Зоджома (Зокома), брат которого Зияд ибн Хабула сражался с киндитом Худжром Акил-ал-Мураром, дедом Харита.⁷⁰ Таким образом, арабская традиция находит свое подтверждение в греческой.

Если рассмотреть материалы источников об арабах IV в., то можно установить, что северные племена не были однородны ни по уровню общественного развития, ни по образу жизни. Одни из них жили в примитивных условиях племенной организации, где все мужское население несло военные функции и было войском. О них говорится, как о не имеющих никаких навыков оседлой жизни, вечно находящихся в движении, удовлетворяющих свои потребности примитивной пищей скотовода — молоком и мясом.

Наряду с этим часть арабских племен продолжала оседать и стабилизироваться. Старые культурные центры, как Петра и Пальмира, пришли в упадок, а ведь основное население этих караванных городов по своему этническому происхождению составляли арабы. На дальних дорогах, связывавших различные государства Ближнего Востока между собой, оседая и закрепляясь в отдельных пунктах, арабы испытывали на себе влияние более высокой древней культуры соседних народов — греков и персов, в значительной мере сирийцев и арамейцев. В Пётре язык и письменность набатеев, как и памятники археологии, свидетельствуют о развитии у них ремесла и торговли. Замечательные храмы и здания Пальмиры, ее надписи и надгробия говорят об эллинизации этого центра, где писали на арамейском языке арамейским алфавитом. Эти, как и другие стоящие на караванных дорогах города были подчинены Риму и пришли в упадок, но образовывались новые центры стабилизации кочевников.

Тот же Аммиан Марцеллин знает арабские племена, заключающие соглашения с мощными государствами Передней Азии. Сократ и Созомен повествуют об их участии в жизни Византии. Проникновение христианства в среду арабов-скинитов приобщало их ко всем элементам культуры — письменности, книгам, вещам, ритуалу, новым глубоким понятиям, менявшим все их представления о жизни. Сближаясь с частью арабских племен, государства-гегемоны получали возможность воздействовать через них на другие независимые племена, воинственность которых постоянно угрожала их границам. В IV в. лишь намечаются основные линии политики Византии и Ирана в отношении арабов, политики, осуществленной в V и VI вв.

АРАБЫ В ПАЛЕСТИНЕ И СИРИИ

Сведения о доисламских арабах в византийской историографии представляют особенно большой интерес, так как только с их помощью можно восстановить хронологическую последовательность событий и установить факты, не подлежащие сомнению, среди общей, в значительной мере легендарной традиции собственно арабских нарративных и поэтических памятников.

Византийская литература IV и V вв. отражает два направления политики империи в отношении арабов. Первое заключается в стремлении их подчинить или привязать договорными обязательствами, осуществлявшееся путем оружия или дипломатических сношений. Другим

методом, которым империя пыталась приблизить к себе арабов, как и другие «варварские» народности, было приобщение их к своей культуре, в частности к религиозной идеологии — христианству.

Писатель VI в. Кирилл Скифопольский в «Житиях» палестинских отшельников сохранил сведения об арабских племенах, которые дают неоценимые данные об их социальном строе, культуре, мирных отношениях с оседлым населением. Малх Филадельфиец, историк и софист, оставил в своей, дошедшей до нас лишь в отрывках, «Byzantiniaka» рассказ о захвате киндитским племенем важного торгового пункта империи на острове Йотаба и о том, как его «правитель» Аморкес стал филархом многочисленных арабских племен. Как и предыдущий автор Кирилл, Малх сохранил материал, дающий возможность делать выводы и об экономических интересах арабских племен, которые мало известны и не рассматривались в предшествующих трудах.

В первой половине V в. бедуины Передней Азии пришли в соприкосновение с представителями монашества, движения, возникшего еще в IV в. Особенно богатый материал об арабах собрал в описаниях жизни монахов и отшельников Палестины Кирилл Скифопольский. Скифополь, его родной город, в котором он провел детство и отрочество, с начала V в. стал гражданским центром провинции Палестины II. Здесь постоянно возникали волнения. В империи гонениям подверглись самаряне. На преследования они отвечали восстаниями. Смута, имевшая место в 529 г.,⁷¹ была жестоко подавлена. Одного из наиболее видных самарян, Силуана, жители Скифополя сожгли на площади, когда он имел неосторожность появиться в городе «без царского приказа» — *χωρίς κελεύσεως Βασιλικῆς*.⁷²

Точный год рождения Кирилла неизвестен, но в 530 г., когда Савва посетил Скифополь во второй раз, Кириллу было около шести лет. Девяностолетний Савва произвел сильнейшее впечатление на всю семью, где Кирилл был единственным сыном, и это определило его будущую жизнь как монаха. Отец Кирилла был юристом — *σχολαστικὸς*, благодаря чему и сын получил хорошее образование, хотя «по счастью», как выражается один из исследователей, не обучился риторике,⁷³ которая неизбежно вкралась бы в его повествования, лишив их простоты и ясности изложения.

Несомненно, что общая культура, знание греческой литературы, ее традиций сделали из Кирилла прекрасного рассказчика, умело сопоставляющего факты, ведущего нить своей повести спокойно и ровно. Простота его изложения и последовательность говорят о его знакомстве с лучшими образцами греческой прозы. В 543 г. Кирилл, уже будучи монахом, поступил в киновию св. Евфимия в Палестине. Здесь, несмотря на то что со смерти основателя этого монастыря прошло больше восьмидесяти лет, Кирилл собрал сведения о его жизни, которые могли ему сообщить монахи, знавшие о нем и жившие при его ближайших последователях и учениках.

Житие св. Евфимия было написано Кириллом после 554 г., когда он переселился в новую лавру и стал жить в отдельной келии.⁷⁴ Затем он написал житие св. Саввы, которое было вторым его сочинением, и, наконец, жития исихаста Иоанна и других монахов.

В этих житиях, особенно в двух первых, Евфимия и Саввы, неоднократно упоминаются арабские племена, которые кочевали по пустыням Палестины, приходили в соприкосновение с жившими здесь монахами. Часть арабов оседала, завязывались личные дружественные и культурные связи с монастырями. Такого рода отношения отвечали политическим интересам Византийской империи, стремившейся закрепить свое положение на Ближнем Востоке, связав арабов такими обязательствами, которые позволяли бы опираться на них. Как Римская, так и ее наследница — Византийская империя, вели одну и ту же, веками сложившуюся политику «приручения», «соглашения и дружбы» с одной группой кочевых племен, опираясь на которые было бы возможно держать в страхе и расправляться с другими племенами, остававшимися далекими и враждебными. С потерей для арабов таких организующих центров, какими были Пальмира и Пётра, караванные дороги и города оказались в большей степени во власти случайностей, бедуинских набегов в частности. В тяжелом положении неуверенности и небезопасности от нападений находились области Месопотамии, Сирийской пустыни и Палестины, в непосредственной близости к внутренней границе Византии. Поэтому всякая возможность привлечь дружественно расположенных арабов, находящихся под культурным влиянием империи, было для нее чрезвычайно желательным. Специальных миссий, насколько можно судить, к арабам не направляли, но связи, возникавшие в личном порядке, упрочивались; идеология занимала в этом случае важное место.

Кирилл Скифопольский передает интересный и красочный рассказ об одном филархе арабов и его роде, относящийся к первой четверти V в. Эти сведения были сообщены Кириллу «древними отцами» монастыря Евфимия — *ἀπαντες οἱ παλαιοὶ πατερὲς διηγήσατό μοι*, пишет он. Но наиболее подробно и «точно» *ακριβέστερον* он узнал обо всем от «потомка и тезки» — *ἐκγόνου καὶ ομώνυμου*, «старшего» Теребона, сына филарха арабов Аспебета, перешедшего на сторону ромеев. Теребон младший был сам «славным филархом» сарацин этой области — *ο κατα την χωραν ταύτην περιβόητος τῶν Σαρακηνῶν φύλαρχος ἐξηγήσατο μοι* — и рассказал ему все. «Старший» Теребон был дедом — *πάππος* — рассказчика и тяжело болел. Имя отца его не приводится, так как Аспебет — *Ἀσπέβετος* — только звание, которое автор переводит как греческое «начальствующий» — *ὑπάρχων*.⁷⁵ В сасанидском Иране персидское слово «аспебет» было титулом, который специально давался командующему кавалерией генералу.⁷⁶ В то же время Аспебет было именем одного из родов, происходившего от парфянской династии аршакидов. Они также именовались «пахлав», т. е. принадлежащие к парфянскому роду.⁷⁷

В житии Евфимия рассказывается следующее. К концу царствования шаханшаха Ездгерда I (*Ἰσδιγέρδος*), умершего в 421 г.,⁷⁸ в Иране начались преследования христиан. Филархам арабов пришло приказание повсюду преградить путь христианам, которые стремились бежать из Персии в Византию. «Филарх Аспебет, правивший тогда», симпатизировал христианам и не только не препятствовал, но даже способствовал их бегству.⁷⁹ Затем сам Аспебет «презрел царя Ездгерда», он взял своего больного сына Теребона, «всех своих родственников и имущество, И бежал к ромеям» — *λαβὼν τὸν υἱὸν αὐτοῦ ἠμίξερὸν τὸν Τερέβωνα λέγω, καὶ πᾶσαν αὐτοῦ τὴν συγγένειαν καὶ τὴν οὐσίαν Ῥωμαίους προσφεύγει*. Анатолий, бывший тогда стратилатом Востока, принял всех их и подчинил их «на условиях договорных соглашений ромеям» — *Ῥωμαίους υλοσπόνδους ποιεῖται*. Более того, он «вручил Аспебету филархию над подчиненными ромеям в Аравиях сарацинам». И Аспебет «расположился лагерем в Аравиях» — *ὡς οὖν ἐν Ἀραβίαι κατεσκήνωσαν*.⁸⁰

Относительно этих сведений возникли сомнения, действительно ли была предоставлена Аспебету «филархия Аравии». Наиболее вероятно, что это была лишь филархия «лагерей» Палестины первой и что Кирилл Скифопольский перенес более позднее положение вещей, относящееся к VI в., на обстоятельства более раннего времени — V в.⁸¹ В его распоряжении могли быть только *περὶβολοί* — «лагери», что подтверждается и тем обстоятельством, что впоследствии Аспебет, став епископом, числился как *Πέτρος τῶν Περιβολῶν ἐπίσκοπος*.⁸² Едва ли было возможно, чтобы только что перешедшему от персов филарху была предоставлена власть над какими-нибудь городами. Вероятнее всего, что он распоряжался кочевыми или полукочевыми арабами, располагавшимися в лагерях.

По поводу болезни своего сына Теребона филарх обратился к «честным отцам Евфимию и Феоктисту», находившимся в киновии, устроенной Евфимием. После выздоровления Теребона филарх и его род сблизилась с Евфимием, который «обучив их катехизису, всех окрестил» — *κατηχήσας αὐτοὺς ἀπαντας ἐβάπτισεν*.⁸³ Крестил он их в «малой цистерне» — крещальне, которую приказал устроить в углу пещеры и которая «до сих пор сохранилась» — *Ευθύμιος ... ἐκέλευσεν γενέσθαι μικρὰν κολουμβήθραν ἐν γωνίαι τοῦ σπηλαίου τὴν μέχρι τοῦ νῦ σωζομένην*.⁸⁴ В крещении Аспебет получил имя Петра, одновременно с ним крестился его шури́н, *γυναικάδελφος*, Марис, а затем «Теребон и все прочие».

Как филарх, так и его шури́н считались богатыми, имели состояние и принадлежали к знатным арабским родам, занимавшим господствующее положение и правившим племенами бедуинов. О филархе говорится, что, направляясь в византийские пределы, он взял с собой свое имущество (*οὐσία*), его шури́н Марис, дядя Теребона, остался после крещения в монастыре «и все свое имущество, которое было большим, предоставил для постройки и расширения монастыря» — *καὶ πάντα τὰ ἴδια χρήματα πολλὰ ὄντα παρέσχευ ἐἰς τὸ οἰκοδομηθῆναι καὶ πλαυθῆναι τὸ μοναστήριον*.⁸⁵ Слово *χρήματα* может означать имущество, но особенно часто оно употребляется в значении денег.

Род филарха и тяготевшие к нему арабы осели в местах, близких к киновии Евфимия. В течение некоторого времени последний отсутствовал, уйдя в другие места. «Услышав, что после долгого времени Евфимий вернулся», Петр «пришел» к нему «с иными сарацинами — мужами, женами и детьми и просил сказать им спасительное слово».⁸⁶ И этих арабов Евфимий катехизовал, затем увел их в «нижний монастырь», где их окрестил и пробыл с ними восемь дней. Арабы здесь остались. Место же это было благоустроено аспебетом Петром, что было возможно сделать при условии затраты больших средств. «Петр, приведя ремесленников,

(τεχνίτας), устроил большую цистерну с двумя устьями (λάκκων δίστομον), сохранившуюся до настоящего времени в саду, и построил поблизости пекарню (μαγειτεῖον), устроил три келии святым отцам и часовню или церковь среди келий». ⁸⁷ Такого рода постройки в пустынных местах требовали, конечно, больших средств, и они у филарха были.

Между тем Евфимий не пожелал здесь остаться, так как он «очень любил тишину». Арабам же он указал близлежащее место, расположенное между двумя монастырями, сказав им: «Если хотите быть совсем близко от меня, оставайтесь здесь» — μέivate ενταῦθα. ⁸⁸ Церковь и палатки арабов были окружены валом или оградой (χάραξ). Таким образом здесь образовалось некое селение, огороженное как лагерь, в центре которого находилась церковь. ⁸⁹ Но селение это состояло из палаток — σκηναί. Так как Кирилл Скифопольский сообщает и о других арабах, которые приходили и крестились, то возможно, что и они оседали или превращались в полуоседлых скотоводов. Закрепить эту связь с обращенными арабами Евфимий стремился, поставив им священников и дьяконов. Но, как и в случае с Мавией, «арабам лагерей» наиболее желательно было иметь своего епископа. Так поступили и в данном случае. К Ювеналию, патриарху Иерусалимскому, Евфимием был послан Петр, отец Теребона, который «впервые был рукоположен в Палестине в качестве епископа лагерей» — οὕτως (Ювеналий) εν πρώτοις χειροτονεῖται εν Παλαστίνη Πέτρος των Παρεμβολων ἐπίσκοπος. ⁹⁰ Очевидно, Петр был главой тех арабов, которые кочевали и располагались лагерями в пределах Палестины, провинции, официально носившей название Палестины первой.

В заключение этого рассказа Кирилл Скифопольский упоминает еще раз о том, что множество (πληθος) варваров сарацин прибывали к Евфимию, поучались и крестились. Такие связи отвечали интересам Византийского государства и церкви, которая укрепляла и свое положение.

На этом, по-видимому, заканчивался какой-то источник Кирилла Скифопольского, так как он пишет καὶ ταῦτα μεν λέρι των Σαρακηνων — «и это о сарацинах». Однако и в дальнейшем автор неоднократно возвращается к событиям, связанным с арабами.

Если Петр стал епископом арабов, то его сын Теребон (старший, как он назван Кириллом Скифопольским) занял положение филарха. После своего выздоровления (а он был вывезен из Ирана своим отцом больным) Теребон женился, «взяв жену из своего рода» — γυναικα εκ του ιδίου γένους λαβών. Он имел от нее трех сыновей, из которых старший, Петр, был отцом Теребона младшего, ⁹¹ того, кто сообщил Кириллу Скифопольскому историю своего рода и особенно подробно деда, Теребона старшего.

Один из эпизодов жизни Теребона старшего, филарха арабов, представляет интерес, так как он говорит о неизбежных трениях, которые возникали в сношениях арабских племен между собой и с представителями Византийской империи.

Теребон по необходимым делам должен был отправиться в Бостру, но попал в затруднительное положение (περασμός) — испытал искушение, которое ему «подстроил» или «подготовил» — κατασκευαστείς — его же «софиларх», συμφύλαρχος. В чем именно заключалось обвинение против него, не сказано, а испытанное им «искушение» состояло в том, что он тут же был предан «власти», был схвачен и содержался некоторое время под стражей. ⁹² Очевидно, «софиларх» был каким-то соправителем Теребона и с ним не поладил, предав его «власти», провинность же была такова, что его заключили в темницу. Это событие могло иметь место в 458 или 460 г., следовательно, в середине V в. Теребон был филархом. Но положение и права софиларха неясны, хотя достаточно того, что он оказался сильным соперником, привел Теребона в тюрьму и, по-видимому, «подстроил» это дело.

Когда об этом узнал Евфимий, он написал письмо епископу Бостры Антипатру и переслал его через некоего Стефана, который был братом Гайна епископа Иамнии. Антипатр вмешался в это дело, освободил Теребона от уз и отправил его к Евфимию, предоставив ему дозор (εφοδιάσας). Отсюда можно заключить, что софиларх был не безопасен для филарха, и последнему надо было помочь, оградить его от новых возможных затруднений. «Огражденный» таким путем Теребон вернулся к Евфимию.

В житии Кириака Кирилл еще раз упоминает о Теребоне и о его связи с Евфимием, который его крестил и исцелил. ⁹³

В рассказах, приведенных в «Житии Евфимия», существенно отметить прежде всего примитивность и простоту жизни арабов. Их местопребывание — палаточный лагерь, состоящий из свертываемых, легких скиний (σκηναί), лишь обнесенных частоколом или оградой (χάραξ), которая и превращала это поселение в лагерь. Но наряду с таким примитивным селе-

нием, едва указывавшим на оседлость, следует отметить и стремление к большей прочности условий жизни, так как им была построена часовня (εὐκτήριον) или церковь (ἐκκλησία). Очень большое хозяйственное значение должно было иметь устройство бассейна или пруда с двумя устьями, или выходами, названного λάκκος δίστομος. В условиях безводной пустыни водохранилище играло первоочередную роль для какого бы то ни было хозяйства, в частности для скотоводства. Но текст говорит и о другом. Для кого был построен асепетом Петром манкипий, пекарня (μαγειρεῖον)? Очевидно, печение хлеба было одним из условий оседлого образа жизни. Пекарня была построена «поблизости» от цистерны и, следовательно, была непосредственно связана с поселением арабов, с их лагерем. Для всех этих работ Петром были специально приведены ремесленники (ὁδὲ Πέτρος ἐνέγκας τεχνίτας), которыми был построен пруд, а судя по тексту, и другие здания. Очевидно, арабы строить сами не умели, не имели технических навыков, что, вероятно, и заставляло автора неоднократно называть их «варварами».

Сам Петр представляется экономически достаточно мощной фигурой. Желая построить «лавру» в Сахеле, подобную той, которая была в Фароне, несколько монахов обратились к нему с просьбой помочь им в ее сооружении — *Τούτους τοὺς ἑνδεκα δεξάμενος ἐλέτρεψεν τῷ ἐπισκόπῳ Πέτρῳ κτίσαι αὐτοῖς μικρά κελία καὶ κοσμησαὶ τὴν ἐκκλησίαν παντὶ κοσμῷ καὶ οὕτως τὸν τόλον λαύραν κατέστησεν κατὰ τὴν τύπον Φαρών.*⁹⁴ Они просили построить им малые кельи, кроме того, «всячески украсить церковь». В этом случае можно думать, что Петр располагал средствами для постройки в качестве «епископа лагерей»; однако устройство цистерны и другие хозяйственные постройки лагеря арабов производились им еще до того, как он стал епископом. Как было выше отмечено, весь его род принадлежал к бедуинской знати, к числу состоятельных, обладавших имуществом родов.

В сане епископа Петр принял участие в Ефесском соборе 431 г., осудившем «нечестивого» Нестория.⁹⁵ На Ефесском соборе 449 г. в качестве епископа «лагерей» присутствовал Авксиллий, который присоединился к Ювеналию Иерусалимскому, оправдавшему Евтихия, как и все палестинские епископы.⁹⁶

К вопросу о цистернах автор «Жития Евфимия» возвращается еще раз, сообщая, что в двух стадиях от монастыря были две цистерны, выкопанные, как говорят, еще «амореями». Одну из них Евфимий передал в пользование отцам «своей лавры», другая была «предоставлена крещенным им сарацинам на определенное время» — *τὸν δὲ ἕτερον παρεχώρησεν τοῖς υἱῶν αὐτοῦ βαπτισθεῖσιν Σαρακηνοῖς πρὸς καιρὸν τακτόν.*⁹⁷ Он полагал так обезопасить цистерну, которой пользовался монастырь. Иначе говоря, потребность в воде была очень велика, и если бы не была уступлена арабам одна из двух цистерн, то «в опасности» находились бы обе. Об этом говорит и последующий рассказ о том, как один араб, сопровождавший араба-христианина Та-лабана, схватил большой камень и разбил дверь, которая закрывала монастырскую цистерну.

Как лавра Евфимия, так и лагеря арабов, их *παρεμβολαί* находились на юго-западе от Иерусалима. Сохранились развалины, другие археологические остатки, которые помогли определить их местонахождение.

Асепед Петр и его род принадлежали к числу находившихся под властью шейхов Хирь и тяготели к Ирану. В Палестине они заняли сравнительно независимое положение филархов «лагерей».

Среди византийских историков, упоминавших об арабах V в., следует назвать Малха, о котором мало что известно и труд которого дошел лишь в выписках Константина Порфирогенита и Фотия.

Свида утверждает, что Малх (Μάλχος, Malchus) был софистом и «писал историю со времен императора Константина до Анастасия», уделяя особое внимание времени Зенона, борьбе Василиска и другим событиям.⁹⁸ Среди немногих сохранившихся от его труда страниц большой интерес представляют те, в которых он говорит об арабах.

Длительная война между персами и ромеями, тянувшаяся со времен Феодосия, кончилась заключением договора в 442 г., по которому обе стороны обязались не принимать арабов-сарацин, подчиненных другой стороне, «если они будут склонны к восстанию».⁹⁹ Этот пункт неоднократно повторялся в последующих договорах, заключавшихся в VI в. между Византией и Ираном. Несмотря на соглашение до 17-го года императора Льва Макелла и, следовательно, до 473 г., произошли следующие события. Недовольный своим положением в Иране, некто «Нокалийского рода», носивший имя «Аморкес» (очевидно, греческая транскрипция имени Амрулькайс), покинул «Персиду» и, перебравшись в соседнюю персам Аравию, оттуда произ-

водил набеги.¹⁰⁰ Никакого звания Аморкесу в тексте Малха не дано, очевидно, он был одним из глав или шейхов этого рода. Ему не было оказано достаточной «чести» в Иране, по-видимому, он не занял видного положения и считал, что «Ромейская земля лучше», следовательно, надеялся получить власть и почет при поддержке Константинополя.

Аморкес (по арабским источникам — Амрулькайс), о котором сообщает Малх, принадлежал к одному из киндитских родов, располагавшихся у границ византийских провинций Палестины II и III. Эти роды не теряли связи с племенами Кинда и Маад, кочевавшими в центральных и северных областях Аравийского полуострова.¹⁰¹

Наиболее существенным моментом в поведении этого шейха было то, что «его сила возрастала» за счет господства и над другими арабскими племенами, с которыми он сталкивался, но он «никогда не воевал с ромеями».¹⁰² Когда он достаточно окреп и почувствовал свою силу, то направил свое внимание на остров Иотабу, географическое положение которого делало его перепутьем ряда дорог — морских и сухопутных. Иотаба (ныне Тиран) — остров, расположенный к югу от Синайского полуострова, при входе в Акабский (Эланский) залив. Благодаря своему географическому положению Иотаба и город Аил играли роль в политике византийских императоров, Аксумитского государства, Ирана, арабских племен Сирии и иудейских колоний Аравии.¹⁰³ Для торговых сношений Передней Азии с Африкой, как и с Эфиопией, для морского пути по Красному морю, в Индийский океан Иотаба занимала ключевую позицию.

На азиатском материке в конце залива стоял город Аил (Эла, Элат, Элана) — Ἰλα πόλις. Таможенный пункт империи находился на острове Иотаба, где взимались пошлины с товаров, которые ввозились морем в Аил. От острова до Аила, по расчетам Прокопия Кесарийского, было около тысячи стадий.¹⁰⁴

Кроме таможенников, можно предполагать, что там располагался и гарнизон, хотя прямых указаний на это нет, и была также значительная иудейская колония, которую Прокопий характеризует как «автономную» — *ἐνθα Ἰβραῖοι αὐτονομοῖ μεν παλαίου ὠκνητο*.¹⁰⁵

Аморкес сообщает все тот же текст: «отобрал» Иотабу и «изгнал декатологов ромеев». Декатологи были сборщиками налогов и взимали «десятую» долю в качестве сбора. Захватив остров, араб сам стал собирать налоги и «получил там немало денег». Охрана осуществлялась, следовательно, Византией недостаточно прочно, и Аморкес изгнал таможенников империи без особых военных действий. Он, очевидно, захватил главный центр острова, так как дальше говорится о том, что он присоединил «и другие ближайшие селения», находившиеся на острове же или на близлежащих берегах материка. Таким образом, Аморкес занял прочное положение тем, что господствовал или держал в повиновении арабские племена у границ Византии, а с захватом Иотабы он занял важную позицию и смог контролировать торговые сношения Ближнего Востока в большой их части. Наконец, и его богатство значительно возросло: взимание налогов дало ему большие денежные суммы.

Теперь наступил момент, когда «нокалиец» счел возможным закрепить свое положение. Он пожелал официально стать «союзником ромеев и филархом находящихся в Петрее ромейских арабов».¹⁰⁶ Следовательно, несмотря на то что он отнял возможность у Византии собирать налоги на Иотабе, он не без основания считал, что это ему будет «прощено и он будет признан союзником» Константинополя. Более того, он претендовал на то, чтобы стать «филархом ромейских сарацин, находящихся в Петрее». Если к этому времени Пётра забыла свою самостоятельность, то, во всяком случае, арабы продолжали быть господствующим населением этих областей, но находились в некоторой зависимости от Византии. Аморкес стремился к официальному признанию его со стороны «кесаря» в качестве филарха тех арабских племен, которые находились в области Пётры. Если даже согласиться с Р. Парра, который утверждает в своей интересной статье, что термин *φύλαρχος* применялся в византийской исторической литературе лишь как наименование для глав или вождей кочевых или полукочевых племен и обозначает лишь «традиционное главенство»,¹⁰⁷ то все же никак нельзя отрицать того, что, по свидетельству источников, в ряде случаев звание филарха давалось или официально подтверждалось Константинополем, как это имело место в данном случае. Малх не называет Аморкеса филархом нокалийского рода или племени; допустим, что Малх даже мог бы его назвать так, но, во всяком случае, этот термин не являлся чисто родовым понятием, как это предполагает названный исследователь. Если Аморкес был признанным родовым вождем нокалийского рода, то для арабских племен Пётры он таковым не был, его надо было «поставить филархом» этих арабов,¹⁰⁸ т. е. признать его официально их вождем или главой, что и выражалось соответ-

ственным образом званием филарха. Такое выражение могло применяться и к другим родовым вождям, например славянским, но в ряде случаев тексты византийских историков дают основания видеть в филархе признанного Византией или Ираном вождя племени, носившего это официальное звание.

Чтобы добиться желаемого признания, Аморкес в качестве ходатая послал к императору Льву в 473 г. «епископа своего племени Петра». Сам Аморкес христианином не был, но среди его племени, очевидно, были христиане, как и среди бедуинов, кочевавших в провинциях Палестины I и II, что известно из трудов Кирилла Скифопольского. Ходатайство Петра увенчалось успехом, император его выслушал, согласился и «тотчас послал, чтобы прибыл к нему Аморкес». Нокалийский вождь был принят императором «приветливо», был приглашен к столу и даже присутствовал на совещаниях в сенате. Лев I отдал ему остров Иотаба и «соседние селения», о которых тот просил, а также предоставил ему возможность стать «архонтом племен, каких он желал», иначе говоря, удовлетворил все его желания. Кроме того, «приказал дать ему кафедру протопатрикия», т. е. одно из самых высоких мест в сенате империи. Чтобы особенно тесно связать Аморкеса с интересами Византии, необходимо было «убедить» его стать христианином. С этой целью император подарил ему «золотую икону», украшенную драгоценными камнями. Из демосиона (государственной казны) Аморкесу была выдана некая сумма денег, и, наконец, было приказано тем, «кто состоял в сенате», также сделать ему подарки.¹⁰⁹

Совершенно очевидно, что император Лев, учитывая значение бедуинской периферии, необходимость сохранять спокойствие на своих границах, наконец, самое положение Иотабы и Петры, считал необходимым вести мирную политику в отношении филарха, который мог ему оказать ряд услуг, хотя и лишил казну таможенных сборов на острове Иотаба.

Остров Иотаба перешел в полное распоряжение ромеев только при Анастасии. Дукс Палестины Роман около 498 г. выступил против гассанида Джабала, взял в плен киндита Худжра и вновь подчинил остров Иотабу, отобрав его у киндитов.¹¹⁰

Однако Малх, отражая взгляды и мнения сенаторов, высших кругов византийского общества, оставил целый ряд резких критических замечаний об этих действиях императора. Решение допустить приезд Аморкеса в Константинополь он считает «безрассудным», хотя и не возражает против того, что «поставить его филархом» было желательно. Но, говорит Малх, сделать это надо было заглазно, «когда Аморкес был далеко», так как необходимо было сохранить престиж империи, чтобы он считал ромеев страшными, «всегда повиновался» их начальникам и трепетал при самом имени императора. То, что Аморкес имел возможность проехать и посетить ряд городов по дороге в Константинополь, должно было убедить его в военной слабости ромеев, так как «он мог видеть» роскошь городов и то, что там «не употребляется оружие». Неприятно было сенаторам и то, что Аморкесу была дана кафедра протопатрикия и что их «принуждали» делать ему подарки.

Таким образом, слабость политики в отношении арабских племен вызывала неудовольствие известных слоев византийского общества, и, насколько можно судить, это были сенаторы и высшие военные чины империи, которых арабы должны были бояться. Известное ослабление военной силы империи должно было оставаться для них неизвестным. Следствием уступок и мягкости, «безрассудства» императора было то, что Аморкес «сделался высокомерным», а главное неблагодарным, так как он «не имел намерения отплатить утвердившим его». Византийский историк считал, что особенно рассчитывать на помощь и «благодарность» «утвержденного» филарха, получившего Иотабу и власть над «петрейскими сарацинами» империи, не приходилось.

Слабость и «безрассудство», проявленные в отношении арабов, объяснялись, однако, сложным положением государства. Специальные интересы господствующих классов областей Египта, Сирии, Палестины, идеологическим знаменем которых было монофизитство, требовали уступок. Лев I действовал «осторожно и умеренно», стремясь добиться успокоения во всех трех столицах Ближнего Востока — Александрии, Антиохии, Иерусалиме.¹¹¹ Эта политика императорской партии находилась в противоречии с целым рядом течений. В первые годы после воцарения в 457 г. император был в зависимости от готского рода, который возглавлял германские военные дружины, находившиеся на службе империи. Аспар и Ардавурий были третьим поколением этого выдающегося рода готов, которые пользовались большим влиянием, опираясь на свою военную силу, ставили своих сторонников на важнейшие должности, военные и гражданские. Лев I, происходивший из Фракии, был их ставленником и поэтому опасался го-

тов, которые к тому же были арианами. Аспар, благодаря тому что византийское войско находилось в его подчинении, мог парализовать любые действия правительства. Морская экспедиция против вандалов в северную Африку закончилась полной неудачей и гибелью огромного флота, что было результатом неспособности Василиска, поставленного во главе этой экспедиции. И в этом случае Аспар, по настоянию которого Василиску было поручено командование, сыграл отрицательную роль. Только в 471 г. решительные меры, принятые против германских дружин, насильственная смерть Аспара и Ардавурия привели к полному ослаблению этих дружин. Переворот был подготовлен усилением «ромейского», греческого, элемента в руководстве византийской армии и опорой, которую Лев I сумел найти в исаврийцах. Зенон, вождь исаврийцев, воинственного и храброго племени, жившего в горах Малой Азии, оказал надежную поддержку Льву, еще в 458/9 г. сделавшего его своим зятем, женив на своей дочери Ариадне.¹¹²

Таким образом, положение было выровнено за счет усиления исаврийцев, которыми потом был занят императорский престол. Несколько наивно представление о зависимости исторических событий друг от друга в изложении византийских источников. Однако их материал создает возможность более глубокого анализа.

Правительство Льва I стремилось найти опору в греко-православной партии господствующего класса и передать в ее руки руководство византийским войском. Но, кроме того, была необходима и дополнительная военная сила, которой оказались исаврийцы. Они были не пришельцами, а местными малоазийскими племенами и могли разделить интересы «восточных». Противопоставить их готским дружинам было удачным выходом. Принимая во внимание все эти обстоятельства, понятно, что византийское правительство не могло обострять отношений с арабскими племенами, особенно ввиду беспокойного состояния в Сирии и Палестине, где стихийно возникали «бунты», «восстания», народные движения, используемые различными группами господствующего класса в своих интересах. С Аморкесом было необходимо заключить дружественное соглашение, что и было сделано.

Недовольство и критические замечания, выраженные Малхом, следует отнести, как было выше отмечено, за счет недовольства сенаторов и военачальников, учитывавших высокий военный потенциал арабских племен.

Эпизод, сохранившийся из истории Малха, характерен и для всей последующей истории арабских племен до возникновения ислама. Он указывает на их значительную роль в общей экономической жизни Востока, в широких торговых связях, в живом и интенсивном денежном хозяйстве, которое имело место как у кочевых, так и у оседлых арабских племен Передней Азии в V в.

ЦАРСТВО «ПЕРСИДСКИХ» АРАБОВ

Хирта занимает особое положение в истории Ближнего Востока V—VI вв. Буферное арабское государство, оно являлось опорой для сасанидского Ирана, предоставляя свою военную силу в распоряжение шаханшахов. Было бы, однако, большой ошибкой думать, что «персидские арабы» жили лишь по указке и в интересах Ирана. Как хорошо известные источники, так и новые, недавно открытые памятники эпиграфики говорят о мощном и сильном государстве Хирты, которое имело свои собственные интересы как у границ Византии в Месопотамии, Сирии, Финикии, так и в областях Аравии, у «колыбели ислама», в Неджде, на путях, которые тянулись вдоль всего полуострова к Южной Аравии. Особенно красноречивы в этом отношении надписи; при всей своей краткости они открыли новые перспективы для изучения истории арабов и, что особенно важно, датируют приводимые ими сведения.

Стала очевидной необходимость пересмотреть самую «методику исследования», принятую в XIX в. Конечно, следует остаться верными тому глубокому и тонкому анализу, который был дан Нельдеке; его проницательность позволила связать свидетельства византийских источников с отчасти легендарными или, во всяком случае, путанными сведениями арабских историков. Сейчас уже устарели соображения Ротштейна, и рассуждения Кавара о методе Нельдеке отстали от времени, так как вступили в силу новые материалы. Южноарабские надписи установили новые факты, новые хронологические вехи и тем самым позволили этим новым материалом подтвердить историческую достоверность не только сирийских и греческих источников, но и многих смутных, восходящих к каким-то древним и верным традициям, данных арабских историков. Судьбы лахмидов оказались в связи и во взаимодействии с событиями

ми Сабейского государства. В то же время история государства лахмидов в V в. особенно тесно сплетается с историей сасанидов, от которых оно находилось в зависимости. Но, со своей стороны, и Иран делал все возможное, чтобы сохранить дружественные отношения с Хиртой, которая служила ему опорой в борьбе с Византией.

Один из трех сыновей шаханшаха Ездгерда, Бахрам, будущий Бахрам I (Варахран), провел свои детские годы у лахмидов. Как известно из арабских источников, царь Нааман (Нуман) наследовал Имрулькайсу, своему отцу; он был чрезвычайно воинствен, жесток к врагам и умел проникать со своими войсками глубоко внутрь страны, на которую нападал.¹ Сын Наамана Мундар I еще при жизни отца занимал выдающееся положение. По одной из арабских традиций, именно он является воспитателем маленького Бахрама, с обучением которого связываются легендарные рассказы.² Элементы исторической правды имеются в сообщении о том, что ко времени Наамана относится сооружение замка или дворца недалеко от Хирты, который носил название Ховарнак. Строителем этого здания замечательной красоты, окруженного прекрасным парком, называют византийского архитектора Синнимара. Хамза Испаганский приписывает этому лицу постройку другого замка около Хирты, называемого Синнин.³ В своем исследовании Массиньон склонен считать, что дворцы, парки и т. п. для арабов строили сасаниды.⁴ О Наамане сохранилось предание, будто особое настроение побудило его оставить свой престол и уйти паломничать, с тем чтобы служить богу.⁵ В характере этого рассказа у Табари есть элементы христианские, как и в приведенных этим историком стихах Ади ибн Зайда.⁶ Не без оснований этот эпизод в жизни Наамана рассматривается предшествующими исследователями как выражение его склонности к христианству, с чем нельзя не согласиться.⁷ Во всяком случае греческие византийские источники помнят о его симпатиях к христианству.

О Наамане и арабских племенах сохранились замечательные свидетельства в агиологических памятниках V в. Знаменитый богослов и философ Феодорит Кирский, автор «Церковной истории», в 40-х годах написал свою *Φιλόθεος ἱστορία*, включающую около 30 рассказов об отшельниках и подвижниках. Глава 26-я этой книги посвящена Симеону Столпнику, которого Феодорит сам посетил.⁸ В §§ 13—15 он говорит об обращении в христианство «многих измаилитов» и о сарацине, который был филархом — *Σαρακηνὸν δὲ καὶ οὗτος φύλαρχος ἦν*.⁹ Еще более подробны и живы рассказы сирийского жития Симеона Столпника, дошедшего в списке, принадлежащем библиотеке Ватикана и датированном 17 нисаном 521 г. по антиохийскому летосчислению и, следовательно, оконченного 17 апреля 473 г. н. э. по следующему расчету. Разница между антиохийским летосчислением и нашей эрой составляет 48 лет до 1 сентября и с 1 сентября по 1 января 49 лет.¹⁰ По этому кодексу *Syr.* 160 житие Симеона было издано в собрании Ассемани.¹¹ Другой список этого жития, близкий первому и относимый к VI в., имеется в *add.* 14484 Британского музея и был издан Беджаном.¹² Как видно из приводимых данных, обе рукописи относятся ко времени, близкому к жизни Симеона, а источниками жития послужили рассказы современников и очевидцев, одним из которых был и его автор. Сирийские версии дают точную дату смерти Симеона, которая последовала в среду 2-го числа месяца илула 770 г. по селевкидской эре, что соответствует 2 сентября 459 г. Приведенное в рукописи число подтверждено счетом по индиктионам, потому что добавлено «при конце додеката, то есть года двенадцатого и при наступлении трискаидеката, то есть года тринадцатого». Дата дана совершенно точно; она находит подтверждение в новейшем образцовом труде по хронологии с таблицами параллельных летосчислений В. Грюмеля, в серии, издаваемой под руководством проф. П. Лемерля.¹³

Жития Симеона сирийское и греческое, как и посвященная ему глава в книге Феодорита, содержат рассказы об арабских племенах и о филархе Хирты лахмиде Нумане (Наамане). В сирийском житии сообщается, что Антиох бар Сабинос посетил Симеона Столпника и рассказал ему о Наамане. «Ибо прибыл к нему Антиох сын Сабина, поставленный дуксом Дамаска, и сказал его святости в присутствии всех: прибыл Нааман в пустыню, что около Дамаска, устроил пир и пригласил меня, ибо не было еще вражды между ним и ромеями в то время. Когда мы пировали, дошло дело до мар Симеона, и он сказал мне: „Тот, имя которого вы называете мар Симеон, он бог?“ Я же сказал ему: „Нет, он не бог, но раб божий“. Снова сказал мне Нааман: „Когда достиг слух о мар Симеоне до нас, стали наши арабы к нему ходить; пришли эти знатные моей Хирты и сказали мне: Если ты позволишь им посещать его, отправятся они, станут христианами, прилепятся к ромеям, восстанут против тебя и оставят тебя. Я послал созвать, и собралась вся моя Хирта, и я сказал им: Если кто-нибудь осмелится отправиться к мар Симеону, я мечом отрублю голову ему и всему его роду. После того как я сказал, приказал им и раз-

решил уходить; среди ночи, когда я спал в палатке, увидел я некоего мужа славного, подобно-го которому я не видал, и с ним было пятеро других. Когда я увидел его, повернулось мое сердце, дрогнули мои колени, я упал и поклонился ему".¹⁴ Нааман выслушал упреки явившегося ему во сне Симеона, был наказан, пообещал и выполнил обещание, предоставив «своим» арабам бывать у Симеона и быть обращенными в христианство. Если бы не то, что он, Нааман, служит персидскому шаху, он бы и сам поехал к Симеону и принял бы крещение. В заключение Нааман сказал: «Вот я приказал, и есть церкви, епископы и священники в моей Хирте и я сказал, что кто пожелает стать христианином, пусть будет им без страха, а кто пожелает быть язычником, то это его [дело]». Если в этом тексте имеются преувеличения, то, во всяком случае, можно говорить о проникновении христианства в среду арабов, находившихся под властью лахмидов. О церкви, построенной Хинд в Хирте, свидетельствует надпись времени Хосрова Ануширвана, сохранившаяся в записях Якута. Но эта надпись больше чем на столетие отстоит от сообщения жития Симеона.¹⁵

В житии, составленном Феодоритом Кирским, имеется несколько эпизодов из жизни Симеона, в которых участвуют арабы. Они приходили по двести, по триста человек, даже до тысячи и были обращены в христианство. Стремясь получить благословение и от Феодорита, бывшего там, как это велел им Симеон, они совершенно затолкали епископа, который с трудом упорядочил их натиск.¹⁶ Феодорит был свидетелем и другого случая, когда один род (*μία φυλή*) просил Симеона послать его благословение их филарху — *ευχήν τινα καὶ εὐλογίαὺν ἐκτέμψαι τῷ σφετέρῳ φυλάρχῳ*.¹⁷

Но присутствовавший здесь же другой род вступил с ними в спор, утверждая, что тот филарх не стоит благословения, так как это несправедливый человек. Зато их собственный филарх был безусловно достоин благословения. Кирскому епископу пришлось употребить большие усилия и уговорить не спорить, не нападать друг на друга арабов, утверждая, что Симеон может дать благословение и тому и другому филарху. По просьбе другого араба, филарха, Симеон исцелил человека, который был разбит параличом около Каллиника (Ракки), известной крепости, и был привезен этим филархом к Симеону. Тот же Феодорит упоминает о другом арабе, известном *τῆς Ἰσραηλίτης οὐκ ἄσῆμος*, который нарушил данный им христианский обет и просил помощи у святого.¹⁸ Одна из арабских цариц, *ἡ δὲ τῶν Ἰσραηλιτῶν βασιλισσα*, просила благословения Симеона и привезла своего младенца, чтобы он и его благословил.¹⁹ Эти рассказы имеются и в житии Симеона, составленном Антонием.

Не риторическим оборотом, а отражающими в известной мере действительное положение вещей являются поэтому строки жития Симеона у сирийцев: «Сколько дальних арабов, которые не знали, что такое хлеб, но пищей которых было мясо животных, когда приходили и видели святого, принимали учение и становились христианами, отрекались от идолов своих отцов и служили богу. Сколько варваров: армян, уртайев, язычников и людей всяких языков приходило постоянно изо дня в день, одни за другими [часть за частью] принимали крещение и веровали в бога живого. Арабам же, нет числа им, их царям и знатным, которые приняли так крещение, уверовали в бога, исповедовали Христа и по слову блаженного церкви устраивали в своих палатках».²⁰ Таким образом, из числа обращенных биограф Симеона особо выделяет именно арабов, при этом тех из них, которых он называет «дальними», кочевавшими не у самых границ Византии, а «далеко». Это бедуины, не знавшие употребления хлеба, не связанные, следовательно, с оседлым населением и как кочевники довольствовавшиеся употреблением мяса. После обращения в христианство они устраивали церкви в палатках, т. е. их кочевой образ жизни оставался в значительной мере без изменений.

Когда Симеон скончался в 473 г., то его тело было торжественно перевезено епископом Мартирием Антиохийским и шестью другими епископами в Антиохию. Арабы, узнав о смерти святого, в свою очередь собрались снаряженные, со своими верблюдами, желая захватить его тело, причем их было огромное количество.²¹ Вокруг Симеона собираются целые толпы арабов, они приходят всем родом, переходят в христианство, принимают крещение, обращаются с просьбами к Столпнику. Все это свидетельствует о тесном общении, о влиянии христианства на массы арабов, о диффузии между сиро-греческим и арабо-язычным миром. В этом общении и в обращении арабов в христианство наиболее значительную роль играли сирийцы, которым был близок язык арабов. Возможно, что более всего был распространен своеобразный диалект, смешение, разговорный язык, включавший сирийские и арабские слова.²² Очень характерно, что в молодости Симеон встретился в монастыре Евзебона с Марой, епископом Габулы, по имени и по своему языку сирийцем, с которым он и его брат Шамша имели беседы; надо ду-

мать, велись они на сирийском языке.²³ Арабы испытывали влияние именно сирийского христианства, им наиболее близкого.

О Наамане и арабских племенах имеются, таким образом, как арабская традиция, так и сведения из греческих и сирийских источников, причем можно найти хоть и отдаленные данные, но связывающие эти традиции между собою.

Но в арабской и, особенно, в персидской традиции произошло смешение сведений о Наамане и его сыне Мундаре (I), который оказал поддержку Бахраму. Эти сведения у некоторых арабских и персидских авторов так и сохраняются параллельно и об отце, и о сыне.²⁴ Ив дальнейшем часть источников утверждает, что войска, посланные в поддержку Бахрама, возглавлялись не Мундаром, а его сыном Нааманом. Восстановить последовательность этих событий возможно лишь с относительной вероятностью.²⁵

Тесная связь между Хиртой и персидским царевичем, воспитанным лахмидами, сохранилась в дальнейшем и сыграла значительную роль в его судьбе. Некоторое время Бахрам уже в возрасте юноши провел в Иране. Но Ездгерд возложил на него неприятные обязанности. Оставив в стороне случайные подробности, следует предположить, что Бахрам не поладил с отцом. Ездгерд был недоволен сыном, и возможно, что его возвращение в Хирту следует рассматривать как некий вид ссылки,²⁶ но ссылки, которую и сам Бахрам предпочел жизни в Иране. Во всяком случае, он использовал влияние византийского посла, которого просил похотайствовать за него перед отцом, чтобы ему было разрешено вернуться в Хирту. Примеры такого рода обращения к послам с просьбой о поддержке со стороны родственников шаха встречаются на протяжении истории сасанидского Ирана не раз.

В 421 г. после смерти Ездгерда, смерти, которую имеются все основания считать насильственной, иранская знать поставила шахом Хосрова, который не был прямым его потомком, отвергнув его сыновей. Бахрама опасались заранее, он был нежелателен, как воспитанник арабов, слишком похожий на них всей своей внешностью, образом жизни, вкусами.²⁷ Но царевич решил бороться за престол, и необходимая ему поддержка была оказана Хиртой. Один отряд его войска состоял из персов, другой — из арабов племени танух. Обе группы войск находились под началом царя арабов.²⁸ Частью танух были оседлым населением, земледельцами, другая их часть была кочевниками,²⁹ они располагались в областях на запад от Евфрата, в нижнем его течении.

Под началом Наамана ибн Мундара персидские и арабские войска расположились между Ктесифоном и Бех Арташиром. Эта военная поддержка, оказанная арабами Хирты, решила вопрос в пользу Бахрама.³⁰ Молодой шаханшах считал себя обязанным Мундару и отблагодарил его тем, что подчинил ему «всех арабов», что, впрочем, следует толковать ограничительно, так как и в распоряжении шаха областей, заселенных арабами, было не так много. Бахрам «любил Мундара и Наамана», говорит один из источников, и «поручил» царю Хирты «всю землю арабов» *افقوض اليه جميع ارض العرب*.³¹

Таким образом, выдающееся положение царей Хирты было ими завоевано еще в V в., когда лахмиды смогли поддержать и найти возможность обеспечить престол Ирана своему воспитаннику и поэтому желательному им кандидату. Племя танух, как и персидские отряды, сыграло решающую роль. Заслуги царя Хирты были оценены шахами. Табари сохранил рассказ, где Ездгерд, отдавая на воспитание сына, не только щедро одарил, но дал Мундару ибн Нааману высокое звание «Mahist» — «наибольший».³²

В персо-византийской войне 421/2 г. Мундар принял участие, о чем наиболее подробно и достоверно рассказано Сократом Схоластиком. У Константинополя существовал ряд причин быть недовольным Ираном. Кроме старых счетов, к числу новых претензий принадлежал отказ вернуть византийских рудокопов, искателей золота (*χρυσορύκται*), которые были предоставлены Ирану за оплату — *επειδή Πέρσαι, οὐς παρα Ῥωμαίων χρυσορύκτας ἐπι μισθῶ λαβόντας ἔσχον, ἀποδοῦναι οὐκ ἠθέλον. καὶ ὅτι τὰ φορτία τῶν ἐμπόρων Ῥωμαίων ἀφεῖλοντο*.³³ У ромейских купцов персы отняли товары — *τὰ φορτία*; надо думать, что речь шла о шелке, который по сухопутным дорогам доставлялся через Иран. Это был не единичный случай, такие жалобы приносились неоднократно; о них известно и из других источников. Наконец, Бахрам и его маги начали жестокое гонение на христиан Ирана, которые стали его покидать и искать покровительства в Византии. Тогда именно филарх Аспебет, вопреки приказам шаха, способствовал переходу христиан в Византию,³⁴ престиж которой был умален гонениями в Иране.

Война была начата походом ромейских войска под началом стратега Ардавурия — о *Ῥωμαίων βασιλεὺς ἀποστέλλει μερικὴν δύναμιν, ἣς ἤρχεν ὁ στρατηγὸς Ἀρδαβούριος*³⁵ на Арзанену

— Ἰζαζήνη, причем персидские войска, возглавляемые Нерсесом, были разбиты. Задуманное Нерсесом контрнаступление через Месопотамию ему не удалось осуществить, так как силы его были недостаточны и он остановился у пограничной Нисибии, принадлежавшей персам. Ромеи осадили этот город, и деревянные башни, подведенные к его стенам, создали им преимущества. Опустошение Арзанены, угроза Нисибии побудили Бахрама вызвать на помощь арабских союзников. Аламундар (Мундар), «храбрый и воинственный муж» — Ἀλαμούνδαρος ἀνὴρ γενναῖος καὶ πολεμικός, привел «многие тысячи сарацин», т. е. многочисленное и, конечно, конное войско.³⁶ Царь Хирты рассчитывал на успех, обещал взять ромеев в плен и даже захватить, «предать» (παραδῶσειν) Антиохию, богатейшую столицу Сирии. Между тем неожиданное обстоятельство нарушило все: арабы без видимых причин обратились в паническое бегство, предполагая, что на них наступают ромейские войска. Огромное их количество погибло, бросаясь в полном вооружении в Евфрат. Сократ называет 10 тысяч погибших таким путем арабов. Византийские войска, однако, не сумели воспользоваться своими преимуществами. Слух о персидских войсках, вооруженных боевыми слонами, тяжелой артиллерией того времени, их испугал. Они сожгли свои деревянные осадные орудия, башни и отступили в свои пределы — οἱ δὲ τὴν Νίσιβιν πολιορκοῦντες Ῥωμαῖοι ... πάσας τὰς τῆς πολιορκίας μηχανὰς ἐμπρήσαντες, εἰς τοὺς οἰκείους ὑπερχώρησαν τόπους.³⁷

Последующие инциденты войны перечислены Сократом в самой краткой форме: единоборство Ареобинда с храбрейшим персом, ловушка, в которой Ардабур перебил семь персидских полководцев, поражение оставшихся арабов, нанесенное полководцем Вицианом.³⁸

Насколько трудно было сохранять мирные отношения между великими державами при постоянных набегах арабов, свидетельствует документальный источник — письмо несторианского епископа Нисибии Барсаумы (род. в 415—420 г., ум. в 496 г.) католикосу Акакию, написанное в 484 г.³⁹

Барсаума сообщает, что он не может приехать на поместный собор, созываемый Акакием, ввиду тяжелого положения края, где он живет. Здесь царит засуха и голод. О голоде во всем Иране во времена Пероза известно и из других источников. Но случились и другие события. На области Нисибии напали «сборища южных родов» **ܩܘܪܝܢܐܝܝܢܐ** **ܩܘܪܝܢܐܝܝܢܐ** **ܩܘܪܝܢܐܝܝܢܐ**, которые пришли в огромных количествах, со своими стадами, «они уничтожили и опустошили селения долин и гор, они осмелились (**ܩܘܪܝܢܐܝܝܢܐ**) ограбить и полонить из земли ромеев людей и скот». Было собрано и прибыло на границу большое войско ромеев с подвластными им арабами (**ܩܘܪܝܢܐܝܝܢܐ**); они требовали возмещения (**ܩܘܪܝܢܐܝܝܢܐ** | **ܩܘܪܝܢܐܝܝܢܐ**) за то, что натворили в их земле «Туаййе (**ܩܘܪܝܢܐܝܝܢܐ**), подданные (буквально рабы — **ܩܘܪܝܢܐܝܝܢܐ**) персов». Но тут персидский военачальник решил вспомнить, что «ромейские арабы» также занимались грабежами, поэтому «славный и известный марзбан Кардаг Нехурган тихостью и мудростью удержал» от решительных действий. Он предложил соглашение, по которому следовало собрать шейхов Туаййе, отобрать от них добычу и пленных одновременно с тем, что «и арабы (**ܩܘܪܝܢܐܝܝܢܐ**) ромейские скот и пленных, уведенных ими в разное время из Бет Гармай, Хедайяба и Ниневии, вернут» первые — ромеям, а вторые — персам. После того как такой обмен совершится, необходимо будет установить специальным «трактатом» (**ܩܘܪܝܢܐܝܝܢܐ**) границы между государствами, с тем чтобы подобных несчастий не случалось вновь. «...Поэтому приказал шаханшах, чтобы прибыл сюда царь арабов и марзбан (области) Бет Арамайе.

Глава ромеев, их войска (**ܩܘܪܝܢܐܝܝܢܐ**) и арабы расположились на границе. Мы же ради большего мира и в знак большой дружбы в месяце аб (августе) убедили дуку, чтобы он прибыл в Нисибин к марзбану и был принят им с большой честью. В то время, как они вместе пили, ели и веселились, осмелились Туаййе в количестве 400 всадников отправиться и напасть на крайние селения ромеев. Когда об этом услышали, это причинило большие неприятности (**ܩܘܪܝܢܐܝܝܢܐ**) обеим сторонам, ромеям и персам. Разгневались на нас дука и бывшие с ними знатные, полагая, что мы с хитростью устроили, чтобы они вошли в Нисибин, с тем чтобы был ущерб ромеям».⁴⁰

Нападения арабов, принадлежащих к «южным» родам, пришедших в огромном количестве, было бедствием для пограничных византийских областей, где пришлось сосредоточить войска. Туаййе — род арабов-христиан,⁴¹ подчиненных лахмидам. Барсаума называет их «рабами персов», т. е. их подданными, но они должны были быть непосредственно подчинены царю лахмидов, которым тогда был Асвад ибн Мундар. Византийский дука, прибывший в пограничные области с войском и арабами-федератами, стал требовать возмещения от разорения

угона скота и полона людей. Марзбан области Бет Арамае предложил обмен добычей и пленными, а также установление точной границы. Для этого шаханшах приказал быть «там царю арабов», т. е. лахмидов, и марзбану Бет Арамае. Было ли приглашение дуки в Нисибию хитростью, с тем чтобы способствовать новому нападению племени Туайе, сказать трудно. Барсаума принадлежал к числу людей лукавых и мог иметь недобрые намерения. Византийский полководец и его окружение были разгневаны всем случившимся и имели для этого основания.

Свидетельство Барсаумы относительно нападений арабов, которые были подданными персов, очень интересно, оно живо рисует самую обстановку на границе. Данное столкновение не стало войной, но оно характерно как одна из многочисленных «раззий», которыми арабы держали в вечном страхе население пограничных византийских провинций. Следует отметить, что со стороны империи, кроме войск, на рубежи были вызваны свои «византийские арабы», так как они могли быть с наибольшим успехом противопоставлены племенам, подчиненным лахмидам.

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ МУНДАР

Мундару ибн Нааману, наследовавшему своему отцу, арабская традиция отводит 44 года правления. Это общее количество лет дает как Табари, так и Хамза, причем первый распределяет эти годы от времени Бахрама Гура до правления Пероза включительно.⁴² Этого Мундара исследователи условно называют Мундаром I, а матерью его считалась Хинд, из рода гасанидов. Хинд названа у Табари с ссылкой на Хишама, она названа и Хамзой, у которого та же традиция.⁴³ Сведения византийских историков значительно восполняют то, что известно о Мундаре из арабских источников.

Матерью Асвада, сына Мундара, источники называют Хирр, происходившую из рода лахмидов, от «banu Naigumana», в которых Нельдеке совершенно справедливо видел потомков лица, имевшего звание эгемона, т. е. правителя (измененное греческое ηγεμόν, в женском роде ηγουμένη).⁴⁴ Асвад царствовал 20 лет, одновременно с Перозом, Балашем и Кавадом. Как известно, синхронные даты правления лахмидов заслуживают известного доверия, так как восходят к записям, которые велись в самой Хирте. У Табари сохранилась краткая заметка, что Асвад — это «тот, которого взяли в плен персы».⁴⁵ Никаких сведений о том, где и когда это происходило, не сохранилось. Некоторые источники сохранили смутные сведения о столкновениях, имевших место между Асвадом и гасанидами, причем одни утверждают, что Асвад взял в плен нескольких представителей этого рода, другие говорят, что в плен был захвачен гасанидами сам Асвад.⁴⁶ Полагаться на эти поздние сведения трудно.

Кроме имени, данных о Мундаре II, брате Асвада, не имеется. Но сын Асвада, Нааман II, известен и по другим источникам. Для общего положения арабских племен характерно, что арабские генеалогии считают матерью Наамана II происходившую из рода киндитов Умм, сестру Харита ибн Амра. Это указывает на то, что, независимо от ориентации, существовали брачные и родственные связи между господствующими группами арабских племен. Более того, Харит ибн Амр ибн Худжр киндит считался родственником царя Химьяра, его племянником, сыном сестры.⁴⁷ Храбрость и боевые качества Наамана II не подлежат сомнению. Возглавляемые им племена совершили нападение на Евфратезию в 497 г. «Варвары-скиниты» наступили с нескольких сторон сразу — в Месопотамии, в Финикии и в Палестине.⁴⁸ В Сирии у селения Битрапса они были разбиты стратигом Евгением, «усердие» которого отмечено источниками.⁴⁹ «Побежденные были из племени филарха Наамана и принадлежали к связанным договором с персами». В октябре 502 г. (месяц тишри 814 г. селевкидской эры) Кавад призывает его на помощь, с тем чтобы отвлечь силы ромеев в то время, когда он сам подвергал длительной осаде город Амид в Месопотамии. Нааман проник со своими войсками в ноябре (месяц тишри второй) того же года в области Харрана с юга, где произвел тяжкое опустошение, взял в плен множество людей и дошел до Эдессы.⁵⁰ «Кроме скота, имущества и добычи всякого рода, было взято в плен 18 500 человек, помимо тех, что были убиты. Причиной того, что весь этот народ находился в деревнях, было время сбора винограда, так что не только деревенские вышли на сбор, но и многие харраняне и эдесситы вышли и были взяты в плен». Все ворота Эдессы были закрыты, и ее оберегали. Уже упомянутый стратег Евгений «когда увидел, что он не может напасть на всех персов, взял все войско, что у него осталось, и отправился против отряда, который был у них в Феодосиополе. Он уничтожил тех, что были в нем, и взял город».⁵¹

В 503 г., двинувшись к реке Хабору, «персидские арабы» совершили нападение, которое было отбито дуксом Каллиника (Ракки) Тимостратом, уничтожившим их большое число.

Наамана опасались, поэтому таалабитам, принадлежавшим к киндитским родам, с которыми Византия заключила соглашение еще в 502 г., было дано поручение нанести ущерб лахмидам. Таалабиты направили свой удар на Хирту Нааманову, т. е. на самый центр государства лахмидов, который в это время не охранялся, так как войска арабов находились в походе.⁵² Оказалось, что здесь снаряжался «караван, который направлялся к нему» (Нааману) и были нагружены верблюды. Ромейские арабы захватили верблюдов, напав и уничтожив людей; в самой же Хирте, т. е. в лагере, они не остались, так как его население или войско отсутствовало, «Хирта удалась в пустыню», как образно сказано в тексте.

Войска лахмидов участвовали в нескольких сражениях. В решительном бою под Киркесиюмом у реки Хабор Нааману была нанесена рана в голову. «Он пошел в свою палатку, лег и умер через три дня». По словам сирийского источника, Кавад «поставил другого царя на место Наамана», имени которого он, однако, не называет.⁵³

Из арабских источников известно, что после четырехлетнего правления Наамана царем Хирты был Абу Яфур; он не был прямым наследником, но принадлежал к роду лахмидов. Через три года престол перешел к другому лахмиду — Мундару III, известному по греческим источникам как Ἀλδοῦνδαρος ο Σακκάς, по имени своей матери Закики. Сыном Наамана его считают сирийские источники. Точно так же называет его и христианская арабская хроника Сеерта: «Мундар ибн Нааман, царь арабов».⁵⁴ Но арабская традиция имя его матери передает как Маассама, а отца называет Амрулькайсом ал Бадаа Зулькарнайн.⁵⁵ Зулькарнайн — двурогий, прозвание, известное и для других арабских владык, принятое из легендарных традиций об Александре Македонском. Династия лахмидов, следовательно, не была продолжена непосредственно ни в одном, ни в другом случае, если полагаться на арабские генеалогии. Возможно, что Яфур был спешно назначен Кавадом, чтобы как-то заменить павшего военачальника. Что касается Мундара III ибн Закики, то это один из самых выдающихся представителей рода лахмидов, хорошо известный по многочисленным источникам VI в. Царь Хирты оказался тесно связанным с сасанидами. Маздакитское движение, вызвавшее ряд изменений в составе ближайших к Каваду политических деятелей, привело к тому, что в течение нескольких лет Мундар не считался царем, но затем он вновь вернулся в Хирту. Его правление заняло полстолетия, с 505 по 554 г. н. э.⁵⁶

Традиция о перерыве в царствовании Мундара основана на арабских свидетельствах, которые восходят к Хишаму. Известна длительная кровавая вражда между киндитским родом Амрулькайса и лахмидами. Из этого рода Кинда, Харит ибн Амр ибн Худжр Акил ал Мурар и его сыновья Худжр — Αύρος и Маликарим (Βαδύχαρίμος — Бадихарим) участвовали в нападениях на византийские провинции Сирии и Финикии.⁵⁷ Но военные успехи Харита стали особенно значительными, когда он проник в Ирак, что было прямой угрозой лахмидам. Именно ему приписывается захват власти над персидскими арабами, и его имя связывается с маздакитским движением, ослабившим не только державу шаханшахов, но и лахмидов. Поэтому Харит имел возможность «изгнать Мундара со двора его царства» — *امملكته وهرب المنذر من دار* — и захватить его престол.⁵⁸ Знаменательно, однако, что его местопребыванием и столицей Ибн ал Асир считает не Хирту, а Амбар, а также что Хишам, ссылаясь на своего отца, указывает, что Харит ибн Амр не числился в списках царей Хирты, он считался, следовательно, узурпатором.⁵⁹ Эти сведения объясняют и дальнейшую вражду Мундара и Харита ибн Амра между собой и смерть последнего от руки Мундара. Арабские источники ставят ослабление Мундара в зависимость от того, что Кавад покровительствовал маздакитам и восстановление его на престоле приписывают Хосрову,⁶⁰ противнику маздакизма.

У Табари сохранился рассказ анекдотического характера о встрече Кавада с киндитом Харитом ибн Амром. Историческое значение имеет подтверждение им победы Харита над Мундаром III (хотя генеалогия его дана здесь неточно) и захвата им власти. Вполне вероятно, что воинственные племена, подчиненные киндиту, совершили набег на Савад, перейдя границу у Евфрата, и не пожелали уйти оттуда, что дало возможность Хариту требовать у Кавада часть этой области себе. Наконец, в свете новейших открытий эпиграфических южноарабских материалов историческую реальность приобретает весть, которую Харит посылает к Туббе, с тем чтобы он выступил походом против Ирана. Ниже этот материал будет привлечен в связи с анализом надписей, относящихся к истории походов в центральную Аравию. Хишам не без оснований утверждал, что Тубба, т. е. царь Химьяра, собрал свои войска и выступил, достигнув Хиры,⁶¹ что не следует, конечно, понимать буквально, но что имеет опору в сведениях сабейских надписей. Теперь известно, что в 516 г. Мундар воевал в областях Аравии у вадии Масиль,

о чем свидетельствует надпись Ru 510, а в 518 г. (830 г. селевкидской эры) подверг тяжелому нападению Византию,⁶² и в дальнейшем его имя не сходит со страниц военной истории Ближнего Востока. Таким образом, восстановление Мундара имело место задолго до полного поражения маздакизма в 528 г., к которому относится гибель Харита ибн Амра, убитого Мундаром.⁶³ Захват Харитом власти над «персидскими арабами» относится, наиболее вероятно, ко времени между воцарением Мундара и 516 г., причем на краткий период времени. Так полагал и Нельдеке, считавший, что захват Харитом власти длился недолго и не был прочным,⁶⁴ надпись Ru 510, которая позволяет уточнить походы Мундара, была ему неизвестна. Восстановление Мундара не могло произойти помимо Ирана; очень возможно, что оно было связано не с полным разгромом, а с частичным ослаблением маздакизма, с тем, что после возвращения Кавада на престол представители этого движения перестали пользоваться благоволением шаха, который теперь в меньшей степени считался с ними и имел возможность вернуть Мундара.

На основании бакритской традиции Олиндер высказал предположение, что господство киндита Харита в государстве лахмидов следует отнести к смутным годам 503—506, что господство это было частичным и распространялось на некоторую часть их владений. Не Мундар наследовал Нааману в 503 г., а Абу Яфур, против которого Мундар стал искать поддержки. Персы не могли ее оказать, так как сами находились в затруднении. Поэтому Мундар был вынужден искать помощи у киндита Харита, причем он женился на дочери Харита — Хинд.⁶⁵ Царем Хирты Мундар был признан лишь в 505 г., когда и началось его полувековое господство. Признанию Мундаром маздакизма, необходимого Каваду, придано этим автором⁶⁶ преувеличенное значение; здесь действовали большие политические силы, которые связали временно двух соперников в господстве над северными арабами. Выше нами отмечено, что отношения между киндитом и лахмидом распадаются как бы на два этапа, в зависимости сначала от ослабления маздакитского движения и покровительствуемого Кавадом, а затем окончательного его разгрома в 528 г. Власть киндита Харита над частью областей Ирака следует считать признанной Ираном.⁶⁷

Таким образом, приведенные нами доводы и выводы, сделанные предшествующими исследователями, все вместе воссоздают общую картину положения в Хирте в первом десятилетии VI в.

Если Мундар некоторое время и мог опираться на Харита, что нам представляется маловероятным, то кровавая развязка этих отношений не могла не иметь места. Наиболее вероятно, что Кавад оказал известную поддержку и поощрял киндита, желая в какой-то мере ослабить все возраставшее могущество и склонность к независимости лахмидов. Положение в Иране после окончательного разгрома сторонников маздакизма Хосровом еще при жизни Кавада сказалось на отношениях племен на Востоке. У Мундара были в известной мере развязаны руки.

Сообщение византийских хроник содержит некоторые сложные для истолкования данные. Так, киндит Харит считается филархом ромеев, и, следовательно, его деятельность в областях Ирака и права, признанные за ним Ираном на какую-то часть этих областей, не послужили для этого препятствием. Однако и сохранять отношения с представителями византийской военной власти ему было трудно. Это видно из дальнейшего, когда Мундар в значительной мере усилился, а позиции Харита были ослаблены. В частности, его разрыв с дукой Диомедом послужил в дальнейшем причиной его бегства и гибели от руки царя Хирты.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ИРАНА И ХИРТА

Мундар, добившись прочного положения и поддержки со стороны сасанидов, стал вести активную внешнюю политику; она распространялась и на центральные области Аравийского полуострова, не считая постоянных раззий и походов в византийские пределы, вселявших ужас в сознание населения империи и державших в напряжении ее войска.

В настоящее время благодаря новым сабейским надписям можно с уверенностью говорить о больших связях и значении государства лахмидов, в частности о том, что свои интересы оно поддерживало и в центральных областях Аравии оружием, скрещивая его с химьяритами.

Уже для 516 г. н. э. (631 г. сабейской эры) имеются сведения о военных действиях Мундара, о чем сообщает надпись, открытая проф. Гонзаго Рикмансом и опубликованная им дважды, как Ru 446 и Ru 510.⁶⁸ Эта надпись была интерпретирована Ж. Рикмансом,⁶⁹ а также проф. В. Каскелем⁷⁰ и проф. Сидни Смитом.⁷¹ Она была открыта у вади Масиль, на середине дороги из Мекки в Рияд, с правой стороны от надписи Ru 509 на базальтовой скале. Название

Масиль Гумхан было известно и ал Хамдани, как и бедуинам в настоящее время.

Первые два исследователя интерпретировали эту надпись следующим образом: «Мадикариб Яфур, царь Сабы, Зу Райдана, Хадрамаута, Иеманата и его арабов гор и долин» выбил и установил эту надпись в Масиль Гумхан. Поход был предпринят Мадикарибом в связи с тем, что арабы *qsdm* «военные колонны» (*colons militaires*), обратились к нему за помощью, так как терпели нападения Мундара. С ним сразились войска Мадикариба, среди которых поименованы «племена Сабы, Химьяра, Рахабатана, Хадрамаута, Иаханна, с их арабами Киддат и Масхидж, с бану Тулубат, Муддир...» — *wb'm /'rbhmw /kdt /wmdh[gm] /wb'm/bny t'ibt/ wmdr* (строки 7-я и 8-я). Надпись поставлена в месяце Зу-Кайзан в 631 г. (516 г. н. э.).⁷²

Царь химьяритов Мадикариб известен не только по надписи: это предшественник Масрука Зу Нуваса, о котором в «Книге химьяритов» говорится, что мученица Рума предоставила ему большие займы.⁷³ Муддир — это Мундар III, царь Хирты, лахмид. Истолкована надпись Рикмансом, как поставленная до того, как войска Мадикариба встретились с войсками Мундара. Из Химьяра просили оказать им помощь арабы *qsdm*, что соответствует понятию «военные колонны», вследствие того, что они терпели притеснения от Мундара. На помощь им пришли войска царя Сабы, состоявшие из отдельных южноарабских племен и бедуинов (*'rbhmw*, 2-я строка). Ни места сражения, ни его результатов нет, так как оно еще не состоялось. Среди перечисленных племен в надписи названы Киддат и Масхидж. Последнее известно и из сирийского источника, послания Симеона Бетаршамского, где арабы этого племени названы в числе находившихся в лагере Мундара в 524 г.

Краткость надписи, ее лапидарный синтаксис дают возможность толковать ее различно. Так, проф. В. Каскель предложил другой перевод надписи. Он рассматривает Мадикариба и Мундара как союзников, выступивших совместно против бедуинов, которые разбойничали в областях, названных в надписи Масиль Гумхан и Катаа. Каскель читает так: «Царь Мадикариб Яфур ... со своими бедуинами гор и долин выбил эту надпись ради прогнанных им бедуинов», совершавших набеги. «Мундар также на них напал» — «auch Muddirum hatte sie bekainpft» (строки 5-я и 6-я). Они двинулись в поход «со своими племенами» (*b's 'bhmw*) Саба, Химьяр, Рабатан, Хадрамаут и Ихн и далее в надписи особо упомянуты «и их бедуины» *wb'm /'rbhmw /kdt/wmdh-gm/wb'm/bny/t'ibt...* Киддат, Масхидж «вместе с бану Таалабат, Мудар и Саб». То что в тексте 7-й и 8-й строк выделены «бедуины» и «сыны Таалаба», по его мнению, логически связывает их с Мундаром. Однако грамматический анализ Каскеля не убедителен, с его толкованием трудно согласиться. В его переводе связать имя Мундара в 5-й строке с поименованными племенами Кинда и Масхидж в 7-й строке грамматически затруднительно, и это не дает возможности принять чтение В. Каскеля.⁷⁴ Для С. Смита Мадикариб Яфур напал на «союз племени Таалаба и Мундара», царя Хирты. Тала-биты составляли «южный край царства Худжра и Харита, сыновей Амра». В строке 7-й слово *wuhn* он производит от корня *whn* и переводит его — «and began to rage». Далее и он относит текст 7-й и 8-й строки к Мундару, но переводит его иначе: «И с их арабами были Киддат и Масхидж. А с бану Таалабат и с Муддиром были Субай». ⁷⁵ Несмотря на эти варианты перевода, все же надпись остается неистолкованной и в переводе С. Смита. Но следует принять его перевод слова *wuhn* — «производить нападения, опустошать», как и чтение в 8-й строке **ومندر** «и Мундар», как имя собственное царя Хирты. Следующее слово надписи удачно читает по фотографии А. Г. Лундин, как **وسع** — «заклучить мир». Однако его попытку восстановить по одной букве **ء** слово **اتل** — «с уплатой дани» принять никак нельзя.⁷⁶ Таким образом, перевод 6-й—9-й строк будет: и они прибыли «со своими племенами Саба, Химьяр, Рахабатан, Хадрамаут и опустошали вместе с их арабами Киддат и Масхидж и вместе с бану Таалабат. И Мундар заключил мир . . . в месяце Зу Кайзан 631 г.» (516 г. н. э.). Чтение Тулабат нельзя признать правильным, это хорошо известные талабиты, или таалабиты, в сирийском написании **تالابت** с «аином», как их имя пишется и в сабейском (строка 8-я). Таалабиты, одна из ветвей киндитов, была враждебна лахмидам, как это видно и из их недавних нападений в Месопотамии и в Ираке.

Надпись, воздвигнутая Мадикарибом, является свидетельством о его походе в центральную Аравию, в котором принимали участие многочисленные племена, подчиненные Химьяру. Группы племен «Киддат и Масхидж вместе с бану Талабат», в соответствии с географическим положением занятых ими областей в Аравии и далее на север, упомянуты отдельно, как присоединившиеся к химьяритам. Следует полагать, что именно они — «арабы», упоминаемые в 5-й строке надписи и призвавшие Мадикариба на помощь против Мундара.

Надпись подтверждает и взаимную вражду киндитов и лахмидов, в которой Мундар III,

К концу царствования Юстина, после венчания на царство Юстиниана и Феодоры (8-й индиктион) у Малалы имеется сообщение: «Цари поставили (προεχειρίσαντο — приуготовили) патрикия Ипатия, стратилата востока, оберегать восточные области от нападения арабов». ⁸⁵ О назначении Ипатия известно и Феофану, который добавляет, что «стратилат востока» оберегал области от нападений персов и арабов, что он также учинил «великое преследование против манихеев и многие были устрашены». ⁸⁶ Это назначение следует поставить в связь с тем, что сообщает сирийская

Хроника, называя того же Ипатия. Очевидно, о его участии в восточной политике известно хронографам, а его назначение «оберегать» византийские пределы от нападения арабов предполагало их агрессивные действия. Брать на подозрение известия Захарии Ритора не приходится, тем более что и Прокопий Кесарийский говорит о жертвоприношении Мундара Уззе, в честь которой был заклан сын гасанида Харита.

Таким образом, и до 524 г. имеются сведения о деятельности Мундара, при этом из авторитетных источников чего, некоторые исследователи не предполагали. ⁸⁷ Восстановив себя в Хирте, Мундар укрепил отношения с сасанидами, направил свое внимание на положение в средней Аравии и устрасил области Византии своими жестокими нападениями.

Значение Хирты как политического центра арабских племен, авторитет Мундара, слава лахмидов, широкие связи, как и строй государства Хирты, охарактеризованы в замечательном, современном событиям, сирийском документе. Послание Симеона Бетаршамского дает живое представление об условиях жизни арабов, с одной стороны, о связях и значимости лахмидов, с другой. Мундар не жил постоянно в Хирте, не только походы отвлекали его. В десяти дней пути от этой своей столицы в январе 524 г. он расположился лагерем против гор Рамлах. Здесь находятся его «знатные», его войско, сюда приезжают к нему посланцы разных государств Востока. Здесь, в его лагере, находятся мужи племен Маад и Масхидж. Так как маадеи занимали некоторые оазисы областей центральной Аравии, сохраняя отношения с другой частью своего племени, оставшегося в Южной Аравии, то для Мундара мирные отношения или союз с ними не мог не иметь значения. В этот лагерь Мундара прибыл от Зу Нуваса из Химьяра посланный с грамотой, в которой сообщалось о преследовании и гонениях на христиан в Неджране. Прибыли сюда и Абрам, сын Еупора и отец Нонна, византийский толмач, со специальным поручением вместе с Симеоном, монофизитским епископом Бетаршама и горячим поборником этой доктрины. Все потянулись сюда, потому что здесь сходились нити политики всей Передней Азии, в которой все большую роль начинали играть арабы. Мундару предстояло решать сложный вопрос о позиции лахмидов не только между Византией и Ираном, на стороне которого он действовал, но и в отношении государства химьяритов и племен Аравии. Все политические вопросы осложнялись еще животрепещущей идеологической борьбой, глубоко уходящей в социальные и этнические проблемы. В этой сложной борьбе каждому государству, каждому направлению важно было перетянуть на свою сторону Мундара, важно было знать, каково будет его решение.

Послание Симеона Бетаршамского, рассмотрению которого было уделено место на страницах другого нашего исследования, ⁸⁸ вскрывает отношение лахмидов к химьяритам. Последние в своей направленной против византийского христианского влияния политике и гонениях на христиан стремились получить поддержку Хирты, которая могла противопоставить Византии и ее стремлению держать под своим влиянием «путь благовоний» и Эритрейское море, свои собственные силы и активную поддержку Ирана. Мундар должен был у себя, в своем государстве, разделаться с христианами. Более того, это пожелание Зу Нуваса было подкреплено его обещанием дать Мундару за поддержку три тысячи динариев. ⁸⁹ Другой источник, «Книга химьяритов», подтверждает, что Масрук Зу Нувас посылал грамоту Мундару. Об этом говорит сохранившийся заголовок 25-й главы, утерянной из этого памятника: «Рассказ сообщающий о содержании того, что написал этот Масрук Мундару бар Закике, царю Хирты Намановой, против христиан». ⁹⁰

Авраам бар Еупорос, священник, был послан Юстином I к Мундару с тем, чтобы заключить мир и добиться освобождения плененных военачальников Тимострата и Иоанна. Он был представителем христианского царя и соответствующего политического направления. Его спутник Симеон, автор послания, действовал в интересах монофизитов, проповедником которых он был. Симеон обратил в христианство большое число арабов и убедил знатных построить в Хирте христианскую церковь, которую сам неоднократно посещал. ⁹¹ Монофизит Симеон нашел возможным выразить Аврааму благодарность за поддержку, оказанную им «нашей сто-

имел, следовательно, высокое звание византийской военной иерархии, с другой стороны, он был этнархом, т. е. занимал положение, связанное с возглавлением этнических групп — племен. Христианские племена имели своего этнарха, поскольку он назван «христианским этнархом». Что касается «всей паремболии», то этот термин *παρεμβολή* известен из целого ряда источников. Это «военный лагерь», в данном случае, как и в «Житии Евфимии», его составляли арабские племена, кочевавшие и ведшие полукочевой образ жизни в областях, прилегавших к византийским провинциям или даже входивших в их состав. В качестве этнарха арабов-христиан и Аггей мог оказать известное влияние на решение Мундара не преследовать его подданных христиан.

Государство лахмидов никогда полностью не прекращало своих нападков на «ромейские пределы». В перерывах между персо-византийскими войнами лахмиды производили нашествия, весенние раззиды, грабили, жгли, выполняя задания Ирана, или при его попустительстве воевали на свой риск. Нельзя поэтому считать преувеличением выражение Прокопия Кесарийского, что Мундар в течение пятидесяти лет «ставил на колени Ромейское могущество» — *εξ ὄνου ἐλθεῖν τα Ῥωμαίων ἐποίησε πράγματα*.¹⁰¹ Войны между Ираном и Византией не было, но лахмиды воевали сами. В 830 г. селевкидской эры (518/9 г. н. э.) сирийская хроника отмечает их нападение на Византию. К 523 г. (возможно, к 525 г.) следует предположительно отнести их жестокости в областях Эмессы и Апамеи, как было сказано выше.

В 528 г. разыгрывается последнее действие вражды с киндитами. Харит ибн Амр не имел сил удержаться в Ираке, к тому же его положение филарха привело к столкновению с представителями высшей военной власти в византийской провинции. Краткий текст Малалы и его выражение о возникшей вражде (*ἐχθρα*) толкуется некоторыми исследователями как восстание Харита против власти дуки (*dux*) Палестины. Быть может, такой вывод конкретизирует обстоятельства. Во всяком случае, положение было настолько острым, что Арефа покидает ромейские пределы и, «убоявшись», бежит. Знаменательно, что это год разгрома маздакизма в Иране, поэтому и для Мундара оказалось возможным преследование его старого врага. Теперь, когда между силентиарием Диомедом, дукой Палестины, и филархом Арефой возникла вражда, наступило время для мести. Обратившись в бегство, киндит направляется к «внутренней границе», к Индике, т. е. Аравии, — *ο δε Ἀρέθας φοβηθεὶς εἰσηλθεν εἰς τὸ ἐνδότερον λιμῆτον ἐπὶ τα Ἰνδικά*.¹⁰² (Известно, что Индика, Индия у Малалы, у других византийских авторов этого времени обозначала не собственно Индию, а области Аравийского полуострова, часто Южную Аравию). Этот момент и был использован Мундаром. Он собрал большое войско в 30 тысяч, «набросился на филарха ромеев, схватил и убил его». «Узнав об этом, император Юстиниан написал дукам Финикии, Аравии и Месопотамии и филархам епархий, чтоб они выступили против него [Мундара], преследовали его и его войско». Византийские войска состояли из отрядов «филархов епархий», которые перечислены в следующем порядке: «Арефа филарх, Рнуф и Нааман». Далее названы византийские полководцы: Дионисий, дука Финикии, Иоанн, дука Евфратезии, и хилярх Севастьян. Все они двинулись, но настичь Мундара и его войско им не удалось, так как выступление такого количества войск испугало его и, в свою очередь, глава персидских арабов бежал «в области Индики вместе с сарацинским войском». Тогда византийские отряды направились в области Персии — *ἐπὶ τα Περσικα μέρη* и напали на его «палатки», т. е. лагерь, и «захватили множество мужей, женщин и детей, каких нашли верблюдов и всякий другой скот».¹⁰³ Феофан дает более подробный список добычи, захваченной в лагере. Они увели оттуда «тех пленных ромеев, которых там нашли, а также верблюдов, овец, быков, множество метаксы и одежды». Наличие большого количества метаксы, т. е. шелка-сырца, и одежды (*ματίσμον*),¹⁰⁴ несомненно указывает на участие арабов в транзитной торговле шелком. Они сожгли четыре персидских крепости, взяли в плен бывших в них арабов и персов и возвратились восвояси с победой.

В истории северных арабских племен наличие лиц, носящих одно и то же имя, представляло немалые затруднения. С такой неясностью историки встретились в греческих источниках, одновременно называющих двух византийских филархов, носящих имя Арефа (арабское Харит). Сомнение было разрешено благодаря Нельдеке,¹⁰⁵ указавшему, что речь идет о двух одноименных, но различных лицах. Киндит Харит ибн Амр был убит в 528 г. лахмидом Мундаром. Второй «Арефа филарх», названный вместе с Гнуфом и Нааманом,¹⁰⁶ хорошо известен как глава арабских племен, союзных Византии, и является гасанидом Харитом ибн Габала из рода Гафна, который получил звание «царя арабов» и умер в 578/9 г. Его истории нами уделено соответствующее место в главе, посвященной гасанидам. Названный рядом с Харитом

Гнуф был также гасанидом и, вероятно, происходил из того же рода Гафна, как и Харит, на что указывает его имя Гнуф (арабское Гафна).

Киндит Харит ибн Амр, он же «филарх ромеев Арефа», «удалился» в направлении Аравии, с которой у киндитов была связь и географически к ней близки были византийские провинции Палестина вторая и третья. Харит был филархом византийским и выполнял функции военной охраны границ. Оставив свои обязанности и покинув «византийские пределы», он значительно ослабил положение провинций, и этим воспользовался Мундар.¹⁰⁷

Обращает на себя внимание то, что Малала говорит о внутренней границе — то εὐδοτέρων λιμίτων, к которой бежит Харит ибн Амр, что дало повод высказать предположение, что еще в пределах византийской сферы влияния его настиг со своими войсками Мундар.¹⁰⁸ В отличие от Малалы, Феофан говорит о внешней границе — τὸ ἐσώτερον λιμίτων. Надо думать, что оба хронографа подразумевают отдаленную границу Византии, ее *limes*. Когда же сам Аламундар обращается в бегство от войск, предводительствуемых дуками Финикии, Аравии и Месопотамии, по имени не названных, как и филархом (в единственном числе), которые ему угрожали, он направляется «в области Индики, в которые еще никто из ромеев не проникал»,¹⁰⁹ — это дальние от границ Византии пределы центральной Аравии. Связь с этими областями лахмидов известна из южноарабских надписей.

Таким образом, в апреле 528 г. смертью Харита ибн Амра от руки лахмида Мундара закончился не только эпизод киндитского междуцарствия в Хирте; это в известной мере было и завершением карьеры царствующего рода Кинда на севере. После Харита выдающимся деятелем был Кайс, насколько об этом можно судить по настойчивым и повторным усилиям, употреблявшимся византийской дипломатией, чтобы восстановить его власть в Аравии над племенами Кинда и Маад, а затем сделать его филархом Палестины.

Между тем Мундар не простил ни разорения своего лагеря, ни своего вынужденного бегства; в следующем же 529 г. он жестоко отомстил ромеям.

«В то время Аламундар, персидский араб, выступил с персидским и арабским войском, опустошил (ετραϊδευσε) Сирию первую до рубежей Антиохии, сжигая отдельные местности. Услышав о происходящем, ромейские экзархи выступили против них, арабы, узнав об этом и захватив всю добычу (πασαν την πραιδαν), бежали через внешнюю границу (δια τοῦ ἐξωτέρου λιμίτου ἐφυγον)».¹¹⁰ У Малалы это событие предшествует волнениям в Скифополе, которое им отнесено к июню 7-го индиктиона.

Феофан вторжение «Аламундара Закики, царька сарацин», датирует мартом 7-го индиктиона, следовательно, мартом 529 г. Арабы дошли до предместий Антиохии, до так называемого Литарга (Литарб) и до имений Скафатов (καὶ Σκαφαθῶν τῶν κτημάτων), они многих убили, они сожгли что было «вне Халкедона» (Халкиса), «имение Сермион и землю кинегию» — καὶ ἕκαστε τα ἐξω Χαλκηδόνας, καὶ τὸ Σέρμιον κτήμα, καὶ τὴν κυνηγίαν χώραν.¹¹¹ Выступление византийских экзархов не было успешным; арабы со свойственной им быстротой, захватив добычу, бежали. В этом случае и Малала, и Феофан повторяют, что ушли арабы через внешнюю границу. Наиболее отдаленные форпосты Византии составляли этот внешний лимес, о котором еще придется говорить.

Захваченные Мундаром в плен дали знать и просили патриарха Ефраимия им помочь «из-за тягчайших наказаний», которые заставил их претерпеть «сарацин». Некоторых он «обезглавил», а другие «опасались, как бы среди них не было предательства» — φοβούμενος μήπως καὶ πρόσθια ἐξ αὐτῶν γένηται. Патриарху было необходимо время, чтобы послать просьбу о деньгах и собрать их в ромейском государстве — τὸ λέμψαι δῆσιν ἐν τῇ Ῥωμαίων πολιτεία. Узнав об этом, Мундар обрадовался и согласился ждать 60 дней. Вести за них эти переговоры он послал «Тайзана, арабского шейха» — ἀντιφώνησαντος ὑπὲρ αὐτῶν Ταϊζάνου τοῦ ἀρχιφύλου Σαρακηνῶν. В Антиохии деньги были собраны из казнохранилищ каждой церкви, начиная с патриаршей казны, и на эти средства пленные были выкуплены.¹¹² В непосредственной связи с нападениями персидских арабов были приняты меры. Из Фригии в области арабов и персов было направлено «немалое пешее войско», так называемые ликокраниты. Но фригийцы действовали без успеха. Юстиниан отозвал патрикия Ипатия, сына Секундина, и назначил Велисария «стратегом» или «стратилатом» Востока.¹¹³

К этому времени между Византией и Ираном назревали новые столкновения. Попытка построить крепость Миндон близ персидской границы, с тем чтобы иметь опору в направлении к Нисибии, не удалась. Персы были гораздо более осмотрительны, чем в случае с построением Дары, которая выросла для них неожиданно на границе. Из-за Миндона разгорелось сражение;

победа оказалась на стороне персов, и крепость была скрыта до основания. Учитывая общее положение в течение 529 г., ромеи усиленно стали укреплять Дару, византийский форпост Междуречья. Когда Велисарий и Гермогену донесли, что персы предполагают осадить Дару, они приказали выкопать особые оборонительные рвы в направлении к Нисибии, от которой должны были двигаться персы. Эти рвы соединялись друг с другом и имели несколько выходов. Персы стали наступать в июне 530 г., и с той и с другой стороны были многочисленные конные и пешие войска. Если верить Прокопию, было 25 тысяч в византийской армии и 50 тысяч в персидской.¹¹⁴ В первый день, кроме незначительной стычки, имело место лишь единоборство двух смельчаков. На следующий день после полудня началось метание стрел, а затем рукопашный бой, в котором перевес оказался на стороне ромеев. Персы отступили, но преследовать их далеко Велисарий и Гермоген не решались.¹¹⁵ Во всяком случае, победа была на их стороне.

В Армении войска Кавада также не имели успеха, хотя они состояли из отрядов воинственных армян, сванетов (Σουνίται) и гуннов-сабиров. Решительная битва произошла на равнине, в которой был расположен город Сатала, принадлежавший Византии. Военачальник Ситта вынудил персов отказаться от осады Саталы и принудил их к бегству. Однако и в этом случае ромеи отказались от преследования врага.¹¹⁶

Яблоком раздора оставались и золотые рудники у Франгия в Армении, налог с которых должен был выплачиваться Ирану. Воспользовавшись враждой между великими державами, управлявший Франгием Симеон, τῶν τῆς ἐπιχωρίων Συμμεώνης ὄνομα — «из местных жителей», поставленный Кавадом, перестал вносить этот налог, объявил «себя и Франгий» принадлежащими Византии, которой он притом также не стал выплачивать налога.¹¹⁷

Несмотря на чувствительные неудачи под Дарой и Саталой, персы не соглашались на заключение мира, требовали уплаты денег, и Руфин, посланный Юстинианом к Каваду, возвратился без положительного ответа (531 г.).

В этот именно момент, когда в Иране раздумывали о возможностях взять свое и восстановить превосходство над Византией, инициативу взял в свои руки лахмид Мундар. Его имя в наступлениях 530 г. в Месопотамии и Армении не упоминается. Хотя диалоги Прокопия ни в какой мере не являются документальным материалом, но в данном случае нельзя сомневаться в исторической правде, лежащей в основе «советов», данных Мундаром Каваду. Царь лахмидов предлагал совершить поход не на Осроену и Месопотамию, а через Евфратезию на Сирию, которая, по его мнению, плохо защищена, что ему известно от арабских лазутчиков. «Говорят, что там и город Антиохия, богатый, обширный, многолюдный, больше всех восточных ромейских городов, но его не оберегают, и он лишен войска».¹¹⁸ Хотя Прокопий и называет лахмида пренебрежительно «царьком», но, конечно, он прав, придавая значение положению Мундара и его авторитету в военной политике Ирана. Секретарь Велисария подчеркивает, что самое опасное в этом походе берет на себя лахмид, «ибо я поведу войско там, где, я полагаю, будет лучше всего» — εἴω γὰρ τῷ στρατῷ ἐξηγήσομαι ὅτι ἀν' ὁκῆ ἀρίστα εἶναι; он же позаботится о воде и припасах, что в условиях пути по пустыне было особенно важно.¹¹⁹

Вторжение в Коммагену было осуществлено персами с переправой через Евфрат, в нижнем его течении, в области, обычно называемой Ассирией.¹²⁰ Другой источник указывает на движение конного войска Мундара через Киркесий к Каллинику (Ракке).¹²¹ Далее их путь шел на Суру, Барбалисс, откуда дорога тянулась к Антиохии, в сторону от берега Евфрата. Персы со своими арабами остановились близ Габулы. Войска ромеев под началом Велисария были сосредоточены в Халкисе. Дука Суника напал на персов у Габулы без разрешения Велисария, и магистр Гермоген, который в Иераполе узнал о событиях, прибыл к Велисарию и с трудом заставил их помириться. Между тем персы со своими арабами захватили ряд мелких городов и с помощью «деревянных машин» (δια ξύλων μηχανήματα) подкопали и свернули стены Габулы и вошли в город.¹²² Дальнейшее продвижение персов в направлении Антиохии не было осуществлено, они отступили, и той же дорогой двинулись обратно, «имея реку Евфрат слева», так как они были на западном его берегу.¹²³ Угроза со стороны византийских войск из Халкиса была слишком страшной, войска Велисария следовали за ними по пятам. Персы дошли до Каллиника, который был на противоположном берегу Евфрата, и остановились. Войска Велисария переночевали в Суре, расположенной на западном берегу Евфрата, против Каллиника, и застали персов, готовившихся к дальнейшему отступлению.

Велисарий не стремился к сражению, считая, что войско утомлено дорогой и постом, но здесь ему пришлось решиться на бой, который имел место 19 апреля 531 г. в страстную субботу. Расположение арабских войск было таково, что лахмид Мундар противостоял гасани-

ду Арефе, войско которого составляло с ликаонийской пехотой южное крыло. Лахмиды ударили с силой и разделили это крыло надвое, вынудив ромейских арабов к отступлению,¹²⁴ часть из них осталась с Арефой, продолжая биться.¹²⁵ Но подозрение в предательстве со стороны филарха Арефы тем не менее высказано в источниках недвусмысленно. Исавры и ликаониты погибли во множестве, так как они не были обучены военному делу. Велисарий и часть войска переправились в лодках на другую сторону Евфрата, к Каллинику. Военачальники Суник и Симм продолжали битву против персов. Прокопий, желая защитить образ действий Велисария, сообщает о том, как им были построены войска и что он непосредственно принял участие в пешем рукопашном бою. С наступлением ночи персы отступили в свой лагерь, а затем направились в свои пределы. Характерно, что, перечисляя потери обеих сторон, хронограф называет с каждой стороны одно имя грека, одно перса, а также по одному имени из числа арабов. В битве погиб сын Мундара Нааман, из ромейских арабов был схвачен дука по имени Абр (ἸΑβροῦς = Амр).¹²⁶

Тот же Прокопий признает, что персами была одержана победа над войском Велисария, но поход в целом не принес славы Азарефу, их военачальнику.¹²⁷ Неудача задуманного Мундаром похода на Антиохию должна была отразиться и на взаимоотношениях его с Кавадом. Однако несколько времени спустя объединенными силами персидских и арабских войск «экзархи персов» совершили нападение на крепость Абгерзат в Осроене, которую они взяли ночью, и перебили находившихся в ней. Только немногие бежавшие смогли сообщить о случившемся. Персы удалились к себе.¹²⁸

Юстиниан был явно недоволен положением вещей на Востоке, поэтому он направил туда Констанциола, чтобы выяснить, как именно в действительности происходили военные действия — ἐκελεύεσθε δε και Κωνσταντίολος καταλαβεῖν την ανατολήν, γνῶναι την ἀλήθειαν τοῦ πολέμου.¹²⁹

Констанциол отправился в Антиохию, с тем чтобы узнать всю правду. Получив сведения от магистра Гермогена и «прочих экзархов» и возвратившись в Константинополь, он сообщил об этом императору. Юстиниан отрешил от должности Велисария и назначил «стратилатом Востока» Мундона.

В то же время империя пыталась заключить мир с Ираном, но тщетно. Магистр Гермоген был послан к Каваду после битвы при Каллинике, но вернулся без результатов.¹³⁰

Несколько иначе сложились дела с Мундаром. Вслед за сообщением о замене Велисария Мундоном Малала сообщает: «В июне месяце, когда стратилаты ромейские готовились против персов, Аламундар, царек арабский, написал ромеям относительно некоего Сергия дьякона», желая послать его «чтобы через него император ромеев возвестил мирный договор».¹³¹ Сергей с грамотой Мундара прибыл к Юстиниану, но тот, ознакомившись с ней, не прекратил наступления на персов — οὐκ ἐλαύσατο ἐπιστρατεύειν κατα Περσῶν. И тотчас Малала сообщает, что Руфин был послан в Персиду в качестве посла, подтверждая таким образом и правдивость сведений Прокопия. В послании императора Каваду говорилось, что он считает честью и славой, если обе державы будут жить в мире. Далее следовала угроза: а «если этого не сделаешь», то он сам захватит персидскую землю.¹³² Затем были посланы дары от Юстиниана «царю персов» и «от августы» Феодоры «царице персов, бывшей его сестрой», т. е. сестрой Кавада.¹³³ А из Эдессы «прибывшие туда Руфин и Стратигий запросили о возможности быть принятыми Кавадом, но он отказал им в этом, так как посылал против ромеев тайно» — ὅτι ἦν λέμψας κατα Ρωμαίων λαθραίως, т. е. готовился тайно к нападению и посылал войска.

Хотя Юстиниан и не дал ответа на предложение Мундара, но дьякон Сергей был отпущен к лахмиду «с царскими подарками» — μετα δῶρων βασιλικῶν.¹³⁴ Мундар действовал в этом случае независимо от Ирана, желая заключить мир с Византией, от чего последняя воздержалась, продолжая подготовку к войне с персами, с одной стороны, и добиваясь мирного соглашения с ними, с другой. Нежелание Кавада согласиться на мир могло быть препятствием к его заключению и для Мундара, так как он был в относительно подчиненном положении и зависел от Ирана.

В персо-византийской войне 531 г. Мундар показал в полной мере и силу Лахмидского государства, и свои способности. Арабами был разработан план нападения через Евфратезию на Антиохию, план, который удалось полностью осуществить позднее. Арабы обеспечили продвижение персидских войск, их удачному нападению на южное крыло ромейских войск под Каллиником персы были обязаны своим успехом. Сила и инициатива царя Хирты оказалась и в его желании поскорее достигнуть соглашения с Византией, к которой он обратился с

мирным предложением.

В этом же году имело место первое, но далеко не последнее столкновение между Мундаром и главой гасанидов Арефой. Вражда с киндитами была завершена, на очереди стояли гасаниды, все больше входившие в силу в качестве федератов империи, являясь буфером, первым препятствием, на которое наталкивались лахмиды.

В подготовленном Ираном походе на Мартирополь участие арабов не упомянуто, как и в контрнаступлении византийских войск, успешно отразивших персов при Нимфии, левом притоке Тигра. Полководцем Дорофеем был осуществлен захват целого ряда городов и крепостей Персармении, в которых было получено, множество добычи. За этими богатствами был послан кубикуларий Нарсес, армянин. Возможно, что не названная Малалой крепость, в которой было сосредоточено особенно большое имущество, была знаменитым торговым городом Армении Двином.¹³⁵ У Мартирополя борьба продолжалась, и послам Византии было запрещено Юстинианом переходить границы Ирана без вторичного приказа, а оставаться «с дарами в Ромейских пределах» — *ἀλλ' ἐμείναν εἰς τὰ Ῥωμαϊκά συν τοῖς δόροις*.¹³⁶

Византийские летописцы согласно сообщают, что престарелый и больной Кавад назначил своим преемником второго сына Хосрова. Это событие Малала относит к 8 сентября (531 г.). Через 5 дней после этого Кавад умер, «прожив 82 года и 3 месяца, процарствовав 43 года 2 месяца».¹³⁷ Прокопий остановился на этих событиях подробнее, он знает о завещании Кавада, о согласии знати на воцарение Хосрова, помимо Кавоса.¹³⁸ Положение Хосрова было, однако, не прочно. В связи с этим следует поставить его желание заключить мир; он обратился в Константинополь с просьбой разрешить послам «прибыть в Персиду и заключить договоры» — *εἰσελθεῖν ἐν Περσίδι καὶ λάκτα ποιῆσαι*.¹³⁹ Император ответил письменно, что он этого не только не разрешает, но «нам даже неизвестно, что ты царь персов».¹⁴⁰ Хосров был вынужден написать вторично, прося перемирия на 3 месяца. В Константинополе согласились при условии взять у персов и дать своих заложников, но послам Стратигию и Руфину было приказано вернуться в столицу. Через некоторое время переговоры о мире были возобновлены, для чего были посланы Гермоген и Руфин. «Посланы были от Юстиниана к Хосрову Руфин и Гермоген магистр, и он заключил мир на 7 лет», — пишет Иаков Эдесский.¹⁴¹ Условие его было следующее: возвращение каждой стороне захваченных крепостей и земли, т. е. *Status quo ante bellum*. Персы вернули Византии крепости Лазики. Ромеи обязались не иметь военачальника в Даре, отдали Ирану золотые копи в Фарангии, крепость Болон и уплатили деньги. «Вечный мир» между Византией и Ираном был утвержден на этих основаниях в 6-м году царствования Юстиниана, т. е. в 532 г. н. э.¹⁴² Малала считает, что мир был заключен на 31-м году после нападения Кавада на Византию.¹⁴³

В Иераполе (Мембидже) была найдена греческая дефектная надпись, находящаяся в настоящее время в музее в Дамаске, которая имеет отношение к договору между ромеями и персами. В первой ее строке упомянут император Юстиниан и Руфин — *Ῥουφῖνον στρατάρχον*. В 4-й строке говорится о мире между двумя государствами и деньгах, с которыми он был связан:

Γέγονεν συν θεῶ τῷ ἀγίῳ ἡ εἰρήνη μεταξύ Ῥωμαίων καὶ Περσῶν δωθέντων τῶν χρημάτων.¹⁴⁴

ВОЙНА ЗА «СТРАТУ»

В самом конце 30-х годов между гасанидами и лахмидами назрел конфликт. Византийская традиция винит в этом Хосрова, который желал иметь предлог для нарушения соглашения и подстрекал Мундара, и тот затеял спор с гасанидами. Лахмиды стали жаловаться, что Арефа нарушает границы, и начали разорять землю ромеев. Они утверждали, что этим соглашением между Ираном и Византией не нарушено, так как отдельно в договоре арабы не упоминаются.¹⁴⁵

У Табари имеется параллельный текст, в котором имена сохранились в несколько искаженном виде; еще Нельдеке объяснил это тем, что в арабский текст этот рассказ попал через пехлевийскую передачу.¹⁴⁶ «Между Хосровом и царем Иахтианусом был мир, но возникли обиды между двумя арабскими царями». Халид (Харит) ибн Габала был поставлен Юстинианом над Сирией царем. Лахмид Мундар ибн Нуман (Нааман) был поставлен Хосровом в качестве царя «над областью Оман, Бахрейн, Иемама до Таифа и прочими частями Хиджаза». Харитом было совершено нападение на владения Мундара, он перебил многих и захватил добычу. Лахмид пожаловался Хосрову, прося написать об этом Юстиниану и требуя возмещения.

Хосров такого рода послание направил Юстиниану, настаивая на возвращении Мундару захваченной добычи, контрибуции за убитых и полного удовлетворения его требований, тем более что был нарушен мирный договор. Он повторно посылал письма Юстиниану, но тот не обратил на них внимания.¹⁴⁷

Из приведенного текста видно, что он составлен в оправдание персам, и транскрипция имен говорит о том, что он первоначально был на пехлеви. Византийские источники также говорят о переписке между державами, но иначе. Юстиниана упрекал Хосров в написании письма (γράμματα τε . . . ἔγραψε) Аламундару, уговаривая его перейти на сторону Византии и обещая ему за это много денег — μεγάλων χρημάτων. Другой упрек шаха заключался в том, что Юстиниан послал письмо гуннам, побуждая их напасть на землю персов;¹⁴⁸ в последнем, впрочем, Прокопий не был уверен.

Спор между шейхами шел за так называемую «страту», мощеную римскую дорогу, которая проходила несколько южнее Пальмиры, соединяя ряд важных пунктов; она была как торговой, так и стратегической артерией и соответственно охранялась филархами «ромейских арабов». Узкая полоса земли вдоль этой дороги могла служить лишь пастбищем для овец, но ее государственное значение было настолько существенным, что требовало сохранения прав на нее. Арефа доказывал, что она принадлежала империи издавна, как это ясно из самого ее латинского названия. Мундар утверждал, что те, кто пасли свои стада на этих пастбищах, с давнего времени вносили деньги ему. Разобрать спор Юстиниан назначил Стратигия, архонта царской казны, и Сумма, начальника войск Палестины. Военачальник считал, что уступать лахмидам эту землю нельзя, а казначей стремился к тому, чтобы у персов не было повода нарушить мир. Поэтому Юстиниан обсуждал это дело длительно в совете — ταῦτα ἐν βουλῇ εἰποιεῖτο. Хосров утверждал, что мир нарушен Византией.¹⁴⁹ Не получив удовлетворительного ответа на свои письма, он начал поход, сообщает Табари, оправдывая действия шаха,¹⁵⁰ для чего, несомненно, были основания. Тот же Прокопий говорит, что в мирное время Юстиниан стремился прибрать к рукам и подружиться с Аламундаром — εταίριζεσθαι Ἀλαμουνδαρον ἐν σπονδαῖς ἐνεχεῖρησε, предлагая большие деньги. Более того, Хосров предъявлял письма императора царю лахмидов с этими предложениями.¹⁵¹ Посредником в этих сношениях был Сумм, когда он ездил разбирать дело арабов. Сообщенные историком подробности не могли быть выдуманы, они отвечали действительности, так как наличие писем подтверждается в послании Юстиниана Хосрову. «Ты упрекаешь нас в письмах, написанных без намерения злого, — пишет он, — толкуя (ἐρρινεύειν) их по-своему, не так, как они написаны, с тем чтобы найти предлог для своих пожеланий». Император считает, что виноваты персы, так как Мундар «недавно, во время мира, напав на нашу землю, совершил ужасные дела, брал селения, захватывал имущество, убивал людей и обратил в рабство такое множество» — καὶ ἀνδραποδισμοῦς τοσοῦτων το πλῆθος, что в этом следовало оправдываться персам.¹⁵² Юстиниан хотел избежать войны, он напоминает поэтому шаху его клятвы и обещания, не забывает и того, что последний получил деньги и теперь он не может и не должен пренебречь и поправить все эти обязательства. Хосров не только не ответил на послание своего «царственного брата», но не отпустил и посланного с этим письмом Анастасия. Мундар является, таким образом, верным союзником персов, он отклоняет попытки империи перетянуть его на свою сторону, отказывается от предложенных ему денег и выполняет задание, завязав ссору с гасанидами. Не подлежат сомнению и его нападения на ромейскую землю, на которые жалуется Юстиниан. Лахмидов связывал с Ираном вековой союз, в котором лахмиды играли подчиненную роль, но были жизненно необходимы Ирану. Международную политику на свой страх Хирта могла вести лишь в известных пределах. Она вела ее в отношении арабских племен до самых отдаленных мест их распространения, но иметь свое, самостоятельное и независимое направление сношений с Византией было невозможно. Этому препятствовала не только и не столько политическая зависимость государства лахмидов от Ирана, но и самое его географическое положение. Главные, закрепленные за Хиртой, владения составляли естественное продолжение западных пространств Ирана, являясь неким географическим единством. Отколоться от персов значило поставить под удар эти земли. Мундар этого, конечно, не сделал.

Весной 540 г. персидские войска под началом самого шаханшаха двинулись на Византию тем же путем, который был предложен Мундаром за 10 лет до того. На протяжении всего похода первого года об участии арабов в нем у Прокопия не упоминается. Однако следует предположить, что без их участия едва ли могла быть осуществлена кампания, их помощь требовалась и в пути, который был лучше всего известен им; они были быстроходным конным

войском. Автор «Войн» умолчал об этом сознательно.

Хосров захватил Суру на берегу Евфрата и угрожал Иераполю, который был покинут военачальником Вузом с лучшими воинами. С первых побед шаханшаха было очевидно, что его целью не является завоевание, захват территории на длительное время. Это был поход, в котором важнейшей целью было ограбление и полон населения. Захватив Суру, поработенное население его Хосров предлагает выкупить епископу Сергиополя (Русафы) Кандиду за два кентенария. Иераполь откупился от разорения за две тысячи серебра. С Берои (Алеппо, Халев) шах потребовал вдвое больше, а слабое сопротивление города, отсутствие воды позволили персам захватить его. Когда Антиохия не представила требуемого выкупа в 10 кентенариев, персидские войска двинулись на столицу Сирии. Персами были заняты все ее ворота, войско ромеев пробило и отступило через ворота, ведущие к предместию Дафне. Антиохия была захвачена врагами и отдана им на разграбление. Богатейший город был опустошен, не только золото и серебро, драгоценная утварь, но великолепные мраморные изваяния были захвачены и увезены оттуда в Иран.¹⁵³ Мир между ромеями и персами длился до 851 г. селевкидов (540 г. н. э.), сообщает другой источник «В этот год выступил Хосров, старший царь персов, в ромейские пределы и полонил Антиохию, Суру и Халев... повернул и дошел до Эдессы, но не причинил ей вреда, вышли к нему главы [города], и он взял два кентенария золота и вернулся в свою землю».¹⁵⁴

Сирийская хроника Захарии Митиленского рассматривала взятие Антиохии как кару за отказ от монофизитства, анафематствование Севера и признание халкедонского вероисповедания. «А через два года» после этих событий «в третий выступил Хосров против Антиохии, как написано в следующей главе».¹⁵⁵ Эта следующая глава не сохранилась. ~~Читая~~ — это «третий» год индиктиона и 540 г. н. э. Хроника Иакова Эдесского дает краткую запись: «В этот год... греков выступил Хосров и полонил Суру, Халев, Антиохию и Апамею и их области. И также полонили ромеи земли кардавайе, арзенайе и арабайе».¹⁵⁶ Точный перечень взятых в походе 540 г. Хосровом городов отнесен к 10-му году Хосрова и 13-му году Юстиниана. Что касается завоеваний византийских войск» то они были направлены в качестве ответного удара на области Арзанены и в Бет Арабайе. В горных областях были потревожены курды (кардавайе).

У Михаила Сирийца сохранился следующий перечень походов Хосрова. «В год 11-й¹⁵⁷ Юстиниана, соответствующий 850 греков, видима была большая и страшная комета по вечерам в течение многих дней, и в тот же год был нарушен мир между государствами. Выступил Хосров, царь персов, и полонил город Суру, Антиохию, Халев, Апамею и их области в горький полон. Выступили ромеи в Персию и полонили землю кердавайе, арзенайе и арабайе.

«Вновь выступил Хосров, с большим войском полонил Калиник и всю Месопотамию и вернулся.

«Вновь выступил Хосров против Эдессы, но не смог ее покорить. Он полонил Батнан и ушел. „И не было никого, кто бы возвысил голос и издал крик“, как написано [в Писании].

«Вновь выступил Хосров, и обложили персидские войска Антиохию, покорили ее, сожгли и полностью ограбили, забрали даже мраморные плиты, что были на стенах. Они [антиохийцы] были уведены в их землю и построили там город и назвали его Антиохия ... царь Юстиниан сильно оплакивал Антиохию».¹⁵⁸

Сведения сирийских источников находятся в согласии с греческими. Даты Иакова Эдесского заслуживают доверия, как и весь подсчет его синхронистических таблиц. Поздняя хроника Михаила Сирийца содержит сведения, почерпнутые из источников VI в., в первую очередь из Иоанна Ефесского и Захарии Митиленского, дошедших в дефектных рукописях. Эти материалы не привлекались до настоящего времени исследователями.

Походы Хосрова и взятие Антиохии, в частности, оставили глубокий след в памяти современников. Империя была потрясена этим событием, ей необходимо было спешить и пытаться заключить мир. Юстиниан посылал к Хосрову послов, но они не добились успеха, а разграбленная Антиохия была разрушена и сожжена.¹⁵⁹ После длительных переговоров на утверждение Юстиниану был послан договор с требованием немедленной выплаты 50 кентенариев и ежегодных взносов в 5 кентенариев. Между тем Хосров направился в Селевкию, население которой отсутствовало, очевидно бежало, и в Апамею, с которой он получил тысячу литр серебра и захватил множество драгоценностей. На обратном пути из Византии шах получил выкуп с Халкиса и, перейдя Евфрат, предполагал «похитить возможно больше денег из Месопотамии».¹⁶⁰ Эдесса также откупилась за два кентенария золота. Взятие Дары не удалось, но шах получил тысячу литр серебра и покинул «ромейские пределы», так как лето, когда обычно со-

вершались походы, кончалось.¹⁶¹ Весь этот поход носил специфически грабительский характер: захват огромных количеств денег, драгоценных металлов, изделий, полон жителей, их рабование, продажа или выкуп. Персы, очевидно, не имели в виду захвата областей, принадлежавших Византии. Земли, которые были целью их похода, являлись исконными владениями империи, глубоко эллинизованными, составлявшими главную ее опору. Они не остались в длительном подчинении, как это доказали и походы на рубеже VI и VII вв. Византийские области недолго находились под владычеством персов.

Этот первый поход Хосрова в 540 г. известен и арабским источникам. Табари перечисляет захваченные Хосровом города в следующем порядке: «Дара, Эдесса, Маббог (Иераполь), Киннешрин (Халкис), Халев (Беройа), Антиохия, самый значительный из городов Сирии, Апамя, Химс (Эмесса) и многие соседние области» были им захвачены силой, а «деньги и имущество из городов взято в качестве добычи».¹⁶²

Пленных из Антиохии Хосров поселил в новом городе, на расстоянии одного дня пути от Ктесифона. Город был построен по образцу византийских городов, с банями и ипподромом, и содержался на средства шаха. Поселенные там пленные считались и назывались царскими — βασιλικοὺς καλεῖσθαι, с тем «чтобы они не подчинялись никакому начальству, а только одному шаху» — ὅστε τῶν ἀρχόντων οὐδενὶ ὑποχειρίους εἶναι ἢ βασιλεῖ μόνῳ.¹⁶³ Такое положение имело свои большие преимущества, и многие военнопленные стремились бежать в эту новую Антиохию, где они получали право убежища, а их прежние собственники не имели права их требовать обратно.¹⁶⁴

Город этот был назван Румийа (ромейский), а план его воспроизводил якобы план Антиохии.¹⁶⁵ Управлять пленными был поставлен Бараз, христианин из Ахваза, который до того был главой его ремесленников.¹⁶⁶

Что касается остальных городов, то император был вынужден выкупить их за большую сумму денег и ежегодно выплачивать дань, чтобы персы не совершали нападений на области империи. Эти обязательства были записаны в особой грамоте, подписанной императором и его знатыми с приложением печати.¹⁶⁷ Сообщение арабского источника совпадает с тем, что известно от греческих историков.

Второй поход Хосрова был направлен на Кавказ. Весной 541 г. персидские войска напали на Лазик (Колхиду). Поводом для этого послужили притеснения, чинимые византийскими властями, поставившими все население в тяжелое материальное положение, грабившими его. Лазы обратились за помощью к персам, те были рады случаю, который позволял и облегчал им вторжение в области, находившиеся под владычеством империи. Пройдя с войсками через Иверию, Хосров оказался в центре Колхиды и осадил крепость Петру, которая была на самом берегу Черного моря и одной стороной была защищена скалой. Первый приступ был неудачен для персов, но они повели подкоп под башни стены, вытащив из-под них камни. Петра была вынуждена сдаться. «Ромеи ... смешались с войском мидийским» — ἀλλὰ Ῥωμαῖοι ... τῷ Μήδων στρατῷ ἀεμίγυνοντο.¹⁶⁸ Между тем Византия спешно укрепляла свою восточную границу в Месопотамии и Армении.

В наступлении, подготовленном со стороны Византии, значительная роль принадлежала «ромейским арабам», которых возглавлял гасанид Арефа. Он учинил в южной части Междуречья, в Ассирии разорение и получил огромную добычу. Велисарий не удалось взять Нисибю, но он захватил крепость Сисавраны и срыл ее стены. Хотя византийские арабы и принимали активное участие в этом походе, о лахмидах, которые оказывали бы им сопротивление, не говорится. Но какой грозой арабы были для Сирии и Палестины, видно из того, как страшила отдельные отряды византийского войска возможность их нападений.

Когда Велисарий созвал в Даре военачальников, чтобы решить вопрос о наступлении и осаде Нисибии и Сисавран, то воеводы войск Ливана, фракиец Рекифанг и Феоктист, хотя и считали правильным наступление, опасались принять в нем участие со своими солдатами, боясь оставить селения Финикии и Сирии без охраны и тем самым дать возможность Мундару их разграбить — διοίεσαι. δε μὴ σφῶν ἐκκλειοιπότων τὰ τε ἐπὶ Φοινίκης καὶ Συρίας χωρία κατ' ἐξουσίαν μὲν Ἀλασιόνδαρος ταῦτα ληΐζεται.¹⁶⁹ Они могли этим навлечь на себя жестокий гнев Юстиниана. Велисарий успокоил их уверениями, что это время летнего солнцеворота, когда в течение двух месяцев арабы, «посвящая их своему богу» (τῷ σφετέρῳ θεῷ), никогда не совершают походов и не нападают на чужие земли.¹⁷⁰

После взятия Сисавран византийские войска, тяжело страдая от летнего зноя, болели. Возникла необходимость вернуться к себе. Особенно страдали непривычные к этому климату

фракийцы. Военачальники войск из Ливана настоятельно просили Велисария их отпустить, так как время летних месяцев, когда арабы не нападают, прошло. «Они неоднократно обращались к Велисарии, прося тотчас отпустить их восвояси, утверждая, что, предоставляя Аламундару селения Ливана и Сирии, они остаются у него без всякого смысла» — μαρτυρούμενοι ὡς Ἐλαμουνδάρῳ τὰ τε ἐπὶ Λιβάνου καὶ Συρίας χωρία ἐνδόντες κάθηνται αὐτοῦ οὐδενὶ λόγῳ.¹⁷¹ Подтверждает опасность нападения Мундара и речь одного из военачальников — Иоанна, сына Никиты. На совете он первый высказал Велисарии свои опасения за состояние византийского войска, большинство которого состояло к этому времени из тяжело больных. «Сарацины, наиболее боеспособные из наших воинов, перешли Тигр», они двигались быстро вперед и не прислали даже гонца с известиями о себе. «Рекитанг и Феоктист, очевидно, отправляются, как ты видишь, полагая, что теперь, конечно, войско Аламундара находится среди Финикии, унося и грабя там селения».¹⁷² В один из самых трудных моментов ведения войны против Ирана стратегам приходилось опасаться за провинции Сирию и Финикию, богатейшие области Византии, которые подвергались систематическим нападениям лахмидов. Если в течение двух священных месяцев можно было надеяться, что «раззии» не будет, то по окончании этого срока было невозможно удержать войско и военачальников этих областей, так как они не сомневались в том, что Аламундар их разоряет. Наиболее боеспособной частью войска были арабы, они под командой гасанида Арефы, перейдя Тигр, опустошали персидские земли. Ромеи были вынуждены возвратиться обратно на свою территорию, а Велисарий провел зиму 541/2 г. в Константинополе. Хосров, в свою очередь, вернул войска из Лазики, несмотря на известный успех, в частности взятие Пётры. Беспокойными были вести о грабительском походе арабского войска Арефы и успехах византийского войска.

Третий поход Хосрова был осуществлен весной 542 г. Его целью было пройти Евфратезию и проникнуть в Палестину, которая не была тронута в предшествующие годы и могла дать богатую добычу. Персы осадили Сергиополь, центр, особо чтимый арабами-христианами, занимавший значительное место в жизни гасанидов. Еще в 540 г. епископ Сергиополя Кандид дал клятвенное обещание выплатить два кентенария за освобождение взятых в Суре 20 тысяч человек из плена. Обещание это Кандид выполнить не смог и теперь, при приближении войска шаха, отправился к нему с просьбой о прощении. Он был жестоко избит и должен был внести сумму вдвое большую. Тогда Кандид отправил некоторых своих спутников с людьми шаха, с тем чтобы взять церковные драгоценности и отдать Хосрову. Но последнему показалось, что ему привезли мало, он потребовал, чтобы в город пустили его людей якобы осмотреть имущество Сергиополя. Это было военной хитростью, которая была раскрыта.

«Араб Амр по имени, христианин из арабов, состоящих у Мундара (τῶν τῆς Σαρακηνῶν Χριστιανῶς μὲν, ταπτόμενος δὲ ὑπὸ Ἐλαμουνδάρῳ, Ἄμβρος ὄνομα), ночью подошел к стене города и сообщил им все, наказывая никак не допускать персов в город».¹⁷³

Попытка взять по приказу Хосрова город приступом после неудавшейся хитрости была безуспешна. Тот же Амр сообщил жителям Сергиополя ночью, что персы скоро снимут осаду, так как они страдают от крайнего недостатка воды. Его слова оправдались, и часть, осаждавшая город, возвратилась к основному войску шаха. Из этого эпизода видно, что Сергиополь, как христианский центр арабов, и в этом случае нашел поддержку в арабе-христианине, принадлежавшем к войску Мундара, которое, следовательно, принимало участие в третьем походе Хосрова. Последний теперь направился в Коммагену. Велисарий между тем объединил византийские войска в Дуре-Европосе. На значительное продвижение вперед Хосров не решился; хитрости Велисария заставили его предполагать наличие большого войска Византии. Разрушив стены Каллиника, взяв в плен его жителей, персы покинули ромейские пределы. Сирийские авторы жалуются на то, что персы захватили останки мученика Вакха и золото, которое было вделано в раку святого Сергия. «В год 15-й Юстиниана, соответствующий 854 году греков (543 г.), вновь выступили персы и полонили всю землю пограничную (ⲉⲗⲓⲃⲏⲛⲏⲛ ⲛⲓⲛⲏⲛ ⲛⲓⲛⲏⲛ). Они опустошили Каллиник и Бет Балаш (Калис?), взяли останки мар Вакха мученика и золото, вделанное в раку мар Саргиса».¹⁷⁴

Таково было общее положение на Востоке, когда в 542 г. страшная «смертница», чума, настигла его население, выкашивая в течение двух лет целые области. Это бедствие принесло огромные потери и потрясения. Болезнь коснулась не только городов, она охватывала деревни, как и кочевое население. Сирийские хроники сохранили записи об ужасах и опустошениях, которые принесла эта эпидемия.

В 543 г. военные действия персидских полков происходили на Кавказе. Не считаясь с

единым управлением, нарушая субординацию и дисциплину, византийские военачальники выступали без общего обдуманного плана. Войска Хосрова были вынуждены покинуть Азербайджан, чтобы избежать чумы. В персидской Армении они встретили ромейские войска, решительная битва между ними произошла у крепости Англон — Ἀγγλῶν. В битве были разбиты герулы, возглавляемые Нарсесом, а затем бежали и остальные войска. Персам досталось множество оружия и скота.¹⁷⁵

В связи ли с чумой, потому ли что и силы персов поистрепались в длительных набегах на Византию и, несмотря на успехи, были истомлены, но во всяком случае их поход 543 г. не был грозным нападением предшествующих лет и не был направлен на собственно византийские области.

Политические интересы обеих великих держав были по-прежнему направлены не только на территории Закавказья и границы по Междуречью, но и на аравийский *limes*, на далекие, но необходимые для торговых сношений пути вдоль берегов и по Красному морю, которые было желательно держать каждой из них под своим контролем.

Имя Мундара, царя Хирты, названо в числе других правителей, представители которых упомянуты в известной надписи химьяритского царя Абрахи у Марибской плотины. После рассмотрения этой надписи на страницах нашей монографии 1951 г. появился ряд новых исследований, посвященных как этой надписи, так и новым, недавно опубликованным сабейским надписям. Некоторые исследователи считали возможным настаивать на изменении химьяритской эры, комбинируя и строя догадки в зависимости от упоминаемых в разных источниках событий. Так, для С. Смита надпись Абрахи воздвигнута в 539 г.¹⁷⁶ Были и другие попытки изменить эру химьяритов,¹⁷⁷ но в последнее время вернулись к прежней дате, относя начало эры за 115 лет до н. э. и связывая ее с полным солнечным затмением 19 VIII 114 г. до н. э., которое было видно в Южной Аравии.¹⁷⁸ По нашему мнению, нет оснований, исходя из общего политического положения на Востоке, менять дату надписи Абрахи, и мы считаем это недопустимым приемом. Но более того, дата надписи и все, что в ней сообщается, прекрасно укладывается именно в рамки этого года. Это соответствует всем событиям, имевшим место у химьяритов, утверждению Абрахи, завершению его борьбы за престол. Обстоятельства 543 г. никак не могли препятствовать ни гегемонам, ни их сателлитам послать своих представителей в Химьяр. Чума в этом году была на исходе и вообще не могла остановить всего течения жизни. Персо-византийская война находилась в стадии ослабления, но далеко идущие планы обоих государств продолжали распространяться и на Аравию. Соперничество гасанидов и лахмидов было в полном расцвете. Сношения между мелкими арабскими государствами известны и раньше. Стремление химьяритов оказать влияние на лахмидов явно сказалось и в 524 г. (год посещения Симеоном Бетаршамским лагеря Мундара); еще в 516 г. (год надписи у вади Масиль) отмечены их военные столкновения. Царь Хирты имел все основания направить в Химьяр своего посланца — *رسول*, который упомянут непосредственно за «представительством» *تنبئت* царя Ирана. В надписи 543 г. первое место принадлежит Эфиопии, второе — Византии, только после этого упоминается представительство Ирана и, наконец, главы арабских государств, из которых лахмиды названы сразу за своим покровителем Ираном. Затем надпись упоминает посланцев — двух братьев гасанидов Харита ибн Джабала (Габала) и Абукариба ибн Джабала.¹⁷⁹ Византии, Эфиопии и Химьяру гасаниды были ближе и дружественнее, чем лахмиды, но по силе и значимости государство Хирты занимало в это время несравнимо более выдающееся положение, чем союзники Византии — гасаниды. Это и дало право «посланцу» лахмидов занять более высокое место в списке, данном надписью.

Участие лахмидов в военных действиях персов не ослабевало. В 544 г. войска Хосрова двинулись в Осроену, чтобы обложить Эдессу. Осада велась длительно, были попытки проникнуть за стены города, подкопать их, сделать искусственный холм и с него угрожать стенам, но ромей подкопали это сооружение снизу и подожгли его изнутри. Наконец Хосров решил взять Эдессу приступом. К стенам приставили лестницы и стенобитные машины и двинули войско. Арабам было дано специальное поручение, которое они могли хорошо выполнить, и было указано особое место. За наступающими войсками «были поставлены все арабы с несколькими персами, не для того, чтобы они осаждали перибол, а чтобы, когда город будет взят, они ловили и захватывали бежавших» — *ὀπίσθεν δὲ τοὺς Σαρακηνοὺς ἀπαντας συν τῶν Περσῶν τισὶν ἐταξεν, οὐκ ἐφ' ὧ τῷ περιβόλῳ προσβάλωσιν, ἀλλ' ὅπως ἀλίσκομένης τῆς πόλεως αὐτοὶ τοὺς φεύγοντας σαγήνευσαντες λάβωσι.*¹⁸⁰ Арабы в регулярном персидском или византийском войске выполняли определенные функции, они не были подготовлены для ведения осады, которая

требовала известной технической приспособленности. В других эпизодах они были незаменимы, как, например, провести войско через пустыню или «ловить» беглецов, как в данном случае. Обращает на себя внимание тот факт, что сборное войско у персов и у ромеев строилось по этническому принципу — гунны, герулы или арабы строились в них отдельно, имея своего военачальника, подчиненного общему командованию. Арабы воевали под началом своего царя или поставленного им начальника.

Эдесса и на этот раз отбила нападение персов. Хосров потребовал и получил пять кентенариев, «дал письменное обещание» — *εν ὑράμμασιν αὐτοῖς τὴν οἰολογίαν ἐπέλιπε* — не Причинять больше вреда ромеям, сжег свои сооружения и со всем своим войском вернулся восвояси.¹⁸¹ Затем было заключено перемирие на пять лет. Ромей заплатили 20 кентенариев и послали по просьбе Хосрова ученого врача Трибуна к нему.¹⁸²

Мир был заключен в 19-м году единоличного правления Юстиниана, т. е. в 545 г.; комит Марцеллин отнес это событие к 546 г.

Спустя недолгое время после заключения мира возникли военные действия между арабами, тогда как «ни ромеи, ни персы не воевали». Войну между Аламундаром и Арефой 546 г. большие державы решили не заметить и сделать вид, что она их не касается, — это дело самих арабов. Один из сыновей Арефы находился при табуне лошадей, которые паслись. Мундар захватил его внезапно и «принес его в жертву Афродите». Богиня Узза, которая названа известным для греков именем, почиталась арабами, и тот же Мундар заклал в ее честь 400 девушек, взятых в плен в Эмессе. В сражении войск обоих царей победа оказалась на стороне Арефы, который вынудил своих врагов к бегству и «многих убил». Он чуть было не захватил двух сыновей Мундара, но это ему не удалось. Война между лахмидами и гасанидами была ожесточенной, перевес и успех, достигнутый Арефой, был существенным, Мундар был потеснен.¹⁸³ На этот раз перемирие, заключенное между Византией и Ираном в 545 г., не было нарушено, война между арабами дальше не распространилась.

Интересы лахмидов в центральной Аравии оказались в более благоприятном положении со времени их победы над киндитами. В Ираке киндиты потеряли свою власть, лишившись поддержки шаханшахов, а Харит ибн Амр бежал от ромеев и был убит Мундаром в 528 г. Племя Маад постоянно упоминается вместе с Киддат, их связь имеет характер подчинения — цари-киндиты держали в подданстве маадеев. Государство лахмидов, как было отмечено выше, имело претензии на северные и средние области Аравийского полуострова, стремясь к контролю над ними. Здесь должны были неизбежно столкнуться интересы двух центров, которые собирали и объединяли арабские племена: южного химьяритского и северного лахмидского.

Эпиграфическое свидетельство является в этом случае особенно ценным, оно исходит от самих арабов, оно датировано, упоминаемые в надписи лица известны. В 170 км на юго-восток от Биши (Bisa) и в 130 км на северо-запад от Хима (Hima), несколько в стороне от обычных дорог из Йемена и Хадрамаута в Мекку, у колодца Мурайгхан была найдена надпись, опубликованная проф. Г. Рикмансом как *Ry 506*.¹⁸⁴ Перевод и толкование надписи было дано почти всеми специалистами по сабеистике. Общий смысл надписи не вызывает сомнений. Царь химьяритов Абраха приказал выбить эту надпись в 662 г. эры химьяритов, т. е. в 547 г. н. э., по поводу похода, который был им предпринят против Маада в месяце Зу Табтан. Тогда же были разбиты и все «бану Амир», против них Абраха послал двух военачальников — Джабара и Башара ибн Хисна. Первый возглавлял киндитов, второй — саадитов (строки 4-я и 5-я), которые победили на дороге у Турабана племя Амир. В переводе, предложенном Каскелем, текст истолкован иначе. По его мнению, племя Амир занималось ограблением караванов на дорогах, что и вызвало необходимость расправиться с ними. Химьяритские войска, возглавляемые Абрахой, разбили маадеев у Халибана. Дело касалось и интересов лахмидов, поэтому Мундар (строка 8-я) направил своего сына Амра (строка 7-я), который договорился о мире и был «поставлен наместником» — *استخليفهو* (от корня *اخلف*, от которого происходит и халиф) маадеям.

Эта надпись подробнейшим образом проанализирована предшествующими исследователями, поэтому укажем лишь самое главное. Нет необходимости считать упоминаемые в надписи «бану Амирим» — Амир ибн Сасаа;¹⁸⁵ так как это племенное имя было широко распространено, такое отождествление требует осторожности. Верному пониманию надписи способствует ее толкование, данное Бистоном, в частности установленные им два сражения химьяритов, на которые указывает надпись, с Маад и с Амир.¹⁸⁶

Так как Мундар потерпел поражение от гасанида Харита в 546 г., когда «не воевали ни

персы, ни ромеи», то поход 547 г. Абрахи (Ry 506) никак не может быть вдвинут в рамки войны персов против Византии, как этого хочет Каскель, который находит возможным отнести эту надпись к 544 или 545 г.¹⁸⁷ Такую же дату — 544 г. — для этой надписи дает и С. Смит, предложивший и вообще отнести начало эры химьяритов за 110 лет до н. э.¹⁸⁸ Эта попытка не оправдывает себя ни с точки зрения хронологии греческих и сирийских источников, ни самих химьяритских надписей. Опровергая самого себя, и Ж. Рикманс вернулся к определению даты за 115 лет до н. э., связав ее с полным затмением солнца осенью 114 г. до н. э.¹⁸⁹ Именно в 547 г. Абраха мог в известной степени рассчитывать на ослабление Хирты и поэтому на некоторый успех своего воздействия на Маад. В 546 г. лахмиды потерпели поражение от гасанидов, византийские источники в этом случае объективны. Расчет оказался правильным, так как в 547 г. победа осталась за химьяритами, как свидетельствует Ry 506. Мундар пришел на помощь маадеям лишь тем, что в переговорах о мире он участвовал и заложники были даны от него или с его согласия через его сына Амра. Будущий царь Хирты Амр ибн Мундар был наместником лахмидов у маадеев. Такой перевод и истолкование текста дано Бистоном, и с ним следует согласиться.¹⁹⁰ Не представляется ни в какой мере вероятным предположение, что поставленный наместником Амр ибн Мундар был выдан в качестве заложника Абрахе. Он вел переговоры, являясь главой маадеев, ставленником Мундара, но нигде не сказано, что он подчинился химьяритскому царю, и из текста надписи не вытекает, чтобы он стал сам заложником, как это ошибочно представляется некоторым авторам.¹⁹¹

Арабской традиции известно о походе Амра в Йемаму. С удивительным пониманием исторической обстановки Коссен де Персеваль писал: «Отправился ли [Амр] наказывать мятежных или сразиться с отрядами абиссинцев, которые были господами Йемена и могли послать их в эту область?». ¹⁹² из этого похода Амр возвращался недовольный и униженный, без добычи. В этом есть известное сходство с тем, что сообщает надпись. Но дальше традиция сообщает о нападении Амра, когда он возвращался на союзное лахмидам племя аджитов, на которое его уговорил напасть Зорара из племени Ханзала.

Большой интерес представляет вопрос о том, в какой связи находится поход Абрахи 547 г. и «поход слона». Взгляды на это различны. С большой уверенностью можно говорить о том, что тот единственный поход, о котором говорит Прокопий Кесарийский (В. Р. 1. 19), совершенный по просьбе Юстиниана Химьяром против Ирана, — это поход, запечатленный в надписи у колодца Мурайгхан. «Персидские войны» были написаны Прокопием между 545 и 554 гг.; ¹⁹³ он сообщает лишь об одном походе Абрахи, который «выступил только однажды и тотчас отступил». ¹⁹⁴ Нападение Абрахи на маадеев, подчиненных лахмидам, следует рассматривать как выступление против персов, а вмешательство Мундара — как защиту их интересов со стороны арабов Хирты. Прокопий другого похода не знал и не мог знать; есть все основания полагать, что надпись 547 г. и «Персидские войны» говорят о том же событии. Проф. Ф. Альтгейм считал возможным идентифицировать поход Абрахи на маадеев с «походом слона», считая, что арабская традиция перенесла это событие из 547 в 570 г., год рождения Мухаммеда. ¹⁹⁵ Во всяком случае, остается в силе уже высказанное соображение, что трудно растянуть царствование Абрахи до 570 г. ¹⁹⁶

Для истории лахмидов важно то, что их влияние и в 40-х годах VI в. простиралось на области центральной Аравии, где они стремились сохранить свое положение, несмотря на действительную вражду Химьяра. Мундар ставил своего «наместника» маадеям, они считались важными союзниками, так как управление ими было поручено его сыну и наследнику Амру. Ослабление киндитов создавало возможность возвышения лахмидов. Не случайно, что именно киндиты приняли участие в походе Абрахи; киндиты, принадлежавшие, очевидно, к той группе этих племен, которые остались в Южной Аравии, и вошли в состав химьяритского государства. Они помнили, что маадеи были в подчинении у северных киндитов, царь которых Харит погиб в битве с Мундаром. В Химьяре киндиты играли важную роль, они занимали в известной мере независимое положение, как это видно и из восстания против Абрахи Язида ибн Кибшата, к которому примкнули другие племена. ¹⁹⁷

Постоянные столкновения между арабскими племенами в областях Передней Азии отмечаются источниками. После заключения пятилетнего перемирия между персами и ромеями в 545 г. в следующем же 546 г. нападение Мундара лишило гасанида Харита сына, который был принесен в жертву Уззе. ¹⁹⁸ Но и сами персы искали случая досадить Византии. К третьему году этого перемирия (547 г.) Прокопий относит попытку, будто бы сделанную персами, захватить Дару. Иедикуснасп Зих под предлогом переговоров должен был войти в Дару с 500 отборных

воинов и поджечь город, а во время пожара открыть ворота войску, которое дожидалось бы недалеко. Этот заговор был открыт перебежчиком начальнику Дары Георгию, и он допустил посла лишь с 20 человеками свиты. В Константинополе Иедигуснасп был принят с великими милостями и провел там около 10 месяцев. Прием посла стоил огромных денег (10 кентенариев золота), но никакие серьезные дела решены не были. Благосклонность Юстиниана простиралась и на свиту посла: к столу был приглашен и переводчик персидской стороны Брадукий, который поплатился за это смертью. В Иране его посчитали предателем и убили.¹⁹⁹

В 550 г. истекал пятый год перемирия между Византией и Ираном, поэтому патрикий Петр был направлен к Хосрову, чтобы продлить мир. Шаханшах отпустил магистра, обещая прислать своего посла. К императору был вновь направлен тот же Иедигуснасп в сопровождении знатных персов и своей семьи. Он держал себя непомерно гордо и начал с жалобы на то, что мир нарушают ромеи, а именно что «Арефа и подчиненные ромеям арабы вредили Аламундару [их] подданному» — Ἀρέθαν τε καὶ Σαρακηνοὺς τοὺς Ῥωμαίων ἐνσπόνδους Ἀλαμουνδάρῳ ἐν σπονδαῖς λυμήνασθαι φάσκων.²⁰⁰ Возможно, что нападения Арефы имели место и в конце 40-х годов, но, как всегда, арабы были прекрасным поводом, чтобы Иран мог выразить свое неудовольствие.²⁰¹ Перемирие было наконец заключено на новое пятилетие в 25-м году правления Юстиниана, и весной 552 г. Иедигуснасп вернулся в Ктесифон богатейшим человеком, осыпанный дарами и подношениями Юстиниана.²⁰² Хосров подтвердил свое согласие на исключительно выгодные для него условия мира, отложив, однако, вопрос о Лазике.

Насколько существенное значение имел в сношениях обеих империй вопрос об арабах, говорит то, что с жалоб на них начинались переговоры, а при заключении договора, как о важнейшем условии, упомянуто, чтобы «к этому времени были улажены разногласия как относительно Лазики, так и арабов» — ἐν τούτῳ τῷ χρόνῳ τα τε ἀμφὶ Λαζικῆ καὶ Σαρακηνοῖς διάφορα δωκῆσασθαι.²⁰³ Устраивать дела арабов можно было лишь ненадолго и чисто условно; они поступали по своему усмотрению и нарушали соглашения без каких-либо предупреждений. Вражда гасанидов и лахмидов не только не затихала, но становилась все острее.

Последняя схватка Мундара с гасанидами стоила ему жизни. Это был поход в пограничные области Междуречья, где он столкнулся с Харитом. «В 27-й год Юстиниана вторгся Мундар Закика в ромейскую землю и опустошил многие области. Выступил Харит бар Габала, сразился с ним, победил и убил его у источника Удайе, что близ Киннешрина. Умер сын Харита, по имени Габала, который был убит в этой битве. Отец похоронил его в мартирии (ⲛⲓⲧⲓⲛⲟⲩ ⲁⲓⲛⲟⲩ) этой крепости».²⁰⁴ Другой сирийский источник позволяет уточнить дату смерти Мундара. «Год 865. В хазиране [месяце] умер Мундар», т. е. в июне 554 г. н. э.²⁰⁵ Место смерти близ Киннешрина указывает и арабская традиция, которая называет его ал Хиджар (al Hijar), расположенный в двух днях дороги от Халеба в Ракку. В арабских источниках названы и другие места, как Aīn Ubāg в Ираке. Битва, в которой пал Мундар, называется некоторыми арабскими авторами и «днем Халимы» — Jaum Halima,²⁰⁶ но эти догадки отпадают в связи со старейшей и ясной сирийской традицией.

Битва, в которой пал Мундар, имела место при ал Хиджаре близ Киннешрина, согласно сведениям арабских историков и сирийских хроник. Это мнение было высказано Нельдеке²⁰⁷ и находит подтверждение в новых сирийских источниках, которые были открыты в последующее время. По арабской же традиции он был сражен Шамиром ибн Амр ас Сухайли из племени Ханифа. Дату его смерти следует считать хорошо засвидетельствованной и твердо установленной, она соответствует и тому, что Табари, на основании Хишама, исчисляет срок его царствования в 49 лет,²⁰⁸ а Прокопий Кесарийский говорит о 50 годах, в течение которых он держал в страхе и ужасе всю ромейскую землю.²⁰⁹ Это отвечает тому времени, которое занимает его правление с 505 по 554 г. Два года царем Хирты после смерти Наамана в 503 г. был Яфур. «Узурпация» киндита Харита ибн Амра не принята во внимание ни арабскими, ни греческими источниками при исчислении времени царствования Мундара.

Государство лахмидов достигло при Мундаре самой высшей точки своего расцвета. Оценка, которая дается ему современниками как храброму, сильному и лукавому врагу, отвечает всему, что о нем известно из источников, но относить ее следует не столько к личным качествам этого царя-воина, сколько ко всей военной мощи государства лахмидов, их связям и авторитету, приобретенному среди других арабских племен и племенных союзов.

Если Прокопий Кесарийский называет его «очень опытным в войне, преданным персам», то это отвечает действительности. Однако следует отметить, что при всей «преданности персам» Мундар принимал деньги и подарки от врагов, и «дары императора Юстиниана», вы-

зававшие негодование Хосрова, были, конечно, формой подкупа. Константинополь откупался от причинявших неисчислимые бедствия нападений Мундара и его арабов. Без преувеличения, в течение полувека он был грозой для восточных областей империи от Египта до Месопотамии, «опустошая эти земли», грабя их дочиста, сжигая все строения; он брал в полон тысячи людей, одних убивал, других продавал за большие деньги. Все эти действия были типичными для нападений арабов вообще, они особенно хорошо удавались Мундару. Его нападения никогда не совершались необдуманно — *αελιςκέλτος*, но носили неожиданный, внезапный *ἐξαπναιίως* характер, с расчетом на то, чтобы успеть умчаться, унося с собой добычу. Византийские войска обычно не успевали его нагнать. Арабы умели стремительно нападать, не давая ромеям построиться для правильной битвы. Иначе говоря, нападения и походы арабов носили типичный характер набегов, захвата, разорения, после которых они спешили удалиться.

Нельзя, однако, отрицать и того, что Мундар придавал этим старым типичным приемам варварских нападений особую остроту своими личными качествами: предприимчивостью, лукавством, жестокостью и большим военным опытом.²¹⁰ В своей характеристике Мундара и в других случаях, когда он сообщает о его походах, Прокопий не указывает на то, что лахмидам противопоставлялись византийские арабы, будь то киндиты или гасаниды, выполнявшие задачу охраны границ. Они были знакомы с приемами и методами нападений арабской конницы, сами действовали теми же способами. В других источниках, у Малалы, Феофана, Евагрия, Кирилла Скифопольского, противопоставление арабов, представлявших разные политические интересы, тяготевших одни к Ирану, другие к Византии, сказывается совершенно отчетливо.. И «византийские арабы» не раз наносили чувствительные удары своим «персидским» соплеменникам.

Хирта как государство, главой которого был царь, военный вождь этих племен, несомненно, имела большое значение. В управлении и особенно в военных планах и действиях глава и военачальник мог приводить к единообразным, стройным и согласованным действиям; это было преимуществом, которым располагали лахмиды. Это было вполне сложившимся порядком, при котором племенная организация, однако, сохранялась, как сохранились и демократические традиции, вече, права племенных и родовых старейшин, о которых еще придется упомянуть.

Такого арабского государства, ей преданного, с царем во главе, Византия не имела, более того, не могла и не хотела иметь. Этому препятствовала вся система организации империи, которая не потерпела арабских и сирийских государств — Коммагены, Осроены, Пальмиры, Пётры, ни в Месопотамии, ни на сиро-финикийском побережье.

Патрициат и «царское достоинство», присвоенные Хариту, носили другой характер, и его положение как самостоятельного правителя не могло идти в сравнение с высоким, давно сложившимся и традиционным положением царей Хирты.

ПОСЛЕДНИЕ ЛАХМИДЫ

В списках лахмидских царей после Мундара назван его сын Амр ибн Мундар, матерью которого была Хинд. Это дочь Харита ибн Амра, киндита, приходившегося внуком Худжру Акил ал Мурару.²¹¹ Ту же генеалогию Амра дает и Хамза Испаганский, называя его мать Хинд, из рода Амру ибн Худжра киндита Акил ал Мурар.²¹² Мать Амра ибн Мундара была, следовательно, дочерью врага Мундара, киндита Харита, убитого им в 528 г. Предполагают, что она была захвачена в одном из походов лахмидов против киндитов. Но возможно и другое предположение, что в тот период времени, когда Мундар был вынужден терпеть Харита в Ираке в связи с тем, что последнего поддерживал Кавад, между ними могли быть сношения и дочь Харита могла быть выдана за Мундара. Хинд, мать Амра и его брата Кабоса, была христианкой.²¹³ В Хирте имелась церковь, которая была ею построена, о чем известно из надписи, которую в свое время переписал Якут,²¹⁴ Эту церковь построила «Хинд дочь Харита ибн Амра ибн Худжра, царица, дочь царей, мать царя Амра ибн Мундара, раба Христова, мать его раба и дочь его рабов, в царствование шаханшаха Хосрова Анушервана, во времена епископа мар Ефрема». Надпись позволяет сделать несколько выводов. Хинд — «царица» и «дочь царей», следовательно, несмотря на то, что она была дочерью врага, убитого Мундаром, она занимала первое место, причем занимала его как «мать царя Амра ибн Мундара». Возможно, что надпись относится ко времени после смерти ее мужа, когда ее сын Амр стал царем Хирты. Судя по тому, что Амр назван **عبد** «рабом» Христовым, можно предположить, что он также был христианином. До упомянутого в надписи епископа Ефрема известны другие епископы Хирты. О христианстве арабов, подчиненных лахмидам, еще придется говорить. Амр — это тот самый сын Мундара, о котором сообщает южно-арабская надпись 547 г. (Ru 506). Он был назначен наместником маадеев в центральной Аравии своим отцом, заключил мир с Абрахой и дал по его требованию заложников, чтобы обеспечить Химьяру спокойствие от нападений Маада.

Арабская традиция хранит смутные сведения о походе Амра против гасанидов с целью отомстить за смерть отца. Но предания эти носят неопределенный характер, хотя самый факт, вероятно, отвечает истине. Когда Амр решил мстить, он призвал к оружию подчиненные лахмидам племена, из числа которых бану Таглиб не пожелали ему повиноваться. Собранные Амром войска выступили прежде всего, чтобы расквитаться с мятежниками, которые в своей гордости говорили: не думает ли сын Хинд, что мы пастухи, обязанные подчиняться его приказам? Бану Таглиб почувствовали тяжелую руку Амра, который двинулся затем на Сирию, напал на гасанидов и освободил из плена Амрулькайса, сына Мундара, т. е. своего единокровного брата. Основным и наиболее воинственным ядром отрядов Амра было племя Бакр, которому он был обязан своей победой.²¹⁵

На значение лахмидского государства для сохранения равновесия сил в отношениях между империями указывают специальные пункты в мирных договорах этих держав, оговаривающие условия отношений с арабами. Персы по-прежнему рвались к Черному морю, где стремились сохранить свое господство ромей. Лазика и Свания оставались пунктами военных столкновений, а затем становились предметом длинных дипломатических споров. В 556 г. о продлении срока перемирия между Ираном и Византией ходатайствовали персы, и в следующем, 557 г. он был продлен на пять лет,²¹⁶ по их истечении договор должен был быть заключен на 50 лет. В конце 561 г. в пограничную Дару прибыл магистр патрикий Петр, уполномоченный Юстинианом вести переговоры, протокольная запись которых была сохранена. Иран был представлен Иедигуснаспом из аристократического рода Зих. Речи обоих послов содержали соображения общего порядка, рассуждения и назидания, но также и деловые предложения: ромей настаивали на получении Лазики, персы требовали обычных дотаций. Переводчики и толкователи длительно обменивались мнениями. Затем предложения обеих сторон были подтверждены специальными грамотами (*αι σακραι*) императора и шаха, которые давали согласие на текст договора, выработанный магистром Петром, Евсевием и Иедигуснаспом и подписанный ими с приложением печатей. Каждая саkra содержала один и тот же текст, разница была лишь в вольной части *προλογου*, содержащей слова от монарха лично

К ноябрю 12-го индиктиона, в последние годы Юстиниана, т. е. к ноябрю 563 г., относится сообщение о посещении «Арефой, патрикием и филархом арабов», Константинополя. Он выяснял вопрос о том, кто из его сыновей наследует филархию и также «что было совершено Абаром [Амром] сыном Аламундара в его области (εις τους τόπους αὐτοῦ)». ²²² Надо думать, что нападения касались Сирии, которая рассматривалась как область непосредственного подчинения Арефе как филарху.

Между тем вопрос о дотациях, о выплате известной суммы арабам, подчиненным Ирану, не снимался, и к нему Хосров нашел возможным вернуться вновь. В марте 567 г. император Юстин II направил в качестве посла Иоанна, сына Доменциола, ²²³ который должен был официально поставить в известность шаханшаха о вступлении Юстина II на престол, что соответствовало принятому издавна обычаю. Но в то же время Иоанну было дано и дипломатическое поручение — выяснить вопрос о Свани (Сванетии), которая не была передана Византии и оставалась местом, откуда персы производили нападения на Лазикю. Господство на Черном море оставалось также жизненным вопросом для ромеев.

Иоанн остановился в Даре, ожидая окончания праздника «фурдигана», во время которого персы делами не занимались, затем переехал в Нисибию и, наконец, был допущен в столице к Хосрову.

Однажды шаханшах завел речь об арабах. И дальше Менандр приводит краткую характеристику арабов — это многотысячные племена, большая часть которых занята скотоводством, они пасут скот в пустынях — *τα γαρ Σαρακηνικα φῦλα μυριάδες ταῦτα, και το πλείστον αὐτῶν ἐρημιόνομοι τε εἰσι*. Над ними нет власти или господина, они *ἀδέσποτοι*, одни из них тяготеют к ромейской, другие — к персидской державе. ²²⁴ Юстиниан посылал им подарки, любя мир, Юстин не имел в виду этого делать и пренебрегал арабами, приверженными персам. Арабы настойчиво просили Хосрова вмешаться, чтобы получать деньги от Византии. Их главным доводом было то, что они получали их за сохранение мира и не нападали на ее границы.

На все это Иоанн ответил длинно и витиевато, он повторил старые слова о том, что арабам делались лишь подарки, тем более что и они подносили дары императору. Если бы даже Юстиниан и брал на себя обязательство платить арабам, то, во всяком случае, с его смертью оно кончилось, так как условие, взятое на себя одним человеком, хотя бы и императором, если оно противоречит интересам государства, может быть отменено. Вступивший на престол Юстин не склонен был что бы то ни было уступать «варварам вообще» и арабам в частности. ²²⁵ Он советовал персам держаться за мирный договор, чтобы не вызвать войны. После этого об арабах больше не упоминалось.

Нет сомнения, что Византия откупалась от беспокойных арабов. Это ясно из сказанного патрикием Петром и послом Иоанном Хосрову, это подтверждается и неудовольствием, которое высказывал Иран, когда Юстиниан предлагал Мундару большие суммы, с тем чтобы он не выступал в случае войны с персами. «Подарки» арабам делались, а цари Хирты от императора их принимали. Не подлежит сомнению и то, что шаханшаху и его правительству об этом было хорошо известно, но это не вызывало у них никакой тревоги. ²²⁶ Мундар не проявил никакого желания прекратить походы на византийские области или смягчить свою жестокость в отношении захваченных в плен. Недаром и Прокопий говорит о его верности и преданности интересам Персидской державы. ²²⁷ Как Мундар, так и Амр были, однако, склонны вести самостоятельную, независимую политику и занять равноправное положение с Ираном и Византией, но это им не удавалось. Поэтому и Хосров считал возможным настаивать на выплате лахмидам дотации; это ослабляло финансовую мощь империи и укрепляло экономически Хирту, в преданности которой интересам Ирана все же не было необходимости сомневаться. Дипломатический выпад Петра не вселил глубокого сомнения в давно и прочно сложившиеся отношения между лахмидами и сасанидами. Амр неоднократно совершал нападения на области империи, поэтому императору Юстину II после заключения 50-летнего мира казалось совершенно ненужным оплачивать арабов.

В ответ на посольство Иоанна к Хосрову в 567 г. персами был направлен Зих, чтобы принести Юстину II поздравления и вернуться к спорному вопросу о Сванетии. Но Юстин после созванного им совещания решил еще в пути поставить в известность Зиха, что требования персов не найдут у него положительного решения. Письмо, составленное Иоанном, было вручено в Нисибии больному Зиху, который там вскоре умер. Хосров направил в Константинополь новое посольство, возглавленное Мебодом, который надеялся разрешить спорные вопросы. Его поведение, по мнению ромеев, было высокомерным. Юстин принял его, поблагодарил

за приветствия от шаха, но лично Мебоду не выразил благоволения и ни слова не проронил относительно Сванетии, что поставило посла в тяжелое положение. Одновременно с персидским посольством в столицу явились направленные от лахмидов представители в количестве около 40 человек. Амр пожелал послать, таким образом, посольство от себя.

Мебод домогался и настаивал (εξελιάρει), чтобы они были приняты для беседы императором. Последний спросил: «Чего, собственно, желают ваши сарацины?» и разрешил явиться к нему только одному посланному. Но представитель лахмидов считал нужным сохранить принятый при Юстиниане обычай, по которому императору представлялись все сопровождавшие посланного лица, и он считал «неприличным (απρεπές εἶναι) предстать перед императором одному» и «отказался» от того, чтобы быть им принятым.²²⁸ Наиболее вероятно, что этот обычай коренился в демократическом устройстве арабских племен, которых представляли племенная аристократия или племенные вожди. Посланный Амром был первым среди равных и не считал возможным или боялся обойти остальных, тем более что главным вопросом, подлежавшим обсуждению, была уплата арабам денег Византией.

«Тогда император совершенно презрел сарацина» — τότε ο βασιλεὺς τὸν μὲν Σαρακηνὸν τελευώτατε περιεφρόνησεν — и выразил Мебоду свое неудовольствие. Персидский посол ответил, что он разберется в этом и что, если араб поступил неправильно, он сам его осудит (αὐτὸς εὖ κατὰδικήσω). На что Юстин ответил, что Мебод; по-видимому, прибыл не в качестве посла, а чтобы судить.²²⁹ Перс сконфузился, «покраснел лицом» (το πρόσωπον εροϊνίττετο), откланялся и вышел. Несколько дней спустя он вновь явился «настойчиво прося» (παρητήτο λιταρῶς), чтобы арабы были приняты, причем ссылаясь на то, что такой прецедент имел место при Зихе. Юстин страшно разгневался и закричал на него:

«... или ты не замечаешь, что говоришь с императором ромеев и Юстином?». Перепуганный Мебод бросился ниц (πρηνής) и стал уверять, что он этого не говорил, а Юстин счел нужным сделать вид, что поверил этой лжи и сказал, что «наш переводчик» (ο ἐρμηνεύς ἡμῖν) неверно перевел одно слово вместо другого. Император стремился поднять престиж Византии, но не имел в виду доводить дело до конфликта. «Горе всем арабским племенам, самому Амбру и его посольству», воскликнул Мебод, «я буду об этом молчать и не скажу больше ни слова».²³⁰ А Юстин «бранил сарацина» (τὸν Σαρακηνὸν εἶπε κακῶς), ругал его торгашом (μεταβολεύς) и барышником (παλιγκάπηλος). Эта брань относилась к царю Хирты, Амру, который, требуя денег, дождется только худшего, «было бы смешно, если бы арабским племенам, этим кочевникам, мы, ромеи, установили платить подать». После этих слов персидскому послу оставалось только просить отпустить арабское представительство и его самого, что и было разрешено Юстином.²³¹

Причина настойчивости персидского посла в отношении претензий арабов коренилась в известной зависимости Ирана от военной силы арабов. Такие опытные государственные люди, как Мундар и Амр, благодаря своим военным дарованиям заняли выдающееся положение, с ними были вынуждены считаться сасаниды, и их посол боялся неудовольствия лахмидов — он действовал вопреки необходимой осторожности и навлек на себя даже гнев Юстина. Возможно, что именно положение, которое заняли лахмиды, понудило в дальнейшем сасанидов постараться избавиться от них, как слишком сильных и претендовавших на самостоятельность союзников.

Арабы не простили Византии провала их посольства. «Когда арабы возвратились во свояси, они сообщили Амбру мнение императора о персидских арабах. Тогда Амбр дал знак своему брату Кабосу, тоже сыну Хинд, который противопоставлял себя Аламундару, правившему ромейскими арабами, напасть (σημαίνει καταδρομεῖν) на землю Аламундара. Эта земля кончается у Аравии».²³² Аламундар, о котором идет речь, — сын гасанида Харита, Мундар. Глава ромейских арабов, он наследовал филархат своего отца. Граница «его земли» действительно кончалась у Аравии, так как в филархию гасанидов входила область Пётры и Финикон, «подаренный» Юстиниану еще Абукарибом, дядей Мундара. Битву, в которой сразились лахмид и гасанид, Нельдеке считал знаменитым сражением Айн Убаг, воспетым арабами. Оно происходило далеко на восток от Хирты, к которой победитель-гасанид затем продвинулся со своими войсками на расстояние, равное трем дневным переходам.²³³ Сирийская хроника, составленная в 724 г. н. э., сообщает под 881 г. селевкидской эры: «В четверг праздника вознесения этого года дал сражение Мундар. Бог помог Мундару, он победил Кабуса, и восторжествовал крест».²³⁴ 881 г. селевкидов соответствует 570 г. н. э. Начало великого поста этого года, по свидетельству той же хроники, относили одни к 17-му, другие к 24-му дню месяца шебат, но

пасху все праздновали в один и тот же день. Михаил Сириец сообщил, что пасху праздновали в этом году 6 апреля (нисана), следовательно, вознесение, 40-й день после 6 апреля, было 16 мая.²³⁵

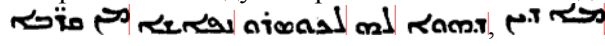
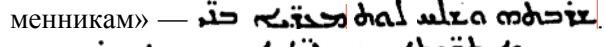
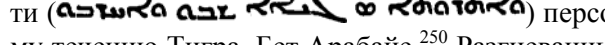
Взаимоотношения между Амром и Кабусом не следует рассматривать как одновременное царствование двух лахмидов. Известно, что родственники царя занимали видные должности в государстве, часто достаточно самостоятельные. Кабус правил или состоял наместником Амра какой-то части Хиртского государства, вероятно западной, ближайшей к владениям гасанидов. Амр «подал знак» Кабусу, что наступило время, когда нападение на византийские области было желательным. Как ближайший сосед ромейских арабов, Кабус соперничал, ἡγορεύων ἀντικαθίστάμενος αὐτῷ, «противопоставлял себя вождю ромейских арабов». Гасаниды оказались победителями.

Амр царствовал 16 лет, по арабской традиции,²³⁶ что соответствует и примерному расчету, который можно сделать на основании византийских источников. Смерть Мундара, отца Амра, падает на 554 г., а начало правления брата Амра Кабуса следует отнести к 569—570 гг., когда сирийская хроника упоминает о нем как о царе (مطاح).²³⁷ Амр пал жертвой ссоры, он был убит Амром, сыном Культум из рода Таглиб, судя по преданию, по несущественному поводу. Но в основе лежала длительная распря между племенами: известна жестокая расправа, учиненная Амром племени Ханзала, члены которого были заживо сожжены.²³⁸ Через 8 лет 8 месяцев его царствования родился Мухаммед (Табари), или в 9-м году его царствования в 6-м месяце (Хамза). Это хронологическое сопоставление имеет значение. Кабус, наследовавший своему брату Амру, в арабской традиции Хамзы рисуется слабым и непригодным для своего высокого положения человеком. Однако те факты, которые известны из греческих и сирийских источников, этого никак не подтверждают, так как Кабус ведет войну и царствует в Хирте. Он будто бы назывался царем лишь потому, что так звались его дед и отец; это не отвечает тому, что о нем пишет его современник Иоанн Ефесский. В своей «Истории» этот последний сохранил длинное повествование о гасаниде Мундаре, сыне Харита, нанесшем поражение Кабусу вторично, когда он был уже царем Хирты и вновь сделал набег на византийские области.²³⁹ Воспользовавшись тем, что Мундар рассорился с Константинополем, удалился в пустыню и перестал защищать границы империи, лахмиды стали вместе с персами нападать на области Сирии и доходили до Антиохии. Когда по прошествии трех лет удалось уговорить Мундара примириться с империей, он собрал все свое войско и, «полный гнева на персидских арабов», двинулся на них.²⁴⁰ Его воины «внезапно напали на Хирту Нааманову», перебили бывшее там войско и сожгли в ней все, за исключением церквей. Мундар разбил свою палатку среди лагеря и оставался там пять дней.²⁴¹ Мундар захватил огромную добычу, то, что было награблено в ромейских областях, а также угнал табуны лошадей и стада верблюдов. Подробнее история гасанида Мундара рассмотрена в главе, посвященной истории гасанидов, особенно тесно связанных с Византией.

Нападение, разграбление и сожжение Хирты гасанидами следует отнести к 578 г., примерно ко времени преемника Кабуса. Кабус умер, вероятно, в 573/4 г., так как длительность его царствования исчисляется в 4 года, по сопоставлению с временем сасанидов.²⁴² 8 месяцев одновременно с Аношерваном и 3 года 4 месяца одновременно с Хормиздом.²⁴³ По преданию, Кабус был единственным лахмидским царем, который умер в самой Хирте,²⁴⁴ все остальные умирали далеко от нее, на полях битв. После Кабуса управление персидскими арабами перешло в руки перса, назначенного шаханшахом, и лишь позднее, после перерыва, воцарился младший брат Кабуса, Мундар, который за свое властолюбие был ненавидим. Возможно, что принадлежащий к ибадитам Заид ибн Хаммад действовал вместе с персом, поставленным в Хирте, имя которого традиция передает различно. Время междуцарствия определяется в один год. В течение четырех лет царствования Мундара ибн Мундара происходят жестокие сражения между персидскими и ромейскими арабами.²⁴⁵ Возможно, что традиция права, приписывая гибель Мундара в бою с гасанидами у Айн Убаг. После 580 г. он не упоминается.

Мундару наследовал его сын Нааман, последний царь из рода лахмидов. Он царствовал 22 года: 7 лет 8 месяцев при Хормизде, сыне Аношервана, 14 лет 4 месяца при Хосрове, сыне Хормизда.²⁴⁶ Относительно него известно мало достоверного, хотя сохранилось много анекдотов, рассказов, упоминаний о нем в поэтических произведениях. Подчеркивается его безобразие, невзрачность, «низкое» происхождение его матери. Наиболее правдивы и историчны сообщения анонимной сирийской хроники, относящейся к последним сасанидам, в которой сохранился, однако, налет народного сказания.

Нааман ибн Мундар принял христианство. «Тогда же и Нааман, филарх враждебных скинитов, проклятый и нечестивый язычник, который собственноручно людей заклал своим демонам, принял святое крещение. Сделанную всю из золота [статую] Афродиты он в огне расплавил и роздал бедным, приведя к богу всех бывших с ним».²⁴⁷ Афродита, конечно, идол богини Уззы, которой приносились человеческие жертвоприношения. Он был крещен Ишоябом, патриархом несториан, который оказался в немилости у шаха Хосрова Парвиза за то, что отказался следовать за ним «в ромейские пределы», когда тот искал там убежища во время восстания Биндоя и Бистама. Оклеветанный к тому же нисибийским архиатросом, врачом Тимофеем, Ишояб отправился в Хирту, где он окрестил «Наамана, царя арабов», остался там, а затем и умер (594/5 г.). Хинд (младшая), сестра Наамана, его торжественно похоронила «в новом монастыре, который она построила» в Хирте.²⁴⁸ Барэбрей утверждает, что Нааман был привержен монофизитству, а Ишояб тщетно старался обратить его к несторианству.²⁴⁹ Этот царь Хирты проявил независимость в своих отношениях с шаханшахом. В критические для

Хосрова дни, когда тот бежал от Варахрана, Нааман его не поддержал и не последовал за шахом. Точно так же Нааман отказал Хосрову в прекрасном коне, которого тот у него просил. Наконец, Хосров пожелал получить дочь Наамана, очень красивую, но тот не согласился на этот брак и послал ему сказать: «Мужу, имеющему грубые обычаи, я не дам своей дочери». Хосров затаил в душе против него гнев. Когда шаханшах несколько освободился от войны — , он пожелал расчитаться со своими врагами, в том числе с Нааманом. Он пригласил его на трапезу, но вместо хлеба перед Нааманом была положена трава. Царь арабов страшно рассердился, «он послал к маадеям, своим единоплеменникам» — . Маадеи опустошили и полонили многие области персов и дошли до Ароба, т. е. до области по нижнему течению Тигра, Бет Арабайе.²⁵⁰ Разгневанный Хосров приказал Нааману явиться к нему, но араба не смогли уговорить. Один из переводчиков Наамана с острова Дерин, по имени Мана, был в заговоре с Хосровом, он сказал Нааману:

«Царь очень любит тебя» и поклялся ему на евангелии, что не повредит ему царь. Также и Мавиах, жена Наамана, говорила ему: «Тебе подобает умереть с царским титулом, а не быть изгнанным и лишенным царского достоинства». Когда он прибыл к царскому двору, он [шах] не убил его, но приказал быть ему при дворе, а затем, как говорят, смертельным ядом убил этого славного исповедника».²⁵¹

Арабские источники дают другие сведения о смерти Наамана, но и они знают, что его смерть была насильственной: одни утверждают, что он умер в тюрьме, другие — что он был растоптан слонами. Более того, верны предположения, что Хосров II не только хотел избавиться от нежелательного ему представителя рода лахмидов, но и устранить весь этот род, лишиться его «царского достоинства» и управления. На такие соображения указывают, как это отмечено и в предшествующих исследованиях,²⁵² данные Динавери, который вкладывает в уста Хосрова слова: «Нааман и его семья связались с арабами и внушали им надежду, что власть от нас [персов] к ним перейдет».²⁵³ Свержение династии знаменовало ослабление и падение всего государства Хирты.

Большая военная мощь лахмидов, при все возраставшей их независимости, вызвала опасения сасанидов. Устранение лахмидов стало желательным. После Наамана управление арабами «персидскими» было организовано по-новому. Ияс ибн Кабиша принадлежал не к лахмидам, а был христианином из рода Тай, и поэтому его причисляли к ибадитам. Но одновременно с Иясом был назначен управлять арабами перс Нахверган (Бахреган).²⁵⁴ Таким образом, ибн Кабиша уже не был самостоятельным правителем, он находился в зависимости от этого персидского наместника в течение всего своего девятилетнего правления (602— 611 гг.).²⁵⁵

Гибель Наамана и свержение династии не могло пройти для персов без последствий. Если таглибиды остались служить персам, то племена Бакр стали делать набеги на ближайшую для них область Ирана — Савад. Есть зерно исторической истины и в том, что арабские источники сообщают о требовании Хосрова выдать ему наследство и казну Наамана. Когда царь арабов стал опасаться гнева Хосрова, то передал свои драгоценности, панцирь из колечек и другое оружие своему зятю Хани ибн Масуду из рода Таалаба, из племени Бакр.²⁵⁶ Когда Хосров затребовал сокровище у Ияса, тот ответил, что оно находится у Хани, который не пожелал выдать этих вещей. Обращает на себя внимание тот факт, что не только драгоценности и богатство Наамана были желательны Хосрову, но и оружие, не личное его оружие, а главным

образом панцири, которых было, по одним сведениям, 400, по другим — 800 штук.²⁵⁷ Оружие и амуниция арабов представляли, по-видимому, интерес для персов. Причиной могло быть желание просто уменьшить количество вооружения у арабов, но, возможно, была и другая причина. Арабы усовершенствовали свое оружие и защитные средства; эта передовая военная техника могла особо интересовать персов. Когда Хани отказался выдать то, что ему было доверено Нааманом, Хосров пришел в гнев и поклялся уничтожить все племя Бакр. По совету одного таглибита, он дождался жаркого лета, когда арабы-бакриты со своими стадами вышли к водоносной долине Зу Кар. Недовольство арабских племен действиями Хосрова было настолько велико, что восстание и выступление одного племени были тотчас подхвачены другими. Персидское войско выступило с некоторым количеством арабских племен, оставшихся на их стороне, в том числе таглибитами. Знаменитая битва произошла летом в знойные дни, вероятно, в 604 г. н. э.²⁵⁸ Едва ли ее можно отнести к более позднему времени, она была связана с лахмидской катастрофой, которая произошла в 602 г. «День Зу Кар» оставил глубокий след в арабской литературе, ему посвящены многочисленные стихотворения, о нем писали все арабские историки. Описание событий битвы уснащено множеством подробностей, оно носит черты фольклора, легенды, его украшают все новыми дополнениями, в каждом новом изложении приводятся различные эпизоды и анекдоты. Анализу этого сражения посвящены многие страницы Коссена и ученый комментарий Нельдеке в его переводе Табари.²⁵⁹

Конечно, это был один из больших дней в истории арабов. Конец царства лахмидов оказался в то же время началом новой для арабов эры, когда они почувствовали свое превосходство и смогли оправдать свою угрозу. Персидское войско понесло жестокое поражение, о котором вестники с поля битвы боялись сообщить шаху. Победа окрылила арабов, они упивались ею, убедившись в своих силах. Они оказались более мощными, чем самое страшное и мощное войско того времени, войско персов.

Победа арабов в «день Зу Кар» была прежде всего обеспечена техническим превосходством их оружия. Они имели достижения, которые создали им преимущества и о которых источники хоть и скупно, но говорят. Этот вопрос требует еще детального дополнительного исследования, но, несомненно, здесь следует искать те особые условия, которые позволили осуществить их завоевания. Другая, глубокая причина успеха арабов заключалась в осуществлявшейся социальной перестройке. Арабы переросли племенные объединения, их общественное развитие выливалось в новые формы, союзы племен уплотнялись, укреплялись. Для них еще не прозвучало слово пророка, племена не были объединены новым идеологическим началом, но социально-экономический уровень развития северных арабских племен был настолько высок, что лозунги ислама нашли в них немедленный отклик. Традиция приписывает Мухаммеду, которого племя Рабиа поставило в известность о победе арабов, слова, что это первый день, когда арабы «получили удовлетворение» и что они имели поддержку от него, Мухаммеда.

ГОСПОДСТВО РОДА КИНДА

История киндитских племен протекает в нескольких географически отдаленных друг от друга областях. В этом сказывается характерная черта миграции арабских племен, сохранявших при этом в памяти генеалогические связи.

Традиция арабских нарративных источников о племенах Кинда неоднократно вызывала сомнения исследователей, к ней относились с осторожностью. Между тем новейшие открытия в Южной Аравии дают возможность располагать документальными сведениями эпиграфических памятников, проливающих новый свет на судьбы этих племен. Новые данные в значительной степени согласуются с сообщениями арабских историков эпохи халифата. У этих последних имеются сведения, которые в значительной своей части восходят к труду Ибн ал Кельби «Kitab muluk Kinda», впитавшему две основных ветви традиции — анонимную южно-арабскую и вторую, основанную на авторитете Хираша ибн Исмаила (Hiraš ibn Ismail).¹ Что касается Хамзы Испанского, то он упоминает другой письменный источник — *أخبار كندة كتاب* — «Kitab ahbar Kinda».² Эту «Книгу истории киндитов» никак нельзя считать той же, что и названная выше «Книга царей Кинда» Ибн ал Кельби. Благодаря такой, вызывающей доверие, письменной традиции многие сведения, сохранившиеся у арабских авторов, заслуживают внимания, а в настоящее время они находят подтверждение и в сабейских надписях. Кинда, или Киддат, — племена южноарабского происхождения. В Йемене они занимали восточную

часть территории, где их центром был город Даммун, как об этом было известно еще Ибн Халдуну.³ Племена Киддат неоднократно упоминаются в сабейских надписях, число которых возросло благодаря экспедициям, проведенным Фильби, Ольбрайтом, Рикмансом и другими выдающимися специалистами, археологами и эпиграфистами. Следует считать установленным фактом, что часть племен Кинда в связи со смутами, возникшими в Южной Аравии, была вынуждена переселиться и искать места среди племен северных арабов. Данные надписей позволяют установить связь и зависимость киндитов от других государств и племенных союзов Южной Аравии. Отсюда они двинулись по древним дорогам на север, достигли Неджда, а затем распространились и далее в области Ирака, Палестины, Финикии, Сирии. В центральной Аравии они заняли часть области, принадлежавшей племени Маад, их центром стал город Гамр ди Кинда (Gamr di Kinda) в юго-западной части Неджда, на расстоянии двух дней пути от Мекки.⁴

КИНДА, МААД И МАСХИДЖ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АРАВИИ

Известно, что наиболее почитаемым киндитским царем групп переселившихся на север племен, первым из династии, занявшей выдающееся положение, был Худжр Акил ал Мурар. До него, как считал Якуби, после переселения киндитов в области маадеев по прямой линии царствовало не менее пяти царей, что составляет около 100—125 лет. На основании данных византийских хроник воцарение Худжра следует отнести к середине V в. В настоящее время с некоторой вероятностью возможно определить, когда именно произошло это переселение, благодаря данным надписей.

Замечательная южноарабская надпись, изданная проф. Г. Рикмансом, с обширным историческим комментарием Ж. Пиренн, была затем переиздана Жаммом. Обширная надпись имеет свою историю, которой нельзя не уделить внимания. Не имея даты как дефектная, надпись эта включает ряд собственных имен, но тем не менее датировка ее спорна. Относительно этих имен, не всегда четко прочитанных, имеются сомнения. И все же надпись имеет существенное значение для истории племен Кинда.

В Марибе, недалеко от храма Аввам (Awwam), проф. Ф. Гейкенс в 1955 г. обнаружил большую южноарабскую надпись, фотографию с которой он предоставил для опубликования известному исследователю этих текстов проф. Г. Рикмансу.⁵

Надпись содержит 16 строк, но благодаря их длине (надпись имеет 1 м 75 см ширины и 60 см высоты) вмещает обширный текст, выбитый поздним южноарабским шрифтом. Хотя даты надпись не имеет, она дефектна, но по своим палеографическим данным и по упомянутым в ней именам царя Марулькайса и царя Аксума Вазебы предположительно была отнесена к первой четверти IV в. н. э. Ж. Пиренн. Текст надписи дает возможность установить ряд фактов для истории арабских племен не только южной, но и центральной и северной Аравии. Исторический комментарий к этой надписи был составлен известной исследовательницей сабейских надписей Ж. Пиренн.⁶

Цари Сабы и Зу Райдана, Ильшарах Яхдуб и его брат Язиль Байин, сыновья Фариума Янхуба, принесли в дар богу Альмакаху серебряные статуи в благодарность за помощь, которую он оказывал им в походах. Далее в надписи перечисляются походы, направленные на племена «севера и юга, долин и гор».⁷

Хотя эти два брата, Ильшарах и Язиль, и называют себя царями Сабы и Зу Райдана, они «узурпаторы» и ведут ожесточенную и последовательную завоевательную политику, присоединяя территории одного племени за другим и подчиняя их себе.⁸ Они ведут войну против царя Шамира, который является законным господином Зу Райдана. В надписи за ним сохраняется это наименование *šmr/drydn*, но без царского титула. Главной опорой Шамира были химьяритские племена, но чтобы устоять против натиска со стороны своих противников и «узурпаторов», царей Сабы, ему была необходима поддержка Эфиопии, как об этом говорит надпись (строка 3-я). Шамир посылал к царю Аксума Вазебе, чтобы тот оказал ему помощь и поддержку против царей Сабы — *wh'šmr/drydn/fnbl/b'br/wđbh/mlk'ksmn/lšrm/b'ly/mlk/šb'* (строка 11-я).

Время царствования царя Эфиопии Вазебы, столицей которого был Аксум, на основании монет с его именем датируется концом III и началом IV в. н. э.⁹ Об обращении к нему Шамира известно из параллельной надписи С. I. N. 314, относящейся к тем же событиям, в которой говорится, что Шамир и племена химьяритов просили помощи у Эфиопии *ḥbšt* (строки 17-я и 18-я).¹⁰ В то время, когда выбивались эти надписи, подчинение Южной Аравии царям

Аксума еще не имело места. Но помощь, которую они оказывали претенденту на престол той или другой династии Южной Аравии, в данном случае вмешательство Вазебы в борьбу Шамира с Ильшарахом и Язилем, была активным действием. В дальнейшем оно сделало возможным установление власти Аксума над Химьяром.¹¹

Шамир, царь Зу Райдана, известен по другим датированным надписям, в которых он также носит второе имя — Юхариша. Так, в надписи С1Н 46 Шамир Юхариш (строка 6-я) назван вместе со своим отцом Ясиром Юханаимом. Надпись датирована по химьяритской эре 385 г., которому соответствует 270 г. н. э. Следует признать справедливыми соображения, высказанные покойным проф. Фильби, который не считал различными эру Мабхуда (Mabhudh) и сабейскую эру. Им дана хронологическая таблица для потомков ветви Ясира Юханаима в III и IV вв. С 265 до 285 г. н. э. Ясир царствовал совместно с сыном Шамиром Юхаришем, причем они вступили в союз с Афилой, царем Аксума. С 285 г. примерно по 310 г. Шамир царствовал один, но продолжал находиться в союзе с царями Эфиопии, в данном случае с Вазебой, царем Аксума. Год 310 следует считать приблизительно годом смерти Шамира. С 310 по 365 г. цари Эла Амида и Эзана именуют себя царями Химьяра и Аксума, о чем свидетельствуют надписи.¹²

Надпись Ру 535 содержит сведения о походах, которые были предприняты претендентами на престол Шамира, царями Ильшарахом Яхдубом и Язилем Байином. В ней упоминаются различные враждебные и дружественные им племена, которые так или иначе участвовали в этой борьбе. Для данного исследования особый интерес представляют эпизод, связанный с именем Марулькайса, и упоминание некоторых племен, которые сыграли роль в жизни северных арабов.

Если правильно представление, что надпись сообщает о событиях в последовательности времени, то первым было выступление подчиненного Ильшараху племени Киндитов (Kiddat), которое он направил на север своих владений. Выступило самое племя š'bn/kdt, во главе которого находились его кабиры, 'kbrt и царь, mlk, имя которого было Маликум (строка 2-я). Последний был племенным вождем, военачальником рода, и находился в союзе и в зависимости от Ильшараха.

Как известно по надписи из Немары, Марулькайс ибн Амр совершил поход против «Неджрана города Шамира» или, как сказано, «отправился поразить» его. Поход был совершен до 328 г., года смерти Марулькайса, в то время, когда Неджран и племена химьяритов находились под властью Шамира. Из текста эпитафии, как это было отмечено и выше, ясно, что Неджран не был захвачен «царем всех арабов». О покорении «города Шамира» нет речи, это, очевидно, было лишь попыткой к завоеванию, нападением на Неджран. Во всяком случае, Марулькайс был достаточно силен, чтобы угрожать государству Сабы и Зу Райдана в смутное время междуусобий. Желая сбросить свои владения от него, Ильшарах направляет племя Киддат к границам лахмида, которые простирались далеко на юг, в глубь Аравийского полуострова. Как и в эпитафии, в Ру 535 он назван «Марулькайс ибн Амр», но добавлено: mlk hsstn. Толкование этого последнего слова было предложено Рикмансом от корня hss, с производным «быть окруженным камышами», откуда и представление о временном жилище, лагере, что в какой-то степени отвечает понятию Хиры или Хирты.¹³ Высказывались предположения, что это название было дано ему в насмешку.¹⁴ Детальному лингвистическому анализу этого выражения посвятил свое небольшое исследование М. Родинсон, который считал, что в надписи имеется в виду временная постройка, шатер из веток и листьев от солнца. Такое толкование было принято и другими.¹⁵

Царь киндитов Маликум, кабиры Кинда и войско захватили Марулькайса в городе mṛb близ hll, у границы владений Марулькайса (строка 2-я). В данном случае речь идет о каком-то городе Марабе — mṛb, местонахождение которого неизвестно. Это никак не Мариб, так как в следующей, третьей строке имеется название города Мариба в его обычном написании — mṛub. «И схватили его этот Маликум и кабиры Киддат в городе Мараб у Хилал, границы этого негодяя Марулькайса» — w'hḏhw/hwt/mlkm/ w'kbrt/kdt/bhgrn/mrb/'dy/hll/'wd hwt/ḡlmm/mr'lqs (строка 2-я). На основании этого текста можно предположить, что Марулькайс находился в походе сам и выступил или собирался вступить в области Сабы. Царь Маликум и кабиры ('kbrt) киндитов захватили его в городе Мараб у Хилала. Войско Марулькайса (в надписи «они») вынуждено было дать заложников по требованию «племени Киддат» š'bn/kdt, «его старых и молодых». Последнее выражение подчеркивает, что это было требование всего племени вместе — дать заложников, которые, очевидно, должны были обеспечить освобождение захва-

ченного в плен царя. Кроме того, по требованию кабиров Кинда, опиравшихся на силу царей Ильшараха и Язила, племена Марулькайса были вынуждены выдать лошадей, сбрую и верблюдов, т. е. свое важнейшее снаряжение, единственное средство передвижения для арабов. Едва ли справедливо предположение, что граница Марулькайса пролегла у Неджрана,¹⁶ — город этот не был им взят. Что касается упоминаемых в надписи бану Хилал, то находились эти племена в Хадрамауте, главным образом у вади Амд. Они живут в характерных для северных арабских племен шатрах из черного войлока; это наиболее южный пункт, куда были занесены такого рода палатки.¹⁷

Нападения на северные племена были осуществлены кинди-тами, как находившимися в подчинении у царей Ильшараха и Язила. Когда могущество этих двух царей-узурпаторов было сломлено после поражения в длительном междоусобии, им пришлось покинуть Южную Аравию. Один из них двинулся на север, к Неджду, с племенами Азд, и вполне вероятно, что тогда двинулась с ними и часть киндитских племен, где они столкнулись с маадеями. Если за 100 или 125 лет до воцарения Худжра в середине V в. киндиты осуществили свое вторжение в области, принадлежавшие маадеям, то это совпадает со временем смут, возникших в Южной Аравии в начале IV в., когда одновременно царями Сабы и Зу Райдана считали себя члены двух разных династий, представленных Ильшарахом Яхзубом, с одной стороны, и Шамиром Юхаришем — с другой. Наконец, в это же время цари Аксума оказали поддержку Шамиру, который стремился восстановить свою власть. Эфиопия также претендовала на подчинение ей Сабы и Зу Райдана.

Активное вмешательство эфиопских царей привело затем к захвату ими власти над Химьяром.¹⁸ В такой сложной политической обстановке положение киндитов определялось тем, что они были сторонниками Ильшараха и сражались по его приказанию. Вполне возможно предположение, что, ввиду полученной от Аксума военной помощи и поддержки, оказанной им законной династии в лице Шамира против «узурпаторов» Ильшараха и Байина, а затем и присоединения Химьяра к Аксуму, киндиты были в тяжелом положении, и не все племена, но, во всяком случае, группа племен двинулась на север. И это тем более вероятно, что арабская традиция говорит о том, что один из братьев царей предпочел покинуть родину с племенами Азд после длительного междоусобия.¹⁹

Однако историческое построение и истолкование этой надписи всеми предшествующими исследователями были поколеблены новым чтением, предложенным А. Жаммом, который восстановил значительно разрушенное временем имя отца Марулькайса как Авафум. Если это чтение верно, то это не Марулькайс эпитафии 328 г. н. э., а какое-то другое лицо, так как в этой надписи имя отца царя — Амр. Между тем Жамм в последней своей работе подтвердил это свое новое чтение: *mr' lqs/bn/' wfm/mlk/hšštn* — *Marulkais ibn Awfum malik of Hasastan*.²⁰ Таким образом, относить эту надпись к IV в. было бы трудно. Жамм истолковывает *hsstn* как «réservoirs» — естественный бассейн, который наполняется дождевой водой; иногда такие бассейны углубляли и выкапывали. Самое государство этого Марулькайса он считает небольшим и расположенным близ Адена.²¹ Таким же незначительным считает он и царство «Маликума царя киндитов» — *mlkm/mlk/kdt* и полагает, что оно было на юге Аравийского полуострова южнее Кашамума. Вся кампания Ильшараха Яхзуба была, по его мнению, очень ограниченной и имела малый радиус географически. Время царствования Ильшараха Яхзуба и Язила Байина Жамм относит к 50—30 гг. до н. э.²²

В этой связи необходимо отметить указание проф. Г. Рикманса в самой краткой форме. По его мнению, упомянутый в надписи Ру 535 Марулькайс не является героем эпитафии 328 г. из ан Немары, а одноименным лицом, жившим веком раньше. Никаких соображений, подтверждающих это, им не высказано.²³ Для данного исследования существенно, что ни один из исследователей не брал под сомнение то, что касается царя киндитов Маликума, которого подчинили цари Сабы Ильшарах Яхзуб и Язиль Байин. Если принять датировку Жамма, то, следовательно, к этому времени, к I в. до н. э., относится государство киндитов с царем, *mlk*, и старейшинами *'kbrt/kdt* в Южной Аравии.

Во всяком случае, остаются в силе данные, известные из традиции арабских историков, которые знают киндитов как южноарабские племена, часть которых переселилась на север, в пределы, занятые племенами Маад в Неджде. В V в. они утвердились по соседству с Византийской империей и стали ее опорой в борьбе с возроставшей мощью лахмидов, которым покровительствовал Иран.

Можно сказать, что движение киндитов на север, в области, занятые маадеями, было

частью большого, длившегося веками процесса, в ходе которого имело место продвижение арабских племен в общем направлении с юга на север, в пределах самого Аравийского полуострова, и далее в области Передней Азии. Переселение племен Кинда было лишь очередным звеном в общей цепи этих передвижений.

Сабейские надписи свидетельствуют о том, что часть киндитских племен продолжала существовать в Йемене,²⁴ в то время как другая их часть заняла значительное положение на севере Аравийского полуострова и среди арабских племен у границ Византии и Ирана.

В связи с передвижениями, миграцией арабских племен не только с юга на север, но и с севера на юг следует отметить особую важность выводов, сделанных М. Хёфнер²⁵ на основании появления в сабейских надписях термина *ʿrb* как понятия «бедуин», «кочевой араб». Она ставит это в связь с волнениями и восстаниями, возникавшими в I в. до н. э., и объясняет их полной «бедуинизацией», т. е. появлением арабов, полностью кочевников (*full Bedouins*). В свою очередь такое изменение зависело от технического момента, иного положения седока на верблюде. Седок пересел за горб, ближе к шее. Благодаря этому усовершенствованию было облегчено управление верблюдом, что повысило военный потенциал арабов. Так как это изменение имело место на севере, как это доказал В. Досталь,²⁶ то это и дало преимущество северным арабам над южными и объясняет мощный процесс «бедуинизации».

К середине V в. относятся сведения об Худжре Акил ал Мураре. Если в мелких подробностях сведения о Худжре у различных арабских авторов расходятся, то основное ядро сообщений о нем остается неизменным, а именно, что киндит Худжр царствовал над маадеями, при поддержке и по желанию Туббы или Хасана ибн Туббы, и в том и в другом случае царя химьяритов.²⁷

В числе химьяритских царей тот же Хамза Испаганский называет Хасана ибн Амру ибн Тубба.²⁸ Табари со ссылкой на ибн Саида сообщает, что, по соглашению с представителями племени Кинда, Тубба ибн Кариб, «тот что одел Каабу», первым поставил Худжра в Хиджаз над племенами «Маад бану Аднан».²⁹ Имя Хасана из этих сообщений арабских источников можно связать с Хасаном Юхамином, известным из южноарабских надписей, относящихся к концу IV и началу V в. То, что он назван Тубба ибн Кариб, не противоречит этому сопоставлению, так как Хасан Юхамин был сыном Абкариба, имя которого могло быть сокращено, и он был назван «ибн Кариб». Худжар был направлен Туббой в Ирак — *الى العبايق* — и «поселился в земле Маада», утвердил свою власть над маадеями, которые ему повиновались до самой его смерти. «В то время в Сирии царствовал Зияд ибн Хайюл» — *يومئذ زياد بن الحيوالة السليج* — *وملك الشام*, принадлежавший к роду (Салих, ему были подчинены «сыны Джафана». Джафаниды принадлежали к «дому Гафна». Зияда из этого рода Салих убил Худжр. Известие это следует считать достоверным, так как упомянут источник, в котором оно почерпнуто: «из книги истории киндитов» — *من كتاب احبار كندة*.³⁰ Такая ссылка представляет интерес, так как говорит об использовании автором письменного источника. Тем более следует пожалеть, что в девятую книгу Хамзы вошли сведения лишь о двух киндитах — о Худжре и о Харите ал Максуре, да и те едва занимают две странички арабского текста.

Из этих данных ясно, что киндиты могли утвердиться в областях Передней Азии, у границ Византии, лишь столкнувшись с родом Салих или Зоджома, как это видно из борьбы Худжра с Зиядом.

Сведения арабских хроник находят новое подтверждение в южноарабских надписях, относящихся к концу IV и началу V в., в которых упоминается имя Хасана Юхамина, сына Абкариба Асада. Все основания предположить, что Хасан Юхамин то же лицо, что и Хасан ибн Тубба в хрониках.

В Неджде на середине пути между Меккой и Риядом у вади Масиль (*Wadi Masil*) была найдена надпись, которая была дважды опубликована проф. Г. Рикмансом за номерами Ry 445, с исправлениями и дополнениями как Ry 509. Надпись эта выбита на склоне базальтовой скалы в ознаменование похода, предпринятого «царями Сабы, Зу Райдана, Хадрамаута и Йеманата» Абкарибом Асадом и его сыном Хасаном Юхамином в долину Масиль Гумхан» Отцом Абкариба Асада и, следовательно, дедом Хасана Юхамина назван Маликариб Юхамин, с таким же царским титулом (строки 1-я—4-я).³¹

Надпись Ry 509 дефектная, у нее нет конца и нет даты. Но имеются другие надписи тех же царей, которые могут помочь установить их дату правления. Так, надпись RES 3383 с датой 493 г. химьяритской эры, соответствующего 378 г. н. э., перечисляет царя Маликариба с сыновьями Абкарибом и Дариамаром Асадом Айманом.³² Маликариб Юхамин восстановил титул

сабейских царей около 375 г., после того как было свергнуто господство царей Аксума, и «царь Сабы назвал себя так, как именовал себя Шамир Юхариш».³³ Второе имя Маликариба — Юхамин является также вторым именем его внука Хасана Юхамина. Другая надпись, которая может быть по времени близка надписи Ry 509, это Ry 534, найденная в Йемене в Райде (Rayda) на дороге, ведущей в Амран.

Эта монотеистическая надпись (Ry 534) воздвигнута тремя лицами, названными в ней. Она сделана в честь «господа неба и земли» (Рахманана), храм которого, очевидно, перестраивался или исправлялся. Ктитору или производившие эти работы лица выполняли данное ими обещание «во спасение своих господ» lwfy/ 'mr'hngw Абкариба Асада и его сыновей Хасана (Юхамина); Шарахбиля Яфура и третьего сына, имя которого не читается (строки 2-я и 3-я).³⁴ Издатель справедливо предполагает, что надпись Абкариба Асада, в которой он назван с сыном Хасаном Юхаминем (Ry 509), предшествует во времени той надписи, в которой, кроме Хасана Юхамина, упоминаются еще два его сына — Шарахбиль Яфур и третий сын, имя которого не сохранилось (Ry 534). Дата надписи 543 г. соответствует 428 г. н. э. Хотя начало химьяритской эры в настоящее время относят за 115, 118 и 110 лет до нашей эры, проф. Г. Рикманс остается верным первому варианту — разнице в 115 лет. Таким образом, надпись Ry 509 относится ко времени до 428 г. Наиболее правильно отнести ее к первой четверти V в., а по мнению проф. В. Каскеля, ко времени ирано-византийской войны 420—422 гг.³⁵ В надписи Ry 509 говорится о том, что названные цари (Абкариб и Хасан) двинулись в поход в долину Масиль Гумхан и «пребывали» некоторое время в этой земле whllw/'rd. Выступили они с большим войском, так как в походе участвовали «их племена» š'bhmw, а также племена Хадрамаута, Сабы и «бану Мариб», причем перечисляются различные категории участвующих, впрочем, недостаточно поддающиеся определению и переводу (строки 8-я и 9-я и комментарий к ним).³⁶ Кроме того, перечислены арабы Кинда (kdt), Сауд (swd) (строки 9-я и 10-я). Враги, против которых был направлен поход, не названы, возможно, что они были поименованы в последующих строках, которые не сохранились, так как надпись дефектная. Высказывались соображения, что поход не был военным, а носил характер обычной «миграции».³⁷ Иначе переводит и интерпретирует эту надпись Каскель, который считает, что цари со своим войском племен прибыли в северную Аравию и там расправились с теми, кто притеснял путешественников, грабил караваны и принуждал их откупаться. Поход и пребывание в этой области Ma'sal Gumah (строка 5-я) должны были прекратить эти губительные для торговли Южной Аравии действия.³⁸ В истолковании этой надписи у исследователей так и нет единства.

По нашему мнению, достаточно красноречиво местонахождение надписи на древних путях из Сабы в Хиджаз. Поход, конечно, не был «миграцией», да и самые «миграции» никогда не осуществлялись мирно. Имел ли он целью устрашить какие-то враждебные арабские племена, которые препятствовали движению торговых караванов, или надпись сообщает об этапе похода на лахмидов и персов, — ив том и в другом случае это военный поход.

Вполне вероятно, что он был направлен на более отдаленные области, в Междуречье, в Ирак. В нем участвовали многочисленные племена, среди которых впервые были названы и киндиты, имевшие значительный вес в общем соотношении сил южных и северных арабских племен. Надпись Ry 509 позволяет предположить, что инициатива кампании против Хирты и, вероятно, против Ирана принадлежала царям Химьяра. От их лица составлена надпись, которая находится «далее, чем на половине пути между Зафаром и Ктезифоном»; племена, совершающие поход, движутся, «спускаясь» на север. Все это можно сопоставить с тем, что известно из нарративных источников, а именно, что военная экспедиция химьяритского царя была направлена в Ирак, против Хирты и ее покровителя Ирана.³⁹ О полном успехе этого предприятия говорит огромная добыча, с которой возвратились арабы. Такие результаты дали поенные действия, направленные не только против одних лахмидов, но и против государства сасанидов.

Греческие византийские источники не сохранили, однако, об этом сведений, для них борьба между арабскими племенами Междуречья и Сирии сводилась к междоусобию киндитов, лахмидов, салихидов. Роль химьяритских царей им осталась неизвестной, они сохранили лишь имена сыновей Худжра, имена Мундаров и Нуманов, которые сменялись в Хирте.

Хасан ибн Тубба, поставивший над маадеями Худжра, по преданию, был тем царем, «который одел Каабу», т. е. из богатой добычи, полученной им в Ираке, он драгоценными тканями покрыл древнее святилище арабов. Надпись Ry 509 упоминает его имя. Традиция делает Худжра Акил ал Мурара родственником царствующей династии химьяритов. Потомки тех и других были, в свою очередь, связаны браками.⁴⁰ Воцарение Худжра было обусловлено побе-

дами, успехом похода, стремлением химьяритов иметь своего ставленника и сторонника в качестве правителя мощных, воинственных маадеев и киндитов.

Среди граффити, найденных проф. Г. Рикмансом в Саудовской Аравии в 1952 г., встретилось одно с именем Худжра. Эта надпись найдена у вади Мусамма (Nafud Musamma), у северо-восточного края массива Кара.

По палеографическим особенностям эта надпись может быть отнесена приблизительно к V в. В надписи назван *hgr/bn/'mrm mlk/kdt* — «Худжр ибн Амрум, царь Киддат»,⁴¹ царь киндитов Худжр ибн Амру, известный в арабских хрониках как Худжр Акил ал Мурар. Еще одно документальное сведение об основателе новой династии Кинда на севере, при которой это племя стало особенно могущественным и сильным.

Таким образом, совокупность источников о киндитах позволяет установить некоторые факты их истории, как переселение части племени на север в середине IV в. К первой четверти V в. относится воцарение Худжра над Маадам, в то время, когда успешный поход химьяритов на север создал возможность их царю Хасану предоставить киндитам, верным и дружественным ему, господствующее положение в «земле Маад».

КИНДИТЫ НА СЛУЖБЕ ВИЗАНТИИ

Дальнейшее продвижение киндитов привело их к новым столкновениям, прежде всего с другими арабскими племенами. Лахмиды были им враждебны с первых же шагов, как и сасаниды, под покровительством которых действовали лахмиды. Но и в других областях Передней Азии киндиты натолкнулись на сильный род Салих, или Зоджома. Эти последние выполняли функции охраны византийских границ; укрепиться вдоль них можно было только за счет рода Зоджома. Борьба киндита Худжра с принадлежавшим к роду Салих Зиядом и убийство этого последнего, о котором сообщает Хамза в приведенном выше тексте, отражает действительное положение вещей. Киндиты утверждались, наступая на этот мощный род, с которым покончили, однако, не они, а сменившие и их гасаниды.

Легендарный и неопределенный характер арабской традиции может быть восполнен сведениями источников, более близких к событиям, сирийских и греческих.

Хронографы кратко упоминают о нападениях арабов, которым подвергаются области Византии. В одних случаях они называют их общим именем «скинитов», определяя их как кочевников. В других случаях они называют их сарацинами или упоминают наименования племен, с которыми приходилось сражаться ромейским полководцам. Факты, сообщаемые хронографами, касаются различных арабских племен, они имеют отношение как к персидским арабам Хирты, так и к киндитам. Поэтому о сведениях этих источников есть необходимость повторно упоминать в различных главах нашего исследования. Киндиты оказались в ближайшем соседстве с Византией и вступили с ней в непосредственные отношения. Род Салих занимал до них прочную позицию в полупустынных областях империи и у ее границ. Интересы трех различных группировок арабских племен столкнулись, и Византии пришлось решать вопрос, на какие именно ей следует опираться.

В 491 или 492 г. арабы напали на Эмессу — Ἐμισσαν τὴν καὶ Συρίαν περιφανή μητρόπολιν, «преславную митрополию Сирии».⁴² В начале царствования императора Зенона, которое приходится на 29 января 474 г., в монастырь, находившийся около Эмессы, вступил Авраамий, будущий «многочтимый старец». Через 18 лет он был вынужден его покинуть, уйти в Константинополь, так как в монастырь «пришли сарацины» и захватили его — περὶ τοῦ ὀκτωκαίδέκατου τῆς ἡλικίας χρόνον Σαρακηῶν ἐπελθόντων τῷ αὐτῷ μοναστηρίῳ ἀνέβη εἰς Κωνσταντινούπολιν.⁴³

К 497 г. (у Феофана второй год царствования Анастасия) относится нападение арабов, принадлежавших к числу «родов, возглавляемых филархом Нааманом» лахмидом и подчиненных персам.⁴⁴ Они совершили нападение на Евфратезию. У селения Битрапса в Сирии они были разбиты стратигом Евгением, «усердным в слове и в деле». Об этом нападении «варваровскинитов» известно и Евагрию, который говорит, что они напали с обеих сторон, в Месопотамии и со стороны Финикии и Палестины.⁴⁵ Но никаких подробностей и ничьих имен он не дает, так что не остается сомнений в том, что Феофан для своих сведений располагал и другим источником, не только одним Евагрием.

Вслед за рассказом о победе Евгения хронограф сообщает, что Роман, начальник войск Палестины — Ῥωμανός τῆς ἐν Παλαιστίνῃ δυνάμεως ἀρχὼν, «муж отличный, рассудительный и выносливый», захватил огромное множество пленных во главе с Огаром, сыном Арефы, назы-

ваемым Талабаном.⁴⁶ Названный Ὠγαρος ο τοῦ Ἀρέθα τοῦ της Θαλαβάνης ονομαζομένον παῖς, известное и по другим источникам лицо, упоминается повторно тем же Феофаном, который знает Арефу, называемого Талабаном, отца Бадикарима и Огара.⁴⁷

Дважды упоминая Арефу с его родовым именем Талабан, хронограф этим самым хочет его отличить от его тезки Арефы, «филарха ромеев». Арефа, прозываемый Талабаном, как и его сыновья Худжр-Огар и Бадикарим-Маликарим, принадлежали к киндитам, род которых упоминается в южноарабских надписях.

До своей победы над Худжром Роман обратил в бегство другого «скинита», по имени Габала, Γαβαλαν ονόματι, который совершал набеги на Палестину. Наконец, византийский полководец «в жестоких битвах» освободил в 498 г.⁴⁸ остров Иотаба. Последний был в 473 г. захвачен арабами под предводительством Амрулькайса (Аморкеса), принадлежавшего к тем же киндитам. Налог с торговли товарами из Южной Аравии, ἐξ Ἰνδῶν, должен был теперь вновь поступать Византии.⁴⁹

Известный факт захвата острова Иотабы в 473 г. Аморкесом (т. е. Амрулькайсом), общенный Малхом, не остался без последствий, хотя захватчик и получил звание филарха «арабов Петры», вероятно, поскольку он сам об этом просил.

Прокопий, писавший свои «Персидские войны» до 555 г.,⁵⁰ опускает эти события, а дает лишь описание Акабского залива, города Аила и острова Иотаба. Нет сомнений, что ему известны события, рассказанные Малхом, но он сознательно не упоминает о них, как о событиях, недостаточно приятных для Константинополя. В противовес этому факту он сообщает, что на острове Иотаба издавна проживают иудеи, которые «во времена царствования Юстиниана стали подданными ромеев».⁵¹ Этим самым Прокопий хочет польстить императору и тут же выдает то, что он знает о времени, когда остров не подчинился ромеям. Возвращение Иотабы под власть Византии хорошо известно и Феофану в связи с успешными походами Романа против арабов-скинитов.⁵²

Если последовательно проанализировать данные Феофана, то получается отчетливая картина попытки общего наступления византийских войск на кочевые арабские племена. Если в Месопотамии и у границ Сирии располагались племена, подчиненные лахидам, то в Палестине и далее к западу, у берегов Эритрейского моря и на острове Иотаба, арабские племена принадлежали к киндитам. Внимания заслуживает и тот факт, что в то же самое время Габала, отец Арефы (Харита), принадлежавшего к роду гасанидов, совершал набеги на Палестину и вынужден был обратиться в бегство. Это момент, когда, со своей стороны, гасаниды стремились занять место у границ Византии, тем самым вытесняя племена Кинда, но, как видно из приведенного текста, эти попытки далеко не всегда были удачны, так как в борьбе участвовала и третья сторона — Византия, которая, в свою очередь, стремилась привести к повиновению арабов.

Постоянным врагом киндитов был род Даджама (Зоджома), к которому принадлежал и Зоком, известный по византийским источникам. Ни Даджама-Салих, ни киндиты не завоевали, однако, того положения, которое заняли после них гасаниды.⁵³

Враги Худжра из рода Даджама-Салих были до появления гасанидов «вассалами Византии» и с конца IV до конца V в. оберегали границы Сирии для Константинополя.⁵⁴

Власть гасанидов стала возможной лишь после того, когда доминирующее положение было утеряно не только родом Салих, но и родом Кинда. Эти последние занимали длительно господствующее положение, имея в своем подчинении мощные племена, в том числе Маад, и опирались на приток живой силы из Аравийского полуострова, откуда они пришли. Оттуда же двинулись и гасаниды. Движение арабов в эти области Азии были постоянны и повторны, они завершились завоеваниями мусульман.

На четвертый год после предшествующих сообщений Феофана о победах Романа, которые следует отнести к 498 г.,⁵⁵ в 502 г. сообщается о новом нападении арабов на Финикию, Сирию и Палестину.⁵⁶ Эти набеги совершались под предводительством киндита Бадикарима, брата Огара — Худжра. О Бадикариме (Маликариме) хронограф говорит, что он «подобно ветру напал на эти места и еще быстрее, чем напал, удалялся с добычей, так что, преследуя их, Роман никогда не мог схватить врагов».⁵⁷

Такие нападения для Византии были, несомненно, тяжелыми. Осенью 502 г. дипломатические усилия империи завершились успехом — был заключен мир с Арефой, «называемым Талабаном». Чтобы уточнить то, что мир был установлен именно с киндитом Арефой, добавлено, что это был «отец Бадикарима и Огара».⁵⁸ Видимо, и порядок наименования сыновей,

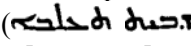
сначала младшего Бадикарима, потом старшего Худжра, указывает на то, что последний находился в других областях, а Бадикарим действовал, заменив своего брата.⁵⁹

Заклучив этот мир, Византия могла рассчитывать на защиту от нападений персидских арабов.

Ряд событий связывается и другими источниками — с именем Талаба или Талабана, принадлежавшего арабскому роду, который активно действовал против лахмидов, находясь под покровительством Византии. Споры относительно того, принадлежали ли талабиты к киндитами или гасанидам, не закончены. Ротштейн причислял Талаба к киндитским племенам,⁶⁰ И. Кавар причисляет талабитов к родам гасанидов. Ясно и хорошо написал еще Т. Нельдеке, что следует оставаться верным традициям Хамзы, согласно которым первым привел гасанидов в Сирию Талаба ибн Амр, как утверждает и Ибн Кутейба.⁶¹ Наряду с этим мать киндита Арефы Талабана считалась принадлежавшей к дому Гафна.⁶² Южноарабские надписи из Саудовской Аравии подтверждают эти связи. И те и другие — выходцы из Хадрамаута.

Маадеи, над которыми воцарились представители киндитов, до этого в общей вражде арабских племен были ближе всего к лахмидам. Когда династия киндитов была разбита, то маадеи как бы вернулись вновь к прежнему положению и связали свою судьбу с лахмидами. Достаточно вспомнить о том, что маадеи были в лагере лахмидов, как сообщает об этом Симеон Бетаршамский в своем послании.

Гасаниды вытеснили род Зоджома (Салих), а киндиты были вынуждены уступить им место и в провинции Палестина 3-я у Аила и острова Йотабы. В большой надписи Абрахи (С. I. Н. 541), относящейся к 547 г. н. э., упомянуты два брата Абукариб и Харит, отцом которых был Джабала (Габала) гасанид.⁶³ Следовательно, гасанидам были вынуждены уступить не только салихиды, но и киндиты, так как Абукариб ибн Джабала был «филархом сарацин Палестины» и областей, принадлежавших в прошлом Набатее.

Род Талаба, «арабы ромейские, называемые дома „Талаба“» — — , известен и сирийской хронике Иешу Стилита. В самый разгар войны 502 и 503 гг., когда шаханшах Кавад опустошил ряд областей Междуречья и осаждал Амид (с октября 502 г.), он неоднократно посылал войска персидских арабов под командованием царя Наамана (Нумана) лахмида для отдельных нападений. Так, 26 месяца тишри второго (ноября) 502 г. Нааман проник со своими войсками с юга в области Харрана, грабил, брал в плен, разорял и дошел до самой Эдессы. В 503 г. «персидские арабы» двинулись к городу Хабору у одноименной реки. Но нападение отбил и их уничтожил дука Каллиника (Ракки) Тимострат. Еще более решительный удар был нанесен «персидским арабам» в самой Хирте. «Также и арабы ромейские, называемые талабитами ()», отправились в Хирту Нааманову и нашли караван, который направлялся к нему [Нааману], и верблюдов, нагруженных для него. Они напали на них, уничтожили их и захватили верблюдов; в Хирте же они не остановились, потому что она удалась в пустыню».⁶⁴ Иешу Стилит, как известно, был современником событий, которые он описывал. Следовательно, в 503 г. талабиты выполняли обязанности защиты византийских границ, и нападение на Хирту было действенным контрударом по лахмидам. Мир, заключенный при Анастасии с киндитом Харитом в 502 г., обеспечил выступление подчиненного ему племени Талаба, которое в 503 г. совершило нападение на Хирту. Разорение Хирты имело место еще при жизни Наамана, принявшего участие в битве с ромейскими войсками, которые возглавлял Патрикий. Хотя войска Византии отступили, перешли Евфрат и «спаслись в город Шамишат», Самосату, но в этой битве Нааман был ранен: «Распухла рана, которая была ему нанесена в голову, и весь его череп воспалился. Он встал и пошел в свою палатку; этой болезнью он болел два дня и умер» в августе 503 г.⁶⁵ Кавад «поставил царя вместо Наамана», но имя его не названо, как не назван и возглавлявший талабитов вождь. Сын Наамана Мундар не наследовал своему отцу непосредственно, до него около трех лет правил Абу Яфур, который, не будучи прямым наследником, принадлежал к царскому роду лахмидов. Наряду с этим арабские источники сообщают также об особом положении, которое занял в эти годы киндит Харит в Ираке и прилегавших к нему областях, соперничая с лахмидом Мундаром. В «Анналах» Хамзы нет истории Амра, сына Худжра и отца Харита. Справедливо предположение, что он был маленьким царьком над какой-нибудь из ветвей племен Кинда и не занял положения своего отца Худжра; он также, вероятно, зависел от химваритов.⁶⁶

Новые, блестящие страницы истории княжеского рода Кинда на севере связаны с именем Харита ибн Амра, того самого, которого византийские летописи называют Арефой Талабаном и отличают от Арефы, сына Габалы гафнида. С киндитом Арефой и был заключен мир

502 г. при императоре Анастасии.

Киндит Харит ибн Амр упоминается в «Анналах» Хамзы дважды: один раз в девятой книге, посвященной киндитам, и во второй раз в шестой книге, посвященной лахмидам.

В девятой книге Харит назван «ал Максур ибн Амр», что является ошибкой, уже отмеченной исследователями. Прозвание «ал Максур» было присвоено не Хариту, а его отцу Амру, как известно из других источников.⁶⁷ Харит образовал свое государство в Неджде и был современником Кавада, «сына Пероза», сторонника «зиндиков». Под его властью был ряд племен, живших в Неджде, и «держал Харит царство над Маадом» — *معد وبقى الحارث مملكا على قبائل*⁶⁸ — до времени Аношервана.

В истории лахмидов Хамза называет Харита сыном Амра, внуком Худжра Акил ал Мурара, и сообщает, что он захватил Хирту и господство в государстве лахмидов, обратив в бегство Мундара ибн Амрулькайса.⁶⁹ Захват Хирты киндитом связывается в «Анналах» с историей Пероза и Кавада. Неудачи Пероза в борьбе с эфталитами, его походы в Хорасан, пребывание Кавада в плену в качестве заложника и, наконец, склонность последнего к маздакизму — все это связывается Хамзой с тем фактом, что Харит будто бы захватил власть над лахмидским государством. С победой Хосрова над маздакитами вновь становится царем лахмид Мундар, который восстанавливает свою власть над Хиртой и возвращает господство этой династии, о чем подробно рассказано в главе, посвященной истории лахмидов.

По сведениям Хишама, ссылающегося в этом случае, как и в ряде других, на своего отца, имя киндита Харита ибн Амра ибн Худжра в перечне царей Хирты не упоминалось. Традиция записи царей лахмидского государства известна из ряда источников. Имя Харита в этих записях отсутствует, это было тем более возможно сделать, что престол Хирты был будто бы отнят у Мундара, сына Амрулькайса, который затем вновь вернул себе царство. Имя захватчика, принадлежавшего другому роду, роду Кинда, было из этих записей изъято.⁷⁰

Преследуемый Мундаром, Харит обратился в бегство, его сыновья враждовали между собою, и власть киндитских царей пришла в полный упадок. Могущество и первенство перешли к семье Джабала ибн Адай ибн Рабийа ибн Моавиа. Джабала известен по византийским источникам как Габала. После него «Анналы» называют царями Мадикариба его сына и внука Кайса.⁷¹

С большими подробностями, в ряде случаев, возможно, и легендарного характера, рассказывает о них Табари, сообщения которого даны с ссылкой на того же Хишама.

Киндит Харит ибн Амр ибн Худжр был племянником Туббы, сыном его сестры, и был послан Туббой с большим войском в области племени Маад, в Хирту и расположенные вокруг нее земли. Харит победил и убил Нумана ибн Амрулькайса ибн Закика, всю его семью и захватил его царство. В живых остался лишь один Мундар, сын Нумана. Таким образом, у Табари⁷² победа Харита была одержана над Нуманом, а не над Мундаром, который затем вновь вернул себе царство, как это считает Хамза. Утверждение киндитского рода в областях Ирака не подлежит сомнению, так как об этом говорят все источники. Можно утверждать, что часть этих областей подпала под власть Харита, так как во время маздакитской смуты он получил поддержку Кавада. Другая часть этих областей оставалась под властью лахмидов, царем которых был Мундар, сын Наамана. Поход Харита на Хирту, ее жестокое разграбление также хорошо известны арабским источникам. Сирийские источники знают о нападении таалабитов и относят это событие к 503 г. С ослаблением движения маздакитов положение Харита стало менее прочным, а власть Мундара возросла. Окончательная и кровавая развязка этого положения относится к 528 г., когда борьба между киндитами и лахмидами привела к военным действиям, в которых приняли участие не только многочисленные арабские отряды различных племен, но и византийские войска.

Царь киндитов Харит оставался в течение этого времени ромейским филархом и, следовательно, нес обязанности по охране границ Византии. Но наступил момент, когда и с этой стороны положение Харита стало непрочным. Между ним и силентиарием Диомедом, дукой Палестины, возникла вражда. Опасаясь византийского полководца, Харит, Арефа греческой хроники, «удалился к внутренним пределам, к Индике» — *ο δε Ἀρέτας φοβηθεὶς εἰσήλθεν εἰς τὸ εὐδότερον ἰκίτων ἐπ' τὰ Ἰνδικά*.⁷³ Известно, что «Индика» и «Индия» у Малалы и у других византийских авторов этого времени обозначала не собственно Индию, а области Аравийского полуострова, чаще всего Южную Аравию. Харит, не имевший прочного положения в Ираке, оказавшись во враждебных отношениях с палестинским дукой, «убоялся» и отправился к «внутренним пределам», т. е. к границам Византии, к Индике, следовательно, к Аравии. Если

принять во внимание, что киндитское государство занимало области центральной Аравии, где в его состав входили не только киндитские, но и маадейские племена, то совершенно ясно, что Харит двинулся именно в направлении этих областей, где он мог рассчитывать на поддержку. Мундар лахмид, по-видимому, не переставал следить за своим врагом и узнал об этих событиях. «Аламундар, сарацин персов, набросился на филарха ромеев, схватил и убил его».⁷⁴

Большое войско Мундара заставило императора Юстиниана принять срочные меры. Ближайшие территориально начальники византийских войск, распределенных по провинциям Финикии, Аравии и Месопотамии или Евфратезии, должны были срочно, по его приказу, двинуться на расправу с лахмидом. В походе приняли участие и арабские филархи.

В связи со спорами, которые возникли в последнее время вновь по поводу звания филарха, этот текст Малалы представляет особый интерес. Здесь названо несколько филархов по именам, а про Юстиниана говорится, что он дал приказ выступить «филархам епархий». Названные «филарх Арефа, Гнуф и Нааман» были этими филархами. Если убитый Аламундаром «филарх Арефа» был Харитом ибн Амр киндитом, то второй, названный филархом Арефа из числа сражавшихся против Мундара был гасанидом Арефой, сыном Габалы.⁷⁵ Это значит, что гасаниды уже вступили на путь связи с Византией. «Конец Салиха», т. е. князей Зоджома (Даджама), дал возможность гасанидам усилиться в самом начале столетия; теперь ослабление и гибель наиболее сильного из рода Киддат (Кинда) открывали им новые пути к господству.

Организация Византией «варварской периферии» носила особые черты. Племенная ее организация не нарушалась, а как бы подвергалась известному контролю. Из текста Малалы очевидно, что филархов было несколько, а не один, и они были филархами в пределах отдельных территориальных единиц — епархий. Названные после «филарха Арефы» Гнуф и Нааман, очевидно, тоже принадлежали к числу епархиальных филархов⁷⁶ и, как можно предполагать, были родственниками гасанидов или принадлежали к их роду. Из числа филархов своим положением выделялся Арефа, он и назван первым, но он не занимал какого-нибудь исключительного положения, оно досталось ему позднее; здесь он лишь один из нескольких филархов.

Для истории киндитских племен и характеристики положения, которое они заняли в политической истории Ближнего Востока, новые сведения дали сабейские надписи. Опубликованная проф. Рикмансом надпись 510 (Ru 510), относящаяся к 516 г. н. э., найденная у вадии Масиль, проанализирована нами в главе, посвященной истории лахмидов. Представляется правильным толковать эту надпись как свидетельство борьбы северного и южного арабских царств, возглавленных царем Хирты — Мундаром III и царем Химьяра — Мадикарибом. Надпись, составленная от имени Мадикариба, наряду с племенами Саба, Химьяр, Рахабатан и Хадрамаут называет «своих арабов», т. е. бедуинов Киддат, Масхидж «вместе с бану Таалабат».⁷⁷ Киндиты, как об этом было сказано выше, образовали свое государство в центральных областях Аравии. Представители царского рода этих племен укрепились в Финиконе, на острове Иотабе и на берегах Акабского залива у самых границ Византии. Они были враждебны лахмидам. Племена Таалаба, родственные киндитам, находились в открытой вражде с лахмидами, так как сражались на стороне Византии в войне 503 г., напали на Хирту в отсутствие Мундара и разграбили ее. Киндиты центральной Аравии продолжали поддерживать связь с Химьяром, тем более, что часть их племен осталась по-прежнему в Южной Аравии и, как об этом свидетельствуют надписи, выступала в военных походах химьяритов с ними. И данная надпись Ru 510 знает киндитов как союзников царя Мадикариба,⁷⁸ того самого, которому мученица Рума предоставляла займы.⁷⁹

Химьяритский царь отправился в поход со своими племенами (b'š'bhmw), в числе которых названы Саба, Химьяр, Рахабатан, Хадрамаут. Эти имена племен (š'b) совпадают с географическими названиями отдельных областей Южной Аравии. Далее в тексте надписи (строки 7-я и 8-я) особо выделена другая группа войск. Они выступили «и с его [царя] арабами» wb'm/'rbhmw. Наименование «арабы» в надписях обычно передается исследователями словом «бедуины», с целью указать на то, что в этих случаях имеют в виду иной характер населения, номадов. К числу «бедуинов» надпись причисляет Киддат и Масхидж «вместе с бану Таалабат». Эта часть войска Мадикариба приведена под племенными названиями, которые не могут быть приурочены географически, как это имело место в случае с š'b, что дополнительно может считаться указанием на их кочевое или полукочевое состояние.

Киндиты были в открытой вражде с лахмидами в областях, граничивших с Византией. Масхидж упоминаются с киндитами неоднократно, не только здесь, но и в надписи Ru 508 в строке 7-й они названы вместе. Арабов племени Масхидж сирийский епископ встретил и в ла-

гере лахмида Мундара III в 524 г. Что касается бану Таалаба, то так следует читать имя в надписи, а не Tulabat; оно пишется с «аином» в сабейском, как и в сирийском. Это известные таалабиты, **تالاب** сирийской хроники, которые сражались против лахмидов. Кинда, Масхидж и бану Таалаба составляли группу арабских племен, союзников Химьяра.

В первой четверти VI в. государство химьяритов претендовало на первенствующее положение в центральных областях Аравии. Группы племен, часть которых выселилась на север, за пределы полуострова, продолжали сохранять связь с основной частью племени на юге. Враги — арабы (ʿrbn), против которых был направлен поход Мадикариба, не названы, но то, что именно Мундар заключил с ним мир (строка 8-я), не оставляет сомнения, что эти враги Химьяра были союзниками Мундара. Месяц Зу Кайзан 631 г. надписи позволяет ее датировать 516 г. н. э.

В своей вражде с киндитами лахмиды, конечно, не оставили без внимания возможность их беспокоить в Аравии, тем более что этим они досаждали и Химьяру и в известной мере Византии, вызывая тревогу за спокойствие торговых дорог. Именно в эти годы Харит ибн Амр занял видное положение у границ Византии и укрепил свою власть с центром в городе Амбаре в Ираке. Общее состояние Ирана в связи с маздакитским движением способствовало тому, что Харит имел поддержку в шаханшахе Каваде. Конечно, это вызывало противодействие воинственного Мундара, и инцидент 516 г. н. э. в Аравии был одним из эпизодов этой борьбы.

В первой четверти VI в. государство киндитов, образовавшееся еще в половине V в., включало целый ряд арабских племен, среди которых маадеи являлись одним из самых сильных, тем более что они издавна занимали территории в центральной Аравии. Цари из рода Кинда, возглавлявшие это государство, находились в родстве с родом царей Химьяра и под их покровительством. Но положение стало постепенно меняться. В 516 г. (год Ru 510) Мундар как бы прощупал силы этого государства. По-видимому, генеральное сражение не имело места, но лахмидам пришлось заключить мир с племенами центральной Аравии, так как войска Мадикариба являлись для них угрозой. Таким образом, киндиты и племена Масхидж состояли в войсках царя Мадикариба в 516 г. Через два года имел место поход против Неджрана Юсуфа Асара, известного и под именем Зу Нуваса, царя Химьяра, гонителя христианства. Об этом свидетельствуют две надписи, найденные одна (Ru 508) у Каукаба в 160 км северо-восточнее Неджрана, другая (Ru 507) — у Химы в 85 км северо-восточнее того же Неджрана.⁸⁰ Обе надписи датированы одним и тем же 633 г. химьяритской эры, соответствующим 518 г. н. э.; в них сообщается о походах на Неджран и на Зафар. Полководцем одного отряда был назначен Шарахиль Зу Язан; он и воздвиг надпись Ru 507 (строка 9-я). В надписи Ru 508 действует его сын Шарахиль Якбул, сражавшийся с эфиопскими войсками в Зафаре. Шарахилья сопровождают племена Хамдан и «арабы», т. е. бедуины Кинда, Мурад и Масхидж (Ru 508, строка 7-я).⁸¹ Племена Масхидж известны и выше упоминались вместе с киндитами и в северной Аравии. По происхождению они были из Катабана, но, как и киндиты, частями передвинулись на север. Среди них были оседлые племена и кочевые. Участвовавшие в походе Шарахилья принадлежали к племенам, находившимся на территории Южной Аравии.

Решительным переломом в судьбе киндитов была, конечно, потеря их положения в Ираке, когда верхушка маздакитского движения была казнена. Харит ибн Амр был выбит Мундаром. Ссора киндита с дукой Палестины развязала руки лахмидам, бегство Харита ему не помогло, его настигли и убили. Это событие 528 г. отразилось на общем положении киндитов; члены рода Кинда продолжают, однако, участвовать в политической жизни Ближнего Востока. Губительной для их господства оказалась вражда между сыновьями Харита Шарахбилем и Саламой; ее историю сохранила и приукрасила арабская традиция. В «днях арабов» эта борьба известна как «день ал Кулаб», когда сразились братья. Силы Шарахбиля были представлены частью племен Ханзала и Тамим, с ними он пришел к ал Кулабу, месту, которое следует искать между Куфой и Басрой. Туда же двинулся Салама с племенами Таглиб и частями тех же племен бану Тамим и Ханзала.⁸² Хотя рассказы «о днях» и вызывают известное доверие, но все же исследователю следует к ним подходить критически, их детали носят легендарный характер, не говоря о том, что *ahbar* — рассказы и вообще требуют самого тщательного отбора.⁸³ Битву ал Кулаб следует относить к 530 г., что соответствует и общему положению киндитов после смерти Харита, и тому, что длившаяся сорок лет война *al Basūs* началась около 490 г.⁸⁴ Победителем в сражении ал Кулаб оказался Салама. Предшествующие эпизоды этой длительной войны между племенами Бакр и Таглиб приурочены к Иемаме или юго-восточным областям Неджда. Последнее действие разыгрывается у рубежей Ирака, свидетельствуя о передвижении

и переселении этих племен в области северо-восточной Аравии и Месопотамии.

Деятельность сына Саламы, Кайса, находится в самой тесной связи с политикой Византии, так что событиям, в которых он участвовал, посвящена особая глава. Арабская традиция сохранила лишь сообщение о том, что Кайс ибн Салама ибн Харит был выбит из знаменитой резиденции и дворца Хаварнак Хиртского государства Мундаром III.⁸⁵

Беспокойство, которое проявляла Византия по поводу Кайса и его «филархии» в центральной Аравии, свидетельствует о том значении, которое имело это государство киндитов. Его слабым звеном были маадеи, проявлявшие стремление к самостоятельности; они чаще других племен выходили из повиновения.

Киндиты сохранили свое положение и в Южной Аравии, где Язид ибн Кибшат (Кабшат) был назначен Абрахой наместником «над Киддат», т. е. над киндитами.⁸⁶ Все основания предполагать, что Язид был из рода царей Кинда, которые, как известно, были родственны династии химьяритских царей. Хотя Язид и был назначен Абрахой, но, с одной стороны, узы родства связывали его с древней династией, Абраха же был «чужим» и узурпатором. С другой стороны, в Химьяре были сильны тенденции, противоположные направлению политики Абрахи, тяготение к Ирану, стремление к обособлению, независимости. Язид нарушил верность Абрахе и восстал в 542 г. В знаменитой Марибской надписи СН 541 рядом с ним названы представители других знатных родов; все они были из высшего господствующего слоя. Язид ибн Кибшат опирался на киндитские племена, составлявшие союз племен, государственное объединение в восточных областях Южной Аравии.⁸⁷ С вождями восстали племена. Однако, действуя и военным и мирным путем, Абраха подавил мятеж и добился примирения с вождями движения. Другая часть кайлей («князей») осталась в отношении него «мирными». Ко времени, когда была составлена надпись Марибской плотины, к 543 г., весь Химьяр был умиротворен.⁸⁸ В данном случае существенно отметить, что в центре восстания был киндит и объединение племен, ему подчиненных. По свидетельству надписи, он был «его», т. е. Абрахи, «наместником» — خلفته, «халифом» у Кинда. Следовательно, в областях Южной Аравии эти племена продолжали занимать прежнее, первенствующее положение и в 40-х годах. Иначе сложились судьбы киндитов в 30-х и 40-х годах в центральной Аравии и на севере, у границ Сирии и Месопотамии.

О киндите Амрулькайсе, Аморкесе византийских источников, и Финиконе имеется достаточно сведений, как и о другом киндите Кайсе, вызванном из Неджда для того, чтобы стать филархом «петрейских арабов» Византии. В соответствующей главе сообщены все подробности, здесь же следует отметить тесную связь киндитских родов на всем протяжении занятых ими территорий на Аравийском полуострове и в Передней Азии. Подчиненные их царскому роду племена и образованные им государственные объединения поддерживали в какой-то мере друг друга, хотя они никогда не составляли единого и сильного организма, каким было Хиртское царство. Смерть Харита ибн Амра в 528 г. привела к ослаблению киндитов на севере, которым не замедлили воспользоваться гасаниды, и до этого стремившиеся занять вместо них положение федератов Византии. Они в этом успели, так как области Пётры, побережье Акабского залива, Йотаба отошли к гасаниду Абукарибу ибн Джабала (Габала), брату Харита (Арефы), что имело место до 543 г., года Марибской надписи, в которой упомянуты посольства обоих братьев к Абрахе.

Еще более ясное свидетельство ослабления киндитов и в Неджде имеется в сабейских надписях, как в надписи 547 г. (Ru 506), которая неоднократно переводилась и комментировалась специалистами. Эта надпись была найдена у колодца Мурайгхан, в стороне от обычных дорог, которые тянутся из Йемена в Мекку.⁸⁹ Из надписи явствует, что царь химьяритов Абраха предпринял поход против восставших племен маадеев и «бану Амирим». К этому времени маадеи уже не были подчинены киндитам и вышли из круга влияния Южной Аравии. Их «восстание» против Химьяра можно принять чисто условно, так как из текста надписи очевидно, что судьбы маадеев находились в руках лахмидов, которые ставили им наместников и вступали за них в переговоры. Государства киндитов, как оно известно при членах династии Худжра Акиль ал Мурара, в 40-х годах не существовало. Вследствие того, что это государство распалось, входившие в него племена связали свою судьбу с другими государствами; так сильные племена Маад примкнули к лахмидам. Главные силы арабов юга, возглавленные Абрахой в 547 г. (надпись Ru 506), были направлены против маадеев, разбитых при Халибане. Киндиты составляли, наряду с саадитами, два отряда войск Химьяра, которые были посланы против «бану Амирим». Военачальником войск Кинда в этом походе был Абу Джабар; по общему по-

ложению, принятому в племенном строю войск, он был сам киндитом, чему отвечает и его имя, традиционное в их роде. В том, что Маад находился в подчинении у лахмидов, нет никакого сомнения,⁹⁰ так как Амр, сын Мундара и Хинд, будущий царь Хирты, считался «халифом», наместником лахмидов у них (строка 8-я надписи sthlhfw от hlf). Именно против маадеев были посланы отряды киндитов. Можно было предполагать, что они будут стремиться наказать их и вернуть себе прежнюю власть над Маадом. Одержанная войсками химьяритского царя и союзниками победа вынудила лахмидов дать заложников, тем самым создать известные гарантии для Химьяра, предотвратить новые нападения из центральной Аравии. Это и было выполнено Амром ибн Мундаром.⁹¹ Таким образом, киндиты находятся в союзных войсках Химьяра в 547 г. И до этого киндиты ходили в поход против Неджрана с войсками Шарахбиля Якмула в 518 г., которые были посланы царем-гонителем Юсуфом Асаром, известным сирийским источникам как Масрук.⁹² Если верить ал Хамдани, то Кинда из центральной Аравии и из восточных областей двинулись в Хадрамаут в количестве более 30 тысяч. Победенные, они основали «в Хадрамауте новое государство», а названное количество составляло «две последние волны их вторжения».⁹³

Представляется необходимым несколько уточнить вопрос о положении киндитов в Южной Аравии, откуда они не только были выходцами, но и где оставалось большое количество их племен, сохранивших самостоятельное положение. Выступив в центральные области и основав там государство в середине V в., они не потеряли ни связи с племенами, оставшимися на юге, ни поддержки, которую они имели в лице химьяритских царей. Двинувшись из центральных областей на север, северо-запад и северо-восток, киндиты заняли выдающееся положение федератов Византии, не только угрожая лахмидам, но в благоприятное для себя время укрепились у границ Ирана, в пределах самой Хирты. Таким образом, с именами киндитских царей оказалось связанным в V—VI вв. большое пространство Передней Азии, как бы намечая контуры географической карты халифата. Упоминаются киндитские племена Хадрамаута, Неджда; царям Кинда принадлежал Финикон в северо-западной части полуострова, Синайский полуостров, во всяком случае, какая-то его часть, остров Йотаба. Филархи из рода Кинда правят «арабами лагерей» второй и третьей Палестины, а их родичи Таалаба отбивают нападения лахмидов в Месопотамии. Такое распространение киндитов ни в какой мере не позволяет, однако, говорить о государстве киндитов, которое имело бы такие географические пределы. Вопрос о них гораздо сложнее и связан с определенным этапом общественного развития арабских племен и образованием союзов племен.

Приведенные выше тексты и материалы о киндитах не вызывают сомнения, что как в Хадрамауте, так и в Неджде сосредоточивалось значительное число киндитских племен или родственников им. Покоренные ими арабы, насколько позволяют судить источники, сохраняли известную самостоятельность, что при племенном строе было неизбежно, так как во главе племен сохранялись старейшины и племенной военачальник. Это особенно ясно на примере маадеев, которые, находясь в подчинении у киндитов, а позднее у лахмидов, называются и надписями, и нарративными источниками отдельно от них. Сохраняя свое племенное название, они и на войне были верны привычному племенному военному строю, с вождем-царем, который ими командовал. Но при этом в отдельных случаях, как например в 547 г. (надпись Ру 506), во главе «Киддат» был поставлен царем Абрахой некий Абгабар. Очень возможно, что он был киндитом. Однако надпись особо говорит о его назначении (wdky) царем Абрахой над киндитами (b'm/kdt); отсюда можно предположить, что это не обычный их вождь. Он мог быть киндитом, но специально назначенным Абрахой, он мог быть и из другого племени: но был поставлен военачальником данных отрядов. И в том и в другом случае это было особое назначение, отмеченное надписью. Приведенное выше свидетельство ал Хамдани о миграции киндитов в Хадрамаут говорит о многочисленности этих племен в центральной и западной Аравии. Племена сохраняли память о своем родстве, об общем царе или военачальнике, но нет никаких оснований предполагать, что киндитское государственное объединение центральной Аравии и племена, оставшиеся на юге, составляли единое государство. Представляется, что это были раздельные союзы племен, возможно, находившиеся в известный период в подчинении или в зависимости от Химьяра.

Напоминая еще раз, что история наиболее западной части Азии, куда проникли и где царствовали киндиты, выделена в особую главу, в которой рассмотрены судьбы Финикона и острова Йотабы, следует вернуться к междоусобию. Оно закончилось победой Саламы, но царства как такового уже не существовало, это были лишь его обломки.

ИМРУЛЬКАЙС—ПОЭТ-ИЗГНАННИК

Самый младший из сыновей Худжра, внук Харита, сделал некоторые попытки собрать осколки разбитого царства. Творчество Имрулькайса, знаменитого поэта доисламской Аравии, позволяет проследить его биографию. Часть его сообщений носит чисто личный характер, но есть стихи, содержание которых дает возможность восстановить историю этих последних попыток вернуть былую власть династии Акиль ал Мурара.

В арабской традиции жизнь Имрулькайса представляется полной событий. Он родился около 500 г. в областях, принадлежавших племени Асад, мать его была из рода Таглиб. Отцу Имрулькайса — Худжру были подчинены и платили дань бану Асад, сообщает ал Кельби, но они восстали и отказались вносить должное; тогда Худжр напал на них и приказал им перекочевать в Тихаму. Бану Асад удалились, но затем вернулись, с силой ударили на войско Худжра и убили его самого. Его семья, гонимая и преследуемая, «достигла Неджрана».⁹⁴ Другая традиция утверждает, что Имрулькайс спасался сначала у Амра, сына лахмида Мундара. Грозный царь Хирты намеревался его убить, но Амр предупредил Имрулькайса, и он успел бежать. Как известно, Амр был сыном Хинд, дочери Амра ибн Худжра, и при кровном родстве с киндитами он постарался защитить своего родственника.⁹⁵ В намерения последнего входило, объединив войска Кинда и Маад, выступить и отметить племени Асад за отца.⁹⁶ В новейших открытиях эта традиция находит поддержку. Надпись 547 г. (Ru 506) называет Амра ибн Мундара ставленником Хирты над племенами Маад, и, следовательно, убежище, предоставленное им Имрулькайсу, поддержка, оказанная ему, были связаны с официальным положением Амра, а их родство побудило Амра защитить его и от Мундара. Та же надпись указывает на то, что области, где распорядился Амр, находились в центральной Аравии, где были киндиты и маадеи, входившие в состав теперь распавшегося государства Акиль ал Мурара.⁹⁷

Вынужденный бежать, Имрулькайс прибыл в Химьяр, где ему была оказана поддержка «Туббой», что вполне возможно, так как укрепиться в Неджде и на путях к Мекке входило в задачи химьяритского государства, к тому же династия киндитских царей была родственна царям Хадремаута. Но нашлись и противники, всячески затягивавшие поход Имрулькайса.⁹⁸ Он все же выступил, был разбит войсками Мундара и был вынужден вновь бежать. Он скрылся у одних родственников, чтобы затем найти более надежное убежище у других. У Якуби сохранилось иное предание о походе Имрулькайса во главе племен Масхидж, с которыми он совершает поход на маадеев и убивает главу племени Асад. Но, опасаясь Мундара, он обращается в бегство, не смея вернуться в Йемен. От своего покровителя Самаваала Имрулькайс отправляется к гасаниду Хариту. Восходящий к ал Кельби текст называет Харита «ибн Абу Шамир». Последующая часть биографии Имрулькайса, восстановленная по его стихам и традиции, во многом неясна и легендарна. Принятый любезно византийским императором; не названным по имени, но, судя по времени событий, Юстинианом, Имрулькайс теряет затем его благосклонность. Императора восстановил против него «некто» из племени Асад, он донес о связи киндита «с дочерью императора». Как известно, детей у Юстиниана не было, но возможно, что стихи поэта посвящены одной из византийских принцесс, которая одарила его своей любовью. Медленно отравленный одеждой, которую подарил ему император, Имрулькайс умирает.⁹⁹

Романтическая история последнего из претендовавших на престол киндитов царя восстанавливается в значительной мере по его поэмам, которые получили самое широкое распространение у арабов.¹⁰⁰ История рода киндитских царей и племен Кинда не кончается трагической смертью принца-поэта. Их дальнейшая судьба не имеет явных следов в политической истории Ближнего Востока, она вкраплена в другие, более крупные события этой истории, на которых сосредоточено данное исследование. Но в решении социальных проблем истории доисламских арабов сведения о племенах киндитов и структуре их государства займут одно из первых мест.

Особого рассмотрения требует вопрос о том, что именно представляли собою киндиты, которые оказались у границ гегемонов Ближнего Востока. Г. Олиндер писал по этому поводу: «Неясно, какую роль играло племя (tribe) Кинда. Традиция говорит исключительно о князьях Кинда и северных арабских племенах, им подчиненных, и производит определенно впечатление, что только незначительная часть большого племени Кинда принимала участие в приключениях царей из семьи Акиль ал Мурара во главе племен Рабиа и Мудар».¹⁰¹ В. Каскель считал это мнение правильным и подтверждал, что «династия не имела за собой племени» и что «изолированное положение семьи не является необыкновенным». Такое положение царского рода Кинда он сравнивает с положением нескольких правящих семей у арабов в XVIII и XIX вв.¹⁰²

Не говоря о том, что такое сравнение нельзя признать доказательным, с большой осторожностью следует принять утверждение того же автора, что «зерном» войск этих царей была «личная охрана» или лейбгвардия, как это имело место в сражении ал Кулаб, где Салама выступил, окруженный ею, и эта «die geworbene Leibgarde» доставила ему победу.¹⁰³ Выводы Каскеля, как нам представляется, должны быть несколько пересмотрены.

Как и сравнения с положением в XIX в., так и наличие «лейб-гвардии» у киндитских царей представляется взятым по аналогии, с перенесением явлений более позднего времени на более ранние периоды истории. Гвардии «гулямов» у киндитских царей не было и не могло быть, они были во главе племенного войска, состоявшего из родственных или покоренных ими племен. Более всего доверия они оказывали своим родам, своему племени, своим родичам, несмотря на междоусобия, которые возникали между братьями. Предполагать наемную гвардию вокруг царя, который мало чем отличался от племенного вождя и военачальника племени, каким, в сущности, и был киндитский царь, оснований нет.

Со строем киндитского государства связан сложный и важный вопрос о характере этого государства, неизбежно всплывающий и в связи с определением характера государства гасанидов. В. Каскель высказывался за то, чтобы считать государство киндитов не «бедуинским государством», «Beduinenreich», а как государство Аравии, «городом-государством».¹⁰⁴ Этому сложному вопросу ниже посвящена специальная глава; здесь следует лишь отметить, что племенной строй арабского войска, как и положение царя-военачальника в нем, сохранялось у арабов длительное время, причем это положение уживалось с тем, что центром их государственных объединений были города.

Политическая история племен Кинда была дана нами выше. Несомненный интерес представляет вопрос о характере государственного объединения, во главе которого оказалась династия, происходившая из киндитов.

Историком «царей Кинда» было установлено, что киндиты, утвердившись в Гамр ди Кинда, в двух днях пути от Мекки, в юго-западном краю Неджда, оказались в центре северных арабских племен, которые они объединили вокруг себя. Традиция говорит исключительно о царском роде киндитов и подчиненных им северных арабских племенах, тогда как незначительная часть мощного племени Кинда принимала участие в передвижении этих князей. Последние иммигрировали в Неджд и находились в положении зависимых от Химьяра «вассалов».¹⁰⁵ Эти соображения Олиндер подтвердил в другой своей работе; он указал на то, что северные арабские племена в Неджде, Бахрейне и Йемене были объединены под властью царя из рода Кинда, с которым из Южной Аравии прибыло лишь незначительное число соплеменников. Большая часть киндитских племен осталась в Хадрамауте; они составляли одно из племен, хотя и очень мощное, возглавлявшееся лишь знатным родом, племенным вождем, но не ставшее «царством». Наоборот, в Неджде над чуждыми племенами они образовали династию правителей, власть которых в короткое время достигла неизмеримо большего значения, чем власть рядовых племенных вождей.¹⁰⁶ Сыновья правили отдельными племенами, но лишь один из них наследовал положение и звание царя. Они объединяли часть северных племен, и собственно киндитские племена этих областей Аравии. Власть киндитской родовой знати сохранялась и в Южной Аравии, над собственно киндитскими родами, которые там оставались.¹⁰⁷

Южноарабские надписи, упоминая бедуинов, 'rb, имеют в виду войско, военные отряды. Это значение сохраняется и в более поздних эпиграфических памятниках, когда a'rb перечисляются поименно, среди них племена Мурад, Масхидж и особенно часто Кинда, «которые, по-видимому, играли важную роль». Проф. М. Хёфнер отмечает, что в Марибской надписи Ry 535, относящейся ко времени до IV в. н. э., назван «царь Кинда» Маликум и «s'b Kiddat», т. е. «община киндитов».¹⁰⁸ Так как из других надписей известно, что киндитов перечисляли в качестве части отрядов бедуинов ('rb), то нам представляется, что киндиты были, с одной стороны, развитой организацией типа общины (š'b), с другой стороны, часть киндитских племен сохраняла примитивную организацию, составляя в то же время наиболее боеспособные отряды. Роль киндитов в Химьяре засвидетельствована надписью 543 г., где сообщается о восстании Язида ибн Кибшата, т. е. южноарабских киндитских племен, против Абрахи, поспешившего, впрочем, примириться с ними. В 547 г. они уже участвуют в походе того же Абрахи на север, о чем свидетельствует надпись из Мурайгхана.¹⁰⁹

В значении киндитов в истории Йемена не приходится сомневаться. Большой интерес представляет другой вопрос — о характере государственного объединения, возглавленного династией из племен Кинда на севере. Исходя из представления, что за княжеской династией с

юга последовало лишь незначительное число родов киндитов, сложилось представление, что северное царство киндитов было государством, политической опорой которого являлся мощный Химьяр, осуществлявший этим путем свою власть над севером. Киндитских родов было здесь столь незначительное число, что они составляли лишь личную стражу, непосредственно связанные с царем отряды. Поэтому история этого государства представляется как история данной династии, царского рода, а не историей киндитских племен. «Предания говорят исключительно о князьях Кинда».¹¹⁰ Киндитское государство — это «бедуинское царство», это коалиция племен Маад под водительством шейхов вышедшего из Южной Аравии племени Кинда. «Династия не имела за собой племени (Stamm)». Положение семьи (Familie), вернее рода, «князей Кинда» было «изолированным». Такого рода положения встречаются в XVIII и в XIX вв. среди арабских племен, пишет тот же исследователь. «Государство киндитов не было бедуинским царством».¹¹¹ Сопоставляя положение киндитов с некоторыми современными «княжествами» арабов, можно предположить, что ядро их войска составляла гвардия, непосредственно охранявшая царя. «По крайней мере, позднее господство Кинда (Kinda-Herrschaft) было, в сущности, царством города (Stadtkönigtum)». Это положение следует отнести и к более древнему периоду существования этого царства.¹¹²

Такое утверждение не может считаться правильным, оно переносит представления более позднего времени и другой среды на более раннее и иное общество.

Северное киндитское царство было союзом племен, объединенных родовыми группами, которые принадлежали к Кинда и Маад. Они составляли военную демократическую организацию, наступление которой связало значительные группы арабов — оседлых, полукочевых и кочевых — на больших пространствах. Молодое государственное объединение киндитов было непрочным, но именно оно располагало областями и землями, которые впоследствии вошли в первую очередь в состав халифата. Именно Кинда провели как бы генеральную репетицию наступления мусульман. Их общественный строй был строем молодого государства, воинственного и боеспособного, но внутренние связи которого были недостаточно прочны. Организация мусульман была неизмеримо прочнее, чему немало способствовала новая идеология, которая усилила консолидацию племен, помогла укреплению межплеменных связей, выделению надплеменной организации и созданию государственности. Северное царство киндитов было союзом племен, находившимся на грани доклассового и классового общества, но отнюдь не союзом городов-государств. Если их опорные пункты и были в стабилизовавшихся стоянках, которые могут быть названы городами, то, во всяком случае, это не были города-государства, они были на более низком уровне общественного развития. Сочетание оседлых и кочевых элементов в этом государственном объединении было его положительной стороной, его силой, причем их распределение, организация войска в своей основе была родоплеменной, о чем свидетельствуют и *Ayam al agab*. Объединив на краткий период времени большие пространства севера Передней Азии, имея опору в Химьяре для того, чтобы господствовать в центре и на северо-востоке полуострова, поддерживаемое Византией в соседстве с ее северозападными границами, киндитское царство все же легко рассыпалось. Толчком для этого послужил новый подъем сил и укрепление лахмидов в Хирте в последние годы жизни Кавада I и ослабление связи киндитов с Византией. Держава династии Акиль ал Мурара не смогла удержать равновесия, чем не замедлили воспользоваться стремившиеся к господствующему положению другие федераты Византии — гасаниды. Новое буферное государство, возглавляемое Харитом, во многом шло по следам киндитов, но в смысле пространства, объединения значительного количества племен, в частности в центральных областях полуострова, гасаниды никак не смогли достигнуть такого широкого охвата арабов. Основной их опорой была Византия. С утерей ее покровительства царство гасанидов не имело устоев и потеряло свое значение.

КРАСНОЕ МОРЕ В ПОЛИТИКЕ ВИЗАНТИИ

Сведения о посольствах Византии к химьяритам и эфиопам сохранились в источниках на греческом и сирийском языках. Во многом их сведения совпадают, но затруднения представляют как хронология посольств, так и данные о выполнении того или другого поручения.

Значение донесений послов с государственной точки зрения понимали и в X в., о чем свидетельствуют знаменитые выписки Константина Порфирогенита — Ὑπόθεσις τοῦ περὶ πρέσβων τεύχους

Ῥωμαίων πρὸς ἐθνικούς καὶ Περὶ πρέσβων ἐθνῶν πρὸς Ῥωμαίους. Этому труду мы обязаны ценнейшими сообщениями «софиста Малха» об острове Йотаба и киндитах, «протектора Ме-

нандра), «патрикия и магистра Петра», участников посольств к персам и тюркам. Патриарх Фотий в своей Βιβλιοθήκη сохранил выписку из «Истории» Нонна о посольствах, как и многое другое из утерянных и не дошедших до нашего времени сочинений византийских авторов.

Фотий пишет: «Прочитана мною история Нонноза, в которой он рассматривает свое посольство к эфиопам, химьяритам и сарацинам, сильнейшим тогда народам, также и к другим восточным народам».¹¹³ Далее Фотием дана выписка и несколько кратких заметок из этого сочинения. Другим фрагментом из «Истории» Нонна, как это давно признано, является сообщение о «химьяритах и индах» Малалы.¹¹⁴ Хотя он и не называет имени Нонна, но часть рассказа ведется в первом лице. Автор донесения сам был в посольстве, и, что особенно доказательно, в тексте Малалы написание имени химьяритов дается Ἀμέρῖται, как и во фрагментах Нонна у Фотия, хотя более широкое распространение имеет написание Ὀμηῖται.¹¹⁵

Сведения Нонна, его посещение Эфиопии и пребывание в Аксуме представляют выдающийся интерес для истории этого государства и для событий в государстве химьяритов, которые находились в зависимости от Эфиопии и оборонялись от ее повторных и настойчивых притязаний. Не меньший интерес и значение имеют сообщения Нонна о посольствах, направленных Византией в мелкие арабские государства, и о сложных отношениях, требованиях, которым мощная империя стремилась подчинить небольшие, но тем не менее досаждавшие ей государства. Судя по тем фрагментам «Истории» Нонна, которые до нас дошли, она содержала сведения о посольствах, в которых участвовали сам Нонн или члены его семьи — отец и дед. Несмотря на то что в те же годы из Константинополя в те же арабские государства был направлен Юлиан в качестве посла, в том конспекте записей Нонна, который сохранил Фотий, его имя не упоминается.

Известна точная дата посольства Абрама, отца Нонна. Отец Абрама, Евпор, выполнял дипломатические поручения при императоре Анастасии. Абрам служил императору Юстину и Юстиниану, послом последнего был и Нонн. Три поколения этой сирийской монофизитской семьи участвовали в сношениях Византии с северными арабскими племенами, с Южной Аравией и государством Аксума. В традициях этой династии послов было знание греческого и арабского языков, помимо родного сирийского.

Из записей Нонна известно, что Абрам был направлен к Мундару, чтобы добиться освобождения двух византийских военачальников. Точную дату этого посольства дает послание Симеона Бетаршамского на сирийском языке — январь 524 г. Другое посольство Византии в Химьяр известно из знаменитой надписи Абрахи (СН 541), относящейся к 543 г.

Между этими двумя датами следует поместить целый ряд посольств, которые имели место и выполнялись различными лицами; среди них известны имена Юлиана, Нонна и его отца Абрама.

Важнейшим источником истории посольств являются записи Нонна, которые с его именем связываются Фотием: «прочитана история Нонна» — ἀνεγνώσθε Νοννῶσου ἱστορία,¹¹⁶ а далее следует изложение важнейших фактов из этой истории. Этническое название химьяритов в этих фрагментах Нонна пишется Ἀμέρῖται. То же написание имеется и в тексте Малалы (стр. 457—459), причем часть текста передает рассказ о посольстве в первом лице (стр. 458), что заставляет предполагать, что это выписка из записей Нонна. Сближает тексты Фотия и Малалы и следующее. В тексте первого говорится, что «древние называли арбилы (αρβύλας) то, что ныне зовется сандалиями, а факиолин фасолием». Факиолин — это головной убор, плат или тюрбан, который назван так у Малалы, тогда как у Нонна в изложении Фотия приведен лишь самый термин и его объяснение.¹¹⁷ Совершенно ясно, что название головного убора, совпадая в обоих текстах, восходит к записям Нонна.

У Нонна в изложении Фотия сказано, что Нонн сопротивлялся многим коварным замыслам народов, с которыми ему пришлось иметь дело. Он встретился с большими опасностями в пути, непроходимыми землями, с дикими и страшными зверями.¹¹⁸ Далее сообщается, что между портом Адулисом и Аксумом, расстояние между которыми исчисляется в 15 дней пути, около места, называемого Авою — ἡ Ἀύη, византийскому послу пришлось увидеть стадо слонов примерно в пять тысяч голов.¹¹⁹ У Малалы «ромейский посол» держит путь от Александрии, по реке Нилу и Индийскому морю в индийские пределы. Совершенно очевидно, что речь идет о Красном море. Как нами уже отмечалось, этот путь в промежуточных звеньях между Нилом и Красным морем должен был проходить по африканскому матерiku. Наиболее вероятно, что переход этот имел место от верховьев Нила к Беренике, по дороге, устроенной еще Птолемеями.¹²⁰ Параллельный текст имеется в «Хронографе» Феофана под 6064 г., соот-

ветствующим 571 г. н. э. Это время императора Юстина II.¹²¹ Но все содержание этого отрывка не вызывает сомнения, что речь идет о посольстве, о котором рассказано у Малалы (стр. 456—459), хотя имя посла не названо. У Феофана послу дается имя Юлиан, известное и Прокопию, который относит его ко времени императора Юстиниана (В. Р., I, 20, р. 108). Но рассказ Феофана почти дословно повторяет описание приема у эфиопского царя, как оно изложено у Малалы, все детали его одежды и передачи ему грамоты. Путь посла тот же, что у Малалы; из Александрии по реке Нилу и Индийскому морю до Эфиопии, царем которой назван Арефа. Это имя могло ошибочно попасть в текст Феофана из материалов о мученичестве Арефы или по отдаленному и неверному представлению об арабских царях с этим именем племени киндитов и гасанидов. Но имя химьяритов Феофан пишет, как и Прокопий, Ὁμνρήται.

Очевидно, что у Феофана произошло слияние сведений Прокопия о посольстве Юлиана и рассказа Нонна о его путешествии к химьяритам и эфиопам. Вследствие этого нарушены и хронологические рамки, так как посольство к химьяритам и эфиопам, о котором рассказывает Малала (стр. 456—457), было направлено по предложению «патрикия Руфина» при жизни шаханшаха Кавада, следовательно, до 531 г.

Считать посольство Нонна и Юлиана одним и тем же, как полагает Смит,¹²² нам не представляется возможным; это были разные посольства, они имели разное содержание, разные задачи, как это выше показано. Нонн имел ответственные полномочия и не являлся сопровождающим Юлиана лицом. Неясность сведений об этих посольствах относится к отдаленному времени, так как уже Малале в VI в. было невозможно назвать имя посла, донесение которого он внес в «Хронографию». Посольство Юлиана относилось к более раннему времени — к 526—527 гг., во всяком случае, оно имело место между 525 г., годом победы Эла Ашбеха, и 531 г., годом смерти шаханшаха Кавада.¹²³

Сравнивая различные источники о посольствах, следует уделить внимание сведениям Иоанна Ефесского; быть может, они находятся в связи с неясностями и путаницей, которые обнаруживают источники в сведениях о посольствах. Сирийский историк уделил внимание христианизации Нубии, которая должна была стать новой областью распространения монофизитства. Рассказ этот вскрывает очень интересную и малоисследованную сторону политики эпохи Юстиниана, роль царицы Феодоры и монофизитов, страстным сторонником которых был Иоанн Ефесский.¹²⁴ Однако сообщаемые им факты заслуживают в этом случае полного доверия, и самый рассказ имеет колорит, который потеряет свое очарование в пересказе, поэтому ниже дается полный перевод этих глав.

Время, когда священник Юлиан отправился обращать нубийцев и склонять их к монофизитству, имело место при жизни царицы Феодоры, следовательно, до 548 г.¹²⁵

Длительное пребывание Юлиана в Африке и сохранные им сведения, возможно, стали считаться сообщениями одного из послов. Имя Юлиана, брата Сумма, посла, и имя Юлиана-пресвитера, монофизита, посланного Феодорой к нубийцам, могли быть спутаны, как и сведения, исходившие от них. К тому же имелись еще сообщения Нонна. Возможно, что все это вместе и послужило причиной возникновения неясностей, которые имеются в хрониках Малалы и Феофана. С наибольшей уверенностью можно говорить о данных Нонна, сообщенных Фотием, который сам читал эти донесения, и о словах Прокопия, который знает о посольстве Юлиана, брата Сумма, быть может, и обозначенного им так в отличие от пресвитера Юлиана, просветителя нубийцев.

Большой интерес текста Иоанна Ефесского в сообщении об общем направлении политики Константинополя, об антагонизме между православием Юстиниана и монофизитством Феодоры. Это свидетельство о настойчивой, длительной заинтересованности Византии в привлечении западных областей африканского материка. Не случайно, что путь послов в Эфиопию шел в значительной части по континенту.

Таким образом, располагая донесениями Нонна в выписках Фотия и материалом «Хронографии» Малалы, следует сделать вывод, что они исходили из одних и тех же сведений посольства Нонна; то же следует сказать и о тексте Феофана, в котором, однако, посол назван именем Юлиана.

Интересны данные, которые имеются в «Мученичестве Арефы». В этом памятнике расчет продолжительности пути до Неджрана сделан от Финикона,¹²⁶ служившего, следовательно, отправным пунктом для дальнейших путешествий. Внимание привлекает то, что в той же 19-й главе у Прокопия имеются страницы, посвященные Нубии, как они имеются и у Иоанна Ефесского. Но оба историка рассматривают вопрос о ней с разных точек зрения. Для сирий-

ца главный интерес в христианизации Нубии, и он прав, указывая на то значение, которое этому придавали в Константинополе как одной из очередных задач восточной политики. Более того, он особо выделяет монофизитскую пропаганду, которой покровительствовала Феодора.

Прокопий выделяет другую сторону, историческую. После того как им описан морской путь от химьяритов в Эфиопию, он сообщает о Нубии. Из гавани химьяритов, «называемой Буликас», обычно отправляются в порт эфиопов, от которого город Адулис отстоит на двадцать стадий, не являясь приморским, а до Аксума лежит двенадцатидневный путь, говорит Прокопий. Затем он переходит к описанию кораблей и заканчивает, что таковы сведения «относительно моря, называемого Эритрейским, и находящихся по обеим сторонам его земель».

Дальше Прокопий останавливается на описании пути из Аксума к Элефонтине, городу в Египте «у границы Ромейской державы». Он измеряет в 30 дней длительность дороги. В этих областях живут многочисленные народы, среди них блеммии и новоты (нубийцы). Блеммии населяют средние, внутренние области, а нубийцы расположились вдоль Нила. При Диоклетиане на острове Филы была выстроена крепость и заключено соглашение с нубийцами об охране границ империи.¹²⁷ Часть их племен переселена на Нил, по обеим его берегам, с тем чтобы они сами не нападали больше на оазис и отражали постоянные угрозы блеммиев. Он дает также справку о язычестве нубийцев, особом почитании Изиды и Озириса. Храмы нубийцев были разрушены при Юстиниане полководцем Нерсесом.

Эти действия ромейских войск были связаны и с политикой насаждения христианства, о которой Прокопий не говорит, но которая ему, конечно, известна. Подробные сведения об этом сохранил сирийский историк.

ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ

В 20-х и 30-х годах VI в. из Константинополя был направлен ряд посольств в области Аравийского полуострова и восточные области Африки. Установление дат этих посольств, как и достоверность сообщений, подвергались не раз сомнениям ввиду неудовлетворительного состояния источников. За последнее время появились работы, в которых вновь поставлен вопрос об этих посольствах, и поэтому остановиться на выдвинутых ими гипотезах совершенно необходимо. Глубоко критическое отношение к трудам Прокопия Кесарийского, вернее сказать, гиперкритическое, побудило и в этом случае некоторых исследователей отнестись сурово к его сведениям, что в еще большей мере затруднило объективное решение проблемы.

Все исследователи, касавшиеся истории Химьяра и Аксума в VI в., не могли обойти вопроса о посольствах. А Дильман в своем замечательном труде,¹²⁸ не потерявшем значения и до настоящего времени, рассматривал посольства Нонна и Юлиана как два различных, причем посольство Нонна отнесено им ко времени после 536 г., так как ему предшествовали посольства Юлиана и отца Нонна, Абрама, к Кайсу. Кроме того, необходимо принять во внимание, что филархом Палестин был Кайс и затруднительно представить себе, что одновременно с ним получил или должен был получить филархию Абукариб.

Знаменитая южноарабская надпись у плотины Мариба, открытая Глазером,¹²⁹ позволила совершенно по-новому подойти к ряду проблем, в том числе к вопросу о сношениях между Византией, Химьяром и арабами. Глазер отнес посольство Нонна к 529 или 530 г., считая, что Юлиан ездил независимо от него. Филархия Абукариба длилась, во всяком случае, до 543 г., когда была воздвигнута надпись Абрахи, в которой упомянут посланец от Абукариба. Последний на основании этой надписи считается братом Харита ибн Габала (Джабала), гасанида. Колебания в датировке по эре химьяритов вынудили Глазера менять даты византийских посольств, тем более что большие затруднения вызывал вопрос о совпадении времени филархии Абукариба и Кайса.

В монографии, посвященной истории киндитов, Олиндер устанавливает,¹³⁰ что посольство Юлиана, о котором сообщает Прокопий, датируется до 531 г., года смерти шаха Кавада. Кайс был правителем двух известных арабских племен киндитов и маадеев; к нему был послан Абрам, отец Нонна, чтобы заключить мир и привести заложником сына Кайса — Мавию, Нонн должен был привести самого Кайса и посетить царя аксумитов, которым был тогда Елесбоа. Затем новое поручение было возложено на Абрама: убедить Кайса оставить своим братьям Амвру и Язиду управление племенами киндитов и маадеев, а самому взять на себя управление Палестиной. 531 г. является также годом, до которого Кайс стал изгнанником. Для Олиндера Кайс — отпрыск династии Акил ал Мурара, которого Византия «знала как своего конфедерата и желала вновь видеть во главе племен Неджда, пожелание, выраженное Юлианом (согласно

Прокопию) в его посольстве».¹³¹ Посольства Нонна к Кайсу и в Эфиопию он относит примерно к 536 г.

В 1954 г. проблемы истории Южной Аравии и посольств были пересмотрены Смитом,¹³² высказавшим новые предположения, которые он прежде всего связывает с предвзятыми намерениями Прокопия, в данном случае — с его желанием скрыть результаты неудачи Велисария при Каллинике в 531 г. Эта глава «Войн» начинается сообщениями о блеммиях и нобатях (нубийцах), затем следует «историческое повествование» о решении Юстиниана использовать помощь эфиопов и химьяритов против персов. Победу Элисфея в Южной Аравии он относит ко «времени этой войны», которое Смит определяет 527—532 гг.

Ошибка Прокопия, по его мнению, не случайная, так как известно, что победа Элисфея относится к 525 г. Затем следует сообщение о победе Абрахи и наконец (τότε δε) о посольстве Юлиана.

Смит подчеркивает, что Нонн и Абрам не принадлежали к знати и посылались только благодаря тому, что знали арабский язык. Юлиан, как и его брат Сумм, были аристократами и принадлежали к высшему классу, бюрократии. Иначе говоря, Смит сомневается в том, чтобы послом мог быть Нонн, хотя он и оставил записи. Более того, по мнению Смита, сообщение Малалы, которое он приводит в приблизительном английском переводе, трактует о прибытии посла не к негусу, в Аксум, а «в один из городов Химьяра». Забывая, что Южная Аравия находилась в зависимости от Аксума, что негус мог давать обещания за подчиненный ему Химьяр, которым правил его наместник («халиф», по надписи Марибской плотины), Смит отказывает тексту Малалы в том, что речь идет об Аксуме. Он не считает «историчными» и сообщения Прокопия,¹³³ отрицает возможность направить послом Абрама, пренебрегая тем фактом, что именно Абрам успешно выполнил два труднейших дипломатических поручения— заключил договор с Кайсом и уговорил взять на себя «эгемонию» над арабскими племенами Палестины. Тем самым для Смита остается только одно достоверное посольство Юлиана, осуществленное в 531 г., и в Химьяр, а не в Аксум. Выписки патриарха Фотия из донесений Нонна оставлены им без должного внимания.

Специальная статья Кавара, посвященная взаимоотношениям Византии и киндитов,¹³⁴ подробно разбирает цель посольств, датирует их. Из сложного положения он находит выход, считая, что Юлиан и Нонн были в одном посольстве. Нонн, как «младший партнер», посетил центральную Аравию, а затем присоединился к Юлиану в Эфиопии. Имея, таким образом, возможность поставить Юлиана в известность о положении дел в Химьяре и сообщить о Кайсе, Нонн совершил свое путешествие в один и тот же год с Юлианом, в 530 г.¹³⁵ Как и в других случаях, Кавар подозревает Прокопия в сознательном искажении фактов и поэтому отклоняет или обесценивает его свидетельства. Так как Кайс убил родственника царя Эсимфея, то Византии было желательно их примирить, чтобы осуществить совместные военные действия против Ирана со стороны Химьяра (Эсимфей) и находившихся в известной зависимости от него племен Кинда и Маад, которыми правил Кайс.¹³⁶ Враждебные отношения между первым и вторым препятствовали осуществлению этой необходимой Византии военной помощи. К тому же маадеи восстали против Кайса. Этот произвольный вывод Кавар делает на основании свидетельства Прокопия, который упоминает, что византийский посол должен был просить Эсимфея поставить Кайса филархом маадеев.¹³⁷ Совершенно очевидно, что делать такой вывод из сообщения Прокопия никак нельзя. Царь Химьяра мог не признавать Кайса главой маадеев, хотя бы потому, что был связан обязательством кровной мести. Особое значение этот автор придает тому, что в тексте Нонна Кайсу предоставляется не филархия палестинских провинций или одной из трех, носивших это название, а управление *ἡγεμονία*, из чего он делает вывод об особо важном месте, предоставленном Кайсу, не имевшему, впрочем, реальной власти.¹³⁸ Как видно из приведенных данных, Кавар делает много дополнений и выводов, не вытекающих из источников.

В своем большом труде проф. Б. Рубин уделил внимание политике Юстиниана в Аравии и Эфиопии.¹³⁹ В «Хронографии» Малалы находится сообщение о посольстве Юлиана, которое имело политические и экономические задачи. Взаимоотношения между Эфиопией и Химьяром резко изменились между 530 и 533 гг., когда Южная Аравия заняла самостоятельное, независимое от негуса положение. Рубин считает, что Кайс был «филархом Палестины», но неизвестно, умер он или был смещен и вынужден был уступить свое место Абукарибу. В числе больших достоинств этой книги следует отметить глубокое знание самых разнообразных источников, их детальный анализ. В рассмотрении связанных с восточной политикой Юсти-

ниана событий Рубин пользовался работами специалистов-востоковедов и данными византийских историков.

Что касается нашей монографии «Византия на путях в Индию» (1951), то она была использована Б. Рубиным в названном выше труде, тогда как И. Кавар, ссылаясь на давно вышедший из моды аргумент *rossica non leguntur*, якобы ее не использовал. Однако многие аргументы, как и детальная сводка источников, были им приняты во внимание и использованы.

Сделанный нами обзор литературы позволяет указать на то, что вопрос о посольствах занял важное место в исследованиях по истории Византии первой половины VI в., как и в истории арабских племен и государств того же времени. Сведения эти важны для оценки политики Византии, они дают возможность сравнивать источники и оценивать их политическую ориентацию, как например Прокопия, наконец, они устанавливают ряд достоверных фактов в истории арабских племен. Принимая во внимание крайние затруднения в хронологии этой последней, возможность датировать с точностью до двух-трех лет то или иное событие имеет большое значение. Нельзя также не отметить, что сделанный нами обзор вскрывает некоторые индивидуальные черты исследователей, как например недоверие Смита к сообщению Малалы об Эфиопии, вопреки очевидности, или предвзятое гиперкритическое отношение Кавара к историческим трудам Прокопия Кесарийского. Историографический очерк бывает в этих случаях полезным.

ПОСОЛЬСТВА

Организация провинций, основным населением которых были арабы, представляла для империи не легкую задачу. В V и VI вв. особое внимание было необходимо уделить провинции Палестине III, в состав которой входила часть земель, принадлежавших Набатейскому государству, с городами Пётрой, Аринделой, Ареополисом, Елузой. Синайский полуостров с городом Аилом и островом Иотаба объединяли в этой провинции и кратчайшие сухие пути от гаваней Средиземного моря к Красному морю. Экономическое значение ее было велико; это очевидно и из той борьбы, которая за нее ведется в последней четверти V в. Вернув себе прежнее положение на Иотабе к началу следующего века, Византия стала решать задачу контроля и освоения торговых путей в Южную Аравию, а следовательно, необходимого ей влияния на арабские племена, оседлые и кочевые, державшие эти пути. Отсюда интерес к Финикону, к племенам маадеев, к связям, которые было необходимо постоянно обновлять и с химьяритами, и с государством Аксума.

В этой связи империи были далеко не безразличны судьбы маадеев и киндитов, занимавших области центральной Аравии, Общая задача ставилась внешней политикой Византии в бассейне Красного моря, о чем свидетельствуют прежде всего частые сношения официального характера — посольства.

Обмен посольствами принадлежит к одной из древнейших форм связи между государствами. Очень рано выработались и основы международного права — особое положение посла, его личная неприкосновенность, право покинуть страну, с которой вступали в сношения, беспрепятственно, в любое время. В Византии эти правила и приемы международных сношений были восприняты в традициях императорского Рима, а в Константинополе умели развить, осложнить, сделать более пышными и величественными все аксессуары официального представителя «кесаря» и «августа». Наряду с послами широко пользовались услугами более мелких должностных лиц, иногда имевших чисто личные экономические интересы или клерикальные задания, возлагая на них предварительные переговоры, выяснение возможности добиться желательных результатов, своего рода разведку. Не всегда можно провести грань между официальным и полуофициальным представительством, но и те и другие давали ценнейшие сведения о состоянии, условиях жизни и интересах другого государства.

Для истории народов, приливавших к границам Византийской империи, — арабов, славян, тюрков — исключительно большое значение имеют сведения, сохраненные в официальных донесениях византийских послов или в их рассказах и записях. Прославленная кодификация и точность законодательных норм империи, канцелярско-бюрократическая упорядоченность податных и кадастровых списков, навык к записям, легкость письменного греческого языка — все это родило обычай записывать то, что происходило на чужбине, сообщать не только необходимые факты, но и рассказывать. Будут ли это записи посла Нонна (Nonnosus), пространные сирийские послания Симеона Бетаршамского своему другу или описания купца Козьмы Индикоплова в «Христианской топографии», — все эти письменные рассказы вызваны традицией

письменных сообщений, записей, которые велись путешественниками по личным или официальным поводам за пределами империи. То, что сохранилось из этих материалов, является ценнейшими сведениями о народах, с которыми сносилась Византия.

Следует попытаться восстановить хронологическую последовательность византийских посольств. Прежде всего можно установить следующее: Арефа, отпрыском которого был Кайс, являлся филархом. Ввиду того что речь идет о киндитах, то все основания считать его Харитом ибн Амром ибн Худжром, который был убит в 528 г.¹⁴⁰ К Хариту (Арефе) был направлен дед Нонна в царствование императора Анастасия. Имя деда, не названное Нонном, было Евпор, так как отец Нонна Абрам (Ἀβράμης) известен Симеону Бетаршамскому, который называет его Абрамом бар Евпором.

Про Арефу говорится: *καὶ αὐτοῦ φυλάρχος γεγενημένου πρὸς οὐ τὸ Νοννίου πάπλος ἐπρεσβεύσατο παρὰ Ἀναστασίου τότε βασιλεύοντος ἀποσταλεῖς καὶ τὰ πρὸς εἰρήνην ἐσπέισατο.*¹⁴¹ Дед Нонна, Евпор, в царствование императора Анастасия был, следовательно, направлен послом к киндиту Арефе для заключения мира. В хронике Феофана сохранились сведения о заключении мира с Арефой, «называемым Талабаном», т. е. с киндитом «Харитом ибн Таалаба», в 502 г. после тяжелых опустошений и нападений, которые произвели арабские племена, подчиненные этому роду, в предшествующем 501 г. на области Финикии, Сирии и Палестины.¹⁴² К 502 г. с наибольшей вероятностью можно приурочить также посольство Евпора с целью заключить мир с киндитами. В результате этого в 502 и 503 гг. талабиты активно сражались на стороне Византии и особенно чувствительное для «персидских арабов», лахмидов, поражение они нанесли, напав неожиданно на Хирту.¹⁴³ Арефа был филархом и состоял на службе Византии, когда между ними и силентиарием Диомедом, дукой Палестины, произошли столкновения, которые заставили киндита, «сына Талабана», бежать в отдаленные области Аравии.

Отца Нонна «Авраама бар Еупорос», в свою очередь, неоднократно посылали с поручениями к различным арабским правителям. В царствование императора Юстина, которому служил Абрам — Ἰουστίνῳ δὲ τῷ βασιλεῖ, он был послан к «Аламундару, филарху сарацин», т. е. к ал Мундару III, царю лахмидов. Подробности его миссии известны из сирийского источника — послания Симеона Бетаршамского.¹⁴⁴ Монофизитский епископ Симеон Бетаршамский был проповедником христианства в Хирте, обратил многих арабов и убедил их «знатных» построить там церковь. Эта христианская церковь была замечательна еще и тем, что в ней велись записи царствования царей лахмидов, синхронно сопоставленных времени сасанидских шахов; это был архив, о котором известно и арабским авторам.¹⁴⁵

Абрам и Симеон Бетаршамский выехали из Хирты 20 января 524 г. (20 числа месяца кануна второго 835 г. селевкидской эры), так как не застали в ней Мундара. Последний находился в лагере, раскинутом в пустыне «против гор, называемых Дахла, а на арабском языке Рамлах»,¹⁴⁶ который отстоял от Хирты в 10 днях пути. Абрам был послан, чтобы заключить мир с Мундаром,¹⁴⁷ а главное — добиться освобождения (спасти — *οὐεσώσατο*) двух ромейских стратигов Тимострата и Иоанна, «захваченных по праву войны» — *νόμῳ πολέμου συλληφθέντας*.¹⁴⁸ Эти сведения греческого и сирийского источников дополняют друг друга; очевидно, об этом посольстве и идет речь в обоих случаях. Следует отметить, что семья Нонна была сирийская, а связь Абрама с Симеоном указывает на то, что и он был монофизитом. Так как в Эфиопии и Южной Аравии христианство было распространено в монофизитской форме, то вполне понятно, что Константинополь пользовался услугами сирийцев-монофизитов для достижения поставленных им целей, тем более что Абрам был священником (ⲉⲩⲧⲁ) и знал арабский язык. В лагере Мундара к его приезду стало известно о преследованиях, которым подвергались христиане в Неджране.¹⁴⁹

Миссия Абрама удалась лишь относительно, так как только дипломатическим путем освободить стратигов из плена не удалось. Им пришлось выкупать себя. Прокопий утверждает, что на это пошло «их состояние». Однако следует думать, что хотя бы часть выкупа должна была быть внесена казной, но автор «Персидских войн» не хочет в этом признаться как в факте, неприятном для ромеев.¹⁵⁰

Другое поручение, которое должен был выполнить Абрам, касалось сношений с Кайсом, филархом арабских племен Кинда и Маад, к которому он был послан уже императором Юстинианом, следовательно, после 527 г. В имени Кайса вполне основательно можно видеть сокращение имени Имрулькайс, традиционного у киндитов. Кайс был «отпрыском Арефы» (*απόγονος Ἀρέθα*) и правил (*ἡγεῖτο*) двумя названными племенами.¹⁵¹ Он происходил «из рода филархов и отличался военными талантами» (*γένους μὲν ἦν τοῦ φυλαρχικοῦ καὶ διαφερόντων*

αγαθος τα πολέμια).¹⁵²

Что Кайс был родственником, но не прямым потомком Харита, подтверждается и арабской традицией, представленной у Хамзы Испаганского.¹⁵³ В филархию Кайса входили Неджд и те центральные области Аравийского полуострова, которые были заняты киндитскими и маадейскими племенами. В прошлом своем они зависели от Химьяра, так как были выходцами из Южной Аравии, но и переселившись, они не потеряли этой связи и во многом зависели от нее. Лахмиды в интересах Ирана и своих собственных стремились подчинить Маад своему влиянию.

Допустить это Константинополь никак не мог. Набеги, которые так часто совершались арабскими племенами, их «раззии» и более длительные походы ромей стремились отражать, а затем и заключать с ними мир. С подобным поручением при Юстиниане и был послан Абрам, отец Нонна, чтобы заключить соглашение о мире (εἰρηνικὰς ἐθέτο σπονδάς), а если возможно, сына Кайса, Мавию, взять в качестве заложника и привести к Юстиниану в Византию.¹⁵⁴ Брать заложников в сношениях с арабскими племенами — обычная мера, принятая и известная также по сабейским надписям (например, по надписи Ru 506 из Мурайгхана 547 г. н. э.).

Правительство Юстиниана стремилось, укрепив свою связь с арабскими племенами Неджда, получить уверенность в том, что здесь имеется надежная опора, защита от лахмидов и от случайных нападений других арабских племен. Обращение к Кайсу объясняется тем, что Кайс занимал положение главы племен киндитов и маадеев, «правил» ими, был могущественным и сильным господином областей центральной Аравии и мог контролировать пролегавшие сухопутные дороги.

За словами о посольстве Авраама следует запись Нонна о его посольстве к Кайсу и к царю Аксума Элесбоа (Эла Ашбеха). Рассказ начинается словами μεθ' ὃν χρόνον — «после того времени», «позднее», т. е. предполагает известный промежуток времени между этими двумя посольствами.

К 525 г. относится победа царя Аксума Эла Ашбеха (Элесбоа, Калеб) над Химьяром, где он поставил Сумайфу (Эсимфея), находившегося от него в зависимости и выплачивавшего ему ежегодно подать. К этим царям еще при жизни шаха Кавада (ум. в 531 г.) был направлен с дипломатическим поручением Юлиан, брат стратига палестинских войск Сумма τῶν ἐν Παλαιστίνῃ στρατιῶτων ἡγεσάμενῳ.¹⁵⁵ Посол должен был просить поддержки в войне против Ирана (Πέρσαις πολεμοῦσι ξυνάρασταί); они должны были ее оказать, будучи единоверцами (διὰ τοῦ της δόξης ὁμογνώμων).¹⁵⁶ Второе поручение заключалось в том, чтобы убедить эфиопов в выгодах торговли шелком, скупки его и продажи Византии, которая свои деньги (χρήματα) вынуждена отдавать врагам, т. е. персам,¹⁵⁷ так как персы снабжают ее этим драгоценным товаром.

Третья задача, стоявшая в программе, заключалась в том, чтобы химьяриты и арабы-маадеи совершили нападение на «землю персов»; с наибольшим успехом оно могло быть осуществлено при условии, что беглец Кайс вернется и будет восстановлен в своей филархии, Кейс убил одного из родственников Эсимфея, оставил свое княжество и бежал «в совершенно безлюдную пустыню». Это говорит о зависимости филарха маадеев от химьяритов, без согласия которых он не мог ни быть поставлен, ни вернуться, тем более что Эсимфей по праву родовой мести мог расправиться с ним.

Кайс по своему рождению (он происходил из филархов) и по праву был филархом киндитов. Он являлся также филархом воинственного Маада. Однако после того как Эсимфей мог воспользоваться правом кровной мести, Кайс предпочел скрыться в отдаленные и пустынные места, что, впрочем, не меняло его положения как филарха киндитов. Что касается филархии маадеев, то, конечно, предположение Кавара о восстании последних против Кайса неправильно и не подтверждается никаким источником. Возможно, Эсимфей не желал признавать его филархом Маада, племени, зависевшего от Химьяра, и о таком признании его просили ромей. Для Византии примирение Эсимфея с Кайсом и признание последнего филархом было важно, так как только при этом условии можно было рассчитывать на возможность военных действий арабской коалиции против лахмидов, составлявших опору Ирана. Оба царя пообещали выполнить просьбу Византии, отпустили посла, но не исполнили своих обещаний. Впрочем, дальнейший текст говорит лишь о том, что они не совершили нападения на Иран; к вопросу о Кайсе Прокопий не возвращается.¹⁵⁸

По контексту, в котором Прокопий сообщает о посольстве Юлиана, большинство исследователей датирует его 531 г., вслед за сообщением о битве при Каллинике. К этому времени относится, следовательно, и ходатайство за Кайса. Заключение договора с Византией и увоз

Мавии, осуществленные Абрамом, по всей вероятности, имели место после примирения Кайса с Химьяром, а следовательно, после посольства Юлиана, тем более что и записки Нонна (у Фотия) последовательно называют посольство Абрама к Кайсу, затем Нонна и вновь Абрама.

Существует несколько затруднений для датировки посольства Юлиана. Если в одном случае (В. Р., I, 20) упоминание о нем заставляет отнести его к 531 г., то в другом случае выражения Прокопия наталкиваются на трудности. В начале 2-й книги «Персидских войн» (II, 1) он упоминает о Сумме, «brate Юлиана, который незадолго перед тем был направлен послом к эфиопам и химьяритам» — ο δε Σοῦμμος Ἰουλιανοῦ ἀδελφός ην ὅς ολίγω ἐμπροσθεν ἐς Αἰθιοπίας τε καὶ Ὀμηρίτας ἐπέσβευσεν.¹⁵⁹ По этому поводу можно высказать несколько предположений. Борьба за «Страту» между арабскими племенами, в связи с которой назван Сумм, имела место в 540 г. «Недавним» посольство Юлиана едва ли могло быть названо, если оно происходило за десять лет до этого. Можно предположить, что Прокопию известно второе посольство Юлиана; оно не было направлено к Элисфею, который в начале 30-х годов был смещен Абрахой.¹⁶⁰ Возможно и другое, что Прокопий не был особенно заинтересован в хронологии и несколько сместил события, пренебрег тем, что отнес это посольство в первой книге к гораздо более раннему времени.

Неясности в сообщениях Прокопия усугубляются плохим состоянием текста Малалы, который, не называя посла по имени, отчасти повторяет сведения, известные из Нонна.

Различие в характере посольства Юлиана и Нонна бросается в глаза. Юлиан был послан в разгар военных действий Ирана против Византии. С 529 по 531 г. один поход персов следует за другим. В 529 г. была опустошена Сирия и лахмиды достигли предместий Антиохии, в 530 г. имела место жестокая битва при Даре с ее тяжкими потерями, в 531 г. сражения у Каллиника (Ракки) принесли персам «Пиррову победу».¹⁶¹ Византии была необходима помощь и поддержка, а нападение «химьяритов и сарацин-маадеев на землю персов» могло значительно облегчить положение империи;¹⁶² об этой помощи и просил посол Юлиан.

О посольстве Нонна известно, что он, «если возможно», должен был привести Кайса к императору, посетить царя аксумитов Элесбоа (Эла Ашбеха) и быть у химьяритов.¹⁶³

Объединить в одно посольство Юлиана и Нонна пытается С. Смит,¹⁶⁴ но с доводами его трудно согласиться, как это нами показано. Тем более произвольный характер носит предположение Кавара, что Юлиан и Нонн состояли в одном посольстве, что Нонн был на Аравийском полуострове, а затем прибыл к Юлиану в Эфиопию и сообщил ему о результатах своей миссии.¹⁶⁵ При данном состоянии источников эти предположения остаются недоказуемыми.

На долю «сына Абрама» выпало длинное и опасное путешествие.

Чтобы прибыть к месту назначения, Нонну пришлось преодолеть много затруднений на пути. От различных народов он терпел притеснения и был в страхе перед дикими зверьми.

Более подробное изложение путешествия посла, не названного по имени, имеется у Малалы (стр. 456—459). У Феофана (стр. 244—245) посол назван Юлианом, но время посольства отнесено к царствованию Юстина II. Однако и в выписке Фотия из записок Нонна имеются сведения, сближающие все три источника.

Очевидно, что в Константинополе возлагали большие надежды на Кайса, он был необходим не только в качестве филарха арабских племен в Неджде; в пределах самой империи он должен был занять такое положение, чтобы оберегать одну из провинций.

Уговорить Кайса прибыть в Византию Нонну не удалось; это дипломатическое поручение потерпело неудачу. Поэтому к нему был вновь послан отец Нонна Абрам, и только тогда Кайс «свою филархию» (τὴν ἰδίαν φυλαρχίαν), т. е. филархию племен Кинда и Маад, предоставил своим братьям Амру (Ἄμβρω) и Язиду (Ἰεσίδω), разделив ее между ними, сам же он отправился в Византию. Хотя Иотаба и была отвоевана Византией, но арабские племена продолжали вызывать беспокойство. Кайс-киндит был наиболее подходящим кандидатом, чтобы занять положение филарха, преданного интересам империи, именно потому, что эти области в недавнем прошлом были подчинены киндитами, их управление было привычным. Юстиниан поставил его «править» Палестинами (αὐτὸς τὴν Παλαιστίνων ἡγεμονίαν παρὰ βασιλέως ἐδέξατο). Существенное значение имело то, что Кайс привел с собой большое число «подчиненных».¹⁶⁶ Под υποτεταγμένοι следует понимать, конечно, подчиненных ему арабов. Племена, филархом которых он был, как и сам Кайс, были воинственны. Можно вполне уверенно говорить, что Кайс привел в Палестину свое арабское войско, несшее сторожевую и охранную военную службу в этой провинции. Северо-восточные области по сиро-финикийскому побережью, принадлежавшие когда-то Пальмире, находились под рукой гасанидов, которые вытеснили сали-

хидов. Кайс был филархом Палестины II и III, занимавших юго-западный край Византии до Синайского полуострова, это наиболее вероятно. Киндит оказался, таким образом, в близком соседстве с гасанидами, глава которых Харит ибн Габала входил в силу, оказав ряд услуг империи. Киндиты были уже ослаблены, династия перебита, Кайс был лишь потомком, а не наследником по прямой линии. Следует думать на основании последующих событий, что Финикон и побережье Акабского залива принадлежали к областям, на которые также распространялась власть филарха Палестины III. Тем более его положение могло считаться завидным. Гасаниды сумели вытеснить Кайса, принадлежавшие ему области оказались к началу 40-х годов в руках брата Харита — Абукариба ибн Габала. В 543 г. его посланец был в числе признавших воцарение и победы Абрахи.

Абукариб, «подаривший» Юстиниану Финикон, стал известен как брат Харита ибн Габалы и гасанид благодаря надписи Абрахи. Глава 19-я первой части «Персидских войн», в которой упоминается Абукариб, стоит особняком и не связана хронологически ни с предшествующей 18-й, ни с последующей 20-й главами. Заканчивается эта 19-я глава словами: *εἶπε δὲ ἐπὶ τοῦ πρότερον λόγου ἐλάνεισι* — «итак, я возвращаюсь к предшествующему слову», т. е. к тому, что было изложено до этой справки.¹⁶⁷ Начало 20-й главы связывает ее с 18-й словами: *Υπο τοῦ χρόνου τοῦ πολέμου τοῦδε* — «около времени войны той», т. е. примерно времени войны с персами и битвы при Каллинике, имевшей место в 531 г. Прокопий связывает свои сообщения этих глав. 19-я же глава являлась исторической справкой, не находившейся в хронологической связи с 18-й. По мнению целого ряда исследователей, она была введена для того, чтобы смягчить, затушевать последствия разгрома и поражения византийских войск, чтобы спасти своего героя Велисария. Как это видно и из сравнения двух заметок в 1-й и 2-й книгах «Войн» о Юлиане, Прокопий не строго придерживался последовательности и точности во времени. В 19-й главе он не преследовал этой цели вовсе, а дал читателю представление о трех областях Аравийского полуострова и Африки, к рассказу о которых он переходит в 20-й главе. Поэтому сообщения его в 19-й главе могли относиться и к предшествующему и к последующему за 531 г. времени. Начало 20-й главы на это и указывает.

Исходя из этого, совершенно нет необходимости решать сложный вопрос об одновременной принадлежности филархии Палестины киндиту Кайсу и гасаниду Абукарибу. Вопрос этот решается совершенно иначе. Первые семь книг «Истории войн» Прокопием были написаны между 545 и 550 гг.¹⁶⁸ В 19-ю главу, как главу исторических справок, могли войти разновременные события, поэтому и сведения об Абукарибе могли относиться и к сороковым годам; ведь и год посольства Юлиана был назван недавним в контексте сообщений 540 г. Тем более нельзя согласиться с тем, чтобы относить к 502 г. утверждение филархом не только Харита-гасанида, что можно вывести из источников, но и его брата Абукариба, что не подтверждено никакими данными.

Гасаниды набирали силы постепенно. Харит ибн Габала занял главенствующее положение, но его западные соседи киндиты были еще сильны. Полной уверенности в том, что гасаниды могли заменить киндитов, еще не было. К тому же киндиты пользовались авторитетом в центральных областях Аравии, были признаны маадеями. Это и было причиной того, что в Византии желали, чтобы Кайс состоял у нее на службе и был филархом Палестин. Если считать множественное число источника за указание на то, что ему была подчинена не одна из провинций, называвшихся Палестиной, то это могли быть Палестины II и III, тем более что Палестина III если не примыкала вплотную, то была ближайшей к областям, занятым в центральной Аравии киндитами и маадеями. В ее состав входил Аил, побережье Акабского залива и остров Йотаба. Кайс со своим войском согласился поступить на службу к Византии лишь после четвертого к нему посольства и второго посещения Абрама. Едва ли это могло иметь место раньше второй половины 30-х годов VI в., так как прошло известное время между первым посольством Абрама, путешествием Нонна и вторым посольством Абрама.

Нельзя согласиться с мнением тех исследователей, которые считают Кайса филархом одновременно с Абукарибом или, как произвольно предполагает Кавар, придавая особое значение термину *ἡγεμόνις*, Кайс занял якобы особое положение, выше прочих филархов, но оно, и по его мнению, было фиктивным.¹⁶⁹

Кайс в качестве филарха и правителя двух Палестин оказался в непосредственном соседстве с гасанидом Арефой, но долго такое положение не могло сохраняться, так как они соперничали и были враждебны друг другу. Гасаниды продолжали наступление на киндитов и к началу 40-х годов вытеснили их. Ценой приобретения филархии был «дар» Юстиниану Фини-

кона, «ничтожный и ненужный» подарок в глазах Прокопия. Если главенствовали над Финикомом гасаниды, то Кайс в Палестинах II и III оказался зажатым между областями влияния двух братьев-гасанидов; тем самым судьба его была решена. До того как была выгравирована надпись Абрахи в 543 г., Абукариб «был поставлен филархом арабов Палестины»¹⁷⁰ и в качестве такового направил своего «посланца» в Химьяр. Гасаниды расширили и утвердили свое могущество за счет киндитов.

СУДЬБА ФИНИКОНА

Экономические связи Византии вдоль берегов Красного моря и значение, которое придавали областям, прилегавшим к Египту в Африке, к азиатским провинциям на Аравийском полуострове, были велики. Задача сделать море, разделявшее два материка, морем, над которым доминировала бы империя, сулила большие выгоды.

В 473 г. Иотаба была захвачена киндитом Аморкесом (Имрулькайсом), как об этом сообщил Малх. Однако Византия сумела вернуть этот важный для нее пункт. К 497/8 г. н. э. (5990 г.) «Хронография» Феофана относит блестящие победы полководца Романа.

«В этом году арабы, называемые скинитами, совершили нападение на Евфратезию. В первом селении Сирии, называемом Битрапса, тамошний стратиг Евгений, муж усердный в слове и в деле, выступил против них и победил в битве. Побежденные были из племени филарха Наамана и принадлежали к связанному договором с персами. Тогда и Роман, начальник (ἀρχων) палестинских войск, муж прекрасный в совете и в стратегии (в мирных и военных делах), захватил в войне Агара (Худжра), сына Арефы, называемого Талабаном, с огромным количеством пленных. До этой битвы Роман сразился и обратил в бегство другого скинита, по имени Габала, который напал на Палестину до его прихода. Также и остров Иотаба, лежащий в заливе Эритрейского моря, подчиненный и обязанный немалыми податями ромейским императорам и между тем захваченный арабами-скинитами, Роман освободил в жестоких боях. Затем он предоставил ромейским торговцам независимо (αὐτονομῶς) жить на острове, вывозить из Индии товары и установленный налог уплачивать императору».¹⁷¹

Таким образом, к концу V в. можно указать на ослабление киндитских племен и на попытку Византии оттеснить кочевых арабов-скинитов по всей границе. Киндиты были особенно тесно связаны с маадеями в центральной Аравии, где те занимали прочное положение. Это подтверждается нарративными арабскими источниками и сабейскими надписями (например, Ру 509). Малх связывал Имрулькайса, захватившего Иотабу, с «персидскими арабами». Нападавшие на Сирию в 497 г. принадлежали к ним же. Но, кроме того, названы Худжар (Агар, Огр), сын Харита и» рода Талаба, следовательно, киндит, и Джабала (Габала) гасанид, которые также напали на Византию и потерпели поражение от Романа.

В приведенном тексте следует отметить, что нападения совершались отдельными частями или группами как киндитских, так и гасанидских племен. Габала не состоял еще в числе федератов империи.

За Иотабу арабы держались настойчиво, бои за этот остров названы «жестокими».

О судьбе острова Иотаба писал и Прокопий; он поставил ее в связь с общим вопросом о политике Византии в отношении к химьяритам и эфиопам. Он рассматривал экономические, торговые связи империи с Южной Аравией и восточным побережьем Африки. На фоне этих связей им решается и вопрос об острове и о «большом пространстве», занимаемом Финикомом, издавна населенном арабами. Выше приходилось уже упоминать, что текст Прокопия не оставляет сомнения в том, что ему было известно то, о чем писал Малх; более того, ему известно, что остров был отвоеван у «скинитов» обратно, но он стремится в какой-то мере похвалить и в этом случае Юстиниану.

Прежде всего Прокопий старается показать, что Эритрейское море является связующим звеном между «индами» и ромеями, оно начинается у первых и кончается у Аила, образуя «очень узкий залив». Когда выплываешь из этого города «ромейской державы» в направлении «южного ветра», то направо находятся «горы Египта», а с левой стороны простирается «безлюдная пустыня». Залив настолько узок, что земля видна с обеих сторон. Расстояние от Аила до Иотабы составляет около тысячи стадий. «Там проживают издавна иудеи автономно, в царствование Юстиниана ставшие подданными ромеев». Это последнее утверждение находится в противоречии с тем, что известно о восстановлении прав Византии на остров после тяжких боев полководца Романа. Не следует ли в этом видеть, с одной стороны, желание Прокопия прославить Юстиниана и в этом случае? Другое соображение заключается в том, что на острове

могли быть фактории купцов, товары которых не подлежали пошлине, если официально это были подданные других государств, тех же химьяритов, может быть. При Юстиниане, когда благоприятные обстоятельства могли сулить торговые выгоды, и эта группа населения нашла удобным признать господствующее положение Византии, искать ее покровительства.

Далее Прокопий характеризует Эритрейское море как опасное для плавания по ночам, так что корабли вынуждены с темнотой приставать к «левому берегу», т. е. к берегам Аравийского полуострова.¹⁷²

Морской берег, находящийся сразу за горами Палестины, принадлежит арабам Σαρακηνοὶ ἔχουσιν, которые «издавна» расположились в Финиконе. На большое пространство материка, т. е. суши, простирается Финикон (ο Φοινικῶν), и здесь не произрастает ничего, кроме фиников. Иначе говоря, это пространство представляет собою пустыню, в которой имеются оазисы с финиковыми пальмами. Глава арабов той области (ο τῶν ἐκεῖνη Σαρακηνῶν ἀρχὼν) был поставлен филархом арабов Палестины. В заслугу ему следует поставить то, что он оберегал эту землю, по словам Прокопия, при нем она находилась в безопасности, а сам Абукариб (ο Ἀβοχάραβος) внушил страх «управляемым им варварам» и врагам. Финикон этот Абукариб подарил императору Юстиниану, но он обладает им лишь «на словах» — τῷ μὲν οὖν λόγῳ... ἔχει.¹⁷³ Занять это пространство невозможно уже потому, что дорога туда ведет в течение десяти дней по безлюдной и безводной пустыне. Поэтому, заключает Прокопий, «этот дар Абукариба не заслуживает внимания, разве только потому, что Юстиниан принял его благосклонно». И в этом случае едва ли можно согласиться с характеристикой Прокопия, в ней можно усмотреть пристрастность. Финикон — это земля, по которой проходила караванная дорога из Южной и центральной Аравии к Суэцкому перешейку, Аилу, к Пётре, Пальмире, Иерусалиму.

«Земля химьяритов находится в тридцати перегонах (μοναὶς τριάκοντα) на юг от принадлежащего ныне ромеям так называемого Финикона», сообщает «Мученичество Арефы». Подтверждая, таким образом, сведения Прокопия, этот источник VI в. расстояние до Химьяра измеряет именно от Финикона.¹⁷⁴

Арабы, населяющие Финикон, как и живущие «за Финиконом» и за горами Тавринскими,¹⁷⁵ соблюдают «святость некоего места», где они собираются два раза в год. В «середине весны» целый месяц соблюдается праздник и прекращаются всякие военные действия, а после «летнего солнцеворота» на два месяца. Это сообщение Нонна, следует полагать, находится в связи с доисламскими обычаями, связанными, наиболее вероятно, с Меккой.¹⁷⁶

За Финиконом, южнее, Прокопий располагает племя маадеев, в распоряжении которого находились морской берег и значительная часть материка. Маадеи, Μααδδηνοί, и в некоторых рукописях Μααδδηνοί, подчиняются химьяритам — Ὀμνηριτῶν κατήκοοι ὄντες.¹⁷⁷

Ромейские войска не могли, да Византия и не была склонна занять все пространство Финикона и поставить там свои гарнизоны. В этом и не было нужды, так как арабы под началом Абукариба и так оберегали эту область. Но Финикон с Аилом, с побережьем вдоль залива и Астровом Иотаба составляли одно целое и были важной опорой для Византии на юге, являясь как бы ключом к торговым дорогам, морским и сухопутным, в Южную Аравию и Эфиопию.

Пока эти области были в руках враждебных киндитов, византийская торговля встречала препятствия. Так как центральные области Аравии были захвачены маадеями, часть которых осталась в Йемене, то их положение оказалось двойственным. Старые связи с Химьяром, которым покровительствовала Византия, столкнулись с новыми интересами маадеев; они были в них втянуты лахмидским княжеством, а следовательно, попадали в орбиту интересов Ирана, влияния которого на Аравийском полуострове так опасались в Константинополе. Об этих связях свидетельствует и пребывание маадеев в лагере царя Мундара, когда там был Симеон Бетаршамский, в 524 г.

Византия, стремясь установить дружественные отношения с Химьяром, покровительствуя христианству, имела целью обеспечить и торговые пути по Аравийскому полуострову и Эритрейскому морю, поэтому маадеи, подчиненные Химьяру, были дополнительным звеном, которое могло помочь объединить и обезопасить весь этот путь.

«Как область маадеев и Финикон, так и далее на север земля населена арабами», подтверждает Прокопий; «до пределов города Газы она называлась в древности Аравией», и на нее простирались права «царя арабов», столицей которого был город Пётра.¹⁷⁸

Области Палестины III, Аил, Финикон, остров Иотаба находились под рукой Абукариба, о котором известно, что он был сыном Джабалы (Габалы), гасанида. Об этом известно из

большой надписи Абрахи 543 г. (СН 541, строки 91 и 92), где названы оба гасанида — Харит ибн Джабала и Абукариб ибн Джабала.

Следовательно, еще до этого года филархат Палестины III перешел в руки нового рода, который успешно укреплял свое положение в качестве сторонников и ставленников Византии. Здесь гасаниды выбили из седла киндитов; чтобы укрепить свое положение, они создают протекторат Византии над Финиконом. Абукариб держит в повиновении своих и угрожает врагам, которые его боятся; он заслуживает своего высокого поста.

Являясь филархом Византии, он, как и его брат Харит, направили к Абрахе своих посланцев — *سسل* (строки 90—92), как это сделал и их враг Мундар, царь лахмидов, упомянутый, впрочем, раньше них (строка 90).

В сороковых годах VI в. гасаниды находились в полной силе, они составляли опору и силу Византии против всех арабских племен, им враждебных.

Как известно, Прокопий в главе, посвященной Южной Аравии (I, 20), говорит в заключение: «Эфиопы не могли покупать метаксу у индов, так как всегда персидские купцы становились в гаванях, где индийские корабли впервые пристают, так как они живут в соседней земле, и скупают все товары. Химьяритам же представлялось трудным пройти пустынную и длинную дорогу и напасть на народ, более боеспособный. Наконец Абраха, когда надежно утвердился во власти, часто обещал Юстиниану напасть на землю Персиду, но только один раз отправился в поход и тотчас отошел назад».¹⁷⁹ Это ценное свидетельство Прокопия о том, что Абраха все же совершил один поход в Персиду, сопоставляется целым рядом исследователей с опубликованной в 1953 г. надписью Ru 506, относящейся к 547 г.

Книги о войнах были написаны Прокопием Кесарийским между 545 и 550 гг.,¹⁸⁰ и, следовательно, поход 547 г., засвидетельствованный надписью, мог быть известен ему. Вернемся еще раз к этому памятнику. Надпись Ru 506 высечена на скале вблизи колодца Мурайгхана, расположенного в 130 км севернее Химы и в 170 км юго-восточнее Биши. Мурайгхан находится на пути, ведущем с юга Аравийского полуострова к Мекке. Выбитая от имени царя Абрахи надпись датирована 662 г. химьяритской эры, что соответствует 547 г. н. э.¹⁸¹ Поход Абрахи имел целью усмирить и привести к повиновению племена Маад и «бану Амирим», которые восстали. Судя по надписи, маадеи были не только в тесной связи с лахмидами, но находились в подчинении Хирте, так как, побежденные Абрахой, они вынуждены были дать заложников, о чем с царем Химьяра договаривался посланный к нему Амр, сын Мундара III лахмида (надпись Ru 506, строки 3 и 7). Надпись недвусмысленно говорит, что Амра «поставил правителем над маадеями» именно царь Мундар.¹⁸² Время, когда над областями, занятыми маадеями, химьяриты ставили царей из рода Кинда, прошло. Племена Маад, переселившиеся из Южной Аравии, находились теперь в зависимости от Хирты, чем и объясняется вмешательство ее в лице Амра ибн Мундара, который ходатайствовал и ручался за них перед царем Абрахой в 547 г. В походе химьяриты были разделены на две части: одна, состоявшая из киндитов и алитов под предводительством Абгабара и другого полководца Башра, сражалась против восставших бану Амирим на запад от Мурайгхана, на побережье Красного моря; во главе другой части химьяритских войск находился сам Абраха. Последние воевали с маадеями у Халибана, в местности, находящейся в 420 км севернее Мурайгхана, в направлении к Хирте.

Эти походы Абрахи следует поставить в связь с персо-византийскими войнами 540—546 гг., в которых химьяриты поддерживали Византию.¹⁸³ С лахмидами у них были и свои счеты, так как области, захваченные маадеями в центральной Аравии, являлись частью «пути благовоний», контроль над которыми, с подчинением маадеев Хирте, перешел к лахмидам. Как в интересах Византии, так и в интересах Химьяра было весь торговый путь по побережью и самое Красное море держать в своих руках, не допуская к ним персов, с которыми была связана Хирта. Сношения и сближение маадеев с лахмидами относятся к значительно более раннему времени.

Много оснований полагать, что у Прокопия и в надписи из Мурайгхана речь идет об одном и том же событии. Конечно, Абраха напал не на землю персов, Персиду, но два военачальника и сам Абраха вторглись в области, находившиеся в сфере влияния лахмидов, в свою очередь подчиненных Ирану. Этот поход, нанося удар «персидским арабам», тем самым ослаблял и угрожал государству шаханшаха. Химьяр сражался за свои общины с Византией экономические интересы, за торговый путь, по которому поступали ароматы и шелк.

ВИЗАНТИЙСКИЕ ФИЛАРХИ РОДА ГАСАН

САЛИХИДЫ И ГАСАНИДЫ

Со времени разрушения мелких арабских государств, ориентированных на империю, как Пётра, Пальмира, арабские племена, достигавшие сирийской пустыни, стали смелее нападать на ее границы. Византии предстояло решать вопрос, какому племени отдать предпочтение, какое из них будет выполнять обязанности стражей и оберегать азиатские провинции. Необходимо было обеспечить их безопасность и держать в относительном повиновении других «сынов пустыни».

История рода ал Кинди показала, насколько сложна была такая задача, так как для ее решения было необходимо принимать во внимание много противоположных интересов. Век Юстиниана был скреплен связью с гасанидами, добившимися превосходства за счет других арабских племен, вынужденных уступить им свое место. Наряду с судьбой киндитов и до них была решена судьба другого арабского племени — Салих, из которого происходил род Зоджома, известный и греческим, и арабским источникам. Возможно, что к ним принадлежал Зоком, христианин и ромейский филарх IV в., известный церковным историком.¹ Господствующее положение салихиды занимали более столетия, их сменили гасаниды.

Арабские историки расходятся в некоторых подробностях, их сообщения не отличаются точностью, но в основных фактах они сходятся. Первые цари в Сирии, сообщает Масуди (ум. в 956 г.), были танухиды; выходцы из Химьяра, они отрицали свое родство с Маадом и называли себя кедаитами. Следующей волной арабских племен, достигших Византии, были салихиды. Они проникли в Сирию, «подчинили Танух, обратились в христианство и были воцарены ромеями над этими арабами в Сирии» — *تنوخ وتغلبت فملكته الروم على العرب* — *الذين بالشام ثم وردت سليح الشام وتمصرت على* Судя по тому, что положение салихидов тот же автор считает утвердившимся — *فاستقام ملك سليح بالشام*, они господствовали длительное время.² Нельдеке считал, что из их рода было пять филархов, последовательное правление которых занимало не менее столетия. Последним из них был Дауд ал Латик, построивший монастырь Давида — *دير داود*³. Иакуби (ум. в 897 г.) называет правителя этих арабов «раис Салих» — *إريس سليح*.⁴ Абулфеда (ум. в 1331) говорит, что гасаниды, заняв место рода Зоджома, «убили их царей» — *وقتلوا ملوكهم*.⁵

Появление гасанидов в Сирии Масуди связывает с происшедшими в Йемене событиями, которые побудили эти племена двинуться на север, где они достигли Сирии. Свое имя Гасан получили от некоего колодца или источника, у которого они осели. По одной версии, это озеро или водоем находилось между местами Зебид и Рима в Йемене (Масуди), по мнению других — в Сирии (Хамза Испаганский, Абульфеда). Иакуби сообщает, что Гасан сначала напал на Сирию и остановился «в земле Балка», в то время как «в Сирии было племя из числа Салиха». Гасаниды «спросили Салих», не могут ли они остаться на тех же основаниях, что и Салих, попросив разрешения на это ромейского царя. «Раис Салиха», которым тогда был Дахман ибн Амлак (Имлик), написал об этом ромейскому царю. Император дал свое согласие, и гасаниды осели в Сирии.⁶ Хамза Испаганский называет другое лицо — Салиха ибн Халвана. Салихиды, оказав покровительство пришельцам, возложили на них подать — *عليهم الاتاوة* — *ضربوا*. По поводу подати возникли разногласия, которые привели к военным столкновениям. Салихиды были потеснены, а гасаниды взяли верх и утвердились. Другой источник считает Джафна ибн Амра ибн Таалаба ибн Амра ибн Мозейкиа тем, кто убил царя Салиха и захватил его место.⁷

У арабских авторов в различном написании дано имя императора, к которому обращались салихиды. Так, Хамза называет его *ملك الروم يقال له نسطورس* — Несториум,⁸ а Иакуби — «Навшар» *نوشتر*.⁹ Арабский текст династийной хроники Барэбрея дает *انسطس* (стр. 148), что восходит к другим источникам.¹⁰ Местом пребывания императора названа *انطاكية*, что можно принять за название Антиохии. Эти сбивчивые сведения все же дают возможность установить с относительной вероятностью последовательность событий. Движение гасанидов из Аравии, пребывание в области Балка, неизбежная встреча с салихидами и попытка узаконить свое положение в новых областях — этапы, которые явственно выделяются из арабских источников. Материал позволяет утверждать, что пребывание салихидов и их филархат были обусловлены прежде всего тем, что они несли сторожевую службу для империи и были связаны обязательствами вносить подать. Гасаниды, прося разрешения остаться, утверждали, что примут те же условия, на которых у границ Византии пребывал Салих, а это было несение воен-

ных обязанностей и уплата подати, что вполне соответствует действительному положению вещей.¹¹ Возможно, что сам филарх гасанидов и его род должны были принять христианство, в чем они последовали за салихидами. Во всяком случае, гасаниды считались строителями церквей и монастырей, как Гафна, а особенно его сын Амр.¹²

Наиболее сложным является вопрос о хронологии: когда именно проникли гасаниды в Сирию, когда они сместили салихидов. Анализ сведений арабских авторов не позволяет прийти к окончательному решению, а лишь к наиболее вероятному. Название города Антиохия вызвало предположение, что речь идет о времени мятежа Иллуса, который обосновался в столице Сирии при императоре Зеноне (482—484 гг.). Можно также думать, что раис Салиха обратился не к императору, а к магистру войск (*magister militum*), резиденцией которого была на Востоке обычно Антиохия. Имя ромейского царя искажено, предположительно его следует считать именем императора Анастасия, что вполне соответствует данным византийских хроник. Но никак нельзя согласиться со схемой, предлагаемой И. Каваром, по которой в 484 г. гасанидам было предложено оставаться при условии военной помощи, а в царствование Анастасия они должны были принять христианство и платить подать.¹³ Дело обстояло сложнее, гасаниды постепенно набирали силу, укрепляли свои позиции и стремились занять независимое от филархов Зоджома положение. Если согласиться с соображениями Нельдеке, что Зоком происходил из рода Зоджома, то филархат принадлежал этому роду более 100 лет, так как Зоком был современником императора Валента (364—378 гг.).

Особенно сложен вопрос о первых десятилетиях пребывания гасанидов в Передней Азии, так как смешение их с киндитами не дает возможности проследить с должной точностью их действия. Соперничество между гасанидами, салихидами и киндитами было важнейшим поводом для тех или иных мер, принимаемых Византией, Хиртой и Химьяром в их взаимоотношениях.

Арабы «дома Таалаба» были киндитами, которые в последних десятилетиях V в. и в начале VI в. достигли особенно значительного положения. Но, помимо этого, имя Таалаба упоминается как имя лица, которое привело гафнидов в Сирию. Это также осложняет возможность различать эти два рода, что, впрочем, не имеет решающего значения для истории арабов.¹⁴ Следует также отметить, что действия таалабитов были в интересах киндитов.¹⁵ Причислять таалабитов к гасанидам¹⁶ нам не представляется правильным; это была ветвь киндитов, которые в данный период захватили ведущую роль в областях, тяготевших к Византии.

В церковной истории Евагрия имеются сообщения светского характера, в ряде случаев отнесенных к Евстафию Епифанийскому. Он списал их, назвав свой источник. Сообщение об арабах-скинитах и их нападениях исследователи также относят за счет Евстафия, источника первостепенной важности.¹⁷ Стремясь «одержать верх» над ромейской державой, «варвары-скиниты» «нападали на Месопотамию, обе Финикии и Палестину». Ромейские полководцы неоднократно сражались, и арабам «доставалось» — *καὶ ὡς ἄρα τῶν ἐκασταχοῦ στρατηγούτων παθόντες*. «Наконец они утихомирились, заключив мир с ромеями все сообща». Текст этот приводится между повествованием о подавлении мятежа исаврийцев и о походе Кавада на Феодосиополь и Амид, что позволяет сопоставить сведения Евагрия — Евстафия Епифанийского с заметкой Феофана под 5995 г., когда Византией был заключен мир с Арефой, «называемым Таалабаном». Заключение договора 502 г. относится, по Феофану, к киндитами, которые упомянуты в тексте. Евстафий успокоение, наступившее среди «варваров-скинитов», и заключение с ними договора не связывает ни с каким именем собственным, поэтому можно предположить, что речь идет о гасанидах, что и они включены в этот договор.¹⁸ Для гасанидов, недавно осевших и продолжавших тревожить Византию, особенно подходит выражение «варвары-скиниты», что может подтвердить приведенное выше соображение, тем более что хроника Феофана под 5990 г.¹⁹ говорит о победах стратига Евгения и военачальника Палестины Романа — *τῆς ἐν Παλαιστίνῃ δυνάμεως ἀρχῶν* — над Огаром (Худжром), сыном Арефы Таалабана и, следовательно, киндита, но и над «другим скинитом, Габалой по имени», который «по собственному почину напал на Палестину» — *καταδραμόντα τὴν Παλαιστίνην πρὸς τῆς αὐτοῦ παρουσίας*. Этот Габала был отцом филарха гасанидов Харита.²⁰ Наступление по всем направлениям вдоль границы, предпринятое ромейскими войсками против арабов, можно приурочить к 497/8 г. и к последующим годам. Наиболее вероятно, что оно захватило последние годы V в., первые два года VI в. и завершилось общим соглашением — *λασσυδεῖ σλεισόμενοι* — всех «скинитов-варваров» с ромеями.²¹ По тексту Феофана видно, что нападения Габалы с гасанидами происходили независимо от киндитов, что они утверждались, укреплялись и, отбросив

салихидов, выступали самостоятельно.²²

Таким образом, новая группа племен, возглавляемая гасанидами, стала твердой ногой у границ Византии, вступила с ней в соглашение, чтобы стать на страже ее границ и занять положение федератов.

«СЛАВНЫЙ» ЦАРЬ ХАРИТ ИБН ГАБАЛА

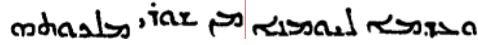
Новым и основополагающим в истории изучения северных доисламских племен справедливо считается классический труд Нельдеке. Им были введены своеобразный метод исследования, сравнительный филологический анализ данных, параллельное рассмотрение восточных и греческих источников, сочетание сведений которых позволило установить новые фактические данные и дать хронологическую последовательность. Во многом оправдалась его суровая критика поздних арабских сведений, которые не только не отражали действительного исторического положения, но и препятствовали установлению несомненных фактов.

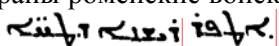
Харит ибн Габала — наиболее яркий представитель династии гасанидов, упрочивший ее положение и создавший ей славу. По времени его филархат, а затем царствование были длительными; его смерть относится к 578/9 г.²³ Самые существенные данные его деятельности установил Нельдеке, как и соответствие имен Харита и Арефы, наличие двух одноименных филархов-арабов — гасанида Харита и киндита Харита, убитого лахмидами в 528 г., выполнение гасанидом Харитом карательной экспедиции против самарян в 529 г.; наконец, ему же принадлежит детальный список чинов, «достоинств» и званий, полученных Харитом и известных восточным и греческим источникам. Работа такого выдающегося ученого, как Нельдеке, оказала глубокое влияние и явилась образцом для последующих трудов, посвященных другим северным арабским племенам, что отмечено нами и выше. Все основные выводы выдающегося семитолога были приняты и развиты в последние годы, причем особенно важное значение придали дате 502 г., как времени установившихся договорных отношений между Византией и арабскими племенами, не только киндитами, но и гасанидами. Вслед за Нельдеке было уделено внимание званиям Харита, но в значительной мере лишь повторялись установленные им данные.²⁴ Более конкретные и более углубленные представления о византийских рангах могут быть получены благодаря последним работам проф. Р. Гийана.²⁵ Особенно интересовал вопрос об измене Харита Византии, на что есть намеки в греческих источниках. К этому придется еще вернуться, и нельзя не отметить, что апологетический тон некоторых исследователей является совершенно излишним.

Ввиду того что участие Харита в войнах Византии против Ирана, в борьбе с набегами персидских арабов было рассмотрено в главах о лахмидах и киндитах, нами будут выделены главным образом те эпизоды, о которых в них не упоминалось или говорилось о роли гасанидов лишь вскользь.

Прежде всего следует сказать, что лучший источник по истории войн с персами при императоре Анастасии, сирийская хроника Иешу Стилита, начало войны относит к августу 502 г., а ее конец и заключение мира — к 506 г.²⁶ Можно предполагать, что договор с арабами 502 г., о котором уже шла речь, был заключен или до наступления персидских войск, или в самом начале войны. Участие в ней арабских племен с обеих сторон было самым активным. Не только лахмиды во главе с Нааманом совершали жестокие нападения, но и «ромейские арабы», в одних случаях названные таалабитами, в других без упоминания имени племени, наносили поражения персам. Предположить участие гасанидов со стороны Византии можно, но утверждать нельзя, так как они не упомянуты в источниках. Габала, отец Харита, упомянут под 497/8 г. в «Хронографе» Феофана. Участие арабов на стороне Византии в войнах с персами несомненно, и оно было очень активным.

Так как пристрастные взгляды Прокопия известны, то особое значение приобретает свидетельство сирийской хроники Захарии Митиленского о персидско-византийских военных действиях.

В 838 г. греков в месяце тамузе, т. е. в июле 527 г., Юстиниан стал самодержцем, единовластным правителем Византии. «С самого начала своего царствования и по сей день — — он заботился о постройках и обновлении городов и их стен». Между ромеями и персами были военные действия, стратилатом был Тимострат, который собрал войска, чтобы осадить Нисибин, но взять его они не смогли, как и крепость Тебет, находившуюся в 15 парасангах от Дары. Сильная жара, отсутствие воды погубили множество

солдат, особенно пеших.²⁷ Юстиниан для охраны Ароба (Бет Арабайе) в пустыне Танурин решил построить город для обороны от нападений арабов (تايابة — taiyaie). С этой целью был послан ападанаец (т. е. из Ападаны) силенциарий Фома, который заготовил необходимое, и было приступлено к работам, но арабы и кудишиты из Сингары и Тебета вынудили их прекратить. Персы, в виду того что византийские войска стремились занять Нисибин и Тебет, укрепили оборону в пустыне Танурин, выкопав там рвы. Между тем дука Тимострат умер, Велисарий был назначен после него. Замечательно, что сирийская хроника отмечает, что Велисарий запрещал своему войску грабить крестьян, которых он «любил». В этом была, по мнению хрониста, немалая заслуга евнуха Соломона, сопровождавшего его и бывшего нотарием дуки Фелициссимуса. Были вновь собраны ромейские войска с многими военачальниками, в том числе был «Атфар, глава арабов» —

Между тем персы прокопали значительное число рвов, которые они маскировали, поставили деревянные треугольные заграждения, оставили ямы. Ромейское войско попало на эти военные хитрости, особенно пострадала опять пехота; конные с Велисарием устремились обратно в Дару. Персы взяли много пленных. «Атфар, царь арабов, во время бегства был ранен в упор (на близком расстоянии) и умер. Он был муж воинственный и мудрый, хорошо обученный ромейскому оружию, прославился в битвах в разных местах и был знаменит».²⁸ Атфар — это сохранившееся в греческом написании имя Тафарάς,²⁹ о котором известно, что он был филархом. Он упомянут с другими византийскими военачальниками, которые выступили против персов (при жизни Кавада), возглавленных Мераном и Ксерксом. В числе византийских начальников названы Кузтис, Севастьян с исаврийцами, Проклиан, дука Финикии, комит Василий. «С ними были Велисарий и Тафар филарх. Лошадь Тафара споткнулась»; он был сброшен на землю и убит (εσφάγη). У Малалы год не обозначен.³⁰ Но в сирийской хронике Иакова Эдесского к 527/8 г. относится нападение персов на Месопотамию и Майферкат (1-й год императора Юстиниана).³¹ Имя самого Харита упоминается в другом случае. Часть византийского войска произвела нападение на владения лахмида Мундара. Поход возглавляли дуки Финикии и Евфратезии, а также один из хилярхов; войска арабских филархов были также участниками этого похода, предпринятого с целью отомстить за убитого лахмидами филарха ромеев киндита Харита. Участник этой экспедиции 528 г. был гасанид Харит, по общему признанию исследователей.³² Нельзя сомневаться и в том, что и названный Гнуф носил измененное имя Гафна — Джафна, традиционное в роде гасанидов, и, следовательно, он также был представителем этого рода. С этого времени имя Харита — Арефы не сходит со страниц греческих и сирийских хроник. Несомненно участие, которое принял Харит в усмирении восстания самарян, размеры и значение которого были велики. О нем сохранилось свидетельство нескольких близких по времени к этим событиям источников. События в основном излагаются в одинаковой последовательности, могут быть установлены и их даты. Причиной восстания были притеснения, чинимые правительством Юстиниана, в числе других нехристианских народностей, самарянам.³³ Принуждение и угнетение, в которых они жили, вызвало их протест и восстание. «В июне месяце 7-го индиктиона произошло возмущение племени самарян, которые разрушили множество строений в Скифополе». Архонт Басе, которого считали ответственным за случившееся, был обезглавлен «в своей же области». Восстание продолжалось, самаряне «поставили тираном и увенчали разбойника по имени Юлиан, самарянина»; после этого были сожжены строения, церкви, убиты многие христиане. Заняв Неаполь, Юлиан устроил ристалища на ипподроме. Но победившего в играх христианина Никиту велел казнить на ипподроме; им был также убит и епископ города. По приказу против самарян выступили дука Федор «с большим войском, взяв с собой филарха Палестины», которым следует считать гасанида Харита.³⁴ Тиран бежал, но был захвачен, он и множество самарян были казнены.³⁵ В извлечениях из Малалы у Константина Порфирородного повторяется тот же рассказ, с уточнением имен разбойника Юлиана, как ο Σαβάρωνος, и дуки Палестины, как Θεόδωτου τοῦ ἐπικλήν Μάγαλαν.³⁶ Выражение источника «филарх Палестины» без указания его имени побудило некоторых исследователей считать, что это был один из арабских шейхов-филархов, но не гасанид Харит, так как «он не был филархом Палестины», а состоял филархом провинции Аравии.³⁷ Существовали филархи разных епархий, поэтому один из них действовал в Палестине против самарян, другой, после того как они были разбиты и бежали, добивал их и захватил в Трахонитиде огромное число самарян в плен. Трахонитида занимала горный массив Леджа провинции Аравии, где действовал «филарх сарацин ромейских», которого и следует считать Харитом.³⁸ Однако если вспомнить, что в 529 г. Прокопий считал его филархом провинций Палестина I и II,³⁹ то приведенные

выше соображения могут вызвать сомнения.

О восстании самарян известно и Кириллу Скифопольскому, который в житии Саввы Освященного сообщает, что оно произошло в четвертый месяц после кончины аввы Феодосия, которую он относит к январю 7-го индиктиона, как и Малала, т. е. к 529 г. Кирилл в своем рассказе упоминает, что восставшие самаряне уничтожили около Неаполя *χωρία ολόκληρα* — все сельские поселения или деревни, которые они сожгли. С опустошениями земель и городов Палестины, которые произвели самаряне, было связано ходатайство, с которым св. Савва отправился в Константинополь, чтобы снять подать с провинций Палестины I и II. Он прибыл в столицу в апреле 530 г.⁴⁰ Прокопий Кесарийский⁴¹ это подтверждает, так как считает, что в этом восстании погибло около 100 тысяч человек; пусть это будет преувеличением, но, несомненно, он правдив, утверждая, что земля в этих местах осталась необработанной и плодородные пространства перестали давать урожаи. Новые данные вносит в историю самаринского восстания «Хронограф» Феофана и «Сирийская хроника» Захарии Ритора. По словам последней, самаряне оказались под влиянием Ирана, так как, «узнав относительно персов, что они от времени до времени нападают и вторгаются в землю ромеев», они вспомнили, будто они выходцы из южного Междуречья и «были посланы Салманассаром, царем Асура», на новое местожительство и «осели в Самарии». Они восстали, желая помочь персам, основываясь на этой старой связи и на том, что они «вышли из их земли» и основались в ромейской земле.⁴²

Связь самарян с персами подтверждает и греческий Хронограф. Хосров, получив от магистра Гермогена «подношения», не пожелал заключить мир, так как самаряне-перебежчики обещали «предать ему всю свою землю Палестину» — *πρὸ δίδοναι τὴν χώραν αὐτῶν πασαν τὴν Παλαιστίνην*. Шаханшах полагал, что его союзниками будут иудеи и самаряне в количестве 50 тысяч (*χιλιάδας v'*).⁴³

Об участии арабов в подавлении восстания самарян говорит тот же сирийский источник, они названы им *كبار العرب* — «арабы Аравии». Действовали они совместно с византийским войском.⁴⁴ «Филарх ромейских арабов», следовательно, гасанид Харит, «взял добычу в 20 тысяч юношей и девушек, которых он захватил как пленных и продал в персидских областях и Индике» (*Ἰνδικοῖς μέρεσι*).⁴⁵ Эти пленные были проданы на невольничьих рынках Ирана и на Аравийском полуострове, так как Индика обычно у Малалы — южноарабские области полуострова. Добыча должна была принести ему и его войску большую прибыль.

Все основания полагать, что поддержка восставшим со стороны персов сыграла свою роль и укрепила их надежды. Византии было необходимо мобилизовать все свои силы, поэтому к «ромейскому войску» были присоединены и арабы, находившиеся в их распоряжении. Судя по тому, что филарх захватил огромное количество пленных, он действовал очень решительно и подавил мятеж самыми жестокими мерами. То, что арабы названы «арабами Аравии», указывает на византийскую «провинцию Аравию», где они располагались.⁴⁶

Следующим упоминанием о военных действиях с участием арабских войск под началом Харита является битва при Каллинике. Выше было уделено внимание событиям, связанным с наступлением персов при поддержке арабов Хирты на Византию. Войска Кавада двинулись, переправившись через Евфрат у Киркесия. Расположившись у Евфрата, в соответствии со своими правилами ведения войны, они выкопали ров (*ῥωμα*, *φόσσα*).⁴⁷ Велисарий поспешно собрал войска конные и пешие, в числе которых были малообученные исаврийцы.⁴⁸ «И Арефа с войском арабов прибыл сюда». Маршрут похода персов был выработан в соответствии с советами Мундара, направление было выбрано удачно, нападение было неожиданным, так как впервые войска шаханшаха вторглись этим путем. Решительная битва, по записи Прокопия, произошла на правом берегу Евфрата у Сур, против города Каллиника, лежащего на левом берегу реки, в субботу 19 апреля 531 г., накануне праздника пасхи. Сирийская история Захарии Митиленского считает, что битва произошла в «воскресенье опресноков» 9-го индиктиона, т. е. в день пасхи. 20 апреля 531 г.⁴⁹ Аштабид и персы боялись вступить в бой с ромеями, поэтому они предложили отпраздновать день пасхи ради христиан, которые в «нашем» войске персов и «ради вас», потому что «вы христиане». Велисарий на это согласился, но другие военачальники были недовольны и готовились к бою. День сражения выдался холодный, ветер был византийскому войску в лицо. Византийское командование поставило на правом крыле, на покато́й местности, «Арефу и всех его арабов», так что они оказались непосредственно перед левым крылом персидского войска, которое занимали арабы лахмидского царя.⁵⁰ Но в битве лучшая часть персидского войска врезалась в расположение арабских войск Византии. Отряды, возглавляемые Харитом, разделились и пропустили персов, которые благодаря этому получили

возможность зайти в тыл ромейской коннице. Хотя Прокопий и говорит, что «все обратились в бегство» и что это послужило поводом для обвинения Харита в предательстве, имеются сведения, сообщенные Малалой, которые дают возможность толковать действия арабов иначе. Поле битвы покинули фригийцы (Φρύγες), которых Прокопий называет исаврами и ликаонитами; с ними ушла и часть арабов. Другая часть арабов «осталась с Арефой биться» — ἄλλοι δὲ ἐλέμεϊναν σὺν Ἀρέθῃ μαχόμενοι.⁵¹ Однако и у Малалы сказано, что существовало мнение, будто вследствие «предательства их филархов» — *κατὰ προδοσίαν τῶν φυλάρχων αὐτῶν* — обратились арабы в бегство. Вопрос о предательстве, благодаря противоречивым данным, требует особого разбора как в связи с эпизодом 531 г., так и с другой кампанией 541 г., в которой участвовали арабские отряды Харита. Сирийская хроника говорит, что византийское войско вообще обратилось в бегство, многие утонули в Евфрате, другие были убиты. Войско Бутса было захвачено в плен, но сам Велисарий спасся.⁵² Потери византийских войск были настолько велики, что даже Прокопий вынужден признать успех персов. Поражение было причиной удаления Велисария с театра военных действий. «Велисарий же, так как император обвинял его в том, что было уничтожено ромейское войско персами у Таннуриса и у Евфрата, был отпущен и отправился к императору. После него в Даре был Константин».⁵³ В связи с тем, что персы продолжали военные действия, не соглашались на заключение мира и в том же году совершили поход на Осроену, а в Армении осадили Майферкат, Византия не распустила своих войск. «Было собрано большое ромейское войско, стратилатом стал Ситта, и бар Габала, царь арабский, был с ними».⁵⁴ Эти войска, с которыми был и Харит, достигли Амида в октябре или ноябре (месяц тишри, без указания первый или второй) 10-го (δεκάτου) года индиктиона; следовательно, еще в 531 г. Харит продолжал участвовать в походе.

В конце 30-х годов, предшествующих следующей персо-византийской войне, возник спор между арабами о так называемой «Страте», мощной стратегической и торговой дороге между Дамаском и Пальмирой, о чем речь была выше в связи с воинственными замыслами Мундара. Следует особо отметить аргументы, которые Харит стал приводить в пользу своих прав на эту дорогу и прилегавшие к ней земли. Мундар жаловался, что терпит обиды от Харита, который его якобы вытесняет с его земли, и под этим предлогом стал совершать нападения на византийские области. Не лишено интереса, что оба арабских царя ссылались в своем споре на юридические документы, утверждая, что они, арабы, не упоминаются в договоре, заключенном между Ираном и Византией. Харит сослался и на обычное право, значение которого было исключительно большим. Доказывая, что пространства вокруг «Страты» принадлежали империи, он напомнил, что самое слово, обозначающее эту дорогу, латинского происхождения и прав он. Им было приведено обычное для того времени доказательство — свидетельство старейших мужей — *μαρτυρίαὶς παλαιωτάτων ἀνδρῶν*.⁵⁵ Конфликт был улажен византийскими дипломатами Стратегием и Суммом, и было достигнуто известное успокоение. О том, что Византия стремилась внести мир и спокойствие в провинции Аравии и в ближайшие области, свидетельствует и новелла 102, данная на имя епарха Иоанна Каппадокийского в 536 г.⁵⁶ Персы осуществили свои военные замыслы позднее.

Замечательно, что Табари сохранил в своей хронике рассказ об этих событиях. Со стороны персидских арабов назван Мундар ибн Нуман. Царем арабов Сирии Юстиниан сделал Халида ибн Габала, т. е. Харита ибн Джабала. Уже указывалось, что его имя дошло в данном случае в пехлевийской передаче, где звуки l и r передаются одним и тем же письменным знаком. Поэтому имя Харита могло быть прочитано как Халид. Харит будто бы напал на области, принадлежавшие Мундару, перебил людей, взял большую добычу. Но так как между обоими великими государствами был заключен мир, Мундар стал требовать, чтобы Хосров способствовал возвращению захваченной у него Харитом добычи и оплаты принесенного урона. Шаханшах будто бы писал и требовал этого неоднократно у Юстиниана, но не получил удовлетворения и выступил в поход, захватив ряд городов, в том числе Антиохию.⁵⁷ Таким образом, в представлении персидско-арабской традиции вина за столкновения арабов во время мира лежала на гасаниде Харите. Арабские отряды и Харит упомянуты в кампании 541 г. после взятия Антиохии персами и первых попыток захвата Лазики. Когда Велисарий стал собирать войска в Месопотамии, чтобы организовать наступление, к нему пришел и Харит «с большим войском арабов».⁵⁸

Когда Велисарий был вынужден отказаться от намерения взять Нисибю, он обложил со своими войсками Сисавраны. Но и здесь его отразили персы. Собрав военачальников, он стал развивать свой план кампании, в которой арабскому войску была дана определенная зада-

ча — вступить в Ассирию, т. е. области в нижнем течении Тигра. Он мотивировал это тем, что арабы неспособны вести систематическую осаду — Σαρακηνοὶ γὰρ τεῖχος ἀχεῖν μὲν εἰσὶν ἀδύνατοι φύσει. Но зато они могут нанести врагу тяжелый ущерб иным способом.⁵⁹ В соответствии с этим Харит получил от Велисария приказ «вторгнуться в Ассирию» со своим войском и с 1200 стратиотами, которые находились под началом Траяна и Иоанна, «добрых в войне». Однако и они были подчинены Хариту, задачей которого было опустошить эту область Ирана и собрать сведения относительно войск, которые имеются там. Харит перешел со своими силами Тигр и нашел эту провинцию Ирана в цветущем состоянии, в течение длительного времени не подвергавшуюся разорениям, но не защищенную, не имевшую должной охраны. Царь ромейских арабов мог осуществить задуманное, в быстром набеге он захватил огромную добычу, обогатив свое войско и себя.⁶⁰

Крепость Сисавраны была взята между тем Велисарием, но Харит не хотел возвращаться к византийским войскам, «опасаясь, чтобы его добыча не была захвачена ромеями». Не желая делиться награбленным, он послал нескольких лазутчиков, чтобы иметь возможность сказать, в соответствии с их ложными донесениями, что вернуться ему препятствует большое персидское войско, которое стремится перейти через Тигр. Точно так же он направил возвращавшихся подчиненных ему Траяна и Иоанна с их отрядами не к Велисарии, а другим путем к городу Феодосиополю, который находится у реки Хабор.⁶¹ Велисарий со своим войском, не получая известий, находился в беспокойстве, а затем был вынужден отступить. Так как Харит не возвратился к нему, то он и не мог выразить ему свое неудовольствие. Следует отметить, что в византийском войске арабы считались наиболее боеспособными — Σαρακηνοὶ μὲν καὶ οἱ τῶν στρατιωτῶν μαχητότατοι — и их быстрый натиск имел значение для общего ведения войны.⁶² Поэтому и Прокопий упоминает о его рейде как об одном из событий войны, встревоживших Хосрова, который в это время вел осаду Пётры.⁶³ В связи с этим эпизодом автор «Персидских войн» вновь возвращается в скрытом виде к обвинениям Харита в предательстве.

Весной 545 г. между Византией и Ираном был заключен мир на пять лет. Но в следующем же 546 г. вспыхнула война между лахмидами и гасанидами, не перестававшими враждовать. Один из сыновей Харита пас табуны лошадей, когда на него напал Мундар, захватил его и «тотчас принес в жертву Афродите», арабской богине Уззе. Далее следует замечание Прокопия, к которому еще придется вернуться, а именно, что этот факт показал, что «не предавал Арефа дела ромеев персам». После этого войска обоих царей сразились; победа была на стороне гасанидов. Харит едва не взял живыми двух сыновей Мундара. Персидские арабы частью обратились в бегство, частью были перебиты.⁶⁴ Прокопий и в «Истории готских войн» вспоминает о том, что арабы взаимно нарушили мир тогда, когда он был заключен между великими державами.⁶⁵

Последним, заключительным действием в длительной вражде была смерть Мундара, убитого в 554 г. при Киннешрине в кровопролитной войне лахмидов с гасанидами, в которую включились и другие племена арабов, примкнувшие к той или другой группе сражавшихся племен.⁶⁶ В дальнейшем вражда между византийскими и персидскими арабами несколько ослабевает, так как появляются новые обстоятельства, изменившие соотношение сил.

Гасаниды утвердились, вынудив салихидов уступить им место. Не меньше затруднений испытывали они, отвоевывая положение, занятое киндитами. Несомненно, отдельные представители этого рода продолжали занимать места среди групп арабских племен, связанных военными обязательствами с Византией. О таком положении и трениях, которые продолжали возникать между соперничавшими филархами, говорит сообщение Кирилла Скифопольского, которое следует отнести ко времени после 544 г.⁶⁷ «Два филарха подчиненных ромеям арабов Арефа и Асвад напали друг на друга», следствием чего были восстания (᾿ακαταστασία), и «варвары» рассеялись по всей «этой пустыне», т. е. той местности, где находились лавра и ски-ты Евфимия. Арабы нанесли много ущерба (αὐδέμιτα), о чем было широко известно.⁶⁸

Упоминаемый Арефа был, конечно, Харит ибн Габала, действовавший в эти годы особенно активно и занимавший положение старшего или первого филарха византийских арабов. Что касается Асвада, то наиболее вероятно предположение, что это был киндит, тем более что это области, которые в течение длительного времени были под филархатом киндитов (провинции Палестина I и II и Арабия).

В истории рода Гасан наряду с именем Харита следует упоминать Абукариба, деятельность которого протекала в областях, прилегавших к Красному морю. Ему были посвящены специальные страницы исследования, и потому здесь следует лишь упомянуть, что принцип

родовой или семейный действовал в достаточной мере и связывал «начальников» арабских племен между собой. Братья опирались друг на друга, на семейную связь. Значительная часть арабов, находившихся на территории византийских провинции и прилегавших к их границам областей, управлялись ими. Объединение их сил в большой степени облегчило им господство, победу над салихидами, киндитами, относительные успехи в войнах с лахмидами.

В сведениях о Харите существенное место занял вопрос о его предательстве (πρόδοσις), мнимом или действительном, о котором говорят некоторые источники. Обвинения или защита Харита неизбежно рассматривались исследователями, но особенно настойчиво и подробно этим вопросом занялся И. Кавар, посвятивший Хариту целую серию статей. Апологетический тон Кавара в значительной мере снижает его в общем объективные доводы в пользу добросовестности и преданности Харита Византии. Отсылая к его подробным и неоднократно повторенным доводам и соображениям, ограничимся лишь свидетельством источников и их самым кратким истолкованием. В тесной связи с вопросом об отношении Харита к Византии, его доброкачественности находится вопрос об официальном его положении и его званиях, на значение которых обратил внимание еще Нольдеке.⁶⁹ Подробно, вникая во все мелочи званий, ими занялся тот же американский ученый, упустив из вида лишь реальное значение табели о рангах Византии и титулатуры.

Харит ибн Габала занимал в 529 г. положение филарха византийских провинции, называемых Палестиной I и II.⁷⁰ Это год подавления самарянского восстания. После этого, вероятно в 530 г., Харит получил «царское достоинство» (αξίωμα βασιλέως), так как он «правил арабами в [провинциях] Аравиях» (ὅς τῶν ἐν Ἀραβίῳ Σαρακηνῶν ἤρχεν).⁷¹ Прокопий приписывает это повышение в ранге соображениям Юстиниана, по которым арабы его империи должны были иметь единое управление, как имели единого главу и персидские арабы. Справедливо и другое, что царем Харит стал после двух существенных дел, выполненных им для Византии: после мести за убитого филарха Харита киндита и подавления самарянского восстания. В условиях византийской державы титул базилевса мог быть дан только императору, поэтому Прокопий и говорит так осторожно о «царском достоинстве» или звании Харита. В сирийских текстах он зовется царь — malka.

В противоположность организации арабов Персии в Византии ни дуки, ни филархи не имели достаточного количества воинов. Этими словами Прокопий дает понять, что военные полномочия отдельных византийских полководцев, стоявших во главе провинций (дуки), простирались лишь на имевшиеся в этой провинции отряды, которые не были достаточны, чтобы отражать войска Мундара. Поэтому император и был вынужден «писать и приказывать» отдельно каждому дуке провинций о необходимости оказать сопротивление арабам. Такое же положение отмечает он и для «предводителей ромейских арабов, называемых филархами». Он указывает, следовательно, что филархов было много, и власть над арабами была распылена, не было единого руководства, одного большого войска, что и мешало общему решительному отражению постоянных набегов «персидских арабов». Это положение было необходимо изменить, поэтому император Юстиниан «поставил над многими племенами Арефу, сына Габалы, который правил сарацинами (арабами) в Аравиях, дав ему звание царя, чего прежде у ромеев не было».⁷² В Византии пожелали иметь концентрированную власть над арабами; управление одним человеком многочисленными племенами могло привести к более благоприятным результатам, поэтому и было решено поставить Арефу главным филархом и дать ему «звание царя» — αξίωμα βασιλέως.

Нельзя не отметить, что и до гасанидов империя искала и находила опору в том или другом арабском княжестве Сирии или Месопотамии, более того, арабские племена Зоджома и Кинда являлись ее союзниками. Но положение, которое заняли гасаниды, было более высоким и более прочным. Нельзя, однако, придавать такого исключительно большого значения званиям, полученным гасанидом Арефой на протяжении своей «службы» Византии, какое им придает Кавар.⁷³ Тем более что здесь мог бы иметь большое значение сравнительный метод и более глубокое изучение титулатуры, которое имеется в превосходно эрудированных работах проф. Гюяна. Для оценки противопоставления двух характеристик — Мундара и Харита, данных Прокопием, большую ценность имеют соображения Рубина,⁷⁴ который считает, что меры, принятые императором для укрепления гасанидов, носят характер сатиры, а Юстиниан награжден теми же отрицательными чертами, как и в «Тайной истории».⁷⁵ Необходимость иметь единое управление войсками арабских племен, — мотив, приводимый Прокопием, — является выражением мнения Велисария и штаба империи, как и слова: «точно мы не знаем о

нем (о Харите) ничего». ⁷⁶ Далее Прокопий сообщает, что нападения Аламундара продолжались с прежним ожесточением, и добавляет с досадой, что он был «долговечен», а поэтому имел возможность совершать дольше свои набеги. Но уже с первых строк Прокопий бросает тень на «Арефу, сына Габалы», утверждая, что при опустошительных набегах Аламундара при «всяком нападении и в битве он или в наибольшей мере был неудачлив или скорейшим путем [становился] предателем». ⁷⁷ В тексте обе возможности неудач Харита или его предательских действий сопровождается в первом случае усилительное *ὡς μάλιστα*, а во втором *ὡς ταχίστα*; они подчеркивают обязательность или одного или другого фактора в поведении Харита. Защите Харита и гасанидов от этих подозрений посвятил несколько статей Кавар. Его апологетический тон неубедителен, хотя многие из приводимых им аргументов и справедливы. Нельзя также согласиться с сугубо отрицательным отношением к Прокопию, брать на подозрение достоверность сообщаемых им исторических фактов в такой мере, чтобы низводить его труд в разряд ложных, во всех отношениях недоброкачественных источников. ⁷⁸

В греческих хрониках имя Харита сопровождается титулы патрикия и филарха, при этом «славного» в превосходной степени — *ἐνδοξότατος*, что соответствует сирийскому *ܩܘܕܝܫܐܘܬܐ*. Как христианин он получает наименование *ܩܘܕܝܫܐܘܬܐ* — верующего, соответствующее греческому *εὐσεβέστατος* и *ܩܘܕܝܫܐܘܬܐ* — *φίλοχριστος*. ⁷⁹ Помимо нарративных источников имеется свидетельство юридического документа, новеллы С II 536 г., в которой Харит упомянут со званием *spectabilis* — *περίβλεπτος*. ⁸⁰ Делать догадки, когда именно это звание было ему присвоено, едва ли правильно. «Славнейший» — *ἐνδοξότατος*, соответствующее латинскому *gloriosissimus*, засвидетельствован надписью 559 г. на воротах монастыря в Каср ал Хейр, крепости, построенной близ дороги из Дамаска в Пальмиру, в 60 км на юго-запад от последней. Арефа (Харит) устроил там монастырь. Он упомянут в двух надписях: в одной как «славнейший», в другой с пожеланием многолетия — *Ἄρεθα πατρικίου πολλὰ τὰ ἔτη*. Предполагаемая издателем дата по селевкидскому летосчислению 870 г. соответствует 559 г. н. э. ⁸¹ Достаточно даже беглого перечня титулов и званий, которые были присвоены Хариту за время его длительной деятельности в качестве филарха и царя арабов, чтобы прийти к выводу, что он был в должной мере признан и почтен в Византии. Попытка дать известную хронологическую последовательность в получении им этих титулов, считая их как бы наградами за выполненные им задания, не всегда успешна. ⁸² Но следует признать, что высокие звания и признание заслуг «патрикия Арефы» в какой-то степени являются доводами в пользу того, что обвинение его в двоедушии и предательстве несправедливо.

Представляет интерес рассмотрение данных Прокопия Кесарийского о гасанидах. Известно, что этот историк Юстинианова века обладает сложнейшим характером, что его взгляды несколько раз менялись, что он является попеременно льстецом и обличителем императора, что он умеет истолковывать события в зависимости от предвзятого мнения. Сводка всех предшествующих работ, посвященных Прокопию, дана в последние годы Б. Рубиным, ⁸³ они повлияли на все последующие суждения об атом историке, в том числе его сведения о царе арабов. Следует отдать справедливость автору «Истории войн»: он сохранил большое количество фактов, которым нельзя не доверять, так как их сообщает не только современник, но в ряде случаев свидетель и участник событий.

Большую ценность имеют и хронологические вехи в его трудах. ⁸⁴ Затруднения представляют его предположения и истолкования, сделанные с определенной, заранее принятой точки зрения. Нельзя отрицать и того, что в одних случаях Прокопий преувеличивает значение событий, в других умалчивает о том, что может нарушить его искусственное построение. Вопрос заключается в том, можно ли доверять Прокопию и тем подозрениям, которые он высказывает относительно Харита, утверждая, что в сражении 531 г. бегство арабов было предательским. Выше было приведено свидетельство Малалы, которое позволяет сделать другой вывод, а именно, что часть арабского войска со своим филархом осталась на месте и вела успешно бой. Двусмысленно отношение Прокопия и к разорению, нанесенному западной провинции Ирана ромейскими арабами, предпринятом по приказу Велисария. ⁸⁵

Но в какой-то мере правы защитники Харита, приводя, с одной стороны, доказательства тому, что у Прокопия, когда он писал эти страницы, была предвзятая мысль — выгородить своего героя Велисария, свалив его неудачи на объективные причины: изнуряющую жару, болезни и на «предательство арабов». С другой стороны, следует указать на множество преимуществ, которые Харит получил от Византии, на то, что, будучи христианином, он также не мог изменить империи. Нам представляется существенным, что и сам Прокопий, сообщая о прине-

сении в жертву Уззе сына Харита, считает это подтверждением того, что «не предавал Арефа» интересов империи Ирану.⁸⁶ Следует также отметить, что и до Прокопия латинские историки охотно обвиняли арабов и сирийцев в своих неудачах, как это сделал Плутарх в отношении Абгара, царя Эдессы. Император Маврикий также обвинял Мундара ибн Харита в том, что он повел его войска по заведомо трудной дороге. Мнение исследователей о роли Харита не единодушно; положительно о ней высказывались и раньше. Апологетические рассуждения не принесли пользы общему представлению о роли и деятельности Харита, как и выяснение «техники», которой пользовался Прокопий, чтобы представить Харита в невыгодном свете.⁸⁷

Анализ деятельности Харита приводит к выводу, что связь его с Византией была тесной и охрана границ как им, так и его братом Абукарибом велась ими добросовестно. Участвуя в войне, «царь арабов» выполнял свои обязанности, обеспечивая империю и внутреннее спокойствие, как в случае с подавлением восстания самарян. При всем том арабы не могли совершенно отказаться от своих собственных интересов, с которыми Византия не всегда считалась. Когда Харит не считал нужным делиться своей добычей с войском Велисария и ушел из «Ассирии» в 541 г. другим путем, он стремился обеспечить себя и свое войско. И, конечно, тот факт, что его сын погиб жертвой лахмида Мундара, по свидетельству того же Прокопия, является подтверждением его добросовестности. Много десятилетий длилась вражда между двумя буферными арабскими государствами гасанидов и лахмидов и, конечно, кровная месть оставалась для них их обычным правом.

В общем характере деятельности Харита, направленной в сторону интересов Византии, нельзя не учитывать уклада жизни, обычаев, глубоко укоренившихся этнических особенностей арабов, как и закономерной необходимости заботиться об интересах своего войска, лагеря, оснащения, имевших исключительно важное значение для государства гасанидов как военного оплота Византии.

В истории гасанидов договор о мире, заключенный между Византией и Ираном в 561 г., является важным документом, сохранившимся Менандром в выписках Константина Порфирородного. На этом приходилось уже останавливаться в связи с историей царей лахмидов, это существенный момент и в жизни гасанидов. Выше было отмечено, что в своем споре за Страту оба арабских царя ссылались на обычное право, на давность сложившихся отношений, на свидетельство людей старшего возраста, чтобы доказать свои права на данную территорию. Источники неоднократно упоминают о том, что арабам случалось нападать друг на друга и сводить счеты независимо от обеих империй, а то и вопреки наладившимся между ними мирным отношениям. В споре конца 30-х годов арабы приводили в качестве аргумента то, что в письменном договоре, заключенном между великими державами, они не были упомянуты, но тут же византийскому историку приходится оговориться, что арабы подразумевались в наименовании ромеев или персов в зависимости от того, какой из сторон они принадлежали. Во всяком случае 20 лет спустя в договоре 561 г. арабы упоминаются специально. И для гасанидов следует считать существенным, что было оговорено как военное участие их, так и то, что было связано с общими торговыми интересами; с перевозом товаров без пошлин.⁸⁸ На этом примере видно, в какой степени возрастало влияние арабских государств, их удельный вес в общем политическом положении на Ближнем Востоке.

Гасанидам было существенно обеспечить наследование и закрепить за родом его значение, поэтому было необходимо получить согласие и поддержку Константинополя для назначенного кандидата. В 563 г. (12-й год индиктиона) в ноябре в столицу (*εν βυζαντίω*) прибыл «Арефа, патрикий и филарх арабов», для того чтобы решить, «кому из его сыновей следует после его кончины править его филархией».⁸⁹ Один из его сыновей, как известно, погиб, принесенный в жертву богине Уззе Мундаром лахмидским. Очевидно, был назначен Мундар ибн Харит, занявший место своего отца до весны 570 г., когда его имя упоминается в качестве победителя Кабоса.⁹⁰

Другой вопрос, по которому Харит вел переговоры в Константинополе, касался того, «что произвел Амброс, сын Аламундара, в его областях», т. е. тех нападений, которые совершил царь лахмидов, сменивший Мундара. Боевые качества Амра и претензии, предъявляемые им к империи, хорошо известны из текста Менандра, о чем речь была выше.

Наконец, третье дело Харита относилось к вопросу о поддержке идеологии монофизитов, взглядов Иакова Барадея и близких ему «восточных» отцов. Царь арабов привез их догматическое послание в столицу, оно было подписано семью епископами и патриархом, но два епископа, Конон и Евгений, отказались его подписать. Тогда Харит сказал: «Теперь я знаю, что

вы еретики, мы же и наше войско (ⲉⲃⲁⲗⲓⲧⲁ) это принимаем, как и Иаков и восточные».⁹¹ Чрезвычайно характерны для всего сознания Харита, для социального строя арабов его слова, что послание поддерживает как он сам, так и его войско.

Приобщение арабов к христианству известно источникам IV в., когда отдельные племена и роды принимали его, сохраняя свой кочевой образ жизни. Филархи рода Зоджома также были христианизованы, о чем известно даже арабским авторам. Цари рода гасанидов приняли активное участие в политической жизни Ближнего Востока, в которой идеологические распри вылились за стены церквей и монастырей. Монофизитство для западных областей, несторианство для восточных областей Передней Азии стали политической силой, определили направление тех или иных социальных слоев, оказались связанными с реальными этническими группами. Активные монофизитские клирики, горячие сторонники несторианства, вели неустанную словесную борьбу, стремясь склонить на свою сторону массы. Православие, несмотря на официальную поддержку, было в трудном положении.

Монофизиты, столицей которых, в сущности, была Антиохия, пользовались большим влиянием в арабских кругах; цари дома Гасан стали партизанами их учения. К 542 г. н. э. (16-му году императора Юстиниана) относится сообщение Иоанна Ефесского, что, ввиду того что монофизиты не имели достаточного количества высших клириков, епископов, «славный Харит бар Габала, великий царь арабов, со многими другими просили христоролюбивую царицу Феодору приказать поставить двух или трех епископов из православных в Сирии. И так как желала верующая царица увеличить помощь всем тем, кто был против Халкедонского собора, она приказала и были избраны два благих мужа, испытанные и божественные, по имени Иаков и Феодор. Один для Хирты арабов, Феодор, и Иаков для города Урхи (Эдессы)».⁹² Феодор распространил свою деятельность на «всю пустыню, Аравию и Палестину», даже «до Иерусалима». Иаков Барадей действовал «не только в Сирии», но в Армении и Каппадокии, во всей Малой Азии, мужественно защищал свою веру и в Константинополе. В Пальмирене, в селении Хелиарамия (Heliaramia) находился монастырь, захваченный омейядами. На его стенах имеются надписи, в одной из которых архимандрит Анастасий является современником, «филархии преславного Арефы, страте[га]» — και της φιλοφχίας της ενδοξοτάτου Ἀρέτας στρατῆ..., которому он желает во втором пришествии стать «одесную».⁹³ К 870 г. селевкидов (558/9 г. н. э.) относится другая надпись, в которой пожелание многолетия «патрикию Фл[авию] Арефе» — Φλ Ἀρέθα πατρικίου — записано в связи с его посещением этого монастыря.⁹⁴ Тот же Харит со своими знатными отправился однажды к Иакову, чтобы просить его исцелить один род (ⲉⲃⲁⲗⲓⲧⲁ) арабов, заболевших помешательством. Харит веял с собой золото, но Иаков велел ему возвратиться, не принял золота и заочно исцелил арабов.⁹⁵ Другой рассказ о Харите, вероятно, восходящий к тому же Иоанну Ефесскому, содержит спор царя арабов со сторонником Халкедонского собора, епископом Антиохии Ефремом. Самое колоритное в этом рассказе и рисующее живую обстановку то, что Харит употребляет в пищу верблюжье мясо, «по своему обыкновению», тогда как епископ Ефрем считал это осквернением и отказался сам его есть и не благословил трапезу Харита.⁹⁶ Выше уже были отмечены участие и поддержка, которые он оказывал монофизитам непосредственно в Константинополе, когда привез туда их послание по вопросу чисто догматическому, с тем чтобы оно было подписано епископами и патриархом.

Имя Харита упоминается также в связи с епископом Павлом, принявшим посвящение от Иакова Барадея. Павла не захотели принять к себе александрийцы-монофизиты, тем более что первоначально он должен был стать епископом в Антиохии; они выдвинули против него ряд обвинений. Павел стал делать «подарки» александрийцам, но и это ему не помогло. Тогда он обратился к Хариту бар Габала, и тот «приказал», чтобы его имя было возведено в церквах, принадлежащих монофизитам.⁹⁷ Александрийские монофизиты были возмущены, обижены — ⲉⲃⲁⲗⲓⲧⲁ — не только Павлом, но Иаковым Барадеем, который посвятил Павла без согласия провинций.⁹⁸ В данном случае видно, каким влиянием пользовался у монофизитов Харит. Связь Павла с арабами-монофизитами подтверждает то, что он, покинув свой епископский дом из-за целого ряда распрей, бежал к Мундару бар Хариту, в его лагерь, в области Аравии, и остался у него.⁹⁹

Два сына «царя арабов» погибли в борьбе с лахмидами: один как жертва, второй, носивший имя своего деда Габала, пал в битве при Кеннешрине, когда был убит Мундар бар Закка в «27-м году Юстиниана», т. е. в 554 г.¹⁰⁰ В 563 г. Харит устраивал дела престолонаследия в столице и умер в 569 г. В 570 г. «ромейскими арабами» правил уже его сын Мундар. В арабских источниках имеются краткие справки генеалогического характера, посвященные смене

царей из рода Гасан, которые не дают точных данных.¹⁰¹

Харит лишь года на два пережил Юстиниана, оказавшего такое мощное влияние на все стороны политической жизни Византии. Деятельностью Харита было упрочено положение династии гасанидов, его отряды принимали участие в военных действиях империи против персов и в случаях внутренних коллизий, как в усмирении самарян. Политические интересы Харита были связаны с общим направлением сирийских провинций, в которых преобладали этнически не греческий элемент и которые считали и называли свою догматическую монофизитскую позицию «восточной».

МУНДАР БАР ХАРИТ «С БРАТЬЯМИ И СЫНОВЬЯМИ»

Сын Харита Мундар продолжал в основном политику своего отца. Его ориентация была византийской, но, как и Хариту, ему пришлось пережить горькие минуты разочарований и обид, так как полного доверия и к его деятельности Константинополь не имел. Между тем у Мундара были немалые заслуги, но всегда находились поводы что-нибудь поставить ему в укор. Защита границ от нападений лахмидов, участие в персидских походах Византии, дела филарха, теперь царя арабов империи, оставались кругом его обязанностей. Мундар наследовал и другое направление деятельности Харита — оказание поддержки «восточным», монофизитам, которые в эти десятилетия VI в. были гонимы. Симпатия и активная помощь, которую оказывал новый царь гасанидов монофизитам, способствовали тому, что он не был затерян в веках. Сирийский историк Иоанн Ефесский, наряду с яковитскими клириками, сделал его одним из своих героев, посвятив ему много страниц третьей части своей истории. Подробности жизни и деятельности Мундара были известны Иоанну Ефесскому именно потому, что тот был сторонником монофизитов, и возможно, что это было и одной из причин, по которым Мундара брали на подозрение. Сирийский историк дал возможность заглянуть в самую гущу жизни столицы и провинций империи.

В 567 г. император Юстин II принимал персидское посольство во главе с Зихом и гневался на посла персидских арабов, требовавшего от имени лахмида Амра (Ἀμβρος) денег и почетного приема. Когда посол вернулся неудовлетворенным из Константинополя, царь лахмидов приказал своему брату Кабосу напасть на соседнюю с ним область ромейских арабов, принадлежавшую Аламундару, названному ее ἡγεμόνεως.¹⁰² Следовательно, еще при жизни отца Мундар занимал видное положение.

Анонимная сирийская хроника содержит запись: «Год 881... в четверг вознесения этого года дал бой Мундар и помог ему, Мундару, бог, обессилен был Кабос и победил крест».¹⁰³ Эта битва происходила, следовательно, в 570 г. 20 мая. Высказывались мнения, что это и была знаменитая, воспетая в арабской поэзии, битва Ain Ubag, происходившая при источнике или колодце Убаг,¹⁰⁴ тем более что местность, где происходила битва, находится далеко на востоке, — положение, совпадающее с данными арабской поэзии.

Подробнее об этой войне говорится, что «персидские арабы» были «в страхе и трепете» перед Харитом и, пока он был жив, они не смели нападать. Узнав о его смерти, они «пренебрегли его сыновьями, его знатными и его войском». Они вторглись в области, принадлежащие «дому Харита», и угнали все табуны верблюдов и стада. Мундар тотчас собрал свое войско, внезапно напал и истребил их. Кабос увидел ужас уничтожения и бежал с немногими. Мундар же расположился в его палатке, забрав весь его лагерь и все имущество, схватил и связал его родственников и некоторых из знатных. Мундар расположил затем свою палатку в трех днях пути от лагеря лахмидов, где было все их имущество.¹⁰⁵ Лазутчики Кабоса нашли палатку Мундара и, полагая, что это «их царь», проникли в лагерь, где тотчас были схвачены и частью перебиты. Пробыв там известное время, Мундар со своим войском вернулся, увозя большую добычу, угоня табуны коней и верблюдов. Кабос собрал большое войско и двинулся на своих врагов. Он послал сказать гасанидам, чтобы они «принимали войну»; Мундар напал «как разбойник» и думает, что «победил нас, а вот мы теперь открыто идем войной на тебя». На это Мундар насмешливо ответил лахмидам: «Из-за чего вы сердитесь, я и сам приду», и перешел «от слов к делу», напав на них неожиданно в пустыне. Одни были уничтожены, другие обратились в бегство.

После таких побед Мундар считал, что имеет право на благодарность, и «написал» о своих победах Юстину II, при этом «писал ему, чтобы он прислал ему золото, дабы оплатить войско». Юстин пришел в страшный гнев, считая, по-видимому, что арабам хватит награбленного, стал угрожать Мундару и положил «убить его хитростью, тайно».¹⁰⁶

Если верить Иоанну Ефесскому, то Юстин приказал убить Мундара патрикия Маркиану, о чем и написал ему, а Мундару приказал явиться к этому патрикию. Адреса писем были спутаны, и замысел Юстина стал известен Мундару. Если этот рассказ и не заслуживает полного доверия, то, во всяком случае, нет сомнения в том, что Мундар оказался осведомленным о готовящемся против него заговоре; он был возмущен этой несправедливостью и подготовил свои войска для сопротивления, приказав быть бдительными и вооруженными. Он «взял свое войско, отправился и поселился в пустыне» и «избавил себя от всякой заботы за ромейские земли». ¹⁰⁷ Эти события относятся ко времени до декабря 574 г., когда Тиверий стал соправителем Юстина. ¹⁰⁸

Удаление гасанидского войска в пустыню, их отказ охранять границы Византии создали благоприятные условия для нападений, осуществленных «персами и персидскими арабами», которые, «уничтожая и сжигая», дошли до «пределов антиохийских», забрали много пленных, огромную добычу и разорили «множество селений, таких же больших, как города», и возвратились «в свою землю». Наступило время пожалеть о том, что гасаниды перестали нести свою службу, и император стал пытаться побудить их вернуться к охране границ. Виновным в том, что Мундар «открыл секрет», Юстин считал патрикия Маркиана; тогда отпадает необходимость доверять версии о том, что адреса писем были спутаны. К Мундару неоднократно обращались из Константинополя, ему писали, к нему посылали, но он никого не допускал в свой стан. Так прошло около трех лет, когда царь гасанидов, желая примириться с империей, послал Юстиниану, сыну Германа, бывшего *magister militum per Orientem*, чтобы сообщить о своем согласии встретиться с ним в Русафе. Здесь в почитаемом арабами храме св. Сергия имело место примирение, о котором было сообщено Юстину и «синклиту», а затем произошел обмен грамотами «мира» (𐤀𐤎𐤁𐤏𐤃𐤁𐤏𐤃𐤁). ¹⁰⁹

Желая отбить добычу, захваченную «персидскими арабами», гасаниды тихо, без шума собрались все вместе и совершили внезапное нападение на Хирту, где ими было все уничтожено, разрушено, сожжено, а войско рассеяно. ¹¹⁰ Сам Мундар «разбил палатку среди Хирты и жил там пять дней». Затем он забрал богатую добычу из Хирты и с табунами лошадей и верблюдов, с тем, что было захвачено в «ромейской земле» лахмидами, «возвратился обратно». Он стал «прославленным» героем и мог торжествовать победу над лахмидами. ¹¹¹ Произошло это еще при жизни императора Юстина (ум. 6 X 578 г.), вероятно, летом 578 г. ¹¹²

Мундар продолжал политику своего отца Харита и в другом направлении: он поддерживал монофизитов, вероисповедание «восточных», противников Халкедонского собора. Сложившаяся традиция связи с монофизитами арабов стала особенно крепкой благодаря деятельности Иакова Барадея, или Бурдеаны (ум. 30 VII 578 г.), страстного сторонника этих взглядов, горячего проповедника, при поддержке Харита посвященного в епископы в 543 г. ¹¹³ Арабы очень чтили «старца Иакова». ¹¹⁴ В несогласиях, возникших с 576 г. между яковитами и сторонниками Павла, монофизитского епископа Александрии, приняли участие широкие круги Сирии, Малой Азии, Междуречья. ¹¹⁵ Среди византийских арабов были также сторонники Павла; еще при жизни Харита, когда Павел был гоним, он «прибыл» к нему и «был спрятан». ¹¹⁶ Поэтому между арабами также шли ожесточенные споры: одни стояли за Иакова, другие приняли сторону Павла. В течение длительного времени Мундар, как «усердный ревнитель», уговаривал их прийти к соглашению, но безрезультатно. «Разделение было и во всем войске арабском» — 𐤀𐤎𐤁𐤏𐤃𐤁𐤏𐤃𐤁 𐤀𐤎𐤁𐤏𐤃𐤁𐤏𐤃𐤁 𐤀𐤎𐤁𐤏𐤃𐤁𐤏𐤃𐤁 𐤀𐤎𐤁𐤏𐤃𐤁𐤏𐤃𐤁 𐤀𐤎𐤁𐤏𐤃𐤁𐤏𐤃𐤁. ¹¹⁷ Царь и «весь народ арабов» — 𐤀𐤎𐤁𐤏𐤃𐤁𐤏𐤃𐤁 𐤀𐤎𐤁𐤏𐤃𐤁𐤏𐤃𐤁 — принимали участие в споре и попытках к примирению. «Все арабы» были расстроены и возмущены, особенно же «их царь Мундар с братьями и сыновьями». ¹¹⁸ В 588 г. селевкидской эры (577 г. н. э.) из Константинополя было послано посольство из трех лиц, чтобы «переговорить о мире на границах». Это были патрикий Феодор, ипаты Иоанн и Петр; они были дружественны патриарху Павлу и в каждом из городов, который они посещали, стремились примирить обе стороны, но в Междуречье преобладали сторонники Иакова Барадея. ¹¹⁹ В эти годы делались и другие попытки. Так, из Египта в Сирию прибыли два сторонника Павла — Лонгин и Федор. Тогда как Федор остался «в покое» в Тире, Лонгин отправился «до Хирты дома Харита бар Габалы к Мундару бар Хариту». ¹²⁰ Текст сохранил ценное свидетельство о том, что был «лагерь», «хирта» рода гасанидов. В отличие от Хирты Наамановой, центра государства лахмидов, это была Хирта бар Габалы, «старого Харита», или Хирта «дома Харитова». Предположительно она была расположена недалеко от Дамаска. Здесь находился тогда Мундар бар Харит. Лонгин прибыл сюда, чтобы повидаться с ним.

Причины, по которым соглашение не было достигнуто, лежали не только в чисто дог-

матических вопросах, которые не могли занимать византийских арабов в той мере, в какой это было желательно показать историку-монофизиту, допустившему совершенно явные преувеличения. Здесь, несомненно, действовали и социальные, и этнические причины, которые не давали возможности внести успокоение, как явствует из приведенных далее источников.

Общее политическое положение на Ближнем Востоке в известной мере определялось почти не прекращавшейся войной Византии с Ираном. Замена одних правителей другими, в сущности, не внесла изменений. Тиверий вместо Маврикия поставил магистра Юстиниана.¹²¹ В 579 г. престол шаханшаха перешел к Хормизду, переговоры о мире с которым не дали результатов.¹²² В этой связи в Константинополе были заинтересованы в том, чтобы федераты-арабы были дружелюбны и могли бы оказать ромейским войскам должную поддержку. К тому же и военные успехи Мундара, защита границ, недавнее примирение требовали внимания и новых поощрений.

В 580 г. н. э. (891 г. селевкидской эры) Мундар посетил столицу Византии и 8 февраля (месяца шабат) был принят императором Тиверием «с большим торжеством и честью особой». Мундару было поднесено много даров, были удовлетворены все его пожелания. Характерно, что среди царских подарков арабам было «золото, много серебра и великолепные одежды», а также седла (سوار), золотые уздечки (فقدان) и оружие (اسلح). Сыновья, которые его сопровождали, были почтены званиями (مجلس) императором. Сам Мундар был удостоен царского венца (تاج) — арабское *tadj*, который «не давался ни одному из царей арабских до того времени». Они обычно получали право лишь на «диадему», тонкий обруч, который возлагали на голову.¹²³ Обласканный императором, царь арабов не упустил из виду и другую свою цель — объединить и примирить между собой различные толки монофизитов. С разрешения Тиверия 2 марта (адара) того же года Мундаром было созвано «собрание из известных [людей] обеих сторон с александрийцами».¹²⁴ Но именно то, что это собрание игнорировало более широкие массы и состояло из «глав», из влиятельных, известных людей, достигнутое соглашение вызвало протест со стороны «беспокойных и мятежных», которые не только «не радовались наступившему миру», но и «очень гневались», что на собрание «не допущены были простые всего народа» — *كل من كان له نصيب من هذا الشعب*. Отрицательное отношение к соглашению было «особенно» вызвано тем, что «не посоветовались и не созвали весь народ» — *لم يمشروا له ولا جعلوا له*.¹²⁵ Нельзя сомневаться в том, что текст сирийского историка отражает какой-то социальный момент. «Схизма» в самой среде монофизитов не была продуктом чисто идеологических споров, а имела глубокие общественные корни; широкие массы «простого народа» не приняли этого соглашения. И в Сирии, и в Египте, в Александрии продолжались споры. Во всяком случае, александрийские клирики и светские люди покинули столицу спокойно; вслед за ними и Мундар просил его отпустить, уговорив Тиверия прекратить гонения на монофизитов. Со своей стороны, Мундар клятвенно обещал восстановить полный мир между сторонами.¹²⁶

Для жизни арабских племен характерен и следующий эпизод. «Персидские арабы», полагая, что Мундар находится еще в столице, вторглись в его пределы и напали на них. Находясь уже в дороге, гасанид узнал об этом, внезапно появился перед ними, многих перебил и взял обратно всю их добычу. Эта его удача также доставила ему славу.¹²⁷

А военные действия между Византией и Ираном не прекращались. Переговоры о мире, предпринятые Тиверием, встретили такие требования со стороны Ирана, которые Византия не могла принять. Требовалось дать согласие на то, чтобы Армения и Иверия, так же как и крепость Дара, остались за персами. В ответ на это летом 579 г. византийские войска перешли Тигр и разорили наиболее цветущие области Ирана, а затем «с наступлением зимы» возвратились восвояси. Летом следующего года поход был повторен, причем, чтобы войти в «Вавилонию», в нижнем течении Тигра, было намечено пройти «через пустыни Аравии», с тем чтобы скрыть движение войска. В этом походе с Мавриkiem шли арабские отряды во главе с Мундаром.¹²⁸ В течение нескольких дней они продвигались вперед вместе; достигнув в области Бет Арамайе большого моста, они нашли его сломанным, и осуществить этот поход таким путем не оказалось возможным.¹²⁹ Между Мавриkiem и Мундаром возникла ссора. Будущий император упрекал арабов в том, что они дали знать персам об их намерениях, а те разрушили мост.¹³⁰ Обвинение в предательстве Мундара приводит Феофилакт Симокатта, его повторяет и Евагрий, который утверждает, что Аламундар, который возглавлял варваров-скинитов, предал и не захотел перейти реку и сражаться с Мавриkiem против находящихся там арабов-скинитов.¹³¹

Подозрение, под которым находился Мундар, было тяжелым. Как он, так и Маврикий писали императору Тиверию, обвиняя друг друга. Вернувшись в столицу, магистр жестоко говорил о своем соратнике и вызвал гнев и возмущение базилевса, который требовал, чтобы виновного схватили и доставили в столицу. В другом рассказе о тех же событиях сирийский историк говорит, что это «ложь», возводимая на Мундара, что император послал важных лиц, «глав» (כּוּרָאִי), чтобы примирить обоих военачальников. Затем Маврикий отправился в Константинополь, «но неизвестно, оговорил ли он Мундара».¹³² По другим сведениям, персы в это время направили свой удар против Каллиника; сюда двинулся и Маврикий, который был вынужден сжечь барки с продовольствием, которые следовали по Евфрату за войском. Ромеи отбили город, и персы отступили.¹³³ Вероятно, только после этого Маврикий смог отправиться в Константинополь.

Как в случае с Харитом, обвиненном в предательстве интересов империи, так и в подозрениях Маврикия относительно Мундара исследователи не пришли к единому мнению. И греческие, и сирийские источники пристрастны. Евагрий возвеличивает всячески Маврикия и потому поддерживает обвинения, возводимые на Мундара, а Иоанн Ефесский, как горячий монофизит, старается всячески показать его добродетель. Поэтому вопрос остается не разрешенным исследователями, из которых одни считают Мундара преданным империи,¹³⁴ другие поддерживают версию о его предательстве.¹³⁵

Разгневанному на Мундара императору Тиверию сириец, куратор, «друг и патрон» арабского царя Магн пообещал доставить его в столицу. Магн был послан и прибыл в небольшое селение Хаврин (Хеварин) в пустынной области между Дамаском и Пальмирой. В Хаврине была построена церковь, а самое селение было обнесено стеной, что и обратило его в город.¹³⁶ Магн известен по документальным данным. Так, на пляже Тира было найдено два экземпляра буллы характерного для VI и VII вв. образца. Греческая надпись ее свидетельствует о том, что «славный куратор Магн, коммеркиарий Теуполиса (Антиохии)», был управителем императорских доменов — τοῦ θεῖου οἴκου τοῦ/υπο Μάγνον ἐν(δοξότατον) κουράτ(ορα) κο / [μ]μερκ(ιάριον) Θε(ο)υπό(λεως).¹³⁷ В царствование Юстина II он был «комитом священных щедрот», как известно из другой надписи,¹³⁸ где он упомянут как куратор императорских имений Хормизда, в состав которых входили постройки Баб эл Хава: Χωρίον διαφέρει τῷ θεῷ οἴκῳ τῶν Ὀρμίσδου, προνοουμένων υπο Μάγνου τοῦ πανευφήμου αἰο υπατῶν κόμητος καθιστωμένων δομestikῶν γενικοῦ κουράτορος — «имение, принадлежащее священному дому Хормизда, управляемое Магном, славнейшим ипатом, комитом священных щедрот, общим куратором». Такие управители царских имений и дворцов упоминаются в источниках неоднократно.¹³⁹ Магн был следовательно, важным государственным чиновником, носил звание comes sacrae largitionum и ведал частью императорских имений, которые были известны под именем «Хормиздовых». Хормизд — брат Шапура II, который в 323 г. бежал в Константинополь и оказал ряд услуг Византии в войнах с персами. Имущество Хормизда входило в число принадлежащих императорскому дому, как «дворец Хормизда» в столице и имение в Баб-эл-Хава. Стела с надписью находилась, очевидно, при въезде в имение, где сохранились руины целой группы построек.¹⁴⁰ В Хаврине (или Хаварине, Εὐάρεια — Hâwarîn), куда Магн звал Мундара, найдена его монограмма на дефектной табличке.¹⁴¹

Магн послал сообщить Мундару, что он прибыл с патриархом Антиохийским для освящения этой церкви. Он просил гасанида прийти к нему с небольшим отрядом войска, так как сам он устал от тяжелой дороги. Мундар пришел к нему, «как к любимому другу», с незначительным отрядом, но и этот отряд Магн просил царя отпустить к вечеру. Как ни доверчив был в отношении него Мундар, он испугался и послал приказать своим арабам, чтобы они отошли немного и ждали его, тогда как Магн приказал приблизиться византийскому войску и дуке, которые, прибыли с ним. Магн сказал Мундару: «Господин патрикий, тебя оговорили перед императором, и он приказал, чтобы ты пришел к нему, защитился и убедил его, что неправда то, что возведено на тебя». На это гасанид ответил, что все его «труды» оправдывают его и что покинуть свой лагерь в настоящее время он не может, опасаясь нападения персидских арабов. На это разгневанный Магн сказал: «Если ты не пойдешь по своей воле, я наброшу на тебя цепи, посажу тебя на осла и так я отправлю тебя». В это время их обступили византийские солдаты, арабы не могли помочь Мундару, он был схвачен, «унижен и потоптан, как лев пустыни, загнанный в клетку».¹⁴²

Немногочисленные отряды арабов окружили стан Магна, но численный перевес был за войском ромеев, приготовившихся к битве, и арабы отступили. Мундар был доставлен Магном

в столицу весной 581 г., но не был принят Тиверием, который приказал его поселить «там, где он жил прежде», т. е. в свой торжественный приезд в 580 г. Арабский царь пользовался, по-видимому, относительной свободой, при нем были, «одна его жена, двое сыновей и одна дочь».¹⁴³

Четверо сыновей Мундара, из которых старший Нааман выделялся особенно умом и боеспособностью, собрали свои силы, осадили лагерь Магна и ограбили его дочиста; они взяли «золото и серебро, медь и железо, всю одежду из шерсти и из полотна, зерно, вино и масло». Они также угнали стада крупного и мелкого скота — волов, баранов и коз. Но они не убивали и не брали в плен людей, не учиняли пожаров. Они ограбили также «селения Аравии и Сирии и соседние», собрав бесчисленное множество добычи и богатства.¹⁴⁴ Затем они отошли и расположились «во внутренней пустыне», разбили большой лагерь (كثيرون), тщательно оберегали его и делили там добычу.

В дальнейшем арабы продолжали свои нападения на «восточные» провинции Византии «до самого моря» и держали в страхе население, устремившееся в города в поисках защиты. Речь идет о Финикии и о I и II провинциях Палестины — Φοινίκην τε εκατέραν Παλαιστίνης, возможно, и провинции Аравии.¹⁴⁵ Византийским полководцам, которые потребовали у них ответа, гасаниды послали сказать, что они мстят за своего отца, которого «император взял в плен», не посчитавшись со всеми его заслугами и трудами на пользу Византии. Кроме того, они были в претензии на то, что им была прекращена выдача аннон. Речь идет об *annona militaris*, выдаче продовольствия, которое полагалось войску. Не получая необходимого им обеспечения, арабы оправдывали свои грабежи тем, что им «нечем было жить, и поэтому мы были вынуждены так поступать, но мы не убивали и не жгли». Они обложили город Бостру и стали требовать, чтобы им было выдано «оружие нашего отца и прочее из его царских вещей», угрожая разрушить и сжечь этот древний центр области арабов. Византийские войска с дукой во главе выступили против сыновей Мундара, но были ими разбиты. Испуганные жители Бостры послали тогда передать гасанидам, чтобы они прекратили действовать мечом, «ваше мы отдаем вам, примите с миром», после чего «вынесли им вещи их отца». Арабы возвратились в свой лагерь, но не прекратили нападений.¹⁴⁶ В Апамене, в северной части Джебель Ала (Gebel ala) в Mo'arret an-No'tan найдена бронзовая табличка, принадлежавшая «Нааману славнейшему, стратилату и филарху» — Νααμάνου ενδοξ(ότατου) (καί) στρ(ατηλάτου) (καί) φυλάρ (χου).¹⁴⁷

Приведенный нами подробный материал источников позволяет дать анализ социально-го и экономического быта арабских племен. Глубокие родовые связи не были еще нарушены, братья и сыновья держатся вместе, вступают в бой и решают свои дела совместно. Грабеж и добыча в известной мере вызывались положением арабского войска, которое на положении федератов получало анноны, а когда император их прекратил, «срезал анноны» (كسر الأمان), им оказалось трудно жить, они стали грабить, причем в перечислении их добычи имеется продовольствие и скот, то, что им было действительно необходимо для жизни. Анализу этих характерных для состояния общества арабов особенностей посвящена особая глава об их экономическом и социальном строе.

Последняя, уцелевшая в 3-й части «Истории» Иоанна Ефесского глава сообщает о том, как «разгневался» Тиверий на сыновей Мундара. Последующая часть истории восстанавливается на основании сокращенного у Михаила Сирийца и в хронике 1234 г. текста данной и следующих глав этой части. Магну, сыгравшему предательскую роль в жизни Мундара, было поручено заставить покориться Наамана. Он пригласил его, обещая поставить царем вместо его отца, но Нааман послал вместо себя подставное лицо. Была также сделана попытка поставить царем брата Мундара; даже имя его не названо, он умер через 20 дней после того, как был торжественно провозглашен царем.¹⁴⁸ Магн и сам скоро после этого умер. Нааман лично отправился переговорить с Маврикием, который был еще «цезарем», и, следовательно, при жизни Тиверия. Маврикий обещал Нааману, что его отец будет отпущен, если арабы примут участие в войне с персами. Тогда же Нааману было предложено признать халкедонское вероисповедание, на что он не согласился, указав, что все арабы — яковиты. На обратной дороге он был схвачен и сослан со своим отцом.¹⁴⁹ Это были последние дни Тиверия и первые после его смерти и воцарения одного Маврикия. Достоверно, что Мундар был сослан на остров Сицилию с женой и некоторыми своими детьми. Что касается Наамана, то, подтверждая его нападения на области Финикии и обеих Палестин, Евагрий говорит, что он был за это наказан, взят под стражу, но не находился в заключении, а «на свободе» (εν ελευθέρια).¹⁵⁰ Так, закончили свою жизнь последние видные представители рода гасанидов.

Как известно, конца единственной уцелевшей рукописи Ефесского не сохранилось. Имеется полное оглавление этого сочинения, в котором описано возвышении и затем падении главенства ромейских армян (Ῥωμαῖοι) арабских, которые отправились и предали себя пленниками. Михаил сирийца имеются сведения, которые отвечают содержанию, но, что государство арабов измельчало и было разделено на несколько государств, а также что «христианское государство арабов» прекратило существование. В главе 3-й книги и рассказы 6-й книги III части «Истории» описано, что было связано с тяжелыми условиями, в которых существовали предшествующих частей своего труда. У Михаила сирийца эти сведения.¹⁵² Судя по расположению материала в сочинении о арабских шейхов к персам и распадении гасанидского государства до 3-го года индиктиона, события которого он описывает в 3-м году (τρίτη) года и победе, которую даровал бог ромеям». Т. 1, с. 153, 585 г. н. э.¹⁵³

Отдельные представители рода гасанидов еще существовали в Сирии персо-византийских войн, но государства арабов, державшиеся в известной зависимости от нее, не стало, и императорам не было возможности опереться на единоплеменников завоевателей. Императоры стремились бы в значительной мере смягчить жестокость столкновений. Самое обращение в ислам, принявшее массовый характер у арабских завоевателей, могло иметь иной вид при наличии дружественного Византии.

ОБОРОНА ВИЗАНТИЙСКИХ ГРАНИЦ

Военная история государств теснейшим образом связана с борьбой за победы и отступлений. Меняют свою принадлежность границы, открывают новые рубежи. Восточная граница Византии, ее линия, в которой лучшие страницы вписаны рядом выдающихся целую школу, преемственно передававшую из рук в руки новые задачи.¹

Археологи, эпиграфисты, историки, географы применяли новейшие методы, в том числе воздушную разведку. Обширные завоевания VII в. был нанесен на карты; историческая география пришла в науку.

Византия унаследовала от Рима как систему пограничной обороны, которые она в значительной степени усовершенствовала. Империи тотчас после захвата Сирии, а затем Месопотамии были проведены меры по защите границ. До побед императора Траяна была построена Суру. Траян по южным склонам горного массива Синджар построил Длинная столбовая дорога с севера на юг потянулась по территории Сирии к Красному морю».

Однако в течение всего II в. сохранялось положение, существовал в том смысле, как впоследствии. Граница с персами представлял достаточно труднопреодолимое препятствие. Империя оберегала свои пути, она располагала собственной подвижной армией, способна предотвратить грабеж и контрабанду, а ее сторожили лишь у источников и колодцев, на местах отдыха караванов.

Кризис III в. изменил положение. Победоносные завоевания изменили общее положение империи на Ближнем Востоке. Возможно, в этом случае то, что Рим уничтожил мелкие буферные государства в пустынях. Захвачена была Пётра. В 273 г. пала в руках персов. Сложилось новое положение, при котором для караванов. Все основные нити торговли, тянувшиеся в восточном направлении, ходились в руках персов, удерживавших часть Месопотамии. Территорией лишь до Киркесия и имела все основания отделиться от остального Ирана. Поэтому были укреплены дороги, связывавшие Сирию, Сурий.

В Междуречье после разрушения Осроены граница была перенесена к Харран, защищая эти области северной Месопотамии. Императоры привели к тому, что граница легла от Дары к Хабору и перенеслась к Харрану. Пришлось заботиться и в дни Юстиниана.

Экономический и социальный кризис III в. наложили на Ближнем Востоке оказался под ударом.² Караванная торговля восточного направления морского транзитом благодаря

Тщательный анализ источников дает возможность установить ряд этапов строительства и те стадии, которые проходил замысел, прежде чем быть осуществленным. Не случайно сохранились греческие и сирийские материалы относительно постройки города Дары, которая может служить примером такого рода строительных работ. Это был чрезвычайно важный стратегический пункт на границе между Византией и Ираном, и отстраивали его вопреки мирному договору между обоими государствами. Тщеславный тон «Построек Юстиниана» хорошо корректируется сведениями сирийских хроник, для которых это было делом местного и весьма существенного интереса. Дара отстояла в двадцати восьми стадиях от персидской границы и в девяносто восьми от такого центра, как Низибия. Когда Анастасий выразил порицание по поводу неудовлетворительного ведения войны с Кавадом, военачальники указали на крайнюю необходимость иметь близ границы укрепленный пункт. На большом пространстве вдоль персидской границы, вне Амида, у византийского войска не было пристанища. Полководцы ромейского войска известили Анастасия о большом уроне, который терпят войска оттого, что «нет города, расположенного на границе», сообщает под 505/6 г. хроника Иешу Стилита. «Всякий раз, как ромеи выходили из Теллы или Амида, чтобы сделать набег на Ароб, где бы они ни расположились, они были в страхе перед хитростью врага. А если случалось, что обнаруживались войска многочисленнее их и они решали возвращаться обратно, они испытывали большую» тягость оттого, что вблизи не было города, чтобы скрыться в нем». ¹⁶ Город был необходим и для того, чтобы защищать землю Арабая от «разбойников персидских и арабских», добавляет Захария Мителенский. ¹⁷ Поэтому Анастасий приказал построить стену вокруг селения Дары, которое находится на границе. ¹⁸

Впрочем, приказу предшествовало известное колебание, потому что «одни говорили за Дару, другие за Амудин». Амудин, находится в двадцати стадиях на юг от Дары, ²⁰ Чтобы решить спор, Анастасий «послал» к Фоме, епископу хаников (mekanikos) снять план (sqarifos). Сирийское слово μηχανικός и означает механик-инженер. ²¹ Византия, несомненно, имела опыт в строительстве инженерно-техническими кадрами, Фимий и Исидор, которые «в механике были сведущи». ²² Кроме того, в строительстве и в механике, было предложено рыть заградительные рвы, чтобы затруднить нападение.

Главным инженером Юстиниана был Хризис из Латакии, Исидор (тот же, что и выше) и Иоанн, которые названы μηχανογράφαι, раст, они считались прекрасными строителями. ²⁴ Самое интересное, что отмечало его знание математики и законов механики.

Для построек предварительно набрасывали общий план (σκιαγραφία) и вид (ὄψις), без которых нельзя было проводить работы. ²⁵ Такой проект был необходим для сложного строительства по отведению русла реки у Дары. Для того чтобы обнести город стенами, также был затребован план или описание (σκάριφος). ²⁶ Проект предшествовал, следовательно, всякому началу работ, при этом проект утверждался. В решении, чтобы именно Дару обнести стенами, принимали участие Анастасий и знатные (σπουδαῖοι), которые присутствовали на совещании. Ближайшим образом к делу был привлечен и дука Фелициссимус, военачальник византийских войск провинции Арабайи. ²⁷

После того как проект был утвержден и решение принято, Анастасий издал специальную грамоту. Для императорских грамот сирийцы вообще, как и в данном случае, употребляли транскрипцию греческого слова σάκρα. Этот указ был подробным и делал главным распорядителем строительства Дары епископа соседнего города Амида. Экономическая и социальная сторона истории этого строительства была оставлена без внимания другими исследователями, не уделявшими места сирийским источникам. ²⁸

У того же епископа Фомы Амидского Анастасий выкупил целое селение с крепостными, которое принадлежало церкви. Руководящая роль епископа и его клириков в строительстве говорит об административной и хозяйственной роли, которую играли они в жизни Византийской империи. Не дуке Фелициссимусу, хотя он и был «муж мудрый и могучий», поручено строительство, а епископу. Объясняется это тем, что последний располагал известным количеством денег — «золота», которое могло быть вложено в строительство и которого государство в данный момент не могло или не хотело давать. Во всяком случае, Анастасий клятвенно обещал (σπουδαῖοι, ἡμεῖς) щедро возместить все расходы, которые будут у Фомы в связи со

строительством, и при этом возместить их без споров. Строительство требовалось начинать немедленно, что было вполне понятно в связи с опасностями на границе. Щедрость для экономного Анастасия была необыкновенной, но она объясняется спешностью и чисто стратегическим значением укрепляемого города.

Хроника указывает на три категории рабочих: названы ремесленники — *impane*, рабы — *اقتبه* и крестьяне (может быть, колонны) — *حانتبه*.²⁹ Их затребовали для того, чтобы собрать и заготовить необходимый материал, выломать и отесать требуемый для стен камень. Название категорий работавших на строительстве чрезвычайно характерно для периода раннего феодализма. На работе находились надсмотрщики, и их бдительность оплачивалась по высокой расценке: «надсмотрщики над работой получали очень хорошо, и наполнялись их карманы (*kisaihon*)».³⁰

Как представители особо важной для строительства специальности, несколько раз упомянуты каменщики. «И послал он (Анастасий) много каменщиков и каменотесов и приказал, чтобы никто не был обижен в заработке, который он выработал».³¹ *حانتبه* — каменщики, а *بناطة* — общее с ассирийским *bargulu*, специально каменотесы. Другая сирийская хроника сообщает, что «со всей Сирии собрали каменщиков, они отправились туда и строили».³² Специальное распоряжение, чтобы по поводу заработной платы не чинилось обид, было единственным средством, кроме принуждения, вести строительство спешно. Только когда стало известно, что под Дарой «дело прямое», т. е. что там не обманывают, как было принято при такого рода работах, и что «заработок выдается, собрались с запада и востока рабочие и ремесленники».³³ И вообще «золото давалось щедро, без ограничения, ремесленникам и для всякого рода работ». Заработная плата рабочего здесь в день составляла четыре кератиона, а если с ним был осел, — восемь. Кератион — серебряная монета весом около 2 граммов.³⁴ Заработная плата поденщика в VI в. составляла обычно один кератион в день.

К этим данным необходимо внести два корректива. Прежде всего следует иметь в виду, что это случайная оплата, она давалась временно в особых обстоятельствах. С другой стороны известно, что в Месопотамии в предшествующие годы был жесточайший голод. В связи с голодом в византийских провинциях Азии цены на хлеб стали катастрофически высокими. В соседнем Иране, также затронутом засухой и налетом саранчи, голод способствовал маздакитскому движению. К моменту строительства Дары цены на хлеб были еще непомерно высокими.

Постройка происходила в условиях постоянной военной опасности. Кавад, временно отвлеченный борьбой с племенем тимуритов и другими, хотел остановить работы вокруг Дары, но слишком поздно — стены были уже отстроены. Византия вела работы с соответствующей охраной: «Фарзман военачальник перешел со своим войском из Эдессы в Амиду и оттуда выходил на помощь к тем, что строили».³⁵

В целом руководил работами Фома и его клирики Кир Адон, Евтихиан (*kasise*), Пафнутий, Сергей и Иоанн (*mešamšane*), которые были поставлены для того, чтобы «проверять» работу.³⁶

Все вместе — рабочие, надсмотрщики, техники, контролеры — составляли мощную армию у Дары, и потому «в два, три года был построен город, точно он, как говорится, внезапно выскочил у границы». Новая крепость была названа Анастасиополем, и Прокопий говорит, что Анастасий из селения Дара «сделал город хорошо укрепленный и значительный».³⁷

Ряд укреплений вокруг городов вырастал благодаря труду местных горожан и крестьян; инициатива в строительстве принадлежала, например, эгемону. «Стена Батнана, крепости в Серуге, которая обрушилась и развалилась, была отстроена и обновлена усердием Евлогия, эгемона Эдессы».³⁸

«Почтенный Саргис, епископ Бирты-крепости (*Birta-kastra*), которая расположена на берегу Евфрата, начал строить городскую стену. Император дал ему немало золота на расходы. Также Европос, который расположен на запад от реки, в епархии Маббогской, магистр (*magister militum* — Ареобинд, — *Н. П.*) приказал обнести стеной, и работали над ней местные жители по [мере] своих сил».³⁹ В последнем случае работа носила, несомненно, принудительный характер, так как жители в порядке особой повинности должны были выполнять требование византийского военачальника. Да и в других случаях едва ли дело происходило иначе. В Бирте строительство вел епископ, как и в Даре. Высшее духовенство принадлежало к крупным землевладельцам и располагало средствами для таких предприятий, тем более что эти расходы затем возмещались из государственной казны, как об этом сообщает приведенный выше текст.

Построение малых крепостей — фрурий имело первостепенное значение: они нужны, чтобы «узнавать, что делается у врагов», и создать убежище для своих беглецов. В фрурий должен быть сменяющийся гарнизон, обеспеченный водой и продуктами. Строится такая крепость близ границы, но не на открытом пространстве, чтобы ее нельзя было легко захватить.⁴⁰

Городские стены возводились из камня, из больших блоков, которые скреплялись извешковым раствором. Некоторые доводились до большой высоты, в Дуре-Европосе они были до 8—9 метров. Стены Дары достигали 60 футов, т. е. около 18 метров, при большой толщине. Широко применялось сооружение параллельных стен, ординарной — τεῖχος и двойной — περιβολος.⁴¹

Стена, тесно окружающая город, ближайшая из опоясывающих его стен, носит название τεῖχος или περιβολος. Тейхос обычно применяется к ординарной стене, двойная стена носит название периболо. Двойная стена состоит из первой или основной стены, которая сохраняет название тейхос; это главная, ближайшая к городу стена, которая была его основной опорой. На расстоянии, равном одной четверти высоты этой стены, выстраивалась вторая стена — ἐπιτείχισμα — «противостоящая». Пространство между этими двумя стенами, сравнительно небольшое (около 2 м, если высота основной стены достигала 20 локтей, или 8 м 80 см), было занято крытым ходом, собственно периболом, от которого название перешло ко всей двойной стене, со всеми ее агрегатами в целом.

Широким поясом вокруг города обегала вторая или внешняя стена, которая носит название протейхисмы.⁴² Она состоит только из одного ряда и строится для защиты периболо или ординарной стены, непосредственно окружающей город. В Даре между внешней и внутренней стенами было не менее пятидесяти футов расстояния, и там укрывали быков и другой скот.⁴³ Такой древний и большой торговый город, как Эдесса, был защищен и периболом, и внешней стеной, протейхисмой.⁴⁴ У городов Карры и Каллиника (Раакки) были внутренние стены (τα τεῖχη) и внешние (τα протейχίσματα).⁴⁵ Протейхисма много ниже внутренней стены, очень крепка.⁴⁶ Лишь только приближалась опасность, богатые бежали из городов, но множество деревенских людей из всей области, тяготевшей к городу, бросались к нему, чтобы укрыться за его стенами. Их стремились не пропускать в самый город, но в пространство между внутренней и внешней стеной пастухи загоняли стада, а крестьяне свозили свои продукты. «Простонародье» и «пастухов», которые, таким образом, оказывались между двумя стенами, старались использовать как участников самозащиты.⁴⁷ Анонимный трактат говорит, что не следует переполнять города, поэтому внешние стены должны отстоять от внутренних на достаточном расстоянии, чтобы все бежавшие в город могли быть размещены здесь. Они первые должны принять на себя удар, так как необходимо, чтобы «и они сражались против врагов».⁴⁸ Поэтому αὑροκοί и ποτιῖνοι сражаются с Хосровом под Эдессой,⁴⁹ отбиваются под Каллиником и творят чудеса храбрости в Антиохии.⁵⁰ Стены и сооружения делали город неприступным, он мог долго сопротивляться, и только голод или недостаток воды заставляли его сдаться врагу.

Наряду с такими основательными оборонительными постройками некоторые города были обнесены невысокими стенами из сырцового кирпича, насыпью «из глины», которые Прокопий называет «смехотворными». Дуре-Европос была обнесена такой стеной из глины» или «из грязи» — μόνω περιβεβλημένα πηλῶ.⁵¹ «...крепости вокруг города Амида обнесены глиной», пишет тот же Прокопий.⁵² Феодосиополь, по его словам, «был обнесен глиняными и смехотворными, подобно плетню, ограждениями».⁵³ Здесь, очевидно, имеется в виду архаичный способ делать плетни, загоры, при которых основа из ветвей и тростника обмазывалась глиной. В древности и кирпичную кладку огораживали дополнительно тростниковыми вязками, ветвями. Были также стены, сложенные из сырцового кирпича.⁵⁴

На богатые города Месопотамии и Сирии, обнесенные высокими, неприступными стенами, не могли отваживаться нападать арабы; их подвергали осаде лишь регулярные, обученные войска сасанидов. О том, чтобы арабы могли брать города, нет и речи: они не умели справиться с самыми невысокими укреплениями. Ни со стороны Ирана, ни со стороны Византии им таких заданий и не дается. Отряды арабов используются для быстрых и внезапных нападений, в которых действия их конницы и меткая стрельба из лука были особенно нужны.⁵⁵ Сложной техникой осады городов, как она тогда была известна на Ближнем Востоке, арабы не владели. Поэтому города, которые могли подвергнуться лишь их нападениям, как например Сергиополь, любимый город гасанидов в Сирийской пустыне, были обнесены только низкими стенами, которых было достаточно, чтобы остановить движение враждебных арабских отрядов. «Ибо по природе арабы неспособны осаждать стены (τειχομαχεῖν), и если случится стена

ничтожная и сложенная из глины, она является препятствием для их натиска», пишет Прокопий.⁵⁶ К началу следующего века арабы превосходно овладели техникой осады, как это видно из мусульманских походов.

Защита границ предъявляла все новые требования и Византии, и Ирану. Они опасались друг друга и более мелких, но беспокойных соседей. От Рима Византия унаследовала систему защиты границы путем поселения ветеранов и привлечения к несению охраны федератов. Та же необходимость связала Иран с эфталитами и побудила взять под свою руку государство лахмидов, с тем чтобы они защищали его юго-западную границу от бедуинов, кочевников гор и пустынь, от киндитов, салихидов и гасанидов.

Гасаниды были союзниками Византии и служили ей на известных условиях, к числу которых принадлежала выдача аннон — продуктов и фуража, а также денежной оплаты, как это видно из приведенных выше данных. В распоряжении империи были другие способы поощрения — высокие звания, которые давались шейхам, права на управление той или другой группой племен, территорией.

Значение сиро-финикийских провинций Византии было особенно велико — там сходились у самого Средиземного моря все пути с юга и востока. Пределы подвижного, не потерявшего своих кочевых особенностей царства гасанидов одним своим краем упирались в провинции, организованные соответственно всем принятым в империи положениям. В юго-восточном направлении определить границу труднее, здесь раздел между кочевьями гасанидов и лахмидов может быть намечен лишь с относительной вероятностью.⁵⁷ Можно назвать отдельные географические точки, в которых гасаниды стояли твердой ногой, как в Хирте ал Харита, на Дикоклетриановой Страте и до Пальмиры. Но самая Пальмира осталась опорой империи, ее стены были обновлены при Юстиниане, и туда был назначен дука.⁵⁸ Сергиополь-Русафа также был византийским, но его главная святыня, храм св. Сергия, почиталась христианами всего Ближнего Востока.⁵⁹ Между монофизитами и несторианами шла борьба, каждая из сторон ревниво почитала знаменитый храм святого, дорожила этой святыней и хотела ее считать своей. Отсюда возникало желание воспроизвести ее у себя. Это нашло свое отражение в построении храма, в Айнкеное (Бет Арабайе), точно воспроизводившего храм Сергия в Русафе, о чем сообщает житие Ахудеммеха.⁶⁰ Предположение, что за стенами города Русафы, *extra muros*, находился преторий филархов гасанидов, едва ли справедливо. Оно основана на том, что были обнаружены развалины здания, на абсиде которого имеется надпись, украшенная орнаментом в виде листьев акинфа, — *νικα η τυχη αλ — αμουνδαρου*.⁶¹ Гасанидам были подчинены значительные области, и Сергиополь находился в самом центре этих областей.⁶² Даже если считать высказанное предположение правильным, то именно расположение этого здания указывало бы на то, что самым городом гасаниды не могли распоряжаться. Более вероятно, что это здание было церковью и надпись в честь Мундара сделана как пожелание кого-нибудь из его почитателей. В Сергиополе состоялась встреча сирийца Магна и гасанида Мундара.⁶³ Каким глубоким было проникновение греческого элемента на восток, арабского в Византию и как непрерывно осуществлялась диффузия, об этом свидетельствуют археологические и эпиграфические данные провинции Аравии.⁶⁴ В этом отношении следует отметить, что некоторые поселения в византийской провинции Аравии носили названия южноарабских городов, что обычно указывает на места, откуда пришли новые поселенцы. Так, в пятом уделе этой провинции Леджа (*Ledja*), в епархии, носящей название Эзра (древняя Зорава), на восток от Зоравы находилось селение Наджран.⁶⁵ В нем сохранились надписи, упоминающие арабские филы с их родовыми именами. Христианская надпись 563 г. называет *φυλη Σοβορηνων* (*Waddington 2431*), другие надписи знают *φυλη Μανιωνων* (*Waddington 2427, 2213*), *φυλη Ὀυνεδηνων* (*Dussaud. Mission, № 11*). Эти надписи указывают на присутствие арабов, которые держались своими родовыми объединениями, филами, сохраняли племенную организацию. Записи даны на греческом языке, что говорит об их причастности к христианству, с которым обычно усваивался язык. Интересны надписи, где Арефа именуется *ἐπαρχος και στρατηγος νομάδων* (*Waddington 212*), или другая, где он назван *στρατ[η]ρος παρε[μ]βολων* [*v*]ομάδων [*v*] (*Dussaud. Voyage, № 7; Devréesse, p. 243*). Не в полной мере справедливы утверждения, что в Сирии были слабые гарнизоны,⁶⁶ так как известно, что в VI в. делались попытки укрепить ее границу. Из жития св. Саввы известно его обращение к Юстиниану с просьбой построить крепость в Палестине за счет государственной казны. В соответствии с этой просьбой император послал Сумма, брата Юлиана, который осуществил эту постройку. Со своей стороны Савва и его монахи воздвигли против монастыря, на высоте, сторожевую башню, чтобы наблюдать и предупреждать о приближении врагов.⁶⁷ Осо-

бенно укрепленной была линия Антиохия — Пальмира, проходившая через Халкис. Раскопки и аэро съемки дали здесь богатый материал.⁶⁸ Известно, что Иераполь был окружен двумя рядами городских стен, как и города в Месопотамии. Вторая внешняя стена отстояла на большом расстоянии от города,⁶⁹ так что обширное пространство, которое она окружала, могло служить защитой крестьянам и их стадам. Оборона Антиохии проходила в тяжелых условиях, но ведь против столицы Сирии были двинуты лучшие и огромные по количеству силы Ирана. Все эти провинции Византии, включая и обе Аравии, были организованы по общему плану, и дука был в каждой из них главным лицом. Арабы диффундировали в эти провинции, и их устройство подлежало ведению филарха, который действовал в согласии с главой провинции. Это очевидно из событий, закончившихся трагической смертью киндита Харита, поссорившегося с дукой Палестины Диомедом и тем самым давшем возможность напасть на него лахмиду Мундару. Лишь области за пределами провинций были в полном распоряжении гасанидов.

Нет сомнения в том, что арабы несли сторожевую службу, что от их бдительности, боеспособности многое зависело для Византии, но в пределах самого государства, его «внутренней границы», распоряжались византийские войска, возглавляемые военачальниками; собственно *limes* остался всецело в их руках. При участии военных отрядов арабов в пределах самой Византии, как в подавлении мятежа самарян, они обязаны были действовать по распоряжению византийских властей и в согласии с ними. Нельзя умалять значение арабов-гасанидов как буферного государства, не раз принимавшего на себя первые и самые тяжелые удары как персидских войск, так и других арабских племен, бедуинов-кочевников.

С того момента, как Византия потеряла опору в гасанидах, ее внешнеполитическое положение значительно ухудшилось. Обороняться против персов стало гораздо труднее, это доказали их завоевания конца VI в. Еще более трагическим оказалось положение империи при наступлении мусульман. Та смягчающая роль, которая могла быть сыграна буферным арабским государством, не была осуществлена. Византия оказалась лицом к лицу со свежими, сильными, объединенными и одушевленными своей идеологией арабами-мусульманами, от военного натиска которых она с трудом смогла отстоять даже свою столицу.

СОЦИАЛЬНЫЙ СТРОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕСТВА ДОИСЛАМСКИХ АРАБОВ

Проблема происхождения мировой религии — ислама важна как сама по себе, так и по тем последствиям, которые выявились прежде всего в виде волны арабских завоеваний. Успех проповеди пророка был обусловлен всей предшествующей историей арабских племен, их экономическим и социальным развитием, потребностью в консолидации. Бурный натиск арабов в северные области Передней Азии был как бы завершением их многовековых приливов с Аравийского полуострова. Они прошли по знакомым дорогам и расположились на землях, хорошо известных их племенам. Успех завоеваний мусульман заключался как в новой идеологии, которая консолидировала и укрепила их силы, обусловила создание надплеменных организаций, так и в их технических преимуществах. Легкая и тяжелая кавалерия — кони и верблюды, военная амуниция и оружие — создавали более совершенное войско, боеспособное, подвижное, скрепленное племенной родственностью, с одной стороны, и общей надплеменной ревнивой и инициативной идеологией, с другой стороны.

Социальные проблемы занимают в настоящее время исключительно большое место в исследованиях ученых всего мира. Общество доисламских арабов также стало предметом изучения более глубокого, чем это имело место в предшествующие десятилетия.

Особенностью новых работ является широкое привлечение этнографического материала для сравнений, как и археологических данных. Значение имеют особенности экономики этих обществ, определение их хозяйственного уровня.

Наибольшим вниманием пользуется теория, которая разделяет кочевые общества на две группы — полукочевых бедуинов (*badw*), пасущих мелкий рогатый скот, и полностью кочевых бедуинов (*full beduins*), занятых верблюдоводством. Все хозяйство бедуинов-номадов, весь их образ жизни находятся в зависимости от наличия воды и корма для верблюдов.¹ Их быт, все предметы обихода приспособлены к передвижению, в котором верблюд составляет верховой и гужевого транспорт. Питаются арабы молочными продуктами, изредка мясом верблюда; их посуда, вместилища для воды портативны, легки. Их образу жизни соответствует и

одежда. Характеристика, данная жизни сарацин Аммианом Марцеллином и приведенная нами выше, как нельзя лучше характеризует жизнь этих номадов.

Скотоводы, пасущие мелкий рогатый скот, не являются полностью номадами, в соответствии с предложенным разделением. Это полукочевники, которые сочетают скотоводство с какими-то видами земледелия, требующего известной оседлости. В последних работах высказывались соображения, что земледелие предшествует в примитивных обществах развитию скотоводства, которое от него зависит.²

Характерной особенностью для полностью кочевников является сохранение традиций кровного родства, происхождение от общего предка и вытекающая отсюда эндогамия.³

Развитие общества зависит от ряда причин, его прогресс, безусловно, связан с изменениями, улучшавшими орудия производства. Для кочевника одним из таковых является сбруя животного, осуществляющего его передвижение. Для верблюдовода важнейшее техническое значение имеет положение всадника. В древнейшее время, в III и II тысячелетиях до н. э., всадник занимал положение на крупе верблюда, за горбом, как это видно и на древних ассирийских рельефах. Такое положение создавало возможность лишь очень относительного управления движением верблюда, на длинном поводке. Новым этапом явилось перемещение всадника ближе к голове верблюда, на его горб, что облегчало его вождение. Изменения в позиции всадника было возможно лишь с изменением седла, которое приобретает новую форму. Это седло с подушками характерно для положения всадника на горбе, которое засвидетельствовано для IX в. до н. э. и, вероятно, использовалось уже столетием или двумя ранее.⁴

Наиболее решительное изменение в положении всадника на шее верблюда, до горба, потребовало седла, устроенного по типу седла для лошади, гнутого, с лукой. Предполагается, что оно было заимствовано из обихода конных всадников, известного парфянам и проделавшего путь из Центральной Азии на Ближайший Восток. Такого рода седла засвидетельствованы вещественными данными и изображениями из Пальмиры и относятся к концу II или к началу III в. н. э.⁵

Положение всадника на лошади допускает управление животным без особых затруднений, так как он сидит близко к его голове. Это положение дает возможность держать поводья одной рукой, другая рука верхового свободна, что дает возможность держать в ней оружие. Конница получает все преимущества в военных действиях. Новое положение всадника на верблюде не только облегчает управление животным, но, как и для конного, создает возможность держать в руках оружие. Это преимущество не замедлило сказаться на военных качествах арабов, на их усилении.

Еще более высокая боеспособность арабов была достигнута в связи с усовершенствованием оружия. Закалка клинков, придававшая им особую гибкость и остроту, была достижением арабов; она получила позднее название «дамасской». Следует также указать на значение панциря, кольчуги, предохранявшей воина от ударов оружия. Всадник в панцире получает очень большие возможности, он ведет бой особенно успешно, так как он на коне и его оберегает панцирь.⁶ Такого рода «панцирная кавалерия» была, по мнению некоторых исследователей, в распоряжении северных арабских княжеств VI в. и была «создана» Мухаммедом, что и обеспечило ему преимущество и победы мусульманского войска в битвах 625 г. Вопрос о военном снаряжении и походах Мухаммеда лежит за пределами темы настоящего исследования.

Можно полагать, что оружие арабов имело свои и, возможно, более усовершенствованные качества, чем, например, оружие персов. В этом отношении не лишено интереса сообщение об усовершенствовании в употреблении лука и метания стрелы, приписываемое Бахраму Гуру.⁷ Если принять во внимание, что он находился в свои юные годы на воспитании в Хирте, то возможно, что улучшения, внесенные шаханшахом, зависели от техники обращения с луком, которая ему была знакома благодаря пребыванию среди арабов. О том, каково было вооружение арабов, имеются сведения в арабской поэзии. Так, в известном стихотворении Амра неоднократно упоминается различное оружие. Арабы собираются целыми отрядами вооруженных всадников, у них мечи и копья, на голове шлемы и кольчатые блестящие панцири.⁸ Панцири упомянуты и в стихотворении Харита.⁹ Что касается копий, то они выделялись из тростника, который заострялся на конце, становясь жестким оружием.¹⁰ Под панцирями подразумевались панцирные рубашки, которые опоясывали ремнем.¹¹ Однако едва ли арабы располагали конницей в латах (η κατάφρακτα), так как легкая арабская лошадь могла снести тяжело вооруженного всадника, но ей были бы непосильны латы, которые покрывали бы ее.¹²

Таким образом, имеются свидетельства самих арабов о своем вооружении. Высказыва-

лись предположения, что с того времени, как Нааман I стал располагать персидским отрядом тяжеловооруженных катафрактов, он должен был получать оружие из арсенала, находившегося в городе Амбаре, также называемом Пероз-Шапур. Хотя и расположенный близ Хирты, он не перешел под власть лахмидов, а находился в распоряжении шаханшахов.¹³ Это, однако, только предположения, так как именно Амбар арабские источники называют центром, в котором обосновался киндит Харит ибн Амр, «узурпатор», захвативший власть в государстве лахмидов вопреки Мундару.¹⁴ В том, что армии Ирана были тщательно вооружены, нет сомнения. Возможно, что какая-то часть оружия изготовлялась в шахских мастерских и хранилась в арсеналах.

Особенно подробное перечисление всего вооружения иранского воина имеется у Табари, в том числе: латы для коня и для воина, меч, копье, щит и панцирь в виде рубашки. Приводится и денежное вознаграждение — 4000 диргемов, которое получал высший чин. Следует, однако, отметить, что рассказ Табари носит характер анекдота о Хосрове Анушерване, известного и Фирдоуси.

Несмотря на это, не может вызывать сомнения, что отпускались средства на оружие и на его изготовление в больших количествах.¹⁵ Возможно, что у арабов была военная амуниция, превосходившая по своим качествам то, чем располагали персы или ромеи. Во всяком случае, после смерти Наамана-лахмида Хосров потребовал выдачи 400 или 800 панцирей из его арсенала, что и было выполнено шейхом бану Шайбан.¹⁶ Следует предположить, что это требование было связано с техническим совершенством изготовленных панцирей.

Непосредственно к затронутым вопросам имеет отношение теория В. Каскеля о «бедуинизации» Аравии, начало которой он относит примерно к 100 г. н. э.¹⁷ Разрушение мелких государств вдоль караванных дорог (Randstaaten) привело к их запустению, в связи с чем появляются новые термины. Наименование 'arab применяется к полностью кочевникам и полукочевым племенам, как новое понятие. Более того, к III в. н. э. относится наличие этого термина в южноарабских надписях,¹⁸ где «их арабы гор и долин» являются указанием на кочевые племена. По мнению того же ученого, в предшествующее время у арабов нет родовой организации, это просто «группы арабов», как например, тамуды. Организация рода не получила развития в Аравии — «Demnach hat sich die Stammorganisation nicht in Arabien selbst entwickelt».¹⁹ Характерные черты, присущие бедуинам, значение кровного родства, генеалогия, кровная месть, систематические военные походы — все эти особенности получили развитие у северных племен гораздо раньше, чем в собственно Аравии. С севера туда пришло и более совершенное вооружение, которое было позаимствовано арабами у Византии, в Иране, как об этом свидетельствует сравнение оружия в изображениях тамудских арабов и того, что известно об оружии гасанидов и лахмидов VI в.²⁰ Появляются также новые элементы в языке надписей (в частности, артикль 'al); что следует приписать влиянию тех же номадов.

Однако взгляды В. Каскеля были встречены возражениями, прежде всего по вопросу об образовании классического арабского языка (Littmann, Ritter; Paret). Проф. Шпулер, не соглашаясь с Каскелем, указал на то, что вытеснение целых групп населения из городов в степи, увеличение за счет этого числа скотоводов, как это имело место и в Центральной Азии в IX—X вв., не может быть никак названо «номадизацией».²¹

Было также высказано мнение, что развитие шло в обратном порядке и что слабая экономическая основа мелких государств привела к их распаденю «под влиянием Римской империи», вследствие чего «старые формы бедуинизма вступили опять в свои права».²²

Наиболее глубоко и последовательно рассмотрели эти вопросы авторы коллективного исследования, главы которого были написаны наиболее выдающимися специалистами. На богатом фактическом материале ими были рассмотрены различные источники и даны новые выводы.²³ Ценные критические замечания даны в одном из последних обзоров литературы по раннему периоду истории ислама.²⁴

Проф. М. Хёфнер дала другое объяснение этим явлениям. Отмечая появление термина 'arab в I в. до н. э. в южноарабских надписях, она указывает на то, что «бедуинские элементы» отнюдь не отсутствовали в предшествующие периоды, но что существовало известное равновесие между оседлым и кочевым населением, в равной мере заинтересованном в караванной торговле. Более того, известная часть номадов становилась оседлой, оседая на землях, которые в те времена возделывались на большем пространстве. Они получали обычно землю на условиях аренды.²⁵ Название 'arab появляется тогда, когда равновесие оказалось нарушенным и кочевые племена стали делать нападения на оседлые, проникая из областей центральной Ара-

вии в области южной. Еще более отчетливым становится различие между группами населения, когда в титулатуре «царя Сабы» в ±400 г. н. э. появляются наряду с Зу Райданом, Хадрамаутом и Иеманатом «их арабы гор и долин».²⁶ В тех же надписях арабы-бедуины упоминаются в качестве вспомогательного войска, их отряды участвуют в войнах царей Сабы, они служат «государству», у которого возросла потребность в войне. Что касается северных надписей сафидских и тамудских, то они были составлены самими кочевниками. Воинственность бедуинов отмечается как их особое качество и другими исследователями — «le caractère guerrier, intimement lié à l'élevage du chameau».²⁷ Положение это спорно не в том отношении, что бедуины были воинственны, а в том, что это якобы особое качество верблюдоводов.

Уделив внимание наиболее характерному во взглядах современных исследователей на кочевое общество бедуинов, укажем, что проблемы кочевничества в течение многих лет обсуждались на страницах советских журналов и сборников, особенно много в связи с эпохой феодальной. Анализу общественных отношений доисламских северных арабов и социальному строю Южной Аравии были посвящены специальные работы.²⁸

В настоящее время имеется возможность пересмотреть эти вопросы на основе тщательно изученной политической истории арабов, что создает возможность для нового анализа социальных вопросов.

В изучаемый период, с IV—VI вв. н. э., на смену раздавленных под пятою Рима арабских государств Пётры, Пальмиры, Осроены хлынули новые племена, политическое устройство которых образовывалось уже в связи и в зависимости от гегемонов Ближнего Востока. После III в. н. э. намечается как бы новый этап в истории северных арабов, когда «бедуинизация», о которой шла речь выше, казалось, должна была быть в полном разгаре. Между тем вопрос должен быть поставлен иначе. «Наступление пустыни» на возделанные области оседлого населения, как и выделение «полностью кочевников», — явления, которым может дать правильное историческое объяснение лишь экономический и социальный анализ. Деление на кочевников полностью и полукочевые группы не подлежит нашему пересмотру в целом, это область специально этнографических сведений. Между кочевниками и оседлыми существует множество градаций и переходных форм образа жизни; в зависимости от системы хозяйства они получают несколько неопределенное название полукочевых или полuosедлых форм.²⁹ Это справедливо и для арабов. Во всяком случае, следует отметить, что разведение верблюдов в больших количествах было связано как с новыми выявившимися потребностями в войске, с новой боевой силой, так и с тем, что эта боевая сила могла стать управляемой с большей точностью, когда всадник пересел на шею верблюда. Несомненно, что «конь и верблюд не исключали друг друга»,³⁰ что у кочевых и полукочевых арабов эти животные использовались в равной мере и в мирной, и в военной жизни. Произошло как бы разделение различных видов работы; различные функции во время военных походов выполнялись способным к ношению тяжелых грузов верблюдом, а нападения — быстрой, легкой лошадей. Арабы безупречно владели искусством объезжать и покорять их, и других. Византия и Иран в своем соперничестве за господство на Ближнем Востоке стали привлекать на службу кочевых арабов, как это приходилось делать и Химьяру.

Тот хозяйственный уровень, о котором свидетельствуют источники, может быть и для IV в. охарактеризован как полuosедлый; это справедливо для арабов, водимых Теребоном, для разбивших лагерь около лавры Евфимия. Отдельные эпизоды житийной литературы этого времени указывают на то, что бывали и «бродячие» арабы, кочевавшие со своими немногочисленными верблюдами по пустыням. Таких ослабевших в пути арабов-одиночек и поддержал своей скромной пищей один из монахов, которого они потом горячо отблагодарили. Но не эти кочевники составляли арабское войско, участие которого решало подчас победу или поражение в войнах великих держав, а войско полuosедлых арабов или их своеобразных государств. Это войско конное. Лошадь — их важнейшее достояние, они владеют стадами верблюдов и мелкого рогатого скота.

Таким образом, для хронологического периода, о котором идет речь, «бедуинизация» в том смысле, как ее понимал проф. В. Каскель, не имела места. В основном арабы отдельных племен были организованы в союзы, объединения, причем следует поставить вопрос о различии в характере отдельных из них и об общих для всех них чертах. Представление, что только полностью кочевники признавали особое значение кровного родства, происхождение от единого предка и обязательную эндогамию, исторически неправильно. Это основные устои родового строя вообще, они были развиты в полукочевом обществе, так же как в полностью коче-

вом. К тому же следует отметить, что полностью кочевников не существовало, за исключением небольших групп одиночек, так как и верблюдоводы были связаны с оседлыми элементами и имели как бы свои опорные пункты. Исторически наблюдалось смешение явлений стабильности и кочевья, их взаимная зависимость не только в связях отдельных родов между собою, но и в пределах одного и того же племени. Обособленность рода, эндогамия засвидетельствована и для одних, и для других. Нельзя также согласиться с тем, что тамудские северные арабы не имели родовой организации, а составляли просто «группы арабов», тогда как типичные черты родовой организации, к которым причисляются генеалогия, родовые связи, кровная месть, наличествуют лишь в сафаидских надписях.³¹ Такое представление не может считаться правильным, так как достаточно тщательный анализ тамудских и сафаидских надписей указывает на их близость и по содержанию, и по тематике, и те и другие принадлежали арабским родам, которые были «частью номадами, частью оседлыми».³²

Как тамуды, так и сафаиды отразили в своих надписях все черты родо-племенной организации, типичной для кочевых и полукочевых обществ, достигших определенного уровня социального развития. На этом этапе образования племен и племенных союзов доминирующее значение имели родовые связи, в основе которых лежало представление о происхождении от одного и того же предка; отсюда обязательность эндогамии и кровной мести.

СОЮЗЫ ПЛЕМЕН

Те объединения племен арабов, которые образовались севернее Неджда и о которых имеется достаточное число свидетельств, находились на том уровне развития общественных отношений, которые могут быть названы племенными союзами. Сохраняя свою родовую организацию, арабы составляли отдельные племена, имена которых известны источникам. Они встречаются в надписях, в исторических трудах арабов, в доисламской поэзии. Объединение отдельных племен, их союзы, образовывали организации достаточно многочисленные, их основой было войско, в состав которого входили все боеспособные мужчины. Составляя военные отряды по племенам, они имели общего военачальника, который в качестве такого получал звание царя, *malka*, *melek*, что на определенном этапе отвечало латинскому *dux*. Военачальник выдвигался из числа господствующего рода племени, так как обычно племя уже имело свой знатный правящий род. Именно родовые особенности способствовали наследственной передаче и сохранению звания в данном роде, как это имело место в Южной Аравии для такого древнего института, как кабират.

В союзе племен военачальник, *dux*, *melek*, царь, занимал положение, которое лучше всего передает латинская формула «первый среди равных». Можно привести не один пример из истории северных племен арабов, доказывающий, что общинное демократическое начало в арабских государствах сохранялось, что воины войска имели голос и пользовались возможностью высказать свое мнение перед войском и перед царем. Основоположники марксизма указывали для государства, описанного Гомером, с которым образованные арабами «царства» имеют некоторые сходные черты, как на его отличительную особенность «военное предводительство», «царскую власть», что «при наличии наряду с ней совета вождей и народного собрания означает только военную демократию (Маркс)».³³ «Так же, как и у греков в героическую эпоху, у римлян в период так называемых царей существовала военная демократия, основанная на родах, фратриях и племенах и развившаяся из них».³⁴ По нашему мнению, уровень развития общества северных арабов в IV в. был значительно выше уровня развития Греции и Рима в «героическую эпоху», тем более что на их развитие большое влияние оказывал высокий экономический уровень общественного строя их непосредственных соседей — Византии и Ирана.

Процесс «бедуинизации», который якобы происходил на Ближнем Востоке с III в. н. э., на самом деле не имел места. С разрушением мелких арабских государств эллинистического типа известное число племен оказалось как бы размагниченным, распались их экономические связи с этими государствами, тем самым они были обречены на новую ориентацию. Пальмира, Пётра, Гераш, Бостра в своем устройстве были городами-государствами, они принадлежали к изживавшей себя античности. Наличие рабовладельческого способа производства в них сочеталось с постоянным влиянием, с экономической связью, а следовательно, и зависимостью от кочевого и полуседлого населения окружавших их пустынь с оазисами. Родо-племенной строй этой периферии городов-государств не мог не оказывать своего влияния. Крепкие родовые связи сохранились и у местного населения, вовлекавшегося в общественную жизнь этих городов, что можно с отчетливостью проследить на эпиграфических памятниках Пётры и

Пальмиры III в. Особенность этих городов-государств состояла в том, что позволило М. И. Ростовцеву называть их «караванными», так как сухопутная торговля способствовала их процветанию, их богатству, а эта торговля велась на вьючных животных пустыни — верблюдах.

Кризис античного мира III в. проявился здесь в полной мере, как и явный перевес зарождавшихся феодальных отношений, со всеми их особенностями, характерными для Востока, сказался он к VII в., веку великих арабских завоеваний.

Города-государства античного склада уступили свое место Римско-Византийской империи, в которой процессы феодализации медленно, но верно разрушали то, что осталось от рабовладельческой системы, заменяя труд раба трудом крепостного на земле и трудом свободного ремесленника в городе.

Новые государственные объединения арабов выросли из родо-племенного строя, это были союзы племен, в которых народ и войско были почти синонимами. Эти объединения от античных городов-государств не имели преемственности, она была нарушена. Укрепляясь и развиваясь, они создавали своеобразные государственные образования, молодые «варварские» организации. Их основу составляли племена, «организованные по родовому признаку»,³⁵ которые стали объединяться теперь в союзы племен по территориальному признаку. В дальнейшем их судьба оказалась связанной с обществами где сложился социальный строй феодального характера, как это имело место в Византии и в Иране. Халифат стал государством феодальным. Теория «бедуинизации» или «ребедуинизации» не может получить поддержки, о ней справедливо сказано — «reconstruction fort savante, mais peu convaincante».³⁶

Те арабские объединения племен, которые образовались в V и VI вв. севернее Неджда, у границ великих держав, были племенными организациями, союзами племен, в которых наличествовало социальное расслоение. Примитивный уклад их жизни изменился задолго до того, как Хирта стала центром арабов-лахмидов. «Царь всех арабов» Марулькайс, умерший в 328 г., был царем союза племен, не представлявшего собою примитивного недифференцированного общества. Веком-двумя позднее источники сохраняют свидетельства о строе арабских государств, которые опровергают неверные и недоуменные построения об особенностях государства Кинда, о чем придется еще говорить.

Для арабов-лахмидов и гасанидов имущественная дифференциация общества несомненна, но при этом с полной отчетливостью может быть установлена тесная связь между членами одной семьи, их родовая сплоченность. Вокруг главы рода, с ним вместе находились его братья и сыновья. Титул и права Мундара перешли к старшему сыну Нааману, с ним остались его братья и воевали под его водительством. Род, семья, «дом» князя или царя стоит во главе данной общественной единицы. Существуют «земли дома Харита» — 𐤇𐤓𐤓𐤀 𐤇𐤓𐤓𐤀 𐤇𐤓𐤓𐤀³⁷ Мундар бар Харит разгневался на «персидских арабов» за то, что они вторглись в пределы «семьи Харита». Определенная область при полукочевом образе жизни арабов считалась, следовательно, подчиненной или принадлежащей данному роду. На это указывает и известная распря между арабами за «Страту». Для социального строя этих государств, составлявших союзы племен, характерно сочетание родовой и классовой терминологии. Чтобы выступить против лахмидов, Мундар собрал «всех своих братьев, сыновей, знатных и весь свой лагерь».³⁸ Признаком родовой связи следует считать то, что в нисходящей иерархической лестнице «его братья», 𐤇𐤓𐤓𐤀, предшествуют «его сыновьям», 𐤇𐤓𐤓𐤀. Следующими в перечислении идут «его знатные», 𐤇𐤓𐤓𐤀𐤓𐤓𐤀, что является классовым термином, так как это богатые, знатные, представляющие высший слой общества арабского государства. Последовательность терминов не случайная, родственники царя в целом, его «дом» имели предпочтение перед знатными, что подтверждается и другими текстами. Лохмиды после смерти гасанида Харита перестали бояться соседей, они презрели «всех его сыновей, его знатных и его войско».³⁹ Несмотря на предпочтение, оказываемое в родовом порядке братьям перед сыновьями (так, Мундар просил о чем-то «с братьями и сыновьями»), порядок наследования укоренился уже не по родовому, а по семейному принципу. Главенство переходило от отца к сыну, а не от старшего брата к младшему, что является характерным для родового начала, как это имело место в Киевской Руси, где постоянно происходила борьба родового и семейного начала.⁴⁰ Выделение знатных говорит о расслоении общества, в котором высокое положение заняла родовая знать. В житии Иакова Барадея говорится, что гасанид Харит и «его знатные (𐤇𐤓𐤓𐤀𐤓𐤓𐤀) просили его исцелить одно «племя» или «народ». Иоанн Ефесский употребляет здесь близкое арабскому ahl слово 𐤇𐤓𐤓𐤀 в смысле народ или племя. Просьба же царя поддержана его знатными, ближайшими к нему

людьми.⁴¹ В союзе племен во главе отдельных племен сохранялись представители племенной знати. Военные отряды, боевые дружины возглавлялись старейшинами, главами, шейхами, принадлежавшими к этой знати. Такие племенные объединения арабов, как лахмидское и гасанидское, в основе своей были полуоседлыми, они имели свои городские центры, как Хирта, Амбар у лахмидов, как Хирта гасанида Харита, Востра у византийских арабов. Но значительная часть арабов уходила на кочевье со своими стадами и табунами в определенное время года. Самая организация союза племен была военной, поэтому идея народа выражалась понятием «войско», «лагерь», **سلك**. Так, Мундар созывает «весь свой лагерь», т. е. все войско (exercitus), которое было с ним в его лагере (castra). Лахмид Нааман I (в 1-й половине V в., до 459 г.) гневался на то, что принадлежавшие к его войску арабы чтили Симеона Столпника. «Я послал, приказал и собрал весь лагерь мой (**سلك**) и сказал им: если кто-нибудь осмелится отправиться к мар Симеону, я мечом отрублю ему голову и всему его роду».⁴² В том же значении употребительно и слово «войско». Сообщая о монофизитских спорах, возникших в связи с епископом Павлом и Иаковом Барадеем, Иоанн Ефесский говорит, что было «разделение во всем войске арабском», употребляя **سلك** во множественном числе.⁴³ Точно также в догматическом споре Харит ссылается на «наши войска» — **سلك**, которые поддерживали определенное мнение.⁴⁴ Такое словоупотребление не случайно, тот же Иоанн Ефесский упоминает о мнении «мирян» — **سلك** в распри⁴⁵ и пользуется греческим словом *ὄχλος*, чтобы дать представление о престонородии — **سلك**, которое не было приглашено с «главами и известными» людьми к Мундару в Константинополе на догматическое совещание.⁴⁶ Различие, которое делает один и тот же автор в наименовании населения империи вообще, «престонородья», и теми, кто составлял основную массу, «народ» царств лахмидов и гасанидов, заслуживает внимания. В первом случае он применяет сложное по составу наименование, составленное из греческого слова *ὄχλος* и сирийских слов «из народа», которые и следует перевести как «престонородные». Во втором случае это неизменно «войско» и «лагерь», понятия чисто военной организации арабов, «народ» в государствах которых был войском. Их демократическое устройство знало, однако, выделившийся высший слой знатных или богатых, племенную знать, которая основывала свою силу на многочисленном боеспособном, разбогатевшем роде. Войско арабов состояло из свободных, полноправных людей, рядовых воинов, которые в лагере, кочевье, в походе несли на себе всю тяжесть труда и обязанностей. Они подвергались наибольшей опасности, а доля их при дележе добычи была наименьшей. Но родовые и племенные традиции длительно сохранялись. Свободное войско, «лагерь» арабов имел свои сходы, собрания, нечто вроде веча. Они имели, следовательно, организацию надплеменную, так как на сход собирались все воины. Существовало место собрания лагеря, *locus constitutus*, место сборищ у палаток,⁴⁷ иначе говоря, вечевое место, на котором собирали войско для переговоров. Мундар бар Харит, опасаясь враждебных действий со стороны Византии, с которой он прервал все сношения, удалился со своим войском в пустыню и там разбил лагерь. Никаких посланцев из Константинополя он не принимал и был «готов к бою против всякого, кто осмелится приблизиться к месту собрания его лагеря» (**سلك**).⁴⁸

Созывать могли колоколом, билом, трубным звуком, звуком рога, которым, как известно, собирали войско вообще.⁴⁹ Мундар был готов дать отпор любому прибывшему из Византии и покусившемуся приблизиться к месту собрания войска, т. е. к центральному месту лагеря. Возможно, что поблизости находилась и палатка самого царя. Вероятно, Мундар опасался попытки собрать войско на вече. Мундар и Нааман, чтобы поднять дух войска, обращались с речами к собравшимся воинам. Такие обращения полководцев известны и в византийском, и в персидском войске.

Арабское войско состояло, следовательно, из свободных людей, родо-племенная организация которых получила новые черты в связи с тем, что арабы образовали союз племен. Этот союз племен был объединением; возглавленным царем, власть которого была наследственной. Существовала династия, царский род, за которым эта власть сохранялась. «Войско» или «лагерь» арабов, кроме своей племенной организации, имел надплеменную сход, на который собирались все воины. Сохранялся примитивный демократизм, типичный для уровня социального развития данного общества. Живой иллюстрацией этого демократизма является эпизод, сохраненный Симеоном Бетаршамским, который прибыл в конце января 524 г. (835 г. эры селевкидов) в лагерь Мундара, разбитый в 10 дней пути от Хирты. Лахмидом «Мундаром, царем Хирты», в то время было получено «полное гордости письмо» от царя Химьяра Масрука Зу Нува-

са. Мундар «собрал свое войско и прочел перед ним послание, а посол рассказал, как убивали христиан и как они были гонимы у химьяритов». Разгневанный Мундар призвал «всех знатных христиан своей державы» и обратился к ним со словами: «Вот вы слышали, что случилось? Отрекайтесь теперь от Христа, потому что я не лучше, чем цари, преследующие христиан».⁵⁰

Но Мундару резко возразил один из знатных: «Не подобает тебе говорить так, царь, не в твои годы стали мы христианами». Возмущенный возражениями царь ответил ему: «Ты осмеливаешься говорить предо мною?». Но демократические начала в арабском войске были сильны, и он получил отпор. «Из-за страха Божия я не боюсь говорить, ибо мой меч не короче, чем [мечи] других, и я не боюсь биться до смерти», ответил ему знатный муж. Царь лахмидов не решился принять против него мер «из-за его рода» и также потому, что тот был «знатный, известный и храбрый в бою».⁵¹

Таким образом, письмо прочитано перед всем войском, т. е. на вече. Отречься от христианства Мундар предлагает «знатным христианам», что указывает на наличие социального деления общества. Демократизм организации обнаруживается в том, что один из знатных арабов не побоялся высказать свое мнение; царь был лишь «первым среди равных», ему можно было возражать. Более того, говоривший не побоялся бы довести дело до вооруженной распри, он был «храбрым в бою». Тут проявляется и другой момент: старые родо-племенные основы были сильны, и Мундар не решается принять мер против выступившего «из-за его рода», т. е. опасаясь сильного рода, который мог постоять за своего члена. В государстве лахмидов не были, следовательно, изжиты родовые и племенные связи, существовало вече как надплеменное демократическое устройство, но значение имела знатность рода, его сила, мощь, с которой неизбежно должен был считаться царь.

Союзы племен, какими являлись государственные объединения северных арабов в V—VI вв., составляли социально дифференцированные общества, в которых были сильны элементы родовой организации, родовых связей. «Состоящая из семей община на первых порах организована по-военному, как военная и войсковая организация», что было неизбежным ввиду того, что «война является той важной общей задачей, той большой общей работой, которая требуется либо для того, чтобы захватить объективные условия существования, либо для того, чтобы захват этот охранить и увековечить». Это справедливо относительно оседлого населения и земледельческой общины, но эти положения имеют «разновидности местные, исторические и т. п.».⁵²

Военная организация арабов, которая была выражением главного, самого важного в их жизни занятия, подчиняла себе и всю хозяйственную сторону ее существования. Скотоводство было основой полукочевой, военной жизни, оно давало необходимый продукт питания, средства военного передвижения — для верховых и для выюков. Поэтому погонщики скота, пастухи, конюхи, сторожа, чабаны, обозники составляли часть населения, несшего хозяйственные обязанности. Оседание известной части племен приводило к развитию форм земледельческого труда, который должен был способствовать удовлетворению некоторых новых, растущих потребностей, обусловленных стабилизацией. В условиях независимой кочевой жизни араб умел добыть все необходимое себе и скоту. Но с того времени, когда то или иное племя или союз племен становился в положение союзного войска великой державы, поступали к ней «на службу», являлась необходимость иметь постоянную пищу и фураж для поддержания войска, что и определялось получением аннон. За несение военной службы государство гасанидов получало от Византии вознаграждение в виде натуральных выдач и денег.

Средством обогащения, особенно верхушки арабских государств, являлась добыча, как вещественная в виде всякого рода предметов, оружия, металла, золота, серебра, монет, так и скот. Угон мелкого скота, табунов коней и верблюдов упоминается источниками постоянно, как это видно и из предыдущих глав. Большое место занимал полон людей. Военнопленными можно было распоряжаться как живой добычей, обычно их продавали как рабов, и лишь некоторая их часть оставалась у арабов для выполнения каких-нибудь работ. Пленные служили предметом торговли, были живым товаром, едва ли не более выгодным, чем все другие виды товаров.

Свидетельства источников и самая терминология дают представление о строе арабских государств, образовавшихся в V и VI вв. у границ Ирана и Византии. Это картина социально расслоенного общества, уже ушедшего от родового строя. Государственные объединения арабов правильнее всего охарактеризовать как племенные союзы, образующие общества, со значительным сохранением в них родо-племенных традиций.

Скотоводство было основой хозяйства у арабов. Стада как в условиях кочевого, так и в условиях полукочевого образа жизни, требовали передвижения с одних пастбищ на другие, обеспечения водопоями — перегон скота был необходимостью. Определенные пространства земли находились под властью лахмидов или гасанидов, это были земли, на которых они кочевали, на которые выгоняли скот в определенные месяцы года. Совершая нападение на «дом лахмидов», гасанид Мундар «отправился и разбил свою палатку в области Кабоса, в трех днях пути, там, где были все стада и все имущество персидских арабов». ⁵³ Если какое-нибудь племя кочевало на этих пространствах, то с разрешения царя, роду которого принадлежали эти земли, и выплачивало ему дань. В более отдаленное время может быть отмечено явление, когда одно племя являлось данником другого, и было ему подчинено, независимо от территории, на которой оно кочевало. В споре между Харитом и Мундаром за торговый путь между Дамаском и Киркесием царь Хирты утверждал, что племена, кочующие в прилегавших к Страте пастбищах, издавна платили дань лахмидам, и он не собирался уступать этого права. ⁵⁴ В то же время он не оспаривал факта принадлежности этого пути с древнейших времен ромеям, на чем настаивал Харит. Племя, следовательно, платило дань не по признаку территории своего кочевья.

Выше нами было отмечено, что некоторые исследователи связывали особую воинственность арабов с рецидивом их «полной бедуинизации». Самый факт усиления военного потенциала арабских племен в определенный период времени после III в., века разрушения эллинистических арабских государств Пётры и Пальмиры, подмечен правильно, но причиной этого отнюдь не является «бедуинизация», которая, в сущности, и не имела места.

Нарушение старых экономических связей, а тем самым и равновесия, вызвало ряд новых явлений. Арабские государства, образовавшиеся у границ великих держав, были молодыми «варварскими» обществами, вырвавшимися как племенные союзы; для них война получала особое значение. «Война, которую раньше вели только для того, чтобы отомстить за нападения, или для того, чтобы расширить территорию, ставшую недостаточной, ведется теперь только ради грабежа, становится постоянным промыслом». ⁵⁵ Это типичное явление для определенного уровня развития общества, воинственность которого является его новой специфической особенностью. Это особенность не «бедуинизации», а перехода варварских обществ от форм родовой и племенной организации к государственности, к надплеменной структуре этих обществ. В зависимости от того, что война становится «постоянным промыслом», делается источником обогащения, орудия истребления, оружие, амуниция, упряжка, приобретают первостепенное значение. Отсюда усовершенствование всего, что связано с повышением боеспособности конного арабского войска, его технического оснащения, оборудования и уточнения приемов нападения и обороны.

Даже при постоянной стабилизации набеги и нападения были явлением обыденным. Примитивное общество меняло свой характер «военной демократии», намечалась его социальная дифференциация.

Используя в качестве военных федератов арабов, и Византия, и Иран направляли их главным образом для требовавших быстрого и легкого нападения операций. Осада крепостей, городских стен городов была для арабов этого периода непосильной задачей. С незапамятных времен селения, поля, виноградники, стада, торговые караваны были в постоянной опасности от нападений арабов, для которых это было способом примитивного обогащения. На этом особенно наживались родовая знать и шейхи, тогда как рядовые воины подвергались наибольшей опасности и получали наименьшую долю при разделе добычи. Гасаниды и лахмиды, служившие великим державам, несли службу охраны их границ от других арабских племен и участвовали в войнах гегемонов против друг друга.

Сирийский летописец начала VI в. говорил про «арабов персидских, которые никогда не успокаиваются и не отдыхают», что «когда они узнали, что подготавливается война с ромеями, то поспешно сами собрались к Каваду». ⁵⁶ Добыча войны или случайных нападений была предметом дележа, она не принадлежала тому, кто ее захватил. Будь то имущество, скот, продукты сельского хозяйства, военнопленные в качестве рабов, — все было богатством, подлежащим разделению. Гасаниды, поссорившись с Византией, совершили набег на селения провинций Аравии и Сирии, после чего «они удалились в глубь пустыни», тщательно «оберегались» и «делили добычу». Львиная доля принадлежала царю, шейхам, знати и в последнюю очередь воинам. Военнопленные, или захваченные, обычно продавались арабами в качестве рабов на невольничьих рынках соседних государств.

Интересно отметить, что в условиях независимой жизни, кочевой и полуседлой, арабы

сами добывали необходимое пропитание себе и скоту. Связывая себя обязательствами с одной из великих держав, арабы получали от них вознаграждение. *Annonae militaris*, которые выдавала им Византия, состояли из денежной оплаты, «золота» — **دينار** и натуральной выдачи, в которую входили зерно, хлеб, масло, вино, фураж для скота. Когда договор был нарушен, арабы, обиженные Византией, стали делать нападения на ее пределы, объясняя их тем, что император «прекратил нам анноны», т. е. выдачи, и им «нечем было жить, и поэтому мы были вынуждены так поступить». Обычные условия их жизни были нарушены, они стали искать, чем себя содержать, но «мы не убивали и не жгли», т. е. они не стали наносить тяжкого ущерба.⁵⁷ Войско и скот не могли оставаться внезапно без продуктов и фуража, они прибегли к примитивной форме возмещения, которые дали им нападение и добыча. В первую очередь они захватывали сельскохозяйственную продукцию. Золото и серебро были ценностью сами по себе и в той или иной форме пускались в торговый оборот. Другие металлы были нужны для оружия и утвари. Эти данные указывают на то, какой характер носила экономическая зависимость арабов от Византии, когда они связывали себя с нею военными обязательствами, служили ей.

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОГО СТРОЯ ЮЖНОЙ АРАВИИ

Если развитие союзов племен арабов на севере происходило в условиях влияния на них государств, достигших более высокого уровня общественных отношений, то государственность арабов юга представляет особый интерес, так как ее развитие протекало более самобытно. Территория Йемена не подвергалась длительному влиянию греко-римского мира, отсутствовало его непосредственное воздействие, хотя кризис средиземноморского рабовладельческого мира III в. сказался на разрушении торговли всего района Красного моря. И здесь, в Южной Аравии, особенности общественного строя позволяют характеризовать его в соответствии с определяющими закономерностями, установленными основоположниками марксизма, которые находят подтверждение не только на материалах Запада, но и Востока.

Характер социального строя доисламских арабов в Йемене может быть решен на аутентичном эпиграфическом материале. Изучение терминологии сабейских надписей приводит к выводу, что среди них имеются термины, относящиеся к разным этапам социального развития общества: одни родовые и племенные, другие — указывающие на различие имущественного характера, в ряде случаев одновременно в одних и тех же надписях. В других случаях термины могут определять оседлое и кочевое население, имевшее, насколько возможно судить, разный характер организации.

Давно исследователями было обращено внимание на сопоставление как бы двух родов войска, из которых одно носит в надписях наименование š'b, другое hms. Так, в votивной надписи СИН.315 языческого периода упомянуты две категории воинов (wahmshmw/waš' bhmw) — hms и š'b.⁵⁸ Хартман понимал подобное сопоставление в том смысле, что hms было войском по призванию и особой опорой царя, тогда как š'b обозначало племя, это были граждане, народ.⁵⁹ К тому, чтобы понимать термин hms как войско, склоняются и издатели корпуса. В надписи СИН 155 названы «войско царя Сабы и войско царя Хадрамаута» hms/mlk/sba/wḥms/mlk/hdrmw, в надписи СИН 334 — «войско Сабы и Химьяра» wḥmsihu/sba/whmirm.⁶¹ Новое истолкование этих терминов дал Бистон, не согласившийся с Родоканакисом, видевшим в š'b — a tribe, Stamm, а в hms — «единство, состоящее из нескольких родов».⁶² Под понятием hms Бистон понимает не принадлежащую к роду часть населения, которая противопоставлена с одной стороны родовому объединению š'b, с другой стороны, кочевникам-бедуинам a'rb. При таком понимании термина он считает текст надписей более понятным.⁶³ Проф. Хёфнер полагает, что ahms (множ. число от hms) были «Heervölker», которые появляются в надписях царей Сабы и Зу Райдана рядом с «племенами». Тогда, по ее мнению, было реорганизовано войско, произошла нивелировка, которая допустила большое сближение тех и других частей войска и привлечение в них бедуинов.⁶⁴

Большой интерес представляет надпись VI в., которую поставили зависевшие от «негуса Аксума» царь Сабы Сумайфа Ашва и Сумайфа Ашва, сын Шарахбиля Иакмула, внук первого упомянутого Сумайфы Ашвы. В ней сказано: «войско царя и кайля», hms/mlk/wqylm, что следует понимать как «войско, принадлежащее царю, и войско, принадлежащее кайлю». Войско здесь hms, т. е. та его часть, которая формировалась не из племен š'b, а из не входивших в племенные организации бедуинов-кочевников или полукочевников. Для решения других вопросов существенно то, что эта надпись свидетельствует об одновременном управлении царя и кайля, о войсках, принадлежащих одному и другому.⁶⁵

В новейших работах уделено много внимания отношениям между оседлым и кочевым населением в связи с противопоставлением в надписях терминов š'b и 'rb. Проф. Хёфнер отметила, что в I в. до н. э., когда Сабейское царство стремилось подчинить Химьяр, частью войск последнего были арабы-бедуины. «Бедуины Мариба» названы в надписи III в. н. э. наряду с «племенем Саба», и здесь 'rb противопоставлено š'b (СИН 353), составлявших все вместе если не одно, то, во всяком случае, союзное войско.⁶⁶ Отсюда следует, что «племя Саба» воевало совместно с «бедуинами Мариба», причем Мариб назван как городской центр, главный пункт племен Саба.⁶⁷

Существенно, что такое сопоставление известно и в более ранних надписях, например в относящейся к языческому периоду поклонения богу Ильмакаху надписи. В ней Ильрам благодарит за помощь, оказанную ему в походе, в который он выступил «с племенем Саба и арабами», b'm/ š'b /sba/w'rbn/.⁶⁸ Как в вышеприведенных надписях, так и в данной, по нашему мнению, термин š'b следует переводить словом «община», как мы это покажем ниже. Перевод этих слов будет «с общинами Саба и арабами» (не входящими в состав общины). Таким образом, появляется термин 'rb в надписях периода «царей Сабы и Зу Райдана», именно тогда, когда сабейское войско было реорганизовано и бедуины a'rb вошли в его состав как вспомогательные отряды.⁶⁹ В более древних надписях та часть племени, которая несла военную службу, называлась qasad, наравне с которыми появляются aḥms, несшие военную службу, но не принадлежавшие к племенам.⁷⁰ Не входившие в состав племен кочевые и полукочевые военные отряды упоминаются в надписях. Бедуины, a'rb, это полностью кочевники, aḥms — отряды полукочевых арабов, согласно мнению названных исследователей.

Особый интерес представляет термин š'b, определение которого должно быть пересмотрено и уточнено. Это сложная организация, которая, по нашему мнению, отвечает понятию общины, как мы и предлагаем переводить этот термин в надписях. Хартманн считал š'b термином, обозначающим родо-племенную организацию, что было принято последующими исследователями. Возможно, что первоначально š'b было организацией религиозной, общинной, деятельность которой была связана с поклонением божеству и с храмом этого божества. Так, развивая положения автора «Die arabische Frage», проф. М. Хёфнер справедливо утверждает, что понятие рода š'b «в Южной Аравии является принципиально иным, чем род бедуинов». Der Stamm, the tribe соответствует понятию большого рода, племени, которое предполагает в своем единстве происхождение от общего предка и мыслится как «одна большая семья», что же касается š'b, то эта форма «не имеет ничего общего с кровным родством». Это утверждение можно принять лишь в том смысле, что в состав š'b входил не один кровнородственный род, а несколько родов, объединившихся не только по признаку родства, но и по соседству, по наличию общих интересов. «Внутри племенного строя» его «общность» или «связующее единство» может быть «представлено одним главой племенной семьи», но «связующим единством» может быть и «связь отцов семей между собой». В дальнейшем «высшее единство» получает свое осуществление в виде «деспотического правительства, вознесшегося над мелкими общинами».⁷¹ Община, которая строилась на основании общих интересов и разделения труда между группами населения, в которой были сильны родовые связи, особенно в пределах отдельных групп, родов, вся вместе, конечно, не была организацией, построенной исключительно на кровном родстве, но на этом принципе были построены ее первичные ячейки, вошедшие в состав этой более сложной организации, которая, по нашему мнению, и должна носить название общины. Еще в 1951 г. нами было указано, что хотя термин š'b было принято переводить как «племя», на основании источников оно должно быть переведено и истолковано иначе, так как оно приобрело «новые черты, которые роднят его с представлением об общине».⁷² На определенном этапе развития выявляется общинная организация оседлого населения Южной Аравии. Ее объединяет общее местожительство, общее производство — земледелие, скотоводство, ремесло. Общая собственность на землю требовала общей работы и была основой объединения общины. Конечно, южноарабское š'b — не примитивное племя, а родовая община, организация, в которой намечается имущественное расслоение, где имеется своя племенная знать, имеются различные функции отдельных групп общины, разделение труда между ними. Из текста надписи Ru 508 можно сделать вывод, что в š'b община включала только оседлые элементы aš'b dhmdn, названные городскими. Кочевые элементы тех же Зу Хамдан названы бедуинами a'rbn и рядом с ними «бедуины Кинда, Мурад и Масхидж».⁷³ Дифференциация труда приводила и к социальной дифференциации в племени, а затем и в общине. Нет поэтому полного равенства, «благородные», «знать» имеют свои преимущества, они выдвинуты и име-

ют поддержку в своем более сильном и мощном роде. В общине выделяются «благородные» и «свободные» *wld š'bhmw*.⁷⁴ И в отдаленные времена кабирата власть старшего, руководство хозяйственными делами, т. е., в сущности, всем производством, в связи с искусственным орошением, которым он распоряжался, находилось в его руках. Функции военачальника, военного вождя выполнял не кабир, а *malik, duh, geh, βασιλεύς*, это в первую очередь военные обязанности. Южноарабская *š'b* была тем, что принято называть родовой общиной, развитой родо-племенной организацией, где имущественная и социальная дифференциация уже произошла, где наряду с родами, не имевшими выдающихся заслуг и положения, выдвинулась верхушка, родовая знать, начинавшая играть все большую роль в хозяйстве, управлении, военном водительстве общины.

Кочевые и полукочевые племена, тяготевшие к Марибу, конечно, не достигли уровня общественного развития общинной организации Сабы. В тяжком труде восстановления Марибской плотины в 543 г. при царе Абрахе принимали участие общины *aš'b*, но не бедуины *a'rb*.⁷⁵ Потому эти группы и называются отдельно в надписях, что жившие более примитивным родо-племенным строем не входили в состав общины, определяемой специальным термином *š'b*, они были известны под более широким названием *a'rb* — бедуины. Их родовая организация была проще, примитивнее, она известна по описаниям античных авторов, по греческим и сирийским источникам, оставившим сведения о северных арабских племенах, номадах. Противопоставление *hms* и / *š'b* в более древних надписях, *a'rb* и *š'b* в химьяритских памятниках основывается на различии в уровне общественного развития, примитивного племенного строя, с одной стороны, и усложненной общинной организации, с социальным расслоением, с другой. В южноарабских надписях имеются сведения о племенах, которые «приселялись» к ведущему роду; получая земельные участки, они переходили к оседлому образу жизни, обрабатывали эту землю, в то же время становились в положение подчиненных господствующему племени. Так истолковал проф. Г. Рикманс в найденных Фахри надписях из Мариба термин *waf* как «отдачу», «передачу», т. е. подчинение одного племени другому владетельному племени.⁷⁶ Община *š'b* не включала тяготевшие к ней группы населения номадов и полуномадов, они не составляли единой с ней организации. Но как те, так и другие участвовали в совместных походах, о чем говорят надписи, сохраняя при этом в своем военном строе родовое начало, разделение по родам, возглавляемым своим родовым или племенным военачальником. Об этом говорят сабейские надписи, перечисляя отряды, входящие в состав выступающих в поход войск.

Следовательно, *š'b* южноарабских надписей — это община, уровень развития которой перерастает родовую ступень и становится той, которая могла бы быть названа соседской; в ней намечается горизонтальное разделение общества, выделение знати, социальное неравенство отдельных групп.

СТАНОВИЩЕ И ГОРОД

На Аравийском полуострове, в полупустынных областях Сирии, в примыкавших к нижнему Междуречью областях находились различной степени оседлости племена, но нет сомнения, что к V—VI вв. часть из них имела городские центры, вокруг которых они оседали, куда их влекли торговые интересы, тем более что в обмене они принимали активное участие, как располагавшие средствами передвижения. Караванная торговля, перевоз и охрана товаров в течение веков была делом, в котором принимали участие арабы, а дороги приводили их в города, с которыми устанавливались крепкие связи. Но все же эти города оставались не собственно арабскими, были чужими городами, с которыми арабы имели как бы деловые сношения. Лишь часть местного населения, его верхи вживались в эти общества.

Иной характер приобретает все большее утверждение и укрепление бивуака, стабилизация стоянки. Даже при кочевье лагерь повторно разбивают в одном и том же месте, это привычная географическая точка. При полукочевом образе жизни именно вокруг лагеря образуется хозяйственная жизнь оседлого характера, уход за плодовыми насаждениями, за посевами, уход за мелким скотом. Кочевой лагерь приобретает все больше черты поселения, стабилизируется. В этом отношении характерными являются сообщения Кирилла Скифопольского о лагерьях — *παρεμβολαί*, которые были образованы арабами в областях Палестины и Финикии.

Знаменитая Хирта Нааманова, *al-Nira*, столица лахмидского государства, первоначально, конечно, была «хирей» или «хиртой», т. е. стоянкой, лагерем в буквальном смысле слова, в его нарицательном значении. В южноарабском, встречается слово *huryt* в значении лагерь, *encampment*, имеется и форма *thyr* от глагола *huyr, hrt* — *scriptio defectiva*.⁷⁷ В таком значе-

нии оно соответствует сирийскому и арабскому значению *hirta* — лагерь; это до настоящего времени исследователями не отмечалось. Недаром к слову «лагерь» стали присоединять имя царя, династия которого обосновалась в этом лагере, хирта стала «Хиртой Наамановой». Из имени нарицательного оно стало именем собственным. О ней говорится «Хирта дома Нааманова» — ܗܝܪܬܐ ܕܒܝܬ ܢܥܡܢܐ или ܗܝܪܬܐ ܕܒܝܬ ܢܥܡܢܐ .⁷⁸ К «хирте» избегают прилагать термин «город» — ܗܝܪܬܐ ܕܒܝܬ ܢܥܡܢܐ , он появляется позднее. Этот «лагерь» характеризуется именем царя, или его связывают с родовой, семейной традицией, он становится лагерем семьи или дома Наамана. Даже стабилизовавшуюся, ставшую определенным и постоянным местом пребывания хирту арабы легко покидали, как бы свертывали свой лагерь, в котором, однако, сохранялись постройки постоянного типа, даже дворцы и церкви.

Хронист начала VI в. писал: «Ромейские арабы, называемые талабитами, отправились в Хирту Нааманову и нашли караван, который отправлялся к нему [Нааману], и верблюдов, нагруженных для него. Они напали на них, уничтожили их и захватили верблюдов, в Хирте же не остановились (ܗܝܪܬܐ), потому что она удалась в глубь пустыни».⁷⁹ Очевидно, войско покинуло Хирту и талабитам удалось угнать караван и верблюдов, предназначенных для войска Наамана. Это событие относилось к 503 г. К последним десятилетиям того же века относятся сообщения о Хирте, принадлежавшей гасанидам, которая была расположена на высоте в середине долины Джаулан в северной Сирии и была основана задолго до этого времени. Названа она «Хирта дома Харита бар Габалы» — $\text{ܗܝܪܬܐ ܕܒܝܬ ܗܪܝܬܐ ܒܪ ܓܒܠܐ}$, в которой обосновался Мундар бар Харит, царь византийских арабов.⁸⁰ Это совершенно определенно постоянное селение, ставшее городом, который имел опоясывающие его стены.⁸¹ Местоположение «хирты гасанидов» Нельдеке относил к селению близ Шамание у Дамаска. Дюссо полагал, что это селение Харит ал Джаулан, расположенное по дороге из долины Ярмук в Джабийю.

Несмотря на известную стабилизацию, у арабов сохранялись легкость, быстрота передвижения и переселения. Они внезапно меняли место своего пребывания. После нападения на провинции Аравия и Сирия арабы-гасаниды «удалились в глубь пустыни, разбили там большой лагерь (ܗܝܪܬܐ ܕܒܝܬ ܗܪܝܬܐ) и делили там добычу».⁸² Мундар бар Харит опасается оставить без защиты этот свой походный лагерь (хирту), если он его покинет со своим войском, как того требует император, придут «персидские арабы», они возьмут в полон жен и детей и «захватят все, что я имею».⁸³ Даже имея город, который они считали своим центром, столицей, арабы сохраняли свои кочевые традиции. Так, в 524 г. Симеон Бетаршамский не нашел лахмида Мундара в Хирте Наамановой, ему пришлось проехать по пустыне на юго-восток, на расстояние десяти дней пути, где был разбит лагерь (ܗܝܪܬܐ) Мундара, где они нашли его самого, его войско и арабов других племен, как, например, маадеев.⁸⁴ О простоте жизни арабов говорит то, что один из сыновей Харита (Арефы) пас табуны лошадей, когда лахмиды напали на него, захватили и принесли в жертву Уззе, почитаемой ими богине.⁸⁵ Он, очевидно, находился в отдалении от лагеря или становища и кочевал со своими стадами.

Как происходила стабилизация лагеря, временной стоянки, приобретающей характер постоянного местожительства, можно проследить на сообщениях Кирилла Скифопольского. Во времена императора Анастасия (до 518 г.) были поставлены палатки ($\alpha\iota \sigma\kappa\eta\nu\alpha\iota$) арабов близ лавры Евфимия в Палестине, они были повторно разрушены «варварами» и отстраивались или ставились вновь. Монастырь владел двумя большими прудами, может быть цистернами ($\delta\upsilon\omicron \lambda\acute{\alpha}\kappa\kappa\omicron\iota \mu\epsilon\gamma\acute{\alpha}\lambda\omicron\iota$); одна из них была предоставлена «на определенное время» ($\pi\rho\sigma \kappa\alpha\iota\rho\upsilon\nu \tau\alpha\kappa\tau\acute{\omicron}\nu$)⁸⁶ арабам-христианам, которые поселились около крестившего их Евфимия, В дальнейшем филарх Петр-Аспебед у палаточного города поставил церковь, пекарню и устроил цистерну. Лагерь стабилизировался и мог с течением времени стать более прочным, постоянным местожительством — городом.

Такие города арабов, как Хирта лахмидов, не только имели красивые строения, о чем говорят как источники, так и археологические раскопки. Она становится городом, обрастает укреплениями, высокими валами, о ней стали говорить: «Хирта, большой город арабов» — ܗܝܪܬܐ ܕܒܝܬ ܗܪܝܬܐ .⁸⁷

В истории северных арабских племен существенное место занимают эллинизированные государства, какими были Пётра, Пальмира, Эдесса. Но это были города-государства, «караванные города», в которых большая доля приходилась на греко-римский элемент, на привычные именно этой части населения организационные формы жизни. И здесь, на Востоке, в основе городов-государств лежала собственность на землю, и их история, как «история классической древности», была «историей городов, основанных на земельной собственности и на зем-

леделии».⁸⁸ Организация этих городов с их советами и куриями является принципиально отличной от стабилизовавшегося города-лагеря, становища, хирты арабов лахмидов или гасанидов. Центры этих последних дрогнули под напором движения мусульман. Между тем новые центры арабов — Куфа, Кайраван были образованы по тому же принципу, это были стоянки-лагери, ставшие городами.

ГОРОД-ГОСУДАРСТВО

Закономерности, установленные основоположниками марксизма в историческом процессе, в смене общественных формаций, на основании конкретных явлений истории общества на Западе, существуют и для истории Востока. В каждом отдельном случае это следует отмечать, укрепляя представление об общности определенных закономерностей.

Несомненно, особого внимания заслуживает развитие социального строя арабов в Южной Аравии, где вне эллинизации, без привнесения сторонних элементов общественные отношения и городской строй отвечали в V—VI вв. тому уровню развития, который характерен для города-государства. Родо-племенные отношения и связи остаются в полной силе, они отражаются на всей организации города, в котором, однако, с отчетливостью прослеживается горизонтальное социальное деление общества.

В связи с изучением Южной Аравии и общественного строя города Неджрана в VI в. нам приходилось указывать на особенности развития караванных городов, т. е. городов, возникших в особых условиях. На скрещении сухопутных дорог в Аравии, где особое значение приобрела транзитная торговля, город жил в условиях особой экономики, где наличие обмена, денежного обращения, ростовщичества благоприятствовали его росту. Именно в караванных городах следует отметить рабство как один из элементов их благосостояния. Рабов называют надписи Пётры и Пальмиры, о них говорят источники по истории Неджрана. Общественный строй этого последнего представлял тип античного города-государства в период, когда происходило объединение нескольких городов-государств в более мощное государство.

Привлечение новых разноязычных источников позволило сделать выводы, которые до их рассмотрения не были возможны. Греческие и сирийские исторические труды и хроники, современные событиям, происходившим в Неджране, позволяют определить время и раскрыть содержание кратких химьяритских надписей. Характеристика общественных отношений города Неджрана, которая была нами дана на основании источников, может быть обобщена и распространена на другие городские центры Южной и центральной Аравии.⁸⁹

Выдающиеся исследователи, как Родоканакис, Хитти, отмечали смешанные явления в характеристике общества Южной Аравии. Старая племенная система, «феодалная» аристократия, монархия могут быть отмечены там, по их мнению, одновременно.⁹⁰ Анализ явлений, которые производят хаотическое впечатление, может установить типическое в изучаемых общественных отношениях и дает возможность определить общественно-экономическую формацию, к которой принадлежит данное общество, находящееся на определенном уровне хозяйственного и социального состояния города-государства, развившегося в условиях транзитной торговли. Основные моменты, требующие рассмотрения, это родовые отношения, социальное расслоение, а также экономическая основа господствующего класса и характер власти.

Выше было отмечено значение родовых связей для кочевых арабских племен, бедуинов; полуоседлое и оседлое, городское население Южной Аравии также не порвало с традициями рода. Об этом свидетельствуют химьяритские надписи, арабские историки более позднего времени. Роль родо-племенных объединений у северных арабов показана выше: лахмиды, киндиды, гасаниды составляли союзы племен. В южных областях полуострова, где часть населения вела оседлый образ жизни, где образовались города с собственной многовековой культурой, родовые связи по-прежнему оставались в силе. Они подчеркиваются значением, которое арабы придавали генеалогиям, о которых говорят и устная поэтическая традиция, знаменитые «дни битв» арабов — *ayam al arab*, и письменные прозаические сочинения. Межплеменные войны, родовая месть — основная тема стихотворений.⁹¹ С развитием форм общественных отношений родовые связи сохранялись, но приобретали и новые черты. Химьяритские надписи, в том числе и царские, свидетельствуют о наличии больших семей и родов. Членами семьи являются не только отец и сыновья, но братья и племянники. Имеются свидетельства об одновременном царствовании двух братьев, о царе, с которым названы его два и даже три сына.⁹² Царь-гонитель Масрук Зу Нувас уничтожал целые знатные роды, семьи «свободных» — *قطر بني*, в число которых входили братья, сыновья, племянники. Наследственными в роде

были должности этнархов и кабиров. Знатная и богатая неджранитянка Рума гордо говорила: «Вы знаете мое племя (الرشيد), мой род (الرشيد), кто я и чья я дочь».⁹³ Род, имущество которого было неделимо и переходило в наследство в пределах рода, объединялся общими экономическими интересами. С этим была связана и традиция эндогамии. Таким путем возникала сила и политическая власть старых семей «свободных» и «благородных», непосредственно возникавших из родо-племенной знати. История Мухаммеда и Мекки это прекрасно подтверждает, так как ее делами вершили знатные роды.

«Племенной строй сам по себе ведет к делению на высшие и низшие роды...».⁹⁴ Занимая господствующее положение в городе, знать принимала участие в его управлении, составляя его олигархическую верхушку. Город Неджран с прилегавшей к нему областью, тяготевшей к нему, был самостоятельной единицей, имел самоуправление и был типичным городом-государством. «Свободные» и «благородные» были господствующим, высшим его слоем, из которого вербовалась его правящая верхушка. Знатный старец Харит (Арефа) назван греческими источниками «этнархом города и его пригорода» — της πόλεως και της περιχώρου αυτής εθνάρχης,⁹⁵ а сирийцами «главой» (رئيس) всех христиан города.⁹⁶

Харит занимает высокое положение в качестве этнарха города и его области, он вершит их судьбу, но не является единоличным ее распорядителем. Рядом с ним упоминаются «свободные» (حرة) и «водители города» (αρχηγοί της πόλεως).⁹⁸ Он был как бы первым среди равных, член богатой аристократической верхушки. Когда было необходимо дать ответ Масруку Зу Нувасу, который осадил Неджран и стал требовать выкупа, то для переговоров «из города вышли с Харитом 150 благородных» мужей. Для решения вопроса о сдаче города и выкупа мнения одного этнарха было недостаточно, его поддержали полтора человека из верхушки города, они согласились заплатить требуемое «золото» (ذهب), чтобы сохранить город неразрушенным. Масрук требовал «с души» определенную сумму, и народу было тяжело откупаться, но мнение, высказанное «благородными», «преобладало в городе».

Эти сведения заставляют полагать, что город имел самоуправление и 150 мужей, возможно, были членами совета, составляли βουλή города, тогда их участие становится более понятным. Что касается термина «этнарх», то известно, что его применяли в греческих хрониках и документах к царькам, вождям, начальникам племен. Харит действовал с согласия всей правящей верхушки, выполнял и выявлял ее волю, с ее поддержкой решал важнейшие вопросы участи города-государства, как, например, в данном случае вопрос о сдаче и выкупе города.

Источники позволяют со значительной определенностью говорить об экономической мощи знати. Сохраняя тесные семейные связи и крепкие родовые отношения, сильные роды пользовались большим влиянием, они были очень состоятельны. Прочность материальной базы рода обеспечивала устойчивость знатной семьи, создававшей возможность вдове после смерти мужа занимать независимое положение. Упомянутая выше Рума самостоятельно владела своим большим богатством, недвижимой и движимой собственностью. Независимость женщины известна и у лахмидов, имена которых упоминаются с именем матери, а не отца, как «Мундар бар Закика» или «Нуман ибн Хинд». Рума подчеркивает свою связь с родом и со своей отцовской семьей, а не с мужем, и сын ее назван «Нуман, сын Румы, дочери Азмы». У нее большое родовое имущество, так как она говорит о «своей сокровищнице» «помимо сокровищницы моего мужа». Ее богатства разнообразны, они состоят из земельных угодий, имений (κτηματα), деревень (قرى), это недвижимости, наиболее вероятно находившиеся на территории, примыкавшей к городу, в его области (τα περίχωρα). В Южной Аравии применяли искусственное орошение. такие земли давали превосходный доход, население области занималось земледельческим трудом, обрабатывало землю, поддерживало ирригационную систему. Сообщается, что «находившиеся в предместьях и на полях города и в имениях» были захвачены Масруком, разорившим всю область города Неджрана. Часть имущества составляли также стада — αγέλαι. Караванная торговля требовала большого количества вьючных и верховых животных, а для оседлой жизни был необходим рогатый скот, поэтому табуны скота составляли очень важную часть имущества.⁹⁹ О том, как велика была недвижимая собственность представителей знати, свидетельствует то, что старец Харит, филарх, завещает все свое богатство детям и родственникам, которые останутся верными христианству. Но «три лучших имения» (κτηματα) или «деревни» (قرى) должны быть переданы церкви.¹⁰⁰ Харит, так же как и Рума, принадлежал к числу богатейших людей, располагавших большим имуществом в виде земельных угодий. Знать в городе не утратила связи с землей, что характерно для верхушки города-государства вообще. Следует отметить и то, что часть недвижимости передавалась церкви, ма-

териальная база которой этим путем укреплялась, соответственно и положение ее в государстве. То, что имущество Харит завещает «детям и родственникам», подтверждает родовые связи, как и власть, значение старшего в роде.

Особый интерес имеет единодушное сообщение источников, что Рума, помимо всего упомянутого, располагала большим количеством золота и серебра в виде чеканной монеты. Монета противопоставляется ею «украшениям» из золота, серебра, меди, жемчугов и яхонтов. Это могли быть носильные вещи, драгоценности, утварь, составлявшие ее приданое. Но, кроме этого, в сокровищнице Румы, «моей сокровищнице», как она говорит, у нее было 40 тысяч дариков, «которые отчеканены» (أشياء منقوشة), т. е. это были чеканные деньги, о которых в другом источнике говорится, что их было 10 тысяч золотых и серебряных «выбитых» монет (εσφραγισμένα). Хотя в указании на количество монет в источниках есть колебания, но несомненно речь идет о большом ее количестве, причем греческий текст упоминает и золотую, и серебряную монету. В свое время нами было указано, что во введении к Мученичеству Арефы, памятнике, составленном в VI в.,¹⁰¹ «царская» монета химьяритов, «так называемая элкас» (ελκας, ολκάδος), приравнивается византийскому золотому, весившему двадцать два каратона.¹⁰² «Царская» монета была, следовательно, официальной, государственной чеканки. Судя по тому, что монеты и меры веса получали дополнительное название «царской», «двойной» и т. п., они различались по весу и по достоинству. Это могло указывать на то, что чеканка производилась не одним только царем. Можно даже высказать предположение, что чеканная монета в сокровищнице Румы выбивалась ею здесь же на месте.

Город-государство, выросший в условиях оживленной караванной и морской торговли, имел развитые денежные отношения. Накопление чеканной монеты, золотой и серебряной, находилось в связи с этим. В самой Аравии были известны золотые копи по античным источникам; в средние века о золоте в Аравии упоминают ал Макдизи и ал Хамдани. Денежное обращение порождало ростовщичество, способствовало заемным и долговым операциям, предоставлению денег в рост. Родовое имущество возрастало благодаря денежному хозяйству.

Агиологический источник сообщает, что представительница рода Гау — Рума давала деньги в долг. «Многочисленное добро было ею сделано в отношении многих, в отношении царей. . . в отношении богатых и в отношении бедных». Царь химьяритов Мадикарим «просил у нее одолжить 12 тысяч динаров, она дала ему в, долг».¹⁰³ «Благодеяния» Румы заключались в том, что она предоставляла займы под проценты, приумножая свою родовую собственность.

Производить долговые операции, быть займодавцем значило в какой-то мере, хотя бы косвенно, участвовать в торговых оборотах, закупках, которые производились для караванной и морской торговли. Такого рода займы, в которых нуждались «богатые» и сам «царь химьяритов», были необходимы для торговли, игравшей значительную роль в экономике Аравии. Для центральных областей полуострова в VII в. биографией пророка и Кораном засвидетельствовано значение транзитной торговли, снаряжения и охраны караванов, закупки и доставки товаров, в которых принимали участие целые роды.

В перечислении видов имущества той же Румы во всех редакциях неоднократно упоминаются рабы и рабыни. В иерархической последовательности социальных слоев общества источники называют их последними, но как один из видов собственности. Они занимают в сирийском источнике место вслед за перечислением золота и серебра, а в греческом памятнике предшествуют имениям и садам.¹⁰⁴ Следовательно, по удельному весу, по значению в общей экономике рабовладение занимало важное место, рабы и рабыни (παῖδες, παιδίσκαι, رباب، ربابات) составляли значительную долю имущества. Их руками обрабатывались те имения и земли, которые составляли собственность «знати» и «благородных». Характерно, когда Неджран был взят мусульманами, то Мухаммед оставил жителям их имущество — золото, серебро, утварь и рабов (دقيق).¹⁰⁵ Зу Нувас, захватив город, «обратил в рабство» (εις δουλείαν) мальчиков и девочек моложе 15 лет и подарил их своим знатым.

В нашем исследовании, посвященном общественным отношениям в Южной Аравии, нами были приведены данные нарративных и эпиграфических источников, позволяющие с уверенностью говорить о наличии рабовладения. Рабами не только торговали купцы Йемена и Хиджаза, но рабовладение было одной из основ экономического благосостояния верхов этих обществ.¹⁰⁶

Наряду с этим источники, перечисляя население Неджрана, называют «горожан, земледельцев, ремесленников, рабов» — οἱ πολῖται, οἱ γεωργοί, οἱ χειροτέχνοι, οἱ δούλοι.¹⁰⁷ Рядом с горожанами названы земледельцы, что объясняется тем, что к городу тяготела область, земля ее

частью принадлежала к имениям знати, могла быть обработана рабами. Другую часть земли обрабатывали земледельцы (οι γεωργοί), их руками производилась необходимая работа, и они названы рядом с «горожанами». Эти две категории входили в общий состав населения города-государства, составляя его основной опорный слой. Ремесленники (οι χειροτέχνοι) в социальной иерархии стояли на одну ступень выше рабов. Один из видов «рукомета», которым занимались в городе, было изготовление одежды, платья. Надо полагать, что речь идет о плащах или бурнусах, которые не сшивались, а ткались целиком из шерсти и были широко употребительны в кочевой жизни. По договору с Мухаммедом жители Неджрана обязаны были поставлять 200 платьев, *صِنَّة*, определенной цены. Оно должно стоить аукиях, составлявший 40 диргемов. Если одежда была дороже, это должно было быть принято во внимание, если она была дешевле, то мусульмане соглашались принять доплату лошадьми, верблюдами и другими ценностями. В случае войны поставка верховых и вьючных животных была оговорена особо. Специальное обязательство поставки платья в письменном договоре пророка с «народом Неджрана» (*نجران اهل*) говорит о широком развитии в Неджране этого вида ремесла.¹⁰⁸ Источники сохранили несколько посланий Мухаммеда к различным племенам Южной Аравии, из которых не все подлинные, в них также имеются интерполяции. Несомненный интерес имеют сведения о том, в каком размере мусульманам следовало брать с завоеванных подать натурой, в зависимости от того, естественное или искусственное орошение было на полях, а также в каком количестве мог быть взят приплод скота.¹⁰⁹ В соглашении, установленном пророком через посланного им Амра ибн Хазма к сельскому населению области Неджрана, говорится, что каждый (мужчина, женщина, свободный, раб) обязан уплатить или «полновесный динар или одежду такой же цены».¹¹⁰ У Ибн Са'да сохранилось свидетельство, что с неджранитян пророк потребовал 2000 одежд, ценою в одну унцию каждая. Если у них будет захвачено известное количество панцирей, лошадей, верблюдов, амуниции, то это должно быть особо принято в расчет.¹¹¹ Такие сведения VII в. подтверждают данные об экономическом состоянии Южной Аравии и Неджрана, в частности, известном на основании источников VI в.

В управлении городом Неджраном принимали участие «благородные», среди которых выделялась и занимала особо видное положение «знать», «главы». Замкнутость знатного рода создавала ему обособленное от прочих «сынов свободных» положение, в то же время именно представители знати были активными участниками управления, решали судьбу города в качестве ее олигархических правителей.

Черты общественного строя, выявленные на материале источников, позволяют назвать Неджран, а по аналогии и другие государственные объединения Южной Аравии, городами-государствами. С одной стороны, в этом городе-государстве не изжиты признаки его родоплеменной сущности, основы, из которой он вырос. Община — *š'b* — уже не связана чисто родовыми отношениями, она включает не только кровно родственные ячейки; это более высокая ступень развития общины, ее нельзя называть родовой общиной. Трудно применить к *š'b* и термин «соседская община», хотя организация южноарабской шеаб соответствует именно этому этапу развития. Соседская община предполагает главным образом сельскую, образовавшуюся по признаку соседства на земле, общину. В Южной Аравии это объединение оседлых и полукочевых элементов, причем последние, насколько это можно проследить, примыкали к первым не только по признаку территориального соседства. Но общий уровень общественного развития, черты *š'b*, противопоставляемые племенной организации *a'gab*, говорят о такой организации, где разделение труда играет все большую роль, приближают ее к представлению о соседской общине. И в этом случае может быть справедливо что «азиатская история — это своего рода нерасчлененное единство города с деревней».¹¹²

Другой основой города-государства, как и в его античных, классических образцах, было рабовладение, что достаточно убедительно засвидетельствовано источниками и для Южной Аравии. Наличие свободных общин и применение рабского труда не исключали, а дополняли друг друга, составляя основу жизни города-государства. Наконец, торговля, обмен, наличие ремесла, денежное обращение усиливали и ускоряли развитие и укрепление этой формы общественной организации.

Таким образом, с полным основанием может быть сделан вывод, что если на территории Азии города-государства возникали в зависимости и как следствие греко-римских завоеваний, где завоеватели устраивали свою жизнь по обычному и принятому у них образцу, втягивая в него местное население, то данные о Южной Аравии позволяют утверждать, что одним из этапов развития общества арабов без сторонних влияний или воздействия греко-римского

мира был город-государство. Очевидна законосообразность такой формы общественного развития, одним из этапов которого она является и все основные особенности которого здесь, в Южной Аравии, имеются. В таком же смысле, по нашему мнению, следует рассматривать и общественный строй городов Хиджаза, в частности Мекки. Завоевания городов, объединение мелких государств Йемена было направлено к слиянию этих самостоятельных единиц в одно государство, цари которого включали названия завоеванных ими областей в свой, становившийся все длиннее, титул. И Мухаммеду пришлось начать объединение с городов-государств, с характерными особенностями их строя и управления, которые он дипломатией и мечом стремился присоединить к областям, «наместником от Бога» которых он был.

В исследовании общественного строя Йемена нам приходилось отмечать сохранение родового принципа в наследовании и характере правления царя, как и значение власти знати, «князей», «каплей» (قبائل, أقوال), которые являлись местными правящими родами.

Тем не менее уровень всего общества таков, что должен быть определен, как имеющий развитую имущественную дифференциацию, при сохранении общинной организации š'b. Отмечая в то же время наличие рабовладения, следует иметь в виду, что оно отнюдь не носило характера развитой системы, об этом нет данных ни в эпиграфических памятниках, ни в нарративных источниках. Рабство существовало, было частью благосостояния землевладельцев, знати, но оно не проникло во все стороны общественного производства.

Северные арабские государства V—VI вв. не достигли такого уровня развития, они находились на высших ступенях варварства, их общественный строй был примитивнее, проще, у них не было общественного производства, которое требовало бы строгого разделения труда. Их города были стабилизовавшимися становищами, а царства — «варварскими государствами». В их примитивном обществе, в котором еще оседлые элементы не заняли ведущего положения, полукочевые племенные объединения приобрели значение и ценились за их военный потенциал. «Войско», «лагерь» были основным понятием, равнозначным «народу» или «обществу» этих царств. Община в значении š'b не была основой этих государств. Организация их была ближе к той родо-племенной форме, которая была известна надписям как a'ṭab, «бедуины», но несомненно более развитая, значительно шагнувшая вперед. Примитивные формы усовершенствовались, племена объединялись, составляя сильные своей воинственностью союзы племен, военный строй которых, «военная демократия», имела надплеменные формы управления их объединений.

АРАБЫ И ХРИСТИАНСТВО

Христианство не могло не оказать своего влияния на арабские племена, оказавшиеся в непосредственной близости с населением Византии, официальной идеологией которой оно было. Обращению в христианство способствовало общение с представителями монашества, проповедь миссионеров, воздействие отдельных лиц. Такие факты сообщают в первую очередь именно церковные писатели. Им известно, что арабам проповедовали христианство в IV и V вв. православные монахи Палестины и Сирии и часть кочевых племен была горячими приверженцами Симеона Столпника, на чем мы подробно останавливались выше. О верности и благодарности ему арабов сообщает и Феодорит Кирский, и Кирилл Скифопольский.¹ Встречаются и более суровые характеристики арабов, как у автора «Луга духовного».

Иоанн Мосх, умерший около 622 г., обошел со своим учеником Софронием, будущим патриархом Иерусалимским, скиты и монастыри Палестины и Сирии; он записал благочестивые истории, которые слышал, и события, которым был свидетелем.² Иоанн знает арабов, которые бродили небольшими группами или одинокие и не раз встречались с монахами (гл. 21, 99).³ Один палестинский отшельник стал делиться своей пищей с «голодной сарацинкой», которая забрела к нему и которую он таким образом поддерживал в течение некоторого времени (гл. 136).⁴ Мосх сохранил свидетельство о том, что арабы-язычники приносили человеческие жертвоприношения (гл. 155), известные и из других источников.

Во времена императора Маврикия, когда Ναμης ο των Σαρακηνων φύλαρχος την πραιβα πειλοίτην — «Наман, филарх сарацин, совершал ограбления», некий монах старец Николай видел, как три араба схватили одного редкой красоты юношу-пленника, который стал со слезами умолять старца освободить его. Но арабы не соглашались ни заменить монахом юношу, ни взять за него выкуп, мотивируя свой отказ тем, что они обещали привести кого-нибудь из

плена для жертвоприношения. Внезапное «бешенство» арабов, бросившихся друг на друга, освободило юношу, которого авва Николай взял в свою пещеру.⁵ Записи автора «Луга духовного» свидетельствуют более всего о трудной и голодной жизни этих арабов, бродивших в пустынях Сирии и Палестины.

Широко известна греко-сиро-арабская надпись из Зебеда о построении мартирия св. Сергия. Развалины эти находятся в пустыне, которая тянется между Алеппо и Евфратом. На всех трех языках совпадает лишь их общее содержание, но имена основателей несколько разнятся. Сирийский текст сообщает, что первый камень здания был положен периодевтом Иоанном — «да благословенна будет его память». Очевидно, в момент начертания надписи его уже не было в живых. Имя периодевта упомянуто и в греческом тексте.⁶ Дата дана по селевкидскому летосчислению 823 г., 24 илула в сирийском и месяца гарпийа в греческом, что соответствует 512 г. н. э. Писал надпись Мара, а основателями мартирия были Анна, Антиох и авва Сергий. В некоторых мелочах греческий и сирийский тексты расходятся.

Что касается арабского текста, то, как и два предыдущих, он начинается изображением креста.⁷ Арабская часть надписи содержит лишь несколько имен, очевидно принадлежавших арабам-христианам, Причастным к постройке. Имена читаются недостаточно отчетливо, среди них можно назвать Сергия, сына Саада, другое лицо — сына Марулькайса.⁸ Существенны самый факт наличия имен арабов-христиан и палеографические особенности текста.

Греко-арабская билингва из Харрана в Ледже датирована по эре Бостры, которая началась 22 мая 106 г. н. э.; год надписи — 463 и соответствует 568 г. н. э.⁹ Арабский текст свидетельствует о построении мартирия: 463 **انل سهيل بن اظلمو بنيت اذا المرطول سنت** «Я Шаррахиль, сын Залима, построил этот мартирий в год 463».¹⁰

О христианизации арабов имеются другие свидетельства документального характера, к которым в первую очередь принадлежат акты или деяния соборов. Присутствовавшие и согласные с постановлениями данного собора клирики, обычно епископы, подписывали акты собственноручно каждый. Подпись состояла из имени иерарха и географического названия епархии или города, который он представлял, что дает возможность уточнить центры распространения христианства.

В деяниях Константинопольского собора 394 г., выдержки из которых сохранились в «Синтагме XIV титулов», упоминаются два священника Багадий и Агапий — **πρεσβυτεροι πολεως Βοστρον**, между которыми возник спор по поводу епископской кафедры Аравии. Понимается, конечно, византийская провинция Аравия; ее политическим и церковным центром была Бостра, город с которым были тесно связаны арабы.¹¹

В состав провинции Финикии Ливанской — **Φοινίκη, Λιβανησία**, митрополией которой был Дамаск, входила епископия Евария — **Ευάρεια**, сирийский Хаварин — **سہارم**, засвидетельствованная с 451 г. Иоанн, епископ «арабов зизайе» Хаварина, умер в ссылке в Харалане.¹² Он был изгнан из Еварии после 518 г. В той же провинции была другая «епископия сарацин» — **των Σαρακηνων**, которая находилась, вероятно, около Думера в Фельзеи (**Θελσέη**).¹³ Здесь речь идет о другой группе арабских племен, чем в Еварии. У Иоанна Ефесского есть сообщение, что Хаварин (Евария) был отстроен известным Магном и что именно здесь он предал гасанида Мундара. Ввиду того что данные об этой епископии относятся к более раннему времени, известие вызывало сомнения. Между тем текст Иоанна говорит, что «селение, называемое Хаварин, [Магн сириец] сделал городом, окружив его стеной, и построил в нем церковь».¹⁴ Укрепление селения и постройка новой церкви говорит о ее значении, а приглашение именно сюда Мундара может даже подтверждать, что там было арабское население. Неизбежным было, чтобы арабы были захвачены различными направлениями, в которых развивалась философская мысль христианства, принявшими в зависимости от политической обстановки на Ближнем Востоке форму глубоких разногласий. Великие догматические споры имели основой социальные, этические, экономические особенности народов, составлявших население империи. В V и VI вв. православие, монофизитство и несторианство оспаривали друг у друга главенствующее положение: Константинополь и примыкающие к нему области придерживались православия, ему открыто покровительствовали императоры, оно было их идеологической опорой. Западные византийские провинции, в том числе Сирия и Египет, были оплотом монофизитов. Распространение несторианства шло преимущественно в восточном направлении, его допускали в известной мере в Иране, где рассматривали это течение как религию, гонимую в Византии, специфически сирийскую.

Близкие арабам по языку сирийцы склоняли их к несторианству или к монофизитству.

Гасаниды, занимавшие области, граничившие с провинциями Аравией, Финикией, Пальмиреной, Сирией, оказались под влиянием православия и соперничавшего с ним монофизитства.

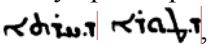
У Федора Чтеца (ЛII, 35) сохранился рассказ, повторенный Феофаном под 6005 г.,¹⁵ следовательно, отнесенный им к 496/7г., о крещении «филарха арабов». Он называет его Аламундаром. Считать, что речь идет о «Мундаре ибн Массамы, лахмиде», никак нельзя, хотя такая точка зрения и высказывалась.¹⁶ Лакмид Мундар был язычником и им остался. О втором филархе арабов, по имени Мундар, для этого времени по другим источникам сведений не имеется. Предполагали, что спутано имя филарха и имеется в виду гасанид Харит.¹⁷ Но это находилось бы в явном противоречии с тем, что Харит был горячим сторонником монофизитов. Если этот рассказ следует считать анекдотом, то самая его сущность отвечает общему положению. «Когда филарх арабов (των Σαρακηνων) собирался креститься, нечестивый Север послал двух епископов, чтобы присоединить его к своему поношению. Но по провидению Божию, он был крещен мужем из православных, принявших собор». Епископы монофизиты стали стремиться отвести филарха от православия, но Мундар отразил их следующей насмешливой «игрой» (δραματούργια τοιαύτη): он сообщил, что получил ныне известие о смерти Михаила Архангела. Епископы возразили ему, что это невозможно. Тогда он их спросил, как же возможно, что они не признают двух природ во Христе, божественной и человеческой, «когда и ангелы не умирают». Епископы, посланные Севером, «отступили» от него «со стыдом».¹⁸

Этот рассказ указывает на всю остроту противоречий между православием и монофизитством, на стремление и той и другой стороны связать с собой арабов. Названный Аламундар был византийским филархом и, возможно, принадлежал к роду гасанидов. В конце V в. арабы, видимо, были склонны поддерживать официальное византийское православие, тогда как в VI в. гасаниды, особенно Харит ибн Габала, склонились к монофизитству и поддерживали его сторонников. Монофизитство было не только философским и догматическим течением, но было связано с определенным политическим направлением. В нем сказался в известной мере сепаратизм провинций, в чем не последнюю роль играло негреческое население империи, как сирийцы и копты. «Восточные», как называли себя монофизитские клирики, были выразителями интересов известных провинциальных кругов, тяготевшихся официальным православием — проводником греческого влияния, греческого языка, греческой философии, византийской государственности. Те, которые оставались приверженцами православия, звались мелкитами, сторонниками императора (царь — *melek*). Сирийцы были ревностными проповедниками и миссионерами, близкими по языку арабам; они несли им свое учение, свои взгляды. Из приведенных выше сведений об участии Харита ибн Габалы в жизни монофизитов, о его настойчивости, проявленной в Константинополе в защите их интересов, можно заключить о политической роли, которую он брал на себя. В этой связи с ним не могли не считаться. Монофизитский клир имел опору в широких кругах населения провинций и в самой византийской столице. Арабы были в этом случае учениками сирийцев; достаточно вспомнить об их привязанности к Иакову Барадею, которого так почитал сам «царь Харит».

Влияния сирийцев не избежала и Хирта. Несториане и монофизиты стремились приобрести себе сторонников среди лахмидов и успевали в этом. Об одном из их столкновений сообщает христианская арабская хроника. Правительство императора Юстина преследовало монофизитов: одни были брошены в тюрьмы, другие бежали в Сирию. Особое распоряжение требовало предупреждения возможности монофизитам скрыться в Иране. Некоторым из них удалось бежать в Хиру. Там к ним обратился католикос Шила,¹⁹ потребовавший, чтобы они признали две природы во Христе, иначе они будут изгнаны. Но монофизитов поддержал Хаджадж, сын Кайсы из Хиры, «приближенный Мундара ибн Наамана, царя арабов», и Шиле в этом его требовании было отказано. Но когда Юстин написал Мундару, чтобы тот «прогнал» еретиков, то он принял меры, которые заставили часть из них бежать, других скрыться. Некоторые из них направились в Южную Аравию, в Неджран, где «посеяли свою догму Юлиана, учителя Севера» Антиохийского.²⁰ Эти события имели место во время патриаршества Иоанна Каппадокийского (поставленного в 518 г. и умершего в 520 г.), который по требованию императора Юстина предал анафеме и Севера, и Иакова Барадея. Имеются сведения, что еретики фантазиасты проповедовали в столице лахмидов и у химьяритов. Один из них, по имени Сергей, прожил в Химьяре 3 года и посвятил там епископа Моисея.²¹

Все это говорит о том, насколько широко были охвачены различные круги населения Ближнего Востока клерикальным расколом. Арабы находились в сфере внимания всех трех направлений христианства того времени, причем не только «византийские» и «персидские»

арабы принимались в расчет, но и химьяриты. Взаимная связь всех этих государств, население которых говорило на одном и том же языке, хотя и с диалектальными различиями, политические обязательства между ними, их взаимная зависимость были больше, чем обычно предполагается, на что нам приходилось указывать.²²

В истории монофизитства VI в. «царь арабов» Харит сыграл немаловажную роль. Поддержка восточных иерархов укрепляла позицию гасанидов, а открытая и настойчивая протекция, оказываемая гасанидами монофизитам, делала их политической силой. Выше нами попутно отмечались действия Харита в пользу монофизитского клира, для чего он искал и находил покровительство у царицы Феодоры. В 542 г. именно по настоянию этих двух лиц были посвящены в епископы патриархом Феодосием Александрийским для северного Междуречья с центром в Эдессе Иаков Барадей (Бурдеана) и Феодор для областей Аравии с Бострой. Кипучая деятельность Иакова, его страстный темперамент наложили отпечаток на монофизитство, сделали его воинствующим. Феодор, поставленный для южных областей, впрочем, не проявлял такой активности. Положение сирийских и месопотамских провинций, в известной степени благодаря распространению сирийского языка, делало их идеологически независимыми, их было трудно контролировать. Что касается провинций Сирии, Финикии, Аравии и примыкавших к ним областей, то там авторитет царя из рода Гасан был значительным.²³ Но здесь было сильнее влияние греческого элемента, чем в Месопотамии, а в этой связи и давление православия. Монофизитский епископ Феодор был больше связан в своей деятельности, чем Иаков Барадей. Феодор мог быть назван епископом Бостры, но фактически его местопребыванием была Хирта гасанидов, ставка Харита, Хирта де Тайайе.²⁴ Она находилась в Джаулане, возможно, что это селение Гаβίθα, Джайбнйа.²⁵ Во всяком случае, в 570 г. послание многочисленных монофизитских иерархов по поводу ереси тритеитов было подписано Феодором, архимандритом монастыря на горе Хирте, ²⁶ а за Сергия, архимандрита монастыря Акабта, подписался его викарий, мар Евстафий, «пресвитер церкви славного христоролюбивого патрикия Мундара» ибн Харита.²⁷ Гасаниды имели, следовательно, свою личную церковь и церковь в Хирте, где проводили определенную часть года. Феодор, как и Иаков, оказался в числе гонимых монофизитских клириков, в 571/2 г. он скончался.²⁸

Поразительная по своей энергии и активности деятельность Иакова, совершавшего путешествие с целью проповедовать и защищать монофизитство по всей Передней Азии, не раз приходила в соприкосновение с действиями «славного патрикия Харита». В конце 563 г. (или в 564 г.) царь арабов обратился к епископу Эдессы с письмом, в котором писал ему о возможности быть избранным патриархом Антиохии «достопочтенному авве Павлу, архимандриту великому».²⁹ Попытки Павла занять престол Александрийского патриарха не удались, тогда он воспользовался возможностью стать главой Антиохийской церкви и был посвящен в Сирии тремя епископами «тайно», в качестве патриарха монофизитов «в изгнании».³⁰ В дальнейшем возникли длительные споры между монофизитскими иерархами, в которых они не раз прибегали к поддержке гасанидов. Когда Павла стали преследовать, он нашел убежище в «Хирте гасанида», который всячески стремился примирить между собою Иакова и Павла.³¹ В послании монофизитов, озаглавленном «от православных епископов к православным разным провинций», говорится о том, что они через «христоролюбивого и славного патриарха Харита» просили других отцов подписать составленную ими энциклику. В другом месте того же послания указано, что Харит приглашал к себе «нас» и патриарха мар Павла и что они, т. е. Иаков и Феодор, составили совместное послание, в котором призывали к миру и единению, утверждая, что они ничем не пренебрегли и обращались в письмах через верных людей и даже через самого патрикия Харита к своим противникам, лишь бы найти примирение.³² К 569 г. относится послание к клирикам и «всему верному народу что в Аравии» от имени иерархов-монофизитов, в том числе Иакова и Феодора, направленное против тритеитов — епископов Конона Тарского и Евгения города Селевкии Исаврийской. В этом письме упоминается об участии Харита в увещаниях и посланиях, с которыми отцы обращались к Конону и Евгению, когда подписали свою «апологию», в которой они отказывались от ереси тритеитов. Харит еще обратился к ним со словами: «Скажите мне, теперь вам подходит эта защита [апология]».³³ Когда они ответили утвердительно, то патрикий предложил им подписать это исповедание, как это сделали «все прочие достопочтенные епископы», но они от этого отказались и остались в «своем заблуждении».³⁴

Со всеми делами отца Мундар унаследовал и необходимость прекратить тяжелую распрю монофизитов между собою, как и защищать своих единоверцев от притеснений со сторо-

ны государства. Больше всего волнений принесла неопределенность позиции названного выше патриарха монофизитов Антиохии Павла. Всякий раз, когда он попадал в затруднения, подвергался гонениям, он спасался при поддержке гасанидов как при жизни Харита бар Габала,³⁵ так и во времена Мундара. После 571 г. Павел присоединился к православным, что было существенной победой для Иоанна Схоластика, патриарха Константинополя. Император Юстин II неоднократно беседовал с Павлом, что вызвало ревность патриарха и дало возможность Павлу сначала скрыться в самой столице, а потом отправиться и поселиться «в земле Аравии», т. е. в провинции Аравии, при поддержке или помощи «известных [лиц] дома Мундара бар Харита».³⁶ Иначе говоря, приближенные царя арабов помогли Павлу, иерарху монофизитов, присоединившемуся к православию под давлением, выбраться из Константинополя и перебраться туда, где монофизитство было господствующим и находилось под протекторатом гасанидов. Схизматики, державшиеся за Павла, и отделившиеся сторонники Иакова продолжали словесную борьбу: одна из сторон, собравшись в области Аравии, обратилась к «славному патрикио Мундару» и просила его передать мар Антиоху их «свидетельство» — *διαμαρτυρία*, с тем чтобы была открыта дискуссия письменная и устная.³⁷ Мар Антиох был, вероятно, архимандритом «монастыря арабов» — *ܡܢܐܨܬܝܪܐ ܕܥܪܒܝܢ*, имя которого упомянуто в числе других в заголовке послания монофизитских «архимандритов Востока к православным епископам, иереям и диаконам в Константинополе».³⁸ О тщетных попытках примирить Иакова Барадея и Павла сообщает Иоанн Ефесский. Мундар уговаривал обе стороны, совещался с ними, но яковиты не шли на соглашение, а Павел утверждал, что подробное обсуждение всех событий могло привести к миру.³⁹ К царю арабов обратился и Лонгин, епископ Нубии, монофизит, участвовавший в борьбе с тритеитами в годы 566—569.

Лонгин происходил из Александрии. Монофизитский патриарх Феодосии хотел его поставить епископом для «нобадов», но это было осуществлено лишь после смерти патриарха в 566 г. в Константинополе, откуда Лонгину не разрешили уехать по распоряжению императора. В 569 г. он все же отправился в Нубию. В Ливии на место Феодосия он посвятил некоего Феодора, которого александрийцы не приняли. Началась новая распря в среде монофизитов. Стремясь к примирению в 576 г., Лонгин и Феодор отправились в Сирию, причем Лонгин прибыл в Хирту гасанидов.⁴⁰ Здесь он сообщил Мундару все свои затруднения. Яковиты устроили большое собрание в монастыре мар Анании, куда прибыл и Лонгин, но никакого соглашения достигнуто не было, тем более что сам Иаков Барадей на нем не присутствовал. В Сирии Лонгин провел около года и возвратился в Египет. По поводу этих же дел ссылаются на Мундара, его свидетельство и «хартию», составленную совместно с ним в «Капитулах мар Иоанна из монастыря святого мар Басса».⁴¹

Насколько глубоко проникло монофизитство в области, где жили арабы или по соседству с ними, указывают сведения, относящиеся к середине 90-х годов VI в. Епископ Григорий, после того как им были отданы церквам кресты, захваченные Хосровом Парвизом,⁴² отправился «объезжать пустыни, называемые Лимитами» — *τας παυερήμοιους των λεγομένων Λιμητων περивоστων*, речь идет о пограничных областях, о границе, среди населения которой была широко распространена «догма Севера». Епископ стремился привести народ «к церкви божией» и успел в этом, обратив «многие крепости, селения, монастыри и целые роды»,⁴³ последние *φυλας ολοκληρους* были, вероятно, арабы, жившие родами и племенами.

Замечательно, что значение и влияние Мундара не ограничивалось областями, к которым арабы были в непосредственной близости, как провинция Сирия, Финикия, Аравия, он нашел возможным поддерживать монофизитов и в столице. Выше уже приходилось останавливаться на большом собрании монофизитов, которых Мундар объединил в самом Константинополе 2 марта 580 г. Его участниками были клирики и миряне, «главы и известные» люди.⁴⁴ С царем арабов считались, его стремление объединить и примирить монофизитов привлекло на собрание как духовенство, так и высшие круги светских людей, сочувствовавших этому течению.

Связывало арабов-гасанидов с монофизитством его сепаратизм, известное противопоставление официальному православию, независимость от центральной государственной власти. Наиболее яркие проповедники этого течения были сирийцы; они были просветителями арабов, сговариваясь с ними на сиро-арабской «койнэ». Географические области распространения монофизитства были населены сирийцами и арабами, сохранявшими среди греческого населения свой язык, свои бытовые особенности. Это справедливо и относительно учебных и ученых традиций, хранившихся сирийцами, литературные и философские взгляды которых вырабаты-

вались веками. В то же время греческий язык, высокоразвитый, ставший международным языком Передней Азии, в известной мере усваивался и арабами, о чем свидетельствуют их греческие надписи на камнях крепостей и церквей.

Как Харит, так и Мундар, подтверждая свое исповедание, ссылаются на народ, который они отождествляют с войском, так как их народ действительно составлял живую военную силу. Вполне допустимо, что часть арабских племен, входивших в союз племен, объединенных гасанидами, их верхушка, знать была христианизована и, как и их царь, оказывала поддержку «восточным». Но из этого нельзя сделать вывод, что все эти племена были христианизованы, и тем более нельзя считать, чтобы те, кто принял христианство, глубоко его понимали. Приверженность монофизитству в значительной мере зависела от живого лица — епископа, священника, архимандрита, дружественного и близкого арабам, следуя мнению которого они оставались верными монофизитству.

Достаточно вспомнить, как в споре между яковитами и павлианистами, сторонниками знаменитого Иакова Барадея и Павла Уккамы, патриарха Антиохии, среди арабов возникло смятение, так как первого почитал и любил сам Харит бар Габала, а второй неоднократно бывал в Хирте гасанидов и был им дружествен. Но если христианство и не проникло глубоко в арабскую среду, не захватило широко арабов, то, во всяком случае, его влияние, культурное и прогрессивное, не может не быть отмечено. С христианством приходила грамота, знания, книга, внедрялись новые понятия, новые идеи, отвлеченные и философские представления. Христианство смягчало нравы, внедряло мораль более высокую и совершенную. Часть арабов, их верхушка, царь и племенная знать приобщились к христианству, и это сказалось на общем уровне, на культурном развитии, на возможности роста и сближения их с мировой цивилизацией, которую они нашли в Византии и в Иране.

ХРИСТИАНСТВО У ЛАХМИДОВ

Представление о совершенной разобщенности общественных образований арабов доисламского периода не соответствует исторической действительности. Недавно обнаруженные в областях центральной Аравии сабейские надписи, изученные хроники и исторические документы убедительно говорят о том, что взаимные связи и общение между химьяритами, бедуинами Неджда, лахмидами, киндитами, салихидами и гасанидами являются фактом. Политическая история арабских племенных объединений обнаруживает их связь между собою в полной мере; это справедливо и для культурных, идеологических вопросов. В этом смысле особенно поучительна история проникновения христианства в Южную Аравию, где оно утвердилось, укоренилось, имело своих мучеников, свой клир. Проповедники и учителя с торговыми караванами находили дорогу из Сирийской пустыни гасанидов в Хирту к лахмидам, из ставки Мундара или Наамана в Неджран и Санаа к химьяритам.

Отдельные роды, входившие в союз племен, объединенный под властью лахмидов, исповедовали христианство. Старшая и младшая Хинд из киндитского рода, к которому они принадлежали, принесли свою веру. Они крестили своих мужей и сыновей, строили церкви и оставили надписи в качестве их ктиторов. У арабов проповедовали православные, несториане, монофизиты. В государстве лахмидов, как и у химьяритов, монофизиты завоевали положение и соперничали с православием. На это приходилось неоднократно указывать для Химьяра, где они укрепили свои позиции и пытались поставить своих клириков в Хирте Наамана.⁴⁵ Однако самое географическое и политическое положение последней, в ближайшем соседстве и зависимости от Ирана, должно было способствовать распространению несторианства, попускаемого шаханшахами как религии, гонимой их врагами — ромейскими кесарями. В Хирте встречались, однако, представители разных направлений христианства, в том числе монофизиты. В IV в. распространение христианства у арабов-лахмидов было затруднено гонениями на христиан в Иране, где кровавые преследования длились десятилетия. Известное облегчение положения внесло распоряжение Ездгерда I (399—421 гг.) в 410 г., которое дало повод сравнить его с Миланским эдиктом 313 г.⁴⁶

«В одиннадцатом году главенства Ездгерда, славного царя царей, после того как наступили мир и успокоение в церкви Господней, он устроил спасение и покой обществам [собраниям] Христовым, дал власть рабам Божиим открыто возвеличивать Христа в их плоти, в их смерти, в их жизни».⁴⁷ Это было разрешением исповедовать христианство, открыто отправлять службы, отпевать и хоронить мертвых по-христиански; он разрешил восстановить разрушенные в гонениях церкви. В том же году, благодаря энергии и осмотрительности Маруты, епи-

скопа Майферкатского, сумевшего «примирить Запад и Восток», Византию и Иран, был созван собор в Селевкии. Марута был членом посольства империи, направленного к Ездгерду, которого он убеждал смягчить положение христиан. Собор 410 г., в сущности, вел Марута, бывавший в Антиохии, в Малой Азии, в Константинополе и принимавший участие во многих собраниях и поместных соборах, но официально главой клириков Персии был Исаак, епископ Селевкии — Ктесифона. На соборе был утвержден ряд догматических положений и установлен порядок диоцезов, епископских кафедр. Этот собор был подписан 38-ю епископами, из которых 36-е место принадлежит Осии, епископу Хирты.⁴⁸ Однако его имя не упоминается в списке присутствовавших на соборе епископов, оно было добавлено впоследствии с тремя именами других епископов.⁴⁹ Добавление имен было обусловлено постановлением самого собора, предлагавшего иерархам, которые находятся в отдаленных епархиях, принять эти постановления и, когда они прибудут в первый раз, подписать их собственной рукой.⁵⁰ Другой причиной являлось стремление каждой из епископских кафедр считаться наиболее древней, вести свое начало от самых ранних времен распространения христианства; такое стремление было и у епископов лахмидских арабов.

Собор 424 г. был собран католикосом мар Дадишо в селении, названном Маркабта де Тайиайе, т. е. Маркабта арабов, местонахождение которого не определено. Поэтому были высказаны предположения, что в тексте актов собора ошибка и что речь идет о Мабракте, где был храм святого Сергия, находившийся близ Махозе, т. е. Селевкии и Ктесифона.⁵¹ На это можно возразить, что ошибка вкралась, таким образом, в самый заголовок актов, а заглавия обычно выписывались особенно тщательно. Кроме того, Маркабта названа «арабской», что было бы совершенно непонятным для селения близ столицы Ирана, а самое имя этимологизируется от корня **ح** **ب** — ехать верхом, что хорошо соответствует и приложенному определению «арабов».

В числе епископов, принимавших участие в этом соборе, был «Симеон, епископ Хирты арабов» — **ⲥⲓⲙⲉⲟⲛ ⲉⲓⲥⲓⲙⲟⲛ ⲉⲓⲥⲓⲙⲟⲛ**,⁵² его имя занимает десятое место по порядку. Речь идет, конечно, о епископе ставки лахмидских царей и говорит о том, насколько давно христианство утвердилось в среде арабов. Недаром в начале VI в. один из знатных воинов Мундара лахмида возражал ему, говоря, что «не в его время») они стали христианами.

В Селевкии «в Бет Арамайе» в 486 г. был созван собор католикосом Акакием; в числе присутствующих епископов назван Симеон, епископ Хирты, как в заголовке, так и в первом каноне этого собора.⁵³ Его подпись имеется и под актами собора, восьмая по порядку. Как и остальные отцы, он подписался так: «Я, Шемон епископ Хирты, согласен я с тем, что написано выше, и приложил руку и припечатал» — **Ⲛⲉⲙⲟⲛ ⲉⲓⲥⲓⲙⲟⲛ ⲉⲓⲥⲓⲙⲟⲛ ⲉⲓⲥⲓⲙⲟⲛ**. Епископ Илия хиртский подписался под постановлением собора мар Бабая 497 г., где его подпись девятая по счету. Он приложил также свою печать (**ⲉⲓⲥⲓⲙⲟⲛ**).⁵⁴ В заголовке его имя упомянуто, но во вторичном перечислении оно пропущено по ошибке переписчика.⁵⁵

Деяния собора Барсаумы 484 г. не были включены в сборник постановлений несторианских соборов, так как в Бет Лапате тогда собрались лишь несколько епископов, недовольных патриархом Бабоваем, который вскоре был приговорен правительством сасанидов к смерти. С патриархом Акакием, сменившим его, Барсаума примирился. Он обратился с четырьмя письмами к клирикам Ирана; в первом из них, в заголовке, упомянут в числе прочих епископов Симеон, тогдашний епископ Хирты.⁵⁶ В основном это письмо содержит признание Барсаумы католикоса Акакия. Во втором письме, обращенном к католикосу, епископ Нисибии сообщает подробности военных действий между Византией и Ираном и просит не ждать ни его, ни других епископов на созываемый Акакием собор, так как в стране голод и засуха.⁵⁷ Барсаума даже предлагает отложить этот собор на время после возвращения католикоса из посольства в Константинополь. Акакий в годы 485—487 был действительно направлен к императору Зенону Балашем,⁵⁸ который в некоторых источниках ошибочно назван Перозом.

Третье письмо содержит покаяние Барсаума, его отказ от постановлений, принятых в Бет Лапате, жалобы на беспокойное состояние Нисибина, жители которого находятся в волнении. Он повторяет эти жалобы и в четвертом письме.⁵⁹ Его переписка интересна, так как она показывает, насколько сложно было положение христианского клира в Иране и у арабов. Несториане вынуждены были ладить с шаханшахом, и в то же время без поддержки Византии христианство, в любом своем исповедании, обойтись не могло. Второе письмо Барсаумы (см. выше, стр. 65) показывает, насколько большое значение в ромейском и персидском войсках имели арабские отряды, что осложняло как общее политическое положение, так и положение

христиан-арабов, поставленных в необходимость воевать со своими единоверцами, у которых они искали и не раз получали помощь.

Хирта была центром, в котором сходились нити, тянувшиеся из разных пунктов Ближнего Востока. В лагере лахмида Мундара в январе 524 г. обсуждались меры для прекращения гонений на христиан в Химьяре, которые были подняты царем Масруком Зу Нувасом, принявшим государство.⁶⁰

Представители различных течений в христианстве принимали живое участие и проявляли беспокойство о судьбе своих единоверцев в Йемене. Послание Симеона Бетаршамского, ревностного монофизита, живо описывает все происходившее в ставке лахмидов, где он был известным человеком. Свое учение Симеон проповедовал и в Хирге, так как он доходил до «лагеря арабов дома Нааманова»; он часто его посещал и обратил большое число арабов, а «знатных» уговорил построить там христианскую церковь.⁶¹ Деятельность Симеона в Иране, особенно в Ктесифоне, была успешна и потому вызвала недовольство несториан, с которыми он вел неустанные словесные сражения. По подозрению в действиях, направленных в пользу Византии, он оказался в числе брошенных в темницу по распоряжению шаханшаха. Но за Симеона ходатайствовал посол эфиопского царя — **ܘܘܪܝܢܐ ܕܡܪܝܢܐ**, который также был «правоверным», т. е. сторонником монофизитства, и Симеон был отпущен. Симеон в 539—540 гг. жил в Константинополе, где монофизиты находили поддержку у царицы Феодоры.⁶²

Выше было уже упомянуто, что в Хирте монофизиты имели сторонников. Во время патриаршества Шилы (505—522 гг.) монофизиты нашли поддержку в Хирте, вопреки католику, требование которого было оставлено без внимания. Только вмешательство императора Юстина заставило монофизитов скрыться или бежать из Хирты.⁶³

В обращении в христианство арабских племен, кочевавших в Междуречье (Джезирта, Гезирта), большую роль сыграл Ахудеммех, который стал в 559 г. митрополитом яковитов. Он был просветителем кочевников и организатором их христианской жизни. Выражения, в которых говорит об этом его пространное Житие, цитируемое многими сирийскими хронистами, дают возможность и в этом случае уловить такие черты социального строя арабов, которые отмечались выше на основании других источников.

Ахудеммех родился в Баладе, области Бет Арабайе, пограничной с Византией провинции Ирана, значительную часть населения которой составляли арабы, что и дало ей соответствующее название. Балад, современный Эски-Мосул, находится на берегу Тигра в 30—40 километрах (в 6 парасангах)⁶⁴ от Мосула. Родители Ахудеммеха не были ни монофизитами, ни язычниками. Слова **ܘܘܪܝܢܐ ܕܡܪܝܢܐ ܕܠܗ ܘܘܪܝܢܐ ܕܡܪܝܢܐ ܕܠܗ ܘܘܪܝܢܐ ܕܡܪܝܢܐ ܕܠܗ** — «он был сыном неверующих людей»⁶⁵ следует понимать именно в этом смысле, так как для монофизитов такими были и несториане, и православные. Судя по тому, что далее в Житии говорится, что он отказался от признания «двух природ после единения», надо думать, что его родители придерживались несторианства, тогда как он склонился к монофизитам, имевшим ярких представителей своей доктрины. Он был поставлен знаменитым Иаковом Барадеем епископом, а затем митрополитом области Бет Арабайи.⁶⁶ Деятельность Ахудеммеха как просветителя рисуется в Житии очень трудной, так как кочевые горные племена находились в состоянии варварства. «Многие народы имеются между Тигром и Евфратом, в этой области, называемой Гезирта (Джезирта), они живут в ней в палатках — **ܘܘܪܝܢܐ ܕܡܪܝܢܐ ܕܠܗ ܘܘܪܝܢܐ ܕܡܪܝܢܐ ܕܠܗ**, они были варварами и убийцами, у них было множество вер [суеверий] и были они самые темные из всех народов земли, пока не просветил их свет Христов».⁶⁷ Желание проповедовать этим народам у героя Жития было давно, но он опасался, так как «видел, что они злы, что их язык труден, что они варвары и убийцы».⁶⁸ Большие трудности представляли и природные условия: ему надо было терпеть холод, жару и преодолевать всякие другие препятствия. Следует отметить, что, несмотря на близость корней сирийского и арабского языков, биограф епископа жалуется на трудность для него арабского языка. Ахудеммех «посещал каждый, каждый их лагерь» — **ܘܘܪܝܢܐ ܕܡܪܝܢܐ ܕܠܗ ܘܘܪܝܢܐ ܕܡܪܝܢܐ ܕܠܗ**. «Лагерь», или «стоянка» **ܘܘܪܝܢܐ ܕܡܪܝܢܐ ܕܠܗ**, — говорит о том, что он объезжал становища кочевников, а не оседлое население. Он не только проповедовал и обращал, но стремился организовать клирическую жизнь новообращенных, он «собрал и привел священников из многих областей, мягкими словами и дарами он убедил и обласкал их с тем, чтобы в каждом роде (**ܘܘܪܝܢܐ ܕܡܪܝܢܐ ܕܠܗ** или племени) поставить одного священника и дьякона, он установил и дал имена церквам по именам глав (шейхов) их родов (**ܘܘܪܝܢܐ ܕܡܪܝܢܐ ܕܠܗ ܘܘܪܝܢܐ ܕܡܪܝܢܐ ܕܠܗ**), для того чтобы они помогали во всяком деле и вещи, требуемой им».⁶⁹ Таким образом, Ахудеммех

«умаслил», как буквально говорит текст, верхушку, шейхов родо-племенной организации арабов, стремясь их заинтересовать и заставить помогать устраиваемым им церквям, связываемым и самым именем с этими шейхами. Это должно было льстить их самолюбию. Биограф ставит своему герою и другое в заслугу, а именно, что он как истинный пастырь «сам покупал» (ܩܘܝܐ), на свои деньги, все необходимое для этих церквей, что также имело большое значение.

Так как деятельность Ахудеммеха протекала в областях Ирана, то о нем не могло не быть известно двору шаханшаха. Известно, что Хосров Анушерван интересовался религиозными течениями в своей державе; о том, что при его дворе устраивались диспуты, известно из нескольких источников.⁷⁰ Словесная борьба между несторианами и монофизитами, в которой принял самое активное участие Ахудеммех, закончилась, если верить Иоанну Ефесскому, победой монофизитов. Во всяком случае, и им было позволено строить свои церкви и монастыри.⁷¹ Так, близ Тагрита им был построен монастырь, называемый Гаатани.⁷² Но Ахудеммех все же прогневал шаха тем, что окрестил его сына. За это митрополит и несколько его учеников были схвачены, их погнали в столицу, в тюрьму. Здесь он промучился два года, но в какой-то момент шахом было дано разрешение пускать к нему беспрепятственно христиан. В том же Житии рассказывается, что арабы, которых он окрестил, решили его выкупить у шаханшаха, они обещали дать золота в количестве, в три раза превышающем его вес, или «если он [шах] потребует двадцать мужей из нас, чтобы убить вместо тебя».⁷³ Но Ахудеммех их «утешал» и твердо отказался от такого рода возможности, считая, что страдание, выпавшее ему на долю, следует ему и перенести, а что они, арабы, найдут еще поддержку. Во всяком случае, преданность их в этом случае была поразительна.

Большой интерес представляет утверждение, что арабы «были усердны и горячи в вере православной (монофизитстве). И всякий раз, когда гнали святую церковь или она преследуема была врагами, они подставляли свою спину за церковь Христову, особенно племена избранные и многочисленные — акулайе, танухайе и туайе».⁷⁴

Действительно, на примере царей из рода гасанидов видно, какую роль арабы играли в жизни монофизитов, когда они брали на себя обязанность защищать «восточных отцов» против тенденций Константинополя. Замечательно, что названы определенные племена, среди которых было распространено христианство. Акулайе — племя, располагавшееся вокруг Куфы или Акулы, на юг от Хиллеха.⁷⁵ Танух — главное ядро лахмидских племен, которые группировались вокруг двух городов — Хирты и Анбара. Танухиты упоминаются в Ауам al-arab, где им посвящены многие строфы, они являются героями ряда сражений. Что касается туайе, то это племя упомянуто во втором послании Барсаумы в качестве подчиненных персам — **ܩܘܝܐ ܕܩܘܝܐ** — и в числе военной кавалерии Ирана. Называя 400 всадников этого племени, текст письма не дает основания считать, что это было все войско туайе целиком.⁷⁶ Эти же племена принадлежали к пастве Георгия монофизитского, «епископа арабов» (ум. в 724 г.); одно из его писем озаглавлено как епископа «танухитов, туитов и акулитов».⁷⁷

Реформатор сирийского монашества Авраам Кашкарский (491/2—586 гг.) начал свое служение в областях Хирты. Он посетил затем монахов Скитской пустыни, Синайского полуострова и паломничал по святым местам. Вернувшись на Восток, он основал знаменитый монастырь на горе Изале.⁷⁸

Нерсес, епископ Хирты, был избран патриархом несториан в 523 г., но часть епископов высказалась за другого кандидата, Елисея, зятя умершего патриарха Шилы. Возникли споры. Нерсес умер около 535 г., но после него утвердили не Елисея, а избрали патриархом несториан Павла, служившего в Селевкии архидиаконом и получившего поддержку Хосрова Анушарвина.⁷⁹

Знаменитый несторианский патриарх мар Аба, Патрикий греческих источников, в прошлом зороастриец, перс по происхождению, находясь в Ктесифоне, незадолго до своей смерти, последовавшей 29 февраля 552 г. (863 г. селевкидов), усиленно проповедовал свои воззрения. «Он отвратил от ереси многих, которые посещали его, тех, что прибыли с царем арабским, чтобы почтить царя царей».⁸⁰ Мар Аба, авторитет которого стоял так высоко для Козьмы Индикоплова,⁸¹ убежденный несторианин, стремился искоренить монофизитство среди приближенных лахмидского царя, прибывшего с ним ко двору шаханшаха. Успех деятельности патриарха, его известность повышали значение тех, кто был с ним связан. Останки мар Абы были перевезены в Хирту, где «его похоронили, а на его могиле построили монастырь, который существует до сих пор», пишет анонимная несторианская хроника.⁸² В своем завещании мар Аба велел похоронить себя в Хирте. Та же хроника считает, что он принял крещение в столице ара-

бов. Это утверждение, которое повторяют и другие арабские источники,⁸³ находится в противоречии с тем, что житие называет местом крещения мар Абы, — «селение Акед» **ܐܩܝܕܐ**.⁸⁴ Деятельность несторианского патриарха оставила глубокий след не только в истории сирийской церкви, но и в христианской среде арабов.

Несмотря на все эти сведения о наличии христианских церквей в Хирте, об иерархах, которые там бывали и проповедовали, несмотря даже на то, что жены лахмидских царей были христианками и часть родов, входивших в состав союза племен, объединенных этими царями, исповедовали эту веру, сами лахмиды оставались язычниками. Их жестокие нравы, человеческие жертвоприношения, «варварские обычаи» подтверждаются всеми источниками.

После побед Хосрова Парвиза, который пожертвовал кресты, захваченные им в Византии, церквам и проявивший как победитель известное снисхождение, положение христианства в Иране было значительно облегчено. Такое улучшение не замедлило сказаться и на отношениях к христианам союзных им арабов.

«Тогда же и Нааман, филарх враждебных скинитов — τὸν ἐχθρὸν Σκηνήτων φύλαρχος, проклятый и нечестивый язычник, который и людей закапал собственноручно своим демонам, приняв святое крещение, расплавил на огне всю золотую массу Афродиты (τὴν ὄντως ὕλην χρυσὴν Ἀφροδίτην ἡορί τήξας), роздал бедным И привел к богу всех окружавших его».⁸⁵ Его крестил Симеон, епископ Хирты. О событиях в Хирте, связанных с этим фактом, повествует анонимная сирийская хроника: «Ввиду того что Хосров имел большую ненависть к Ишоюбу, главе христиан, за то, что тот не отправился с ним к ромеям, а также из-за клеветы Тимофея, архиатроса нисибийского, Ишоюб весьма остерегался царя. Спустя немного времени католикос отправился в Хирту арабскую, чтобы повидать Наамана, царя арабского, который крестился и стал христианином. Когда он был близ Хирты, он захворал и умер в селении, называемом Бет Кушай. Об этом услышала Хинд, сестра Наамана, она вышла со священниками и верующими Хирты, с великим торжеством привезла тело святого, и положила его Хинд в новом монастыре, который она построила».⁸⁶ Несторианский патриарх Ишоюб умер в 594/5 г. близ Хирты, куда он бежал, опасаясь гнева Хосрова, и был там похоронен сестрой Наамана — Хинд младшей. Нааман крестился незадолго до этого. Монофизиты приписывают себе обращение царя лахмидов в христианство,⁸⁷ что лишний раз указывает на то, что эти два течения соперничали между собою на Ближнем Востоке.

Христианство среди «персидских» арабов, как и в сиро-финикийских областях, распространяли главным образом сирийцы. С монофизитством их сближало то, что византийские арабы, близкие им по языку и образу жизни, были оплотом этого вероисповедания. Клирики, поставленные Севером Антиохийским и Иаковом Барадеем, были активными проповедниками, а лахмидское и химьяритское царства представляли широкое поле для их деятельности.

С несторианами арабов, тяготевших к Ирану, сближало именно то, что это христианское вероисповедание было допущено, могло, хотя и с большими затруднениями, существовать в стране, где зороастризм был господствующей, государственной религией. Распространение несторианства среди арабов сближало их с иранскими подданными — христианами, представляя по этой причине меньшую опасность, чем сближение с православием и монофизитством, исповеданиями враждебных Ирану ромеев или ромейских арабов. И в этом случае нельзя говорить о широком распространении христианства среди арабов, оно было принято отдельными семьями, родами, причем следует отметить, что царский род киндитов, породившись с лахмидами, сохранил верность христианству. Хинд была царицей, она построила церковь в Хирте, окрестила сына, о чем говорится в надписи на стене этой церкви. Женщины и в арабской среде вносили смягчение нравов и новую религию, которую они исповедовали.

В основной массе арабские племена лахмидского царства оставались языческими, но при этом следует отметить, что монотеистические идеи в какой-то мере не были им чужды. Общность языка, единство народности, родство отдельных арабских племен между собой, единобожие постепенно осознавались, и объединение мусульманами арабских племен нашло живой отклик в широких кругах, у многочисленных племен арабов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы пришли к концу нашего исследования, посвященного истории северных арабских племен в период до возникновения ислама. Впервые история северных арабских племен рассмотрена в целом, в их взаимной связи, в войне и в мире. Впервые отношения союзов арабских

племен с Византией, Ираном, Химьяром были изучены в их последовательности, в зависимости от общей экономической и политической жизни Ближнего Востока. Для сравнительного и параллельного их изучения были не только вновь пересмотрены все источники, но и привлечены многие совершенно новые, до того не введенные в научный оборот документы. Это были сабейские и химьяритские эпиграфические памятники, сирийские и греческие хроники и исторические сочинения, арабские христианские и мусульманские летописи, греческие надписи, документы сирийских соборов, арабские стихотворения, греческие и сирийские жития и церковные истории.

Тщательный сравнительный анализ всех источников вместе позволил выделить и установить основные нити развития обществ и хронологическую последовательность событий.

Вместо разрозненных фактов, эпизодов из жизни отдельных княжеств для нас оказалось возможным воспроизвести общую историю северных арабских племен, показать, как постепенно происходили изменения в их отношениях с державами-гегемонами, как возникали, распадались их объединения, как ими делались попытки утвердиться у персидских и византийских границ. Существенным является и выявление культурного воздействия держав на их кочевых и полукочевых соседей.

Новые источники позволили нам установить закономерное развитие обществ арабов, определить формы и уровень их социального развития, сделать новые выводы общего характера. Так называемой магометанской революции предшествовали глубокие социальные сдвиги в обеих великих державах Передней Азии, имевшие место между III в., веком кризиса рабовладельческой формации во всем Средиземноморском бассейне, и VII в., веком победоносного наступления арабов. Политическая и военная история этого времени пестра событиями, в которых постоянно участвуют племена и союзы племен арабов, втянутые в войны за экономические интересы держав. Социальные и экономические процессы в государствах-гегемонах Ближнего Востока завершились установлением новых, более прогрессивных по сравнению с рабовладельческими форм феодальной эксплуатации. Ранне-феодальный характер общественного строя Византии и Ирана во многом обусловил формы, сложившиеся в халифате, занявшем территории этих держав.

Значительную роль в века, непосредственно предшествующие арабским завоеваниям, сыграло нарушение живого обмена, существовавшего с незапамятных времен между народами Южной Аравии и Передней Азии, а также нарушение обычных связей между Дальним и Средним Востоком и бассейном Средиземного моря. Важнейшей причиной вражды между Ираном и Византией были вопросы о границах и торговых путях, на которых они неизбежно встречали кочевые и полукочевые арабские племена. Сведения источников позволили нам с достоверностью определить заинтересованность арабов в обмене, непосредственное их участие в провозе, доставке товаров, в самой торговле. Это справедливо как для «пути ароматов», пролежавшего вдоль всего Аравийского полуострова, колыбели «сынов Исмаила», так и для восточной части «шелковой дороги» от областей за Тигром до сирийского побережья. Втянутым в общие политические события оказалось и африканское побережье Красного моря, находившееся в руках византийско-химьяро-эфиопской коалиции. Арабы-киндиты пытались удержать ключевые позиции в северной прибрежной части моря. Активность рода Алкиль ал-Мурара на больших пространствах Передней Азии явилась как бы пробой сил арабов, учетом их возможностей в сложной международной обстановке.

Северные арабские объединения, разобщенные, часто враждебные друг другу, составляли союзы племен и со своей военной организацией были желанными союзниками для больших, мощных держав. Сохраняя племенное и родовое деление в войске, арабы оставались верными примитивному, построенному на общинном принципе, в основе своей демократическому устройству, в котором, однако, явно произошло уже выделение больших семей, родоплеменной знати, составлявшей господствующий слой. Горизонтальное деление намечало возможности классообразования, усиление процесса социального расслоения — нового этапа развития общества. Полукочевое состояние союзов племен арабов способствовало их подвижности, увеличивало их военную силу, боеготовность, но оно же осложняло образование и развитие тех форм государственности, которые были известны и привычны древним, давно сложившимся государствам оседлых народов.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПЕРЕВОДЫ ИЗ СИРИЙСКИХ ИСТОЧНИКОВ

ИЗ «ИСТОРИИ» ИОАННА ЕФЕССКОГО

(Ioannis Ephesini Historiae ecclesiasticae pars tertia edidit E. W. Brooks. CSCO. Scriptores syri, series tertia, t. III. Parisiis, 1935)

КНИГА ТРЕТЬЯ

Глава сороковая

О Мундаре бар Харит и обвинениях против него

Когда на востоке войсками командовал комит Маврикий, он сговорился с Мундаром, царем арабским, что они вместе перейдут в пределы персидские. После того как они продвигались в течение нескольких дней и достигли [места] против Бет Арамае, где находится город царя персов, они нашли перед собою сломанный мост, так как [персы] предполагали, что они переправятся и осадят столицу. Тогда [Маврикий и Мундар] поссорились между собою, так как Маврикий полагал относительно Мундара, что это он послал к персам предупредить их, и они разрушили мост. И затем, когда вражда и ссора завязалась между ними, они возвратились, ничего не сделав. С того времени они начали писать императору Тиверию друг на друга. Император всячески старался их примирить, но так как он этого не смог сделать, то Маврикий отправился к императору и оговорил его [Мундара] зло и тяжко. Император принял его [слова] и сильно разгневался на Мундара и стал помышлять, как его обмануть и сделать так, чтобы его схватили и доставили в столицу. Тогда Магн, сириец, куратор, так как он был другом Мундара и его патроном и [Мундар] надеялся на него, что он защитит его перед императором, желая понравиться императору, сказал ему: «Если ты прикажешь, я доставлю тебе его связанным». Император обрадовался и послал [Магна]. Получив приказ, он отправился на восток, в селение, называемое Хеварин (ܚܘܘܪܝܢ), которое он устроил, как город, окружив его стеной и построив в нем храм. Он отправился под предлогом его освящения и взял с собою и патриарха антиохийского, чтобы еще более ввести в заблуждение Мундара относительно своего приезда. Затем с хитростью он послал (сказать) Мундару: «Так как я пришел для освящения этого храма и у меня был тяжелый путь, то не я приду почтить тебя, но так как я желаю осведомиться о твоём здоровье, я прошу тебя тотчас придти ко мне, не беря с собою большого войска. Я прошу тебя, чтобы ты пробыл у меня несколько дней и мы отдохнули вместе. Но не делай больших дорожных расходов с большим войском, но приходи с немногим».

Глава сорок первая

о приезде Мундара к Магну, его захвате и о прочем

Когда Мундар получил от Магна это приглашение, он обрадовался и тотчас, без промедления, доверчиво, как к любимому другу, отправился к нему без большого войска. А тот, чтобы не было открыто его злое предательство, принял его радостно, приказал устроить пиршество и сказал: «Отпусти тех, кто пришли с тобою». Мундар сказал ему: «Вот, как ты приказал, я не пришел с большим войском, но когда я буду возвращаться, я не могу ехать без войска, хотя бы и малого». Магн сказал ему: «Отпусти их, а когда ты поедешь, я пошлю за ними, и они придут». Но Мундар был мужем большого опыта, ему это дело не понравилось, и он начал бояться. Он послал к своим воинам, чтобы они немного отделились и ждали его. Когда они были отпущены, Магн приказал войску, которое было с ним, тайно приблизиться, а также и дуксу, которому было приказано быть при Магне. Затем в вечернее время он начал говорить ему [Мундару]: «Господин патрикий, тебя оговорили перед царем, и он приказал тебе придти к нему, защититься и убедить его, что неправда то, что возведено на тебя». Тогда Мундар ответил ему, говоря: «После всех этих моих трудов я не думаю, чтобы было правильно возводить на меня обвинения. Хотя я и слуга (раб — ܥܒܕ) императора, но нельзя требовать, чтобы я пришел; особенно в это время я не могу покинуть мой лагерь (мою хирту), чтобы не пришли персидские арабы, не полонили жен и детей и не захватили все, что я имею». В это время показались ромейское войско, которое было вооружено. Разгневался на него Магн и сказал: «Если ты

не пойдешь по своей воле, я наброшу на тебя цепи, посажу тебя на осла и так я отправлю тебя». Тогда ему стала ясна его хитрость, и он увидел, что он лишился своего войска. [А Магн] схватил его и отдал ромейскому войску, чтобы они его стерегли. Так он был унижен и потоптан, как лев пустыни, загнанный в клетку. Когда его войско это узнало, оно окружило лагерь и приготовилось поджечь его; но когда они [арабы] увидели, что ромеи появились и приготовились к битве, они удалились. Его же окружили ромеи, повлекли его, повели с многочисленной стражей и привели его в столицу. Когда он прибыл, император приказал, чтобы он жил там, где жил прежде, и положил ему и тем, что были с ним, содержание (כֶּסֶף, ἀνάλωμα). И так он оставался, не будучи принятым [императором]. При нем были одна его жена, двое сыновей и одна дочь.

Глава сорок вторая

о четырех сыновьях Мундара и о том, что они сделали

Четыре сына Мундара, особенно же старший, по имени Нааман, муж мудрый, и боеспособный более Мундара, собрали свои войска и напали на лагерь Магна, который также отправился к императору. Без того, чтобы брать в плен и убивать людей или жечь, они ограбили и забрали все — золото и серебро, медь и железо, всю одежду из шерсти и полотна, зерно, вино и масло. Они захватили все стада скота всякого рода, которые попали в их руки, всех волов, стада баранов и коз. Надвинулись войска арабов и ограбили все деревни Аравии (אֲרָבָה) и Сирии (סִינַיִת), бесчисленное множество имущества и добычи. Они удалились в глубь пустыни, разбили там большой лагерь (סִינַיִת) и делили добычу, будучи бдительными, готовыми к битве и оберегаясь со всех сторон. И вновь они выходили, грабили, обирали и уходили в пустыню, так что в страхе перед ними была вся восточная область до моря. [люди] бежали в города и не осмеливались появляться перед ними. Когда же начальники области (סִינַיִת אֲרָבָה) и главнокомандующие (אֲדָמָה סִינַיִת) послали к ним [сказать]: «Для чего вы все это делаете?» — послали и они [сказать]: «Зачем император взял в плен нашего отца, после всех этих трудов, побед, подвигов, которыми он за него потрудился и был удручен? Он прекратил нам анноны (выдачу аннон — אֲנֹנוֹת), и нам нечем было жить, и поэтому мы были вынуждены так поступить, но мы не убивали и не жгли». Наконец, они отправились на город Бостру, обложили его и сказали [жителям]: «Отдайте нам оружие нашего отца и прочее из его царских вещей, которые у вас. Если же вы этого не сделаете, то мы вырвем, сожжем и убьем все, что мы сможем в вашем городе и во всей вашей области (אֲרָבָה סִינַיִת)». Когда услышал это дукс (אֲדָמָה), который был мужем именитым и осведомленным, он разгневался, собрал все войско и выступил, презрев их, как арабов. [Последние] построились против него, превзошли его и убили его и многих из его войска. Когда жители города увидели то, что они наделали, они послали им [сказать]: «Прекратите [действовать] мечом. Ваше мы отдаем вам, примите с миром». Так они вынесли им вещи их отца. Они взяли их и возвратились в пустыню, в свой лагерь. Что касается грабежа и разбоя, то они не оставляли их в течение долгого времени.

Глава сорок третья

о вторичном приезде Магна и о смерти, которая его там постигла и прекратила его хитрости и злодеяния

Когда Тиверий услышал относительно сыновей Мундара, он весьма разгневался и снова обратно послал Магна, чтобы тот сделал брата Мундара царем арабов вместо него, а сыновей Мундара, если может, хитростью или обманом, в восстании или в бою подчинил и захватил. Также было приказано судьям городов и дуксам с большим войском идти с ним. Таким образом, он отправился с большим торжеством и сначала поставил брата Мундара царем. . . который через двадцать дней умер и затем...

[Здесь текст обрывается, отсутствуют конец третьей и начало четвертой книги].

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

[Первые главы книги не сохранились, из конца 5-й главы известно, что священник Лонгин, «сослуживший» патриарху монофизитов Феодосию, когда он стал старцем, был поставлен епископом Нубии, о чем «рассказано для памяти» в последующих главах «Истории»].

Глава шестая

О варварском народе нобадос, обращенном в христианство, и о причинах его обращения

В синоде папы Феодосия был один старец, прекрасный священник, по имени Юлиан: охваченный духовной ревностью по поводу заблуждений народа, который находился на границе восточной Фиваиды в Египте, не был подчинен государству ромеев и даже получал мзду, с тем чтобы не вторгаться и не брать в полон в Египте. Заботясь об этом народе, блаженный Юлиан явился и сообщил покойной царице Феодоре, чтобы вызвать ее усердие к обращению этого народа. Царица горела ревностью Божией, она приняла с радостью и обещала, что будет сделано все, чтобы отвратить этот народ от заблуждения почитания идолов. Об этой радости она известила победоносного императора Юстиниана и обещала позаботиться, чтобы блаженный Юлиан был туда послан. Император же не обрадовался, когда узнал, что этого противника собора (Халкедонского) стремятся послать туда, предполагая написать своим епископам в Фиваиду, чтобы они отправились поучать их и установили там имя (значение) собора. И у него была ревность, он поспешно вперед направил туда посланцев с золотом, крещальными ризами и подношениями царю этого народа, и с писаниями дуксу Фиваиды, чтобы он позаботился о его посланце и отправил его к тому народу.

Когда об этом узнала царица, и она тотчас с хитростью составила письма к дуксу Фиваиды и послала магистриана. «Так как я и император решили направить посла к народу набадеев, то вот я и посылаю благого мужа, по имени Юлиан, и я желаю, чтобы этот мой до того [посланного] императором прибыл к этому народу. Да будет тебе известно, если ты сделаешь так, что тот прибудет туда раньше моего, и ты не удержишь его под предлогами [разными], пока не прибудет мой благой [посланец] и не будет отправлен и не достигнет [нобадов], то не будет тебе жизни. Я пошлю туда и тотчас снимут твою голову».

После того как получил это дукс Фиваиды, прибыл к нему посол императора, он удерживал его, говоря: «Подожди, посмотрим, чтобы мы приготовили тебе [вьючных] животных, чтобы мы приготовили людей, знающих пустыню, тогда ты сможешь отправиться». Так он удерживал его, пока не прибыли посланцы благочестивой царицы, которые нашли приготовленными животных и людей. В тот же день как бы насильно они захватили животных и отправились первые.

[Дукс] послал сказать императорскому [послу]: «Да будет тебе известно, что я приготовил тебе и хотел послать к тебе, [но] прибыли посланцы царицы, напали на меня силой, захватили животных, отправились и уехали. Страх перед царицей хорошо мне известен, поэтому я не посмел противиться им. Но подожди еще, пока я вновь не приготовлю тебе, и ты отправишься с миром». Когда тот это узнал, он разорвал его одежды, унижал [его] всячески и ругался.

Через несколько времени выехал и он, отправился наконец, не зная об обмане, который был.

Глава седьмая

О прибытии блаженного Юлиана и бывших с ним в землю Нобадос, о том, как они были приняты, и о прочем, что с помощью божией они там совершили

Когда блаженный Юлиан и бывшие с ним посланцы достигли страны, они послали к царю и его знатым и известили их. Навстречу им выслали войска, приняли их с радостью, доставили их в свою страну к своему царю, и он принял их обрадованно. (Юлиан) отдал писания царицы, прочитал и сообщил их содержание, они приняли также богатые подношения, многочисленные одежды крещения, все приготовленное.

Тотчас они предались восторгу, отверглись от всех заблуждений своих отцов, исповедали Бога христиан, говоря: «Есть один Бог истинный и нет другого вне его». Он учил их многому, обучил, и они узнали; он сообщил им и следующее. «Так как между христианами относительно веры произошло некое разногласие, поэтому и блаженный Феодосий, когда его просили принять [постановления собора], отказался, и император лишил его престола, царица же

приняла его и радовалась ему, потому что он стал за правую веру и за это был лишен престола. Поэтому она послала нас к вам, чтобы вы следовали за папой Феодосием, в его веру были крещены и его правду хранили. Послал также к вам послов и император, вот они придут после нас». Они учили их, как их принять и какой дать ответ. Когда все это было условлено, тогда прибыл посол императора, вошел и представил их царю письма и подарки. Они также сообщили, как им было приказано говорить, сказав: «Нас послал к вам наш император ромеев, если вы станете христианами, вы присоединитесь к церкви и к тем, кто ее поддерживает, а не будете блуждать с теми, которые изгнаны из церкви».

Когда услышал это царь Нобадоса со своими знатными, он ответил им, говоря: «Мы принимаем подарки императора ромеев и мы пошлем ему подарок, веру же его мы не принимаем. Если мы удостоились стать христианами, то мы пойдем за папой Феодосием, который не захотел принять ее из-за зловерия императора, а тот изгнал и вывел его из церкви. Мы же от язычества и заблуждений удаляемся не для того, чтобы вновь попасть в зловерие, которое не принимаем». Так отпустили послов, написав все это.

Оставался блаженный Юлиан у них на время двух лет, страдая от большой жары. Он рассказывал, что с трех часов до десяти, обнаженный и перепоясанный льняным [поясом], как все местные люди, он погружался в пещеру, полную воды, и сидел, поднимаясь из воды, только ради того, чтобы дышать. Но он был тверд, он поучал царя, его знатных и много бывшего с ним народа. Он взял с собой одного епископа из Фиваиды, старого мужа, по имени Феодор. Когда он их обучил и определил, он поставил им этого епископа, уехал от них и прибыл в Константинополь. В нашем присутствии он был с большой честью принят царицей, рассказав относительно этого большого народа удивительное и многое [много удивительного]. Из-за множества рассказов мы воздержались написать их все и использовали только немногие.

Глава восьмая

О том, что когда, покидал мир блаженный Феодосий, он вспомнил этот народ и приказал, чтобы тотчас был им послан туда епископом Лонгин, так как и Юлиан умер

В день смерти папы Феодосия он вспомнил этот народ, особенно потому, что незадолго умер и блаженный Юлиан, который их обучал, и успокоилась душой царица Феодора. Он приказал, чтобы там был блаженный Лонгин, как муж усердный и могущий совершенно обратить и утвердить их в христианстве. Тотчас после кончины папы Лонгин был поставлен епископом туда и стал готовиться к отъезду. Когда положены были его пожитки на отходящий корабль, нашлись люди, о которых написано — «зубы их, как копыя и стрелы, а язык их, как острый меч», которые пошли и сказали императору: «Да будет тебе известно, что Лонгин стал епископом и что он враг нашего дворца, положены его пожитки на корабль отходящий. Если он отправится, то так как он муж гневливый, он отправится и придет к этому народу и тотчас возбудит их к войне и полону земли ромейской. Итак, прикажи тотчас взять его». Когда узнал это император, распалился гневом и приказал схватить, снять его пожитки с корабля, так что ему было невозможно выехать. С того времени прошло три года, что его стерегли. Наконец, зная, что его стерегут и не дают уехать, он изменил свою внешность, надел на голову волосяной парик [букв. шлем], так как он был совсем лысым. Тогда, взяв двух отроков с собой, бежал, и освободил его Бог. Он отправился, прибыл и был принят в той земле торжественно, с большой радостью. Снова он всех обучал, просвещал и учил. Он учредил там церковь, установил клир, научил порядку служения и всем правилам христианским.

Когда он бежал и император узнал об этом, то страшно разгневался, приказал захватить все морские пути и стеречь (188) все дороги, написать во все области, но все явилось напрасным» Лонгин побудил царя этого народа направить посла к императору ромеев с подарками и подношениями. Он был принят, почтен при нас (в нашем присутствии) и других, он похвалил Лонгина, говоря: «Хотя мы и были христианами по имени, что такое христианство действительно (мы не знали), пока не прибыл к нам Лонгин и не обучил нас». Он много и хорошо говорил о нем, но император был недоволен и молчал.

Глава двадцать первая

О ревности и усердии Мундара бар Харита, царя арабов

Ибо и Мундар бар Харит, царь арабов, муж верующий, ревностный и усердный, в тече-

ние длительного времени настаивал и убеждал обе стороны прекратить гнев и раздоры, сойтись друг с другом, переговорить, и побеседовать друг с другом, но с ним не согласились сторонники Иакова (ܘܥܘܪܝܘܬܐ, ܕܘܥܘܪܝܘܬܐ). Павел же был согласен, вместе с Мундаром и с многими, чтобы они рассмотрели и расследовали то, что посеял между ними сатана. С давнего времени, с дней Харита, его отца, они считали старца Иакова великим мужем, а затем и Павла, так что, когда все это раздражение, споры и разделение были между ними, не согласились сторонники Иакова примириться, было разделение во всем войске арабов, многие из них были обижены, из них одни были за Павла, другие за Иакова.

Глава двадцать вторая

О том, как отправились Лонгин и Феодор, который сделался папой, в области Сирии и сторонников Павла (ܘܥܘܪܝܘܬܐ, ܕܘܥܘܪܝܘܬܐ).

Из-за того повсеместно, особенно же во всей Сирии, были споры и противоречия. Лонгин и бывшие с ним, Феодор, ставший патриархом, отправились в Египет, а оттуда в восточные области Сирии, спустились к сторонникам Павла для того, чтобы объединиться со сторонниками Иакова и, если возможно, разрешить различия и зло, разделявшее их. В то время, как Феодор остался (209) мирно в городе Тире, Лонгин отправился в Хирту дома Харита бар Габалы к Мундару бар Хариту. Когда он в своем ответе сообщил точно всю правду, усердствовал царь Мундар, чтобы собрать их, примирить, но сторонники Иакова совсем с ним не согласились.

(Далее следует подробный рассказ о клерикальных спорах между сторонниками Павла и Иакова Барадея].

КНИГА ШЕСТАЯ

третьей части эклезиастики, содержащая вкратце повествования о войнах

Оглавление шестой книги повествования о войне

Глава первая о начале этой книги.

Вторая о войне патрикия Маркиана и о том, что с ним случилось впоследствии.

Третья о причине гнева императора на Маркиана. Четвертая о том, что было написано императором Маркиану и Мундару.

Пятая о походе персидского царя и о взятии им Дары.

Шестая о пленении Апаimei и прочем.

Седьмая о двух тысячах девушек, которые утопились.

Восьмая о кратком мире, который был, и о войне Хосроя.

Девятая о войне в Каппадокии и о сожжении Мелитены.

Десятая о том, что случилось затем с ромеями в Армении.

Одиннадцатая о персидских армянах, которые предали себя ромеям.

Двенадцатая о ромейских посланцах и персидских и их переговорах.

Тринадцатая об опустошениях, которые тотчас произвели персы.

Четырнадцатая о комите Маврикии и о прочем. Пятнадцатая о том, что впоследствии было совершено Маврикием.

Шестнадцатая о Мундаре бар Харит и Маврикии. Семнадцатая об опустошении, произведенном персидским марзбаном.

Восемнадцатая о победе Мундара.

Девятнадцатая о том, что сделали с пленными в Антиохии.

Двадцатая о смерти Хосрова, царя персидского.

Двадцать первая о сожалении Хосрова, что мир был нарушен.

Двадцать вторая о сыне Хосрова, воцарившемся после него.

Двадцать третья о том, по каким причинам был нарушен мир.

Двадцать четвертая о гнусном народе, называемом аварами, и о мосте, который они построили.

Двадцать пятая о гнусном народе склавенах и об опустошениях, произведенных им.

Двадцать шестая о битве персов, бывшей у города Теллы.

Двадцать седьмая о Маврикии, бежавшем с битвы.¹ [¹ В оглавлении ошибочно говорится о бегстве Маврикия.]

Двадцать восьмая о битве, бывшей в Армении, и о победе Куриса.

Двадцать девятая об одном персидском самозванце, который выдавал себя за персидского сына.

Тридцатая о большом городе Сирмиуме царства гепидов, который силой взяли авары.

Тридцать первая о путешествии спафария Нарсеса.

Тридцать вторая о том, как, наконец, не произошло того, на что надеялись, и город Сирмиум был отдан этим варварам.

Тридцать третья о пожаре Сирмиума, бывшем после того.

Тридцать четвертая о перечислении многих битв и, наконец, о битве Маврикия и пленении Арзуна.

Тридцать пятая о другой крепости, построенной Маврикием против Софены, называемой Шамкерт.

Тридцать шестая о другой крепости, называемой Акба, которая находится на Каллате, в персидской земле.

Тридцать седьмая о персидских послах, посланных в это время к нашему императору ромеев.

Тридцать восьмая о путешествии ромейских послов для переговоров с царем персидским о мире.

Тридцать девятая о персидских послах, которые были вновь посланы к ромейскому императору.

Сороковая о многочисленных опустошениях, которые производили оба государства друг у друга в течение долгого времени.

Сорок первая об возвышении и затем падении главенства ромейских арабов.

Сорок вторая о тех из шейхов (سكيتي) арабских, которые отправились и предали себя персам.

Сорок третья об известных людях (سكيتي) из персидских марзбанов, которые были схвачены, посланы и заключены в столице.

Сорок четвертая о другой войне третьего года и победе, которую даровал Бог ромеям.

Сорок пятая о гнусном варварском народе, который по их волосам называется аварами.

Сорок шестая о том, как вышли авары и захватили богатые города и многие крепости.

Сорок седьмая о страхе и ужасе, которые были в Константинополе, когда и мы там были.

Сорок восьмая о покорении и разорении страны славян. Сорок девятая об опустошении города Анхиалоса и о его термах.

Рассказ первый

о начале этой книги

Нам не показалось неподходящим или ненужным присоединить к церковным историям краткие воспоминания о войнах, бедствиях, опустошениях и кровопролитиях, которые были в наши дни, для сведения тем, которые будут жить после нас, если будет еще существовать мир. Мы опишем и сообщим, насколько сможем и как понимаем, о том, о чем мы слышали. Вспомним также слова и поученья, полные жизни, нашего Спасителя, которые поучают нас, убеждают и свидетельствуют о последней кончине мира и о времени его пришествия, гласящие: «Смотрите, когда все это случится, знайте, что пришествие при дверях». Вот мы видим, что в наши дни все это случилось и исполнилось. Ныне справедливо ожидать страшного пришествия с великой силой и многой славой.

Рассказ второй

о войне патрикия Маркиана и о том, что с ним случилось впоследствии

Здесь следуют краткие заметки относительно того, что случилось в восточных областях. Мы начнем наше повествование со славного патрикия Маркиана, родственника императора Юстина, бывшего одним из полководцев, посланных в то время на восток. Он воспылал ревностью к христианскому государству, собрал войско, отправился и обложил город Низи-

бию, которым все еще владели персы. С великой силой осадив его, с тем чтобы захватить, он построил вокруг города вал (ملقهه), а так как с ним были и механики, то он установил на нем механизмы высоких башен и мощные оплоты. Город был в опасности, и жители с войском персидским, которое было в нем, отчаялись сохранить свою жизнь, когда увидели, что он почти взят ромеями. В то время как те, что были внутри города, были испуганы, те, что были вне его, намеревались захватить город и опустошить его. Все ромеи надеялись и готовились войти в город, но императором Юстином был послан к Маркиану некий грубый муж, по имени Акакий Архелай, для того чтобы без основательной причины отрешить Маркиана от власти, срезать с него пояс (اسلم) и выслать из восточных провинций. Прибыв, он тотчас показал приказ, в то время когда Маркиан с войском вели нападение на Низибю и надеялись, что на следующий день они войдут и возьмут город. Все войско ужаснулось и опустило руки, так как славный Маркиан усердно готовился и близко было взятие Низибии. Когда он услышал приказ, он сказал Акакию: «Вот ты видишь, в какие затруднения мы попали, чтобы взять этот город. Теперь потерпи и предоставь нам только два дня, а тогда сделаешь то, что тебе приказано. Император властен требовать, чтобы то, что он приказывает, выполнялось». Акакий же рассердился на него, бранил его и гневался, повис на нем перед всем войском, таскал его туда и сюда, бросил его, срезал с него пояс, ругая его и даже, как рассказывали, нанес ему удар. Из-за этого все войско взволновалось, и опустились руки у всех полков. Видя происходившую мерзость, проклиная, они взяли склонили стяг¹ [¹ **صندع** — τό βάνδον, σημεῖον, Banner (Sophocles, Greek Lexicon. Cambridge, 1914, p. 296).] и повернули его вспять. Затем все войска бежали, повернули обратно и удалились от города, огорченные, жалуясь на то, что случилось с их главой, мужем и добрым верующим, а также на то, что, когда они надеялись войти и взять город, им пришлось повернуть обратно, тогда как враги их не преследовали, и они стали посмешищем и презрением для ненавидящих их. Но когда персидское войско, которое было в городе, увидело распадение, внезапное обращение вспять ромеев и стяга Маркиана, они удивились, укрепились, вооружились и стали их преследовать. Они напали на пешие войска, которые остались позади, уничтожили и побили многих из них. Так они вернулись в свой город, смеясь и издеваясь над тем, что из-за них случилось с ромеями. Они тотчас написали и сообщили все своему царю, говоря: «Удалось это сделать и победить ромеев, потому что великие боги — солнце и огонь — привели к этому. Из-за приказа своего же императора они напали друг на друга, и несправедливо был отпущен Маркиан, а все остальные бежали и ушли себе прочь от нашего города».

Рассказ третий

о причинах гнева императора на Маркиана из-за Мундара, царя арабского

Для последовательности и для порядка в следовании рассказов друг за другом необходимо знать ясно и достоверно причину гнева императора Юстина сначала на Мундара бар Харит, потом из-за него на Маркиана. Неправедливо и без достаточного основания Юстин разгневался и дал приказы относительно обоих, но мы не знаем точно — на каком основании. На Мундара он разгневался по следующей причине. Перед Харитом, царем ромейских арабов, все персидские арабы находились в трепете и страхе великом; когда они узнали, что он умер, то они презрели и пренебрегли всеми его сыновьями, его знатными и его войском и полагали, что именно теперь попадет им в руки весь его лагерь. Тогда они собрались, отправились и вторглись в области семьи Харита (احمد بن حارث), где были все их стада, и забрали все табуны верблюдов. Когда об этом узнал Мундар, он очень разгневался, распалился жестоким гневом, взял всех своих братьев, сыновей, знатных, все свое войско и внезапно напал на них, когда те совершенно не ожидали, что они отважатся предстать перед ними. Они уничтожили и истребили их. Когда их царь Кабос увидел ужас опустошения, произведенного Мундаром и его войском, что они пришли, заняли господствующее положение и уничтожили почти все [его] войско, то он уехал с немногими. Они обратились в бегство и бежали ни с чем. Мундар отправился и поселился в его палатке. Он захватил весь его лагерь, имущество и все его табуны. Он схватил и связал его родственников и некоторых из знатных, а прочее уничтожил и забрал. Он отправился и разбил свою палатку в области Кабоса, в трех перегонах пути,¹ [¹ **مخيم** — латинское слово mansio — statio itineris.] там где были все стада и все имущество персидских арабов. Он оставался там долгое время. Когда пришли лазутчики² [² **مخيط** — speculator.] Кабоса и увидели палатку, разбитую в области Кабоса, они подумали, что в ней находится их царь Кабос; они доверчиво вошли и проникли в лагерь Мундара. Их схватили и убили, а самых известных из них

связали. После того как они [арабы Мундара] пробыли там известное время, сколько они пожелали сами, они вернулись оттуда с большой добычей, лошадьми, многими табунами верблюдов, оружием и прочим. Через некоторое время Кабос отправился, собрав большое войско, и послал сказать Мундару, чтобы тот принимал войну. «Вот мы придем к тебе, ибо если ты и нападаешь на нас, как разбойник, и кажется, будто бы ты нас победил, так вот теперь мы открыто идем войной на тебя». Мундар же послал им сказать: «Из-за чего вы сердитесь, я и сам приду». Он решился, приготовился и сделал дело соответственно слову. Встретив их внезапно в пустыне, когда они этого не ожидали, [арабы Мундара] напали на них, привели их в смятение, уничтожили многих и снова обратили их в бегство.

Так как и в предшествующее время, при других обстоятельствах, мы упоминали об этом, то и теперь мы сообщим о том, что произошло несправедливо и какой обман был подстроен Мундару, после большой славы и этой великой победы в двух войнах. Так как Мундар ожидал, что император его примет и похвалит, то он написал ему обо всем, что он сделал и о своей победе. После этого он еще написал ему, чтобы он послал ему золота для оплаты войска, полагая, что все они вновь соберутся против него. Когда император Юстин услышал, что он написал ему относительно того, чтобы он прислал ему золота, он рассердился, сильно разгневался, бранился, жестоко угрожал ему и задумал убить его тайно, хитростью.

Рассказ четвертый

о том, что было написано императором Маркиану и Мундару

Император Юстин, исполненный как бы неким духом противоречия, написал письмо к патрикию Маркиану, втайне надеясь, что он убьет Мундара. Он написал ему так: «Вот я написал арабу Мундару, чтобы он пришел к тебе. Смотри, чтобы он сразу пришел, сними с него голову без промедления и напиши об этом нам. Мундару же я написал, что по некоему необходимому делу я написал патрикию Маркиану, чтобы он переговорил с тобою, поэтому без промедления отправляйся к нему и переговори о деле». Всякому человеку теперь известно, как бы неким действием Божиим дело это было изменено и на приказе к Маркиану, чтобы он снял голову Мундару, было написано имя Мундара, а на том письме, что было к Мундару, было написано по ошибке имя Маркиана. Так магистриан получил оба приказа, вышел и доставил эти приказы лицам, к которым они были написаны. Так случилось, что Мундар получил приказ снять с него голову, который был обращен к Маркиану, а Маркиан получил мундаров (приказ), в котором было написано — «отправляйся к Маркиану, я написал ему, чтобы он переговорил с тобою». Когда Мундар получил приказ и прочел его, он сильно взволновался, говоря: «За мои труды и тягости за ромейскую землю я вознагражден тем, что с меня хотят снять голову. Разве я это заслужил?». Он исполнился гнева, собрал все свое войско и предложил ему быть на стороже, говоря: «Если вы увидите тех, что император ромейский послал ко мне, то если их немного, схватите их и стерегите их вне лагеря. Если же их много, то тотчас в битве противьтесь им настойчиво. Не слушайте того, что они вам будут говорить, и не давайте им приближаться к месту собрания лагеря». Так ночью и днем собравшись, стояли вооруженными все роды арабов, настороженные и готовые к бою с кем бы то ни было, кто придет к ним от ромеев. Когда об этом услышали персы и персидские арабы и узнали, что опасаться им Мундара нечего, что он не будет стараться в войне ради ромеев, которые желали его убить, то они совершенно приготовились, для того чтобы им отправиться — и персам и арабам — в ромейскую землю. Уничтожая и сжигая, они достигли пределов антиохийских, захватили много пленных, опустошили, разрушили и сожгли в антиохийской области и других много селений, таких же больших, как города. Они полонили и разрушили все эти области и возвратились в свою землю с большой добычей. Мундар же был огорчен и опечален хитростью, которая была ему подстроена, разрушением, которое произвели враги, и тем, что они обогатились в ромейской земле. Сам он взял свое войско, отправился и поселился в пустыне. Все те, которые услышали о несправедливости, которая была без основания причинена ему, были весьма недовольны, обсуждали и жаловались на то, что это было приказано без рассуждения и без справедливого суда. Когда император услышал об этом со всех сторон и узнал также, что Мундар избавил себя от всякой заботы за ромейские земли, он послал к главам (آق‌چى) и военачальникам (آق‌چى ستلده) на Востоке, чтобы они пошли к нему, убедили его и помирились с ним. Так как многие посылали к нему, желая прийти к нему, он послал сказать каждому из них: «Да будет вам известно, что всякого мужа из ромейских пределов, который придет ко мне, я встречу войной, или он убьет

меня, или я убью его. Горе мне, если когда-нибудь еще доверюсь мужу из ромейских пределов. Мою голову уберегли от вас и от вашего царя, в этом я превзошел ромеев». Так в течение двух или трех лет ему писали много просьб, но он не допускал ничего прихода, послав приказ, который показывал всем. На Маркиана же император был в гневе за то, что Мундар жив и бежал и достиг того, что открыл и выяснил декрет, а предполагаемое дело не осуществилось. Всякому человеку было ясно, что хитростью, лукавством, без богобоязненного решения был вынесен ему этот приговор. После того как царь Мундар был так разгневан, он противостоял со всем своим войском, со всей настороженностью и осторожностью, против всех знатных и войск ромейского государства в течение времени около трех лет. Как муж христианский, он был, однако, огорчен за ромейскую землю и исполнился гнева на персидских арабов за то, что они осмелились пройти с персидским войском до Антиохии, уничтожать, жечь, брать в плен и возвратиться в свою страну с большой добычей и бесчисленными пленниками. Он склонился к примирению и к борьбе за ромейское государство. Действительно, через многих знатных ему были посланы писания императора, в которых император отрицал свою вину и говорил, что без его ведома было написано о Мундаре, чтобы его умертвили. Он же остался при своей осторожности, не дал себя убедить, не принимал писаний и никого из тех, что были посланы к нему, готовый к бою против всякого, кто осмелится приблизиться к месту собрания лагеря. Наконец, он послал к патрикию Юстиниану, сыну Германа, который был главой и повелителем над всеми полководцами ромейских войск, что были на Востоке.¹ [¹ Magister militum per Orientem.] Он послал сказать ему следующее: «С самого начала я слышал и знал о коварстве ромеев, теперь же я познал на своем опыте это смертоносное коварство, которое за мои труды проявлено ко мне. Отныне я никогда не решусь доверить себя одному из ромейских глав. Тебя же как мужа христианского, благородного, богобоязненного я знаю; если ты придешь к храму блаженного мар Саргиса в Русафе и пришлешь мне сказать, то я приду туда со своим войском, вооруженным, как будто бы для войны. Если меня встретят мирно и ты мне будешь говорить правду, то мы с тобою разойдемся в мире. Если же я обнаружу коварство, то я надеюсь на Бога, в которого я верую, что он не оставит меня и не ослабит моих рук». Когда патрикий Юстиниан получил это известие, он весьма обрадовался и послал ему сказать: «Не сомневайся во мне: вот Бог христиан между нами; приходи в такой-то день к храму святого мар Саргиса, и ты найдешь меня там, твое же войско не утруждай, так как я надеюсь на Бога, что в мире, согласии и любви мы расстанемся друг с другом». Когда Мундар получил этот ответ, он изменил свое мнение, тотчас вышел с немногими и отправился к нему. Оба они встретились перед ракой с останками святого мар Саргиса. Они переговорили между собою о многом, что не входит в это писание, прося и предоставляя слово друг другу по желанию. Так доверчиво и мирно они расстались друг с другом в великой радости. Когда об этом узнал император Юстин и прочий синклит (сенат), и они обрадовались весьма, что Мундара убедили примириться. После того были [посланы] грамоты мира и примирения с обеих сторон друг другу. Сильный и мужественный царь Мундар, через немного времени исполнившись гнева на дерзость персидских арабов, пожелал возвратить и вернуть обратно добычу, которую они захватили в ромейской земле. Он тихо собрал братьев, весь свой род, сыновей и все войска, которые должны были тотчас быстро приготовиться, вооружиться, быть готовыми к походу, и на второй день все собраться к нему. Когда они собрались и были совершенно готовы, он открыл им тайну, говоря: «Теперь, когда ни один из нас не отделился и не отсутствует, все мы как один нападём на Хирту Наамана в персидских пределах. За их гордость и страшнейшую дерзость перед христианами Бог предаст их в наши руки». Затем поспешно все отправились, достигли Хирты и внезапно напали на нее, когда ее жители отдыхали и покоились в полном неведении. Они уничтожили и погубили все войско, которое там нашли, уничтожили и сожгли все, кроме церквей. Мундар разбил палатку среди Хирты и жил в ней дней пять, он схватил и связал всех, кого мог схватить из арабов. Он забрал всю добычу Хирты и всю добычу, которая была взята и увезена из ромейской земли. Все табуны и все стада верблюдов он забрал и возвратился в свою землю с большим торжеством и мощной победой. Слава и богатство особенно возрастали у него потому, что он много раздавал и дарил монастырям и церквам православным [¹ Оказывал поддержку монофизитам, к которым принадлежал автор.] и нищим. Он был весьма прославлен всеми. Два государства удивлялись и поражались могучей храбрости этого мужа и победам, которые он совершил.

Рассказ шестнадцатый

о Мундире бар Харит и о Маврикии, которые после этого снова вместе вошли в персид-

Снова Маврикий и Мундар бар Харит, царь арабский, собрали вместе свои войска и вошли в персидские земли по дороге пустынь. Они вошли и проникли в персидские земли на много перегонов (تغلبت) до [области] Бет Арамае. Когда они достигли большого моста в Бет Арамае, через который они надеялись перейти и покорить богатые города персидского царства, они нашли мост разрушенным. Когда персы узнали [что они идут], они его сломали. В этом они и их войска усмотрели для себя великое унижение, особенно ромеи. Между ними произошли споры, и они повернули обратно, не получив никакой выгоды, и с трудом, униженные, они смогли спастись, достигнув ромейских областей. Они стали писать друг на друга злые обвинения, так как Маврикий полагал относительно Мундара, что он послал весть персам, а те разрушили мост, чтобы они не могли перейти. Но это была ложь, и императору стоило больших трудов, послав глав (سلاطین), примирить их друг с другом. Наконец, Маврикий отправился к императору, но неизвестно, оговорил ли он Мундара.

Рассказ семнадцатый

о персидском марзбане, который пришел и сжег вторично области Телльскую, Эдесскую, Харранскую и прочее

Когда персы увидели, что Маврикий и Мундар пришли в их область, и заметили, что эта область лишена войск, то персидский марзбан, по имени Адармахун, с большим войском перешел в ромейские области. Он достиг областей Теллы и Решайны; он разрушил и сжег то, что осталось после первого раза, и отправился в область Эдессы, богатой провинции. Он сжег, разрушил землю и опустошил всю область Осроены. Возвращался он в свою спокойно, без страха, как будто он в своей земле прожил много дней, хотя он не оставил стоящим ни одного дома повсюду, где бы он ни проходил, издеваясь над всем ромейским войском, которое не могло удержать его. Наконец, когда Маврикий и Мундар вышли из персидской области усталые и он услышал, что они желают идти против него, он послал им [сказать], издеваясь: «Так как я слышал, что вы готовы придти ко мне, то не трудитесь приходить, вы утомлены тягостью дороги. Отдохните, а я приду к вам сам». После опустошения, грабежа и захвата, который он совершил, он брал в плен и делал все, что желал; он услышал, что они намерены идти против него, тогда он взял всю добычу и всех пленных, которых он захватил, ушел из области Эдессы и отправился в свою землю. Из двухсот тысяч ромеев, которые ели [хлеб] императора, никто его не преследовал, когда он начал уходить. Они вышли, чтобы идти против него, а так как не смогли нагнать его, сказали, что он бежал.

Рассказ восемнадцатый

о Мундаре бар Харит и победе, которую он одержал

Против Мундара бар Харит собралось все войско персидских арабов; с ними вместе готовилось и персидское войско, для того чтобы выступить и напасть на Мундара, после того как он выйдет из персидских пределов. Когда он [Мундар] узнал об этом, то, как не лишенный мужества [человек], он тотчас собрал свое войско, выслеживал их в пустыне и, разослав лазутчиков, узнавал, где и как они. Он напал на них внезапно, когда они этого не ожидали, смутил и испугал их, уничтожил и умертвил их. Некоторых из них он схватил, связал и заковал, так что лишь немногие из них бежали. Оттуда он направился на их лагерь [Хирту], уничтожил и сжег его и отправился обратно с большой добычей и многочисленными пленными, весьма прославленный.

Рассказ двадцатый

о смерти Хосрова, царя персов, о времени его царствования и о прочем

Нет ничего неподобающего в том, чтобы написать и сообщить о жизни и о смерти Хосрова, царя персов, хотя он маг и враг [нам]. Как свидетельствуют его дела, он был осторожным и мудрым и усердно в течение всей своей жизни изучал философию. Как говорят, у него была забота собирать все книги всех религий (کتابخانه). Он их читал и

все обдумывал, чтобы знать, которые из них истинные и мудрые и которые безрассудны, полны вздора и пустых басен. После того как он все прочел и рассмотрел, он хвалил больше всех книги христиан и говорил: «Эти истинные и мудрее всех религий». В этом он был весьма тверд, читал и верил их словам, а поэтому и не проявил себя ненавидящим христиан. Если маги и натравляли его на христиан, то он не поддавался этому так, чтобы отдать приказание о гонении против христиан. В наше время католикос несториан, который постоянно жил у него, принес жалобу на немногих православных ¹ [Православными Иоанн Ефесский называет монофизитов.] епископов, которые были в персидских пределах, так как все епископы во всей Персии — несториане, и среди них находится немного православных. Когда католикос возвел на них тяжкие обвинения, то царь приказал, чтобы они перед ним повели спор друг с другом о своей вере, чтобы он знал и сам рассудил, что о них и между ними говорится, понял их слова и знал, которые из них разумны. Когда пришли православные, он приказал, чтобы, как они есть, обе стороны собрались и явились к нему. И стали обе стороны перед ним, тут и там. Главой православных был епископ, святой муж по имени Ахудемех. Царь приказал, чтобы они спорили и обсудили друг с другом все, что имеют относительно своей веры. Тогда начали католикос и бывшие с ним говорить с православными; католикос высказался, начал и кончил. Затем говорили [православные]; они отразили все его слова, смутили его, а судьей взяли самого царя. Но так как многое между ними было сказано в споре и не легко это писать, мы оставим это. Царь Хосров принял и похвалил то, что было сказано православными и сказал католикосу: «Эти знают то, что они говорят, и могут постоять и оправдать свои слова, которые и мне кажутся весьма истинными, ваши же неясными, путанными и лишенными основания. А так как вы не показываете и не стоите за свои слова, и мне не кажется, что в них есть основа и правда, как в тех, которые были сказаны теми. Теперь я узнал, что вы обвинили их передо мною несправедливо и без причины. Так как я сам слышал и видел, то я приказываю, чтобы впредь вы их не обходили и не обижали». Когда он это приказал, все православные упали ниц из почтения и благодарили его, говоря: «Господин, они преследовали нас, нападали на нас, грабили нас, вырывали наши церкви и монастыри, не давая нам возносить в них молитвы и моления богу об утверждении и сохранности твоей жизни и твоего государства». Он же приказал им твердо: «Идите себе, стройте свои церкви и свои монастыри, и впредь никто не посмеет вас обижать». Они почтили его, помолились за него и возвратились восвояси с великой радостью. С большим дерзновением и без страха возвратились все православные в персидские области. Когда они получили тот приказ, они осмелились сделать большое дело через блаженного мар Иакова, епископа православных, — поставили католикоса и они, чего никогда прежде не случалось в персидской земле. С того времени и доныне избирали и ставили католикоса верующие.

ИЗ «ХРОНИКИ» ЗАХАРИИ МИТИЛЕНСКОГО

КНИГА ВОСЬМАЯ

(Historia ecclesiastica Zachariae Rhetori vulgo adscripta, edidit E. W. Brooks. CSCO. Scriptores syri, series tertia, t. VI)

Глава 5

сообщающая о трактатах, заключенных на границе, о Мундаре, царе арабов, который отправился в область Эмессы и Апамеи, захватил много пленных и забрал с собою, о епископах восточных, верующих, которые были изгнаны и бежали из своих церквей

Персидский царь Кавад настойчиво просил о выплате подати по пяти кентенариев золота, которая выплачивалась ему императором ромеев на содержание (ανάλωμα) персидского войска, сторожившего ворота перед гуннами. Поэтому он посылал от времени до времени своих арабов в ромейские земли; они опустошали и брали в плен. Также и ромеи переходили и наносили вред его земле Арзун и области Нисибии. Поэтому были [заключены] соглашения, и оба царя послали, Юстин — Ипата и старца Фарзмана, а Кавад аштабида. На границе они вели длительные переговоры, которые сообщались обоим царям их знатыми через почтовых (βερεδάριος — veredarius). Относительно мира между ними ничего не было установлено, между

ними возникла вражда. Арабский царь Мундар отправился в область Эмессы и Апамеи и в область Антиохии однажды и вторично и многих взял и увел с собою. Четыреста девушек, взятых им внезапно в плен из общины (ܩܘܡܝܢܐ) апостола Фомы в Эмесе, он принес в жертву Уззе. И Дада, монах, старый муж, полоненный из той же общины, видел это своими глазами и рассказал мне. [Стр. 77₄—78₄ опускаем].

В девятый (ܩܘܡܝܢܐ) же, в год пятый царствования этого светлейшего императора Юстиниана, в наши дни (ܩܘܡܝܢܐ), подвигнутый Богом, нашим господом, имеющим провидение о своих рабах, [император] решил должное и приказал вернуть [людей] всех званий из ссылки и из областей, куда они бежали по горячности веры. Верующих епископов он призвал к себе, чтобы они прибыли.

Это было в девятом [году], а в десятом множество гуннов пришло в ромейские области; они перебили тех, что нашли вне городов. Они перешли реку Евфрат и достигли области Антиохии. Итак, по усмотрению Божию, как сказано: «Народ мой, иди в твою горницу и спрячься, пока не пройдет гнев мой»; ¹ [1 Исаия, 26₂₀.] так собрались и верующие Востока по приказу императора. Но Иоханан, отшельник из Анастасии, муж почтенного нрава, был убит гуннами в пустыне, а Шемон отшельник, называемый рогатым, не был тронут.

КНИГА ДЕВЯТАЯ

Глава 10

о самарянах, которые восстали и поставили себе тирана в земле Палестинской

Самаряне в Палестинской земле, живущие близ города Неаполиса, недалеко от Кесарии, когда они узнали, что персы время от времени нападали и входили в пределы ромеев и предполагали, что последние слабы перед ними, то они осмелели. Так как они были рассеяны, то и из Кута, Вавилона, Авва, Хамата и Сефраваима они были посланы Салманассаром, царем ассирийским, и поселились в земле Самарийской. Они восстали, поставили во главе тирана, вошли в Неаполис, убили Мамона, бывшего там епископом, новое установили на этой земле. Желая помочь персам, из земли которых они переселились в пределы ромеев, они сожгли много храмов святых, захватили город и собирали добычу. Когда об этом узнал император, он послал хилярха Адриана, и вместе с местным дуксом они собрали ромейское войско и арабов из Арабайи. Они выступили против самарян, которые были уничтожены ромеями. Они убили тирана, захватили город и восстановили порядок первоначального управления. В нем поставили также епископа и войско охранять и держать в порядке местных жителей.

ИЗ ХРОНИКИ 1234 г.

(Chronicoti ad annum Christi 1234 pertinens edidit J. B. Chabot. CSCO. Scriptorum syri, series tertia, t. 14. Perisii, 1920, p. 213)

Итак, когда царствовал Маврикий, он послал в ссылку Мундара, Нааман же, его сын, был оклеветан, он прибыл к императору и был им принят. Поклялся ему Маврикий, что если успех будет в войне с персами, то он вернет его отца и предложил ему причаститься таинств в столице. Он отказался и сказал: «Все племена (ܩܘܡܝܢܐ) арабов яковиты, если они взволнуются (ܩܘܡܝܢܐ), они убьют меня». По этой причине он был отпущен и не принял причастия у халкедонитов.

ИЗ «ХРОНИКИ» МИХАИЛА СИРИЙЦА

(Chronique de Michel le Syrien éditée par J. B. Chabot, t. IV. Paris. 1910)

КНИГА ДЕСЯТАЯ

Глава 19

Взволновался Нааман, сын Мундара, что взяли его отца, собрал свое войско, вступил в

ромейские земли и начал грабить и забирать золото, серебро и прочее. Но он не брал в полон людей, не учинял убийств и не жег. Император приказал Магну подчинить арабов и взять сыновей Мундара. И начал Магн вынуждать Наамана, говоря ему: «Если ты придешь ко мне, вместо твоего отца (стр. 3746) я поставлю тебя». [Нааман] взял одного юношу, одел его в свои одежды и послал его с немногими. Когда Магн увидел его, он сказал ему: «Ты Нааман?». Тот сказал: «Это я и прибыл я по твоему приказанию». [Магн] приказал: «Вот восставший (αυτάρτης) против императора, наденьте на него желез[ные оковы]». Тот посмеялся и сказал: «Как ты желал обмануть, так ты обманут. Вот Христос! Я не Нааман». Магн хотел его убить, но он сказал: «Я должен был быть убитым моим царем, если бы я не пришел, или же тобою, если я прибыл. Смерть поэтому для меня слава». Поэтому после пыток его отпустили.

После этого Магн, убийца и злой человек, умер. Тогда Нааман решил про себя и отправился к Маврикианосу, кесарю. Тот принял его и поклялся ему, что если он будет сражаться с персами, отец его будет освобожден из ссылки.

Нааману было сказано, чтобы он приобщился к синодитами, но он воздержался, говоря: «Все племена арабов православные (монофизиты), если я присоединюсь к синодитами, они убьют меня». По этой причине увеличилась ненависть, и когда удалялся Нааман, он поклялся, что не увидит больше лиц ромеев добровольно. Потому, когда он был в дороге, его захватили и послали с (стр. 3756) Мундаром, его отцом, в ссылку. Царство арабов было разделено между пятнадцатью шейхами (شيوخ). Многие из них присоединились к персам. И прекратилось царство арабов-христиан по причине лукавства ромеев и кончилось. Ереси распространились среди арабов.

БИБЛИОГРАФИЯ

Болотов В. В. Лекции по истории древней церкви. СПб., I—1907, II — 1910, III — 1913, IV — 1918.

Винников И. Н. Словарь диалекта бухарских арабов. Палестинский сборник, вып. 10(73), 1962.

Глубоковский. Феодорит Кирский. 1890.

Дестунис С. Византийские историки. СПб., 1860.

Дьяконов А. П. Иоанн Эфесский и его церковно-исторические труды. СПб., 1908.

Иоанн Мосх. Луг духовный. Пер. с греч. М. И. Хитрова. Сергиева Лавра. 1896.

Кирилл Скифопольский. Житие св. Саввы Освященного. Изд. И. Помяловского. Общество любителей древней письменности, СПб., 1890, т. 96.

Крачковский И. Ю., Избранные сочинения, Изд. АН СССР, М.—Л., I — 1955, II, III — 1956, IV — 1957, V — 1958, VI — 1960.

Крымский А. Семитические языки и народы, тт. I—III. М., 1903—1911.

Кулаковский Ю. А. История Византии. Киев, I—1913, II—1912. III — 1915.

Лундин А. Г. Южная Аравия в VI в. Палестинский сборник, вып. 8 (71), М.—Л., 1961.

Манандян Я. А. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен. Изд. 2. Ереван, 1954.

Марр Н. Я. Арабское извлечение из Сирийской хроники. Зап. Вост. отд. Русск. археол. общества, т. XIV, 1902.

Машанов. Очерк быта арабов в эпоху Мухаммеда, ч. 1. Казань, 1885.

Нильсен. Южноарабская религия. Вестник древней истории, 1937, № 1.

Пигулевская Н. В. Месопотамия на рубеже V и VI вв. н. э. Сирийская хроника Иешу Сталита как исторический источник. М.—Л., 1940.

Пигулевская Н. В. Арабы VI в. по сирийским источникам. Л., 1941 (Труды 2-й сессии Ассоциации арабистов, 19—23 октября 1937 г.).

Пигулевская Н. В. Оборона городов Месопотамии. Ученые записки ЛГУ, серия исторических наук, вып. 12, 1941, стр. 52.

Пигулевская Н. В. Византия и Иран на рубеже VI и VII вв. М.—Л., 1946.

Пигулевская Н. В. Мар Аба I. Советское востоковедение, 1948, т. V, стр. 84.

Пигулевская Н. В. Византия на путях в Индию. М.—Л., 1951. Пигулевская Н. В. Города Ирана в раннем средневековье. М.—Л., 1956.

Пигулевская Н. В. Арабы у границ Византии в IV в. Палестинский сборник, 1960, вып. 5 (68).

Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР. М.—Л., 1941.

Пигулевская Н. В. Византийские историки об арабах V в. Палестинский сборник, 1962, 7 (70), стр. 91.

- Редин Е. К. Исторические памятники города Адули (в Африке) в лицевых рукописях сочинения Козьмы Индикоплова. Харьков, 1905.
- Розен В. Р. Древнеарабская поэзия и ее критика. СПб., 1872.
- Розен В. Р. [Рецензия на книгу:] Машанов. Очерк быта арабов. Записки Восточного отделения Русского археологического общества, II, 1887.
- Розов А. Христианская Нубия. Ч. I. Источники для истории христианства в Нубии. Киев, 1890.
- Созомен Эрмий. Церковная история. 1851.
- Сократ Схоластик. Церковная история. Саратов, 1912.
- Успенский Ф. И. История Византийской империи, I. СПб., 1913.
- Феодорит Кирский. История. СПб., 1852.
- Феодорит Кирский. История боголюбцев. (Пер. с греч.). СПб., 1853.
- Хвостов М. М. История восточной торговли греко-римского Египта. Казань, 1907.
- Aba, mar. (Vie de mar Aba, texte syriac). Histoire de mar labalaha et de trois autres patriarches. Ed. P. Bedjan. Paris, 1895.
- Abel O. P. L'île de lotabé. Revue biblique, 1938, 47, p. 510. *Рец.*: Analecta Bollandiana, 1939, 57, p. 415.
- Acta martyrum et sanctorum. Ed. P. Bedjan. Parisiis, I — 1890, II — 1891, III — 1892, IV — 1894, V — 1895, VI — 1896, VII — 1897.
- Acta sanctorum martyrum orientalium et occidentalium, ed. S. E. Assemanus, I, II. Roma, 1748.
- Aigrain R. Arabes-chrétiens (Arethas), Arabie. Dictionnaire d'histoire et de géographie ecclesiastiques. Paris, 1942, v. III, col. 1203, 1251.
- Altheim F. und D. Stiehl. Die Araber in der Alton Zeit, I. Berlin, 1964.
- Altheim F. und R. Stiehl. Araber und Sassaniden. Festschrift Edwin Redlob zum 60. Geburtstag, 1955, p. 204.
- Altheim F. und R. Stiehl. Finanzgeschichte der Späantike. Frankfurt am Main, 1957.
- Altheim F. Geschichte der Hunnen. Berlin, 1959, cap. 6 — «Die Araber», pp. 124—157.
- Altheim F. and R. Stiehl. New fragments of Greek philosophers. 2. Parphyry in Arabie and Syriac translations. East and West. Rome, 1962, v. 13, № 1 (March), pp. 3—15.
- Ammianus Marcellinus. Rerum gestarum libri qui supersunt. Fr. Eysenhardt. Berolini, 1871.
- L'antica societa Beduina. Studi di W. Dostal, G. Dossin, M. Höfner, J. Henninger, F. Gabrieli, raccolti da F. Gabrieli. Roma, 1959. (Studi Semitici No 2). *Рец.*: Arabica, VII, 1960, p. 321. — Bibliotheca Orientalis, XVIII, 1961, p. 187. — Orientalistische Literaturzeitung, 1961, № 5/6, col. 271.
- Arberry A. J. The Koran interpreted. V. I, Suras I—XX. London, 1955; v. II, Suras XXI—CXIV, London, 1955.
- Arberry A. J. The Seven ods. The first chapter in Arabie literature. New York, 1957.
- Assemanus I. S. Bibliotheca Orientalis Clementino-Vaticana. Roma. I — De scriptoribus syris orthodoxis, 1719; II — De scriptoribus syris monophysitis, 1721; III — 1. De scriptoribus nestorianis, 1725; III — 2, 1726.
- Barhebraeus. Chronicon ecclesiasticum. Ed. I. B. Abbeloos, T. Lamy I—II, Lowen, 1890.
- Barhebraeus. Chronicon syriacum, ed. P. Bedjan. Parisiis, 1890. Baumstark A. Geschichte der syrischen Literatur. Bonn, 1922.
- Beek G. W. van, Frankincense and Myrrh in ancient South Arabia. Journal of American Oriental Society, 1958, 78, p. 141.
- Beek G. W. van, A new interpretation of the south arabian house model. American Journal of Archeology, Princeton, 1959, 63, p. 269.
- Beeston A. F. L. Epigraphic south arabian calendars and dating. London, 1956.
- Beeston A. F. L. Abraha. Encyklopädia Islamica. New ed., p. 102.
- Beeston A. F. L. Notes on old south arabian lexicography, IV. wz' — an officer, hms-š'b-tribes. Le Muséon, 1952, 65, p. 139.
- Beeston A. F. L. Notes on the Mureighan Inscription. Bulletin of the School of Oriental and African Studies University of London, 1954, v. XVI, p. 389.
- Beeston A. F. L. Notes on Old south arabian lexicography VI. Le Muséon, 1954, 67, p. 311.
- Beeston A. F. L. Problems of sabaeen chronology. Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London, 1954, v. XVI, p. 37.
- Beeston A. F. L. Qahtan. Studies in old south arabian epigraphy. Fasc. I. The mercantile code of Qataban. London, 1959.
- Bekri, al. Die Wohnsitze und Wanderungen der arabischen Stämme. Einleitung von Wustefeld. Göttingen, 1869.
- Beladhuri, al. Kitâb futûh al-Buldân, v. I, a translation by P. K. Hitti, New York, 1916; v. II, a translation by F. C. Murgotten, New York, 1924.
- Beladsori, al. Liber expugnationis regionum, ed. M. I. De Goeje. Lugduni Batavorum, 1866.
- Ben-Zvi I. Les origines de l'établissement des tribus d'Israel en Arabie. Le Muséon, 1961, 74, p. 143.

- Birk. Dara-Anastasionolis. Der Erdball, 1929, III, p. 201.
- Blachère R. Essai sur l'histoire de la littérature en arabe classique jusqu'à la fin du XV-e siècle. Paris, 1961.
- Blachère R. Introduction au Coran. Paris, 1959.
- Blachère R. Remarques sur deux élegiaques arabes du VI s. J. Chr. Arabica, VII, 1960, p. 30.
- Blau O. Arabien im VI Jh. Zeitschr. d. Deutsch. Morgenl. Gesellschaft, 1868, Bd. 22, p. 559.
- Boneschi P. Inscriptions humiliantes de monnaies sabéennes. Rivista degli Studi Orientali, 1954, 29, p. 17.
- Boneschi P. Très tituli sabaei iterum interpretati. Rivista degli Studi Orientali, 1959, 34, pp. 27, 137.
- Boneschi P. La γλαϝξ Athénienne et l'inscription lihyanite de monnaies tenues pour sabéennes. Rivista degli Studi Orientali, 1955, 30, p. 229.
- Boodberg J. A. Theophylactus Simocatta on China. Harvard Journal of Asiatic Studies, 1938, 3, p. 223.
- Branden A., van den. Le déchiffrement des inscriptions protosinaitiques. Al-Masriq. Beyrouth, 1958, année 52, 3, p. 361.
- Branden A., van den. Essai de solution du problème thamoudéen. Bibliotheca Orientalis, 1958, № 1/2, p. 7.
- Branden A., van den. Histoire de Thamoud. Beyrouth, 1960. Branden P. A., van den. A propos d'une nouvelle chronologie sud-arabe. Al-Masriq, Beyrouth, 1959, 3, p. 378.
- Branden P. A., van den. Nouveaux textes lihyanites de Philby — Vogue. Al-Masrik, Beyrouth, 1960, I, p. 92.
- Branden A., van den. Les textes thamoudéens de Philby. Louvain, 1956. V. I — Inscriptions du sud; v. II — Inscriptions du nord. *Peu.*: Bibliotheca Orientalis, 1960, 3/4, p. 199.
- Braunlich E. Beiträge zur Gesellschaftsordnung der arabischen Beduinenstämme. Islamica, 1933, 6, H. 1—2.
- Braunlich E. Bistam ibn Qais, ein vorislamischer Beduinenfürst und Held. Leipzig, 1923.
- Brockelmann C. Geschichte der Arabischen Literatur, I—II. Weimar—Berlin, 1898—1902; Supplementbände, I—III, Leiden, 1937—1942.
- Brockelmann C. Lexicon syriacum. Halis Saxorum, 1928.
- Brünnow R. und A. Domaszewski. Die Provincia Arabia. Strassburg, I — 1904; II — 1905; III — 1909.
- Brzuski W. K. Problem powstania południowo-arabskiego alfabetu epigraficznego. Przegląd Orientalistyczny, 44, Warszawa, 1962, p. 339.
- Brzuski W. K. Note sur les thèmes à seconde radicale graphiquement redoublée en sud-arabique épigraphique. Rocznik Orientalistyczny, 25, Warszawa, 1961.
- Buckler F. W. Barbarian and Greek — and Church History. Church History, 1942, v. XI, p. 171.
- Buckler F. W. Regnum et Ecclesia. Church History, 1934, v. III, p. 38.
- Budge W. The history of rabban Bar-Idta. Syriac text, engl. transl. Luzac's Semitic Text, v. 9—10, London, 1902.
- Der Byzantiner anonymus. Griechische Kriegsschriftsteller. Ed. Köchly und Rüstow. Bd. 2, 2. Leipzig, 1855.
- Gaetani L. Annali dell'Islam. Milano, 1905—1913, I—VI.
- Canard M. Les sources arabes de l'histoire byzantine aux confins des X et XI s. Études, byzantines, 1961, t. XIX, p. 284.
- Cantineau J. Etudes de linguistique arabe. Mémorial J. Cantineau. Paris, 1960.
- Caskel W. Aijam al-Arab. Studien zur altarabischen Epik. Islamica, 1930, III, f. 5, p. 99.
- Caskel W. Das altarabische Königreich Lihjan. Krefeld, 1950.
- Caskel W. Die Bedeutung der Beduinen in der Geschichte der Araber. Arbeitsgemeinschaft für Forschung des Landes Nordrhein—Westfalen. Köln, 1953, H. 8, pp. 5—24. Discussion, pp. 25—35.
- Caskel W. Ein sonderbarer Anonymus des ersten Jahrhunderts D. H. Oriens, 1963, v. 16, p. 89.
- Caskel W. Die einheimischen Quellen zur Geschichte Nordarabiens vor dem Islam. Islamica, 1927, III, f. 3, p. 331.
- Caskel W. Entdeckungen in Arabien. Arbeitsgemeinschaft für Forschung des Landes Nordrhein—Westfalen. Köln, 1954, H. 30. *Peu.*: Orientalia, 1956, 25, p. 292.
- Caskel W. Lihyan and Lihyanisch. Arbeitsgemeinschaft für Forschung des Landes Nordrhein—Westfalen. Köln, 1952, H. 4.
- Caskel W. Zur Beduinisierung Arabiens. Zeitschr. d. Deutsch. Morgenl. Gesellschaft, 1953, 103, p. 28*.
- Caussin de Perceval A. P. Essai sur l'histoire des Arabes avant l'Islamisme. Paris. I — 1847; II — 1847; III — 1848.
- Chabot J. B. Isaak de rabban Isho, moine nestorien. Le Muséon, 1946, t. 59, p. 345.
- Chahab M. Mosaïques du Liban. Textes. Paris, 1957. Bullet, du Musée de Beyrouth.
- Chapot V. La frontière de l'Ephrate, de Pompée à la conquête arabe. Paris, 1907.

Charles H. S. J. Le christianisme des arabes nomades sur le limes et dans le désert syro-mésopotamien aux alentours de l'hégire. Bibliothèque de l'école des hautes études, sc. religieuse. Paris, 1936, v. 52.

Chorikios Gazensis. Edid. Foerster et E. Richsted, Leipzig, 1929.

Christensen A. L'Iran sous les sassanides. Copenhague, 1944, 2-e éd.

Christensen A. Le roi Kavadh I. Memoirs of the Danish Academy, 1925.

Chronica minora. Ed. I. Guidi. CSCO. Scriptorum syri. Series tertia. T. IV, Parisiis, 1903, textus, versio.

Chronicon ad A. D. 846 adscriptum. Ed. E. W. Brooks. CSCO. Scriptorum syri. Series tertia. T. IV, Parisiis, 1903.

Chronicon ad an. Chr. 1234 pertinens. Ed. I. B. Chabot. CSCO. Scriptorum syri. Series tertia, T. XIV, 1920.

Chronicon anonimum, Ed. I. Guidi. CSCO. Scriptorum syri. Series tertia. T. IV, Chronica minora, Parisiis, 1903.

Chronicon anonymum pseudo Dionysianum vulgo dictum. Ed. I. B. Chabot. CSCO. Scriptorum syri. Series tertia. T. I—II. Textus. Parisiis, 1927, 1933.

Chronicon miscellaneum ad A. D. 724 pertinens, ed. E. W. Brooks, interpr. est I. B. Chabot. CSCO. Scriptorum syri. Series tertia. T. IV, Parisiis, 1903.

Chronique de Seert. Histoire nestorienne éditée par Addai Scheer. Patrologia Orientalis. Paris. IV — 1908, pp. 215—312; V — 1910, pp. 219—344; VII — 1911, pp. 97—201; XIII — 1919, pp. 437—639; XVII — 1923. pp. 140.

Clermont-Ganneau Ch. Le roi de «tous les Arabes». Recueil d'archéologie orientale, Paris, 1905, t. VI, p. 305.

Collinet. Une ville neuve byzantine. Mélanges G. Schlumberger, 1924. p. 55.

Constantinus Porphyrogenitus. Excerpta historica iussu imp. Constantini Porphyrogeniti confecta, ed. C. de Boor. Berolini. I, II, Excerpta de legationibus, 1903; III, Excerpta de insidiis 1905.

Contenson H., de. Les premiers rois d'Axoum d'après les découvertes récentes. Journal asiatique, 1960, t. 248, p. 75.

Corpus inscriptionum semiticarum. Pars IV. Inscriptiones Himyariticas et Sabaeas continens. Parisiis, I — 1889; II — 1911; III — 1929.

Cosmas Indicopleustes. The Christian topography, ed. With geographical notes by E. O. Winstedt. Cambridge, 1909.

Cosmas (Indicopleustes), an Egyptian monk. The Christian topography, translated from the greek by J. W. Mc Crindle. London, 1897. The Hakluyt Society, № 98.

Couret A. La Palestine sous les empereurs grecs 326—636. Grenoble, 1869.

Datta I. M. Population of Medina at the time of the prophet Muhammad. (aD 630—). Modern Review, Calcutta, 1962, v. III, № 3, p. 237.

De moderatore Arabiae, cap. 2. Novella 102. Novellae. Ed. R. Scholl et G. Kroll, Berolini, 1895, ed. stereotypa. Delehay H. Les Stylites. Revue des questions historiques, 57 (N. S. 13), 1895, p. 52.

Delougaz P. and Haines R. A. Byzantine Church at Khirbat al-Karak. The Univ. of Chicago, Oriental Institute Publications, 1960, v. 85.

Devreesse R. Le christianisme dans la province d'Arabie, arabes-perses et arabes-romains Lahmides et Ghassanides. Vivre et Penser. 2 série, 1942, p. 110, 263.

Devreesse R. Le patriarcat d'Antioche depuis la paix de l'église jusqu'à la conquête arabe. Paris, 1945. *Peu.*: Mélanges de l'Université de st. Joseph, 26, p. 113; Syria 1944—1945, 24, p. 135.

Dillmann A. Zur Geschichte des axumitischen Reiches im IV bis VI Jh. Abhandlungen der königlichen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, 1880.

Ad-Dînawerî, Abu Hanîfa. Kitab al-ahbar at-tiwâl. Publié par V. Guirgass, Leide, 1888. Préface, variantes et index, publiés par I. Kratchkovsky, Leide, 1912.

Doblhöfer E. Byzantinische Diplomaten und östliche Barbaren. Graz, 1955.

Documenta ad origines monophysitarum illustrandas, ed. I.-B. Chabot. Corpus scriptorum christianorum orientalium (CSCO). Scriptorum syri. Series secunda. T. 37. Textus. Parisiis, 1907, t. 52. Versio. Louvain, 1952.

Dögler Fr. Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches, I. München, 1924.

Dombrowski B. W. W. Some remarks on the hebrew hitpael and inversative t in the semitic languages. Journal of Near Eastern Studies, 1962, v. 21, № 3, p. 220.

Doresse J. L'Éthiopie et l'Arabie méridionale aux III—IV, s. A. D. Kush, Khartoum, 1957, v. 5, p. 49.

Doe B. Husn al Gurab and the site of Qana'. Le Muséon, Louvain, 1961, t. 74, pt. 1—2, p. 191.

Downey G. The Christian schools of Palestine: a chapter in Literary History (IV—VII cc.). Harvard Library Bulletin. 12, 1958, p. 297.

Downey G. A. History of Antioch in Syria from Seleucus to the Arab Conquest. Princeton, 1961.

Downey G. The Persian campaign in Syria in aD 540. Speculum, 1953, t. 28, № 2, p. 340.

- Dubler C. E. *Islam. Asiatische Studien*, Bern, 1960, 1—4, p. 32.
- Dussaud R. *Les Arabes en Mésopotamie avant la conquête*. Paris, 1907.
- Dussaud R. *Les arabes en Syrie avant l'Islam*. Paris, 1907.
- Dussaud R. *La topographie historique de la Syrie antique et médiévale*, Paris, 1927.
- Dussaud R. *La pénétration des Arabes en Syrie avant l'Islam*. Paris, 1955. *Peuy.*: Bibliotheca Orientalis, 1958, 3/4, p. 141. *Journal of Near Eastern Studies*, 1958, p. 17.
- Ensslin. *Zur Gründungsgeschichte von Dara-Anastasiopolis*. Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher, Bd. 5, p. 342.
- Ephraim Syrus. *Hymnen de Nativitate (IVc.)*. Herausgeg. E. Beck. Louvain, 1959, pp. 1—2.
- Eusebius. *Die Kirchengeschichte*, Bd. II; II, 2; II, 3. Hrsg. v. Ed. Schwartz. Die lateinische Übersetzung des Rufinus von Th. Mommsen. Leipzig, 1903, 1908, 1909.
- Evagrius. *The ecclesiastical history*. Ed. by Bidez and Parmentier. London, 1898.
- Excerpta historica iussu imp. Constantini Porphyrogeniti. V. I, Excerpta de legationibus. Ed. C. de Boor, pars I—II, Berolini, 1903; V. III, Excerpta de insidiis, ed. C. de Boor, Berolini, 1905.
- Eyre E. *European civilisation*. London, Oxford. Univ. Press., 1935, v. I, II.
- Fakbry A. *An archeological Journey to Yemen (1947)*. Pt. II. Epigraphical Texts by G. Ryckmans. Cairo, 1952.
- Faris N. A. *The Antiquities of South Arabia*, Eighth book of al-Hamdani's al Ikliil. Princeton, 1938.
- Festugière A. J. *Antioche païenne et chrétienne*. Paris, 1959.
- Festugière A. J. *Les moines d'Orient*. Paris, 1—1961, II — 1961, III — 1962. *Peuy.*: Rivista degli Studi Orientali, 1962, 37, pp. 3—4.
- Festugière A. J. *Personal religion among the Greeks*. Los Angelos, 1960.
- Festugière A. J. *La vie de Sabas et les tours de Syrie—Palestine*. Revue biblique, 1963, 70, p. 91.
- Fiey J. M. *Les sts Serge de l'Iraq*. *Analecta Bollandiana*, 1961, 79, p. 102.
- Foster W. *The family of Hashim*. Contemporary review. London, 1960, v. 197, № 1132, p. 269.
- Fragmenta historicorum graecorum. Ed. C. Mullerus, v. IV. Parisiis, 1851.
- Fresnel. *Lettres sur l'histoire des Arabes*. Paris, 1836. *Journal asiatique*, Ser. III (1837) 321; ser. III, t. IV, p. 5; t. V, pp. 45, 113; s. III, t. V, p. 497; s. III, t. VI, p. 196, 225; s. III, t. VI, 529.
- Frisk. *Le périple de la mer Erythre*. Göteborg, 1927.
- Gabrieli F. *Adi ihn Zaid, il poeta di-Hira*. *Rendiconti d. Acad. dei Lincei*, series 8, 1948, v. III, p. 82.
- Gabrieli F. *La letteratura beduina preislamica. L'antica societa beduina*, Roma, 1959, p. 95.
- Gabrieli F. *La poésie arabe ancienne*. *Diogène*, 1962, v. 40, 4, p. 82.
- Garitte G. *Vies géogiennes de St. Symeon Stylite l'ancien et de S. Ephrem*, traduction. CSCO. *Scriptores iberia*, t. 8.
- Gaudemet J. *L'église dans l'Empire romain (IV—V s.)*. Paris, 1958.
- Gelzer. *Kosmas der Indienfahrer*. *Jahrbücher für protestantische Theologie*, 1883, p. 105.
- Genier B. *Vie de St. Euthyme le Grand*. Paris, 1909.
- Germanus J. *Legacy of ancient Arabia*. *Islamic Culture*, 1963, v. 37, № 4, p. 261.
- Ghul Mahmud Ali. *New Qatabani inscriptions*. *Bulletin of the school of Oriental. Studies*, 1959, v. 22, p. 419.
- Gibh H. A. R. *Abul Fida*. *Encyclopedia of Islam*. 1954, I, p. 118.
- Gismondi H. (Ed.). *Maris, Amri et Slibae de patriarchis Nestorianum commentaria*. Bomae, 1897—1899, pars 1—2.
- Glaser E. *Die Abessinier in Arabien und Afrika*. München, 1895.
- Glaser E. *Skizze der Geschichte und Geographie Arabiens*. II Band. Berlin, 1890.
- Glaser E. *Skizzen der Geschichte Arabiens von den ältesten Zeiten bis zum Propheten Mohammad*. München, 1889.
- Glaser E. *Zwei Inschriften über den Dambruch von Marib*. *Mitteilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft*, II, 1897. *Peuy.*: Winkler. — *OLZ*, 1898, pp. 19—21; *Praetorius*. *ZDMG*, 53, 1899, pp. 1—15.
- Glueck N. *Rivers in the desert*. New York, 1959.
- Goitein S. D. *Evidence of the muslim poll-tax from non-muslim surces*. *Journal of the economic and social history of the Orient*, 1963, v. VI, pt. 3, p. 278.
- Goitein S. D. *Jews and Arabs. Their contacts trough the ages*. New York, 1955, XIII, 257 p. *Peuy.*: Rivista degli Studi Orientali, 1958, I—U. p. 147. Gottschalk H. L. [*Peuy.* на статьи Caskel]. *Wiener Zeitschrift*, 1959, Bd. 55, S. 189.
- Goubert P. *Byzance avant l'Islam*. Paris, 1951, I, II.
- Goubert P. *Mystique et politique à Byzance*. *Revue des études byzantines*, 1961, XIX *Mélanges Janin*, a) *Einfluence de st. Golinduch sur st. Domitien*.
- Goubert P. *Le problème Ghassanide à la veille de l'Islam*. *Actes du VI Congrès international d'études byzantines*. Paris, t. I, p. 103...
- Graf G. *Geschichte der christlichen arabischen Literatur*. I — *Die Übersetzungen*. Citta del Vaticano, 1944; II — *Die Schrifsteller bis zur Mitte des 15. Jahrhunderts*. Citta del Vaticano, 1947.

- Greco V. Menander Protektor und der persische Gesandtschaftsbericht Petros's Patricius. *Bulletin de la section historique de l'Académie Roumaine*, 22, 2, 1941, p. 78.
- Greer R. A. Theodore of Mopsuestia. *Byzantinische Zeitschrift* 55, 1962, 367; *Orientalia Christiana periodica*, 28, 1962, 428.
- Grégoire H. Mahomet et le Monophysisme. *Mélanges Charles Diehi*. Paris, 1930, I, p. 107.
- Griffini E. Una nuova qasida attributa ad Imrulqais. *Rivista degli Studi Orientali*, 1907, I, p. 595.
- Grumel V. La chronologie. *Traité d'études byzantines* publié par P. Lemerle. I Paris, 1958.
- Grunebaum G. E. The nature of arab unity before Islam. *Arabica*, X, 1963, I, p. 5.
- Guidi I. Die Kirchengeschichte des katolikos Sabriso I. *Zeitsch. d. deutsch. Morgenl. Gesellschaft*, 1886, Bd. 40, S. 559.
- Guidi I. Mundhir III und die beiden monophysitischen Bischöfe. *Zeitsch. d. deutsch. Morgenl. Gesellschaft*, 1881, Bd. 35, S. 142.
- Guidi I. Ostsyrische Bischöfe und Bischofsitze im V, VI und VII Jh. *Zeitsch. d. deutsch. Morgenl. Gesellschaft*, 1889, Bd. 43, p. 388.
- Guillard V. R. Études de titulature byzantine. *Revue des études byzantines*, Paris, 1958.
- Guillard V. R. Études sur l'histoire administrative de l'empire byzantin: les commandants de la garde impériale. *Revue des études byzantines*, 1960, t. 18, p. 79. — Observations sur le cléterologe de Philothée. *Revue d. et. byz.*, 1962, t. XX, p. 156. Index des noms, des dignités, fonctions, p. 167.
- Guillaumont A. Les «Kephalaia Gnostica» d'Evagre le Pontique et l'histoire de l'origénisme chez les Grecs et les Syriens. *Partistica Sorbonensia* 5, Paris, 1962, p. 360.
- Güterbock. *Byzanz und Persien*. Berlin, 1906.
- Hajjar I. Les chrétiens uniates du Proche Orient, 1962, 384 p. (Melkites, Marontes, Chaldéens).
- Halkin F. L'éloge des trois confesseurs d'Edesse par Aréthas de Césarée. *Mélanges de l'Université st. Joseph*, t. 38 (II). *Mélanges R. Mouterde*. Beyrouth, 1962, p. 271.
- Hamdani, al. *Al-Iklil*. Transl. from the arabic by Nabih Amin Faris. Princeton, 1938. (Princeton Oriental texts, v. III).
- Hamdani, al. *Sudarabisches Mu'atabih*. Verzeichnis homonymer und homographier Eigennamen, herausgeg. von D. Löfgren. Uppsala, 1953.
- Hamidullah M. *Al-ilaf*, ou les rapports économique-diplomatiques de la Mecque pré-islamique. *Mélanges L. Massignon*. Damas, 1957, II, p. 293.
- Hamidullah M. The battlefields of the prophet Muhammad. Battle of the Ditch (5 AH— 626 C. E). *Islamic review*, 1952, v. 40, N 12, p. 8.
- Hamidullah M. Les champs de bataille au temps du Prophète. *Revue des études islamiques*. Paris, 1939, cahier 1.
- Hamidullah M. Documents sur la Diplomatie Musulmane à l'époque du Prophète et des Khalifes orthodoxes. Paris, 1935.
- Hamidullah M. La lettre du Prophète à Heraclius et le sort de l'original. *Arabica*, 1955, t. II, f. I, p. 97.
- Hamidullah M. Le prophète de l'Islam, I, II. (*Etudes Musulmanes*, 7). Paris, 1959.
- Hamza Ispahanensis. *Annalium libri X*, ed. J. M. E. Gottwald. T. I — *Textus arabicus*. Petropoli, 1844; T. II — *Translatio latina*. Lipsiae, 1848.
- Hartmann M. *Der islamische Orient, Berichte und Forschungen*. Bd. II. Die Arabische Frage. Leipzig, 1909.
- Haury I. Kritisches zu Prokop. *Philologus*, XLVIII, 1889, p. 750.
- Haury I. Procop und der Kaiser Justinian. *Byzantinische Zeitschrift*, 37, 1937, S. 1.
- Hemmerdinger B. La vie arabe de St. Jean Damascene et B. H. G. 884. *Orientalia Christiana Periodica*, 28, 1962, p. 422.
- Henninger I. Das Eigentumsrecht bei den heutigen Beduinen Arabiens. *Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft*, 1959, Bd. 61, p. 6.
- Henninger I. Die Familie bei den heutigen Beduinen Arabiens und seiner Randgebiete. *Internationales Archiv für Ethnographie*, XIII, 1943, p. 2.
- Henninger J. Les fêtes du printemps chez les Arabes et leurs implications historiques. *Revista do Museu Paulista*, IV, 1950, p. 389. *Peu.*: G. Ryckmans. Le Muséon, 1952, t. 65, p. 317.
- Henninger J. La société bédouine ancienne. *Studi semitici*, 2. *L'antica società beduina*. Roma, 1959, p. 70.
- Herzfeld E. Mshatta, Hira und Bâdiya die Mittelländer des Islam und ihre Baukunst. *Jahrbuch der preussischen Kunstsammlung*, 1921, Heft 2—3.
- Herzfeld E. Paikuli, v. I, Berlin, 1924.
- Hinz W. *Islamische Maße und Gewichte*. Leiden, 1955.
- Hirschenberg J. W. Jüdische und christliche Lehren im vor- und frühislamischen Arabien. Krakow, 1939.
- Hirschenberg J. W. Nestorian sources of North-Arabian tradition on the establishment and persecution of christianity. *Rocznik orientalistyczny*, t. 15, Krakow, 1949, p. 321.

- Histoire de mar Ahudemme, ed. F. Nau. *Patrologia Orientalis*, III, Paris, 1909.
- Hitti P. K. *History of the Arabs*. London, 1949.
- Hitti P. K. *Lebanon in history*. London, 1957.
- Hitti P. K. *The origins of the islamic state being Kitab futuh al Buldan of al Baladhuri*. Part I — New York, 1916; part II — New York, 1924.
- Hoffmann G. *Auszüge aus syrischen Akten Persischer Märtyrer*. *Abhandlungen für die Kunde des Morgenlands*, Bd. VII, № 3, Leipzig, 1880.
- Höfner M. *Altsüdarabische Grammatik*. (*Porta linguarum orientalium*, t. XXIV). Leipzig, 1943.
- Höfner M. *Die Beduinen in den vorislamischen arabischen Inschriften*. *L'antica società Beduina*. Roma, 1959. (*Studi Semitici*, II).
- Höfner M. und J. M. Solá Solé. *Sammlung Ed. Claser II Inschriften aus dem Gebiet zwischen Marib und dem Gof*. *Sitzungsberichte der Österreichisch. Akad. d. Wissenschaften. Phil.-hist. Kl.* 1961, Bd. 238, Abh. 3.
- Honeyman A. M. *Epigraphic south Arabian Antiquities*. *Journal of near Eastern Studies*, v. XXI, 1962, № 1.
- Honigmann E. *The calendar change at Antioch and the Earthquake of 458*. *Byzantion*, XVII, 1945, p. 336.
- Honigmann E. *Le couvent de Barsauma et le patriarcat jacobite d'Antioche et de Syrie*. Louvain, 1954.
- Honigmann E. *Evêques et évêchés monophysites d'Asie antérieure au VI s.* Louvain, 1951.
- Honigmann E. *L'histoire ecclésiastique de Jean d'Ephese*. *Byzantion*. 14, 1939, p. 615.
- Honigmann E. *Juvenal of Jerusalem*, *Dumbarton Oax Papers.*, t. 5, Cambridge Massachusettes, 1950, p. 209.
- Honigmann E. *Orfa — Edessa*. *Encyklopädie de l'Islam*, 3(1928/36), 1073.
- Honigmann E. *Die Ostgrenze des Byzantinischen Reiches*. Brüssel, 1935.
- Honigmann E. *Sergiopolis*. *Pauly — Wissowa Realencyclopädie*, II Reihe, 4. Halbband, col. 1684.
- Honigmann E. *Trois mémoires posthumes d'histoire et de géographie de l'Orient chrétien*, préparés par P. Devos. Bruxelles, 1961. — *Pey.*: *Analecta Bollandiana*, 1961, t. 79, 1—2, p. 174.
- Horowitz J. *Judéo-Arabie relations in preislamic times*. *Islamic culture*, 1929, III, 2, p. 161.
- Iacobus Edessenus. *Chronicon*, Ed. E. W. Brooks CSCO. *Scriptoros syri*. Series tertia, t. IV, Parisiis, 1903.
- Ia'qubi, al. *Historiac pars primum historiam aiiteislamicam continens*. Ed. M. Th. Hutsuma. *Lugduni Batavorum*, 1883.
- Iakut's *Geographisches Wörterbuch*, hrsg. von F. Wüstenfeld. Leipzig, 1867, Bd. II.
- Ibn al-Athir. *Chronicon*. Ed. Tornborg. *Lugduni-Batavorum*, 1863, I.
- Ibn Hisham Abd el-Malik. *Das Leben Muhammed's nach Muhammed Ibn Ishak bearbeitet von Abd el-Malik Ibn Hisham*, hrsg. von F. Wüstenfeld, 1—11, Göttingen, 1858—1860.
- Iésusdenah. *Livre de chasteté*. Ed. par J. B. Chabot. Roma, 1896.
- Ioannes Ephesinus. *Historia ecclesiastica pars tertia*. Ed. E. W. Brooks. CSCO. *Scriptores syri*. Series tertia. T. III, Parisiis, 1935, versio latina, Lovanii, 1936.
- Iohannes von Ephesus. *Kirchengeschichte*, übersetzt von I. M. Schönfelder. München, 1862.
- John of Ephesus. *The third part of the Ecclesiastical History translated by R. Payne—Smith*. Oxonii, 1860.
- John of Ephesus. *Lives of thé eastern saints syriac text*. Ed. and translated by E. W. Brooks. *Patrologia Orientalis*. Paris, 17, 1923, pp. 1—307; 18, 1924, pp. 513—698; 19, 1926, pp. 155—285.
- Ioannes Malalas. *Chronographia*. Ed. Dindorfius, Bonn, 1831.
- Ioannes Moschus. *Pratrum spiritule*. *Patrologia graeca*, t. 87, col. 2845—3116.
- Ioannes Psaltes. *Hymnes*. Ed. E. W. Brooks. *Patrologia Orientalis*, v. VII, pp. 613, sq. v. VI, p. 5, v. XIV, p. 19.
- Ioshua the Stylite. *Chronicle*. Ed. by W. Wright. Cambridge, 1882.
- Iso'dad de Merv. *Commentaire sur l'ancien testament (IX s.)*. Exode—Deuteronomie. Louvain, 1958, pt. I—II.
- Jalabert L. et R. Mouterde. *Inscriptions grecques et latines de la Syrie*. Paris. 1 — Commagène et Cyrrestique, 1929; II — Chalcidique et Antiochène, 1939; III, 1 — Region de L'Amanus et Antioche, 1950; III, 2 — Antioche et Antiochène, 1953; IV — Laodicée. Apamène, 1955; V — Emésène, 1959.
- Jamme A. *The Al-Uqlah Texts*. (*Documentation Sud-Arabe*, III). Washington, 1963.
- Jamme A. *Classification descriptive generale des inscriptions Sud-Arabses*. Tunis, 1948. *Pey.*: *Orient. Litzeit.*, 1954, № 5/6.
- Jamme A. *Documentation Sud-Arabe 1 et II*. *Rivista degli Studi Orientali*, v. 38, f. 4, p. 303.
- Jamme A. *Inscription rupestre et graffites qatabanites*. *Rivista degli Studi Orientali*, v. 37, 3—4, 1962, p. 231.
- Jamme A. *Inscriptions on the sabaean bronze horse of the Dumbarton Oaks Collection*. *Dumbarton Oax Papers*. 1954, VIII, p. 315.

- Jamme A. Inscriptions sud-arabes de la collection Ettore Rossi. *Rivista degli Studi Orientali*, v. 30, 1955, f. 1—2, p. 103.
- Jamme A. La jarre épigraphique qatabanite de Hagr bin Humeid et son étude par P. Boneschi. *Rivista degli Studi Orientali*, v. 34, 1959, f. 3—4, p. 127.
- Jamme A. The late Sabaeen Inscription Ja 856. *Bibliotheca Orientalis*, 1960, t. XVII, № 1/2, p. 3.
- Jamme A. On a drastic current reduction of south-arabian chronology. *Bulletin of the American school of Oriental Research*. 1957, № 145, p. 25.
- Jamme A. La paléographie Sud-Arabe de Pirenne. Washington, 1957.
- Jamme A. Sabaeen Inscriptions from Mahram Bilqis (Marib). Baltimore, 1962.
- Joseph J. The Nestorians and their Muslim Neighbors. Princeton, 1961.
- Kawar I. The Arabs in the peace treaty of AD 561. *Arabica*, 1956, III, p. 181.
- Kawar I. Arethas, son of labalah. *Journal of the American Oriental Society*, 1955, 75; 1957, 77.
- Kawar I. Byzantium and Kinda. *Byzantinische Zeitschrift*, 1960, 53.
- Kawar I. Ghassan and Byzantium. A new terminusa quo. *Islam*, 1958, 33, p. 232.
- Kawar I. The last days of Salih. *Arabica*, 1958, V, p. 145.
- Kawar I. The patriciate of Arethas. *Byzantinische Zeitschrift*, 1959, 52, p. 321.
- Kawar I. Procopius and Arethas. *Byzantinische Zeitschrift*, 1957, 50, p. 362.
- Kawar I. Procopius on the Ghassanids. *Journal of the American Oriental Society*, 1957, 77, p. 79.
- Kirillos von Skythopolis. *Texte und Untersuchungen zur Geschichte der Altchristlichen Literatur*. 49. Band. Ed. von Schwartz. Leipzig, 1939.
- Kleyn. *Jacobus Baradaeus*. Leiden, 1882.
- Kollwitz J. Die Grabungen in Resafa 1954—1956 J. *Archeologische Anzeigen*, 1957, p. 64.
- Labourt, I. *Le christianisme dans l'empire Perse sous la dynastie Sassanide*. Paris, 1904.
- La Croze. *Histoire du christianisme des Indes*. La Haye, 1724.
- Leary. O de Lacy. *Arabia before Mahammad*. New York, 1927.
- Lammens H. L'ancienne frontière entre la Syrie et le Hidjaz. *Bulletin de l'Institut français d'Archéologie Orientale*, 1917, t. XIII, p. 74; t. XIV, p. 95.
- Lammens H. L'Arabie occidentale avant l'Hégire. *Institut Français d'Archéologie orientale (Caire)*. (Les chrétiens a la Mecque à la veille de la Hégire).
- Lammens H. *La Syrie. Précis historique*, v. I—II. Beyrouth, 1921.
- Le Quien M. *Oriens christianus*, I—III. Parisii, 1740.
- Lietzmann H. *Das Leben des heiligen Symeon Stylites*. Leipzig, 1908. (*Texte und Untersuchungen der Altchristlichen Literatur*. Bd. 32, 3).
- Lippens P. *Expeditionen Arabie Centrale*. Paris, 1956. *Peu.*: *Bibliotheca Orientalis*, 1960, 3/4, p. 198.
- Lopez R. S. The role of trade in the economic readjustment of Byzantium in the VII c. *Dumbarton Oax Papers*. Washington, v. 13, 1959.
- Lyll C. J. *Translations of ancient arabian poetry, chiefly praeislamic*. New York, 1930.
- Maçoudi. *Les prairies d'or*. Texte et trad. par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. Paris, II — 1844, III — 1863.
- Martyrium st. Arethae. *Acta sanctorum*. Octobris, t. X. Paris— Rome, 1869, p. 721.
- Massignon L. Note sur le château d'al Okhaïder. *Comptes-rendus de l'Académie des inscriptions et de belles-lettres*, Paris, 1909, p; 202.
- Mattern P. A travers les villes mortes de Haute-Syrie. *Mélanges de l'Université St. Joseph*, XVII, Beyrouth, 1933.
- Michel de Syrien. *Chronique* éditée par J. B. Chabot. Paris, I — 1899; II — 1901; III — 1905; IV — 1910. Introduction et tables — 1924.
- Mittmann S. Die römische Strasze in der nordwestlichen Belka. *Zeitschr. d. Deutsch. Palästina—Veriins*, 1963, Bd. 79, H. 2, p. 152.
- Mittwoch E. *Proelia Arabum paganorum*. Berolini, 1889.
- Moberg A. *The Book of Himyarites*. Lund, 1924. *Peu.*: *Orientalistische Literaturzeitung*, 1925, 9/10, p. 708; *Journal asiatique*, 1925, p. 103.
- Moberg A. Über eine christliche Legende in der Islamischen Tradition. Lund, 1930.
- Moravesik G. *Byzantinoturcica*. Berlin, 1958, 1—11.
- Morgan, de. Notes sur la basse Mésopotamie. *Géographie*. *Bulletin de la Société de Géographie*. Paris, 10 octobre 1900, p. 252.
- Moritz B. *Der Sinaikult in heidnischer Zeit*. *Abhandlungen d. k. Gesell. d. Wissenisch, zu Göttingen*. *Phil.-hist. Kl. Neue F.* 16, № 2, Berlin, 1916, p. 50.
- Moscatti S. Il participio passivo in semitico. *Rivista degli Studi orientali*. Roma, 1962, v. 37, f. 1—2.
- Moubarac Y. Les études d'épigraphie sud-sémitique et la naissance de l'Islam. *Revue des études islamiques*. Paris, 1957, t. 25, p. 13.
- Mouterde R. *Monuments et inscriptions de Syrie et du Liban*. *Mélanges de l'Université de St. Joseph*, 25, Beyrouth, 1942—1943.

- Mouterde R. *La Strata Diocletiana et ses bornes militaires*. Mélanges de l'Université de St. Joseph., 15, Beyrouth, 1930—1931.
- Mouterde R., A. Poidebard. *Le limes de Chalkis. Organisation de la steppe en Haute Syrie romaine*. Paris, 1945.
- Musil A. *Arabia Petraea*. I—III, Wien, 1907—1908.
- Musil A. *Kusejr A'mra I*. Wien, 1907.
- Musil A. *The Middle Euphrates*, 1927.
- Musil A. *Palmyrena*. New York, 1928.
- Nallino C. A. *Raccolta di scritti editi e inediti a cura di Maria Nallino*. V. 3. *Storia deir Arabia preislamica. Storia e istituzione musulmane*. Roma, 1941.
- Naqa'id Garir wa'l-Farazdak. Ed. Bevan. Leiden, 1905—1912.
- Nau F. *Les arabes chrétiens de Mésopotamie et de Syrie du VII-e au VIII-e siècle*. Paris, 1933. (Cahiers de la société asiatique, № 1).
- Nau F. *L'Arameen chrétien*. *Revue de l'Histoire des Religions*, 1929, t. 99, p. 232.
- Nau F. *L'expansion nestorienne en Asie*. *Bibliothèque de vulgarisation du Musée Guimet*, t. XL, Paris, 1914.
- Nau F. (Ed.). *Histoire d'Ahudemmeh et de Maruta*. *Patrologia Orientalis*. Paris, 1909, t. III, p. 1—120.
- Nau F. *Les récits inédits du moine Anastase*. Paris, 1902.
- Nielsen D. *Handbuch der altarahischen Altertumskunde*. Copenhague, 1927, v. I.
- Nöldeke T. *Der Araberkönig von en-Namara*. *Florileguim*. . .De Vogué. Paris, 1909.
- Nöldeke T. *Die von Guidi herausgegebene Chronik*. *Sitzungsberichte der Wiener Akademie, phil.-hist. Kl.* Wien, 1893, Bd. 128, Abh. 9.
- Nöldeke T. *Fünf Mo'allaqat*. I. *Die Mo'allaqat des 'Amr und des Harith*. *Sitzungsberichte der K. Akademie der Wissenschaften, phil.-hist. Kl.* Wien, 1899, Bd. 140, VII Abb.
- Nöldeke T. *Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sassaniden aus der arabischen Chronik des Tabari*. Leyden, 1879.
- Nöldeke T. *Zur Topographie und Geschichte des Damascenischen Gebietes und der Haurangegend*. *Zeitschr. d. deutsch. Morgenl. Gesellschaft*, Bd. 29, 1875, S. 419.
- Nöldeke T. *Die Ghassanischen Fürsten aus dem Hause Gafnas*. *Abhandlungen der K. Akademie der Wissenschaften, Phil.-hist. Kl.* Berlin, 1888.
- Nöldeke T. *Orientalische Skizzen*. Berlin, 1892.
- Olinder G. *The Kings of Kinda*. Lund, 1927.
- Olinder G. *Al al-Gaun of the family of Akil al-Murar*. *Le Monde Oriental*, 1931, 25, p. 208.
- Oppenheim M. *Die Beduinen unter Mitarbeit von E. Bränlich und W. Caskel*. I. *Die Beduinostämme in Mesopotamien und Syrien*. Leipzig, 1939; II. *Die Beduinenstämme in Palästina, Transjordanien, Sinai, Hedjaz*. Leipzig, 1943; III. *Die Beduinenstämme in Nord und Mittelarabien und im Irak*. *Ortiz de Urbinal. Patrologia Syriaca*. Roma, 1958.
- Paret R. *Dometianus de Melitene*. *Revue des études byzantines*, XV, Paris, 1957, p. 42.
- Paret R. *Note sur un passage de Malalas concernant les phylarques arabes*. *Arabica*, 1958, 5, f. 3, p. 251.
- Paret R. *Les villes de Syrie du sud et les routes commerciales d'Arabie à la fin du VI s*. *Actes des XI Internationalen Byzantinisten Kongress*, 1958. München, 1960, p. 438.
- Patrologia*. Ed. Joannes Quasten, 1950, vv. I, II, III. Westminster Maryland.
- Peeters P. *Jaques de Saroug appartient-il à la secte monophysite?* *Analecta Bollandiana*, 1948, 66, p. 134.
- Peeters P. *St. Symeon Stylite et ses premiers biographes*. *Analecta Bollandiana*, 1943, 61, p. 29.
- Peeters P. *Recherches d'histoire et de philologie orientales*. Bruxelles, 1951, I, II.
- Peeters P. *Le tréfond oriental de l'hagiographie byzantine*. Bruxelles, 1950.
- Peiser F. E. *Die arabische Inschrift von En-Nemara*. *Orientalistische Literaturzeitung*, 1903, № 7.
- Pericoli-Ridolfini F. *Le origini della Scuola di Alessandria*. *Rivista degli Studi Orientali*, 1962, 37, f. 3—4.
- Petraček K. *Annotation aux inscriptions sud-arabes Ry 603—614 du Dar ad-Diyafa a San'a*. *Archiv Orientaini*, 1961, № 3, p. 444.
- Petraček K. *Der gegenwärtige Stand und die Aufgabem der südarabischen Forschungen unter besonderer Berücksichtigung des Schicksals der alten sudarabischen Literatur*. *Archiv Orientaini*, 1960, 28/4, p. 669.
- Philby H. *The Background of Islam, being a sketch of arabian history in preislamic times*. Alexandria, 1947.
- Photius. *Bibliothèque*, I, II, III. Ed. R. Henry. I (Codices 1—83); II (Codices 84—185); III (Codices 186—222), 1962. *Peu.*: *Revue des études anciennes*, 64, 1962, p. 226.
- Philby St. J. *Note on the Last Kings of Saba*. *Le Muséon*, 1950, 63, 3—4, p. 269.
- Philby St. J. *Notes on Ryckmans 535*. *Le Muséon*, 1960, t. 73, 3—4, p. 407.

- Phillips W. Qataban and Sheba. Exploring the ancient kingdoms of the Biblical spice routes of Arabia. New York, 1955.
- Philostorgius. Kirchengeschichte, herausgegeben von Joseph Bidez. Leipzig, 1913.
- Pigulevskaja N. Les rapports sociaux à Nedjran au début du VI-e siècle de l'ère chrétienne. Journal of économie und social history of the Orient, v. III, 1960, p. 113; v. IV, 1961, p. 1.
- Pigulevskaja N. Mār Aba I. Mélanges Masse. Teheran, 1963.
- Pigulevskaja N. Les villes de l'Iran à l'époque Parthe et Sassanide. Paris, 1963.
- Pirenne J. Chronique d'archéologie sud-arabe 1955—1956. Annales d'Ethiopie, 1957, II, p. 37.
- Pirenne J. La Grèce et Saba. Une nouvelle base pour la chronologie sud-arabe. Paris, 1955.
- Pirenne J. L'inscription «Ryckmans 535». Le Muséon, 1956, 69, p. 165.
- Pirenne J. Paléographie des inscriptions sud-arabes. Contribution à la chronologie et à l'histoire de l'Arabie du sud antique. Bruxelles, 1956.
- Pirenne J. Le Royaume sud-Arabe de Qataban et sa datation. Louvain, 1961.
- Poidebard A. La route septentrionale Antioche—Chalkis—Palmyre. Mélanges R. Dussaud, II. Paris, 1940, p. 735.
- Poidebard A. La trace de Rome dans le désert de la Syrie. Le limes de Trajan à la conquête arabe. Paris. 1934.
- Procopius Caesarensis. Opera omnia, ed. Haury. Lipsiae. I — 1905, II — 1907, III — 1908.
- Procopius. With an english translation by H. B. Dewing in VII volums. London, 1916, vv. I—VII.
- Procopius Caesarensis. De aedificiis. Ed. Dindorfius. Bonn, 1838.
- Rabin. Ch. Ancient West-Arabia. London, 1951.
- Rahmani. Chronicon anonymum. Monte Libanon. I — 1907, II — 1911.
- Rathjens C. Sabaeica. Bericht über die archeologischen Ergebnisse seiner zweiten, dritten und vierten Reise nach Südarabien. Hamburg, I — 1953; II — 1955. ркн.: Bibliotheca Orientalis, 1957, 5/6, p. 261.
- Rathjens C. Die alten Welthandelstrassen und die Offenbarungsreligionen. Oriens, 1962, 15, p. 115.
- Rathjens C. Kulturelle Einflüsse in Südwest—Arabien von den ältesten Zeiten bis zum Islam. Jahrbuch für Kleinasiatische Forschung. I, I. Heidelberg, 1950.
- Repertoire chronologique d'épigraphie arabe. Ed. par E. Combe, J. Sauvaget, C. Wiet, I, Le Caire, 1931.
- Repertoire d'épigraphie sémitique sous la direction de J. B. Chabot. V rédigé par G. Ryckmans. Paris, 1929; VI rédigé par G. Ryckmans. Paris, 1935.
- Rhodokanakis N. Das öffentliche Leben in den alten südarabischen Staaten. Handbuch der altarabischen Altertumskunde. Hrsg. D. Nielsen. Bd. I. Kopenhagen, 1927.
- Rodinson M. Bilan des études mohammédiennes. Revue historique, 1963, t. 229, p. 190.
- Roey A. van. Une apologie syriac. Le Muséon, t. 59, 1946, p. 381.
- Rosenthal F. A history of Muslim historiography. Leiden, 1952.
- Rothstein. Die Dynastie der Lahmidien von al-Hira. Berlin, 1899.
- Rouet de Journel. Jean Moschus. Le pré spirituel. Paris, 1946.
- Roussel P. Un monument d'Hierapolis Bombyké relatif à la paix perpétuelle du 532 après J. Chr. Mélanges René Dussaud. Paris. 1939, I, p. 366.
- Rubin B. Procopius von Kaisarea. Stuttgart, 1954.
- Rubin B. Das Zeitalter Justinians. I. Berlin, 1960.
- Ryckmanns G. Graffites sabéens relevés en Arabie sa'udite. Rivista degli Studi Orientali, 32, 1957, p. 557.
- Ryckmann G. Inscriptions sud-arabes. Le Muséon, 1932, 45, p. 290; 1951, 64, p. 100; 1953, 66, p. 267; 1955, 68, p. 309; 1956, 69, p. 140.
- Ryckmans G. On some problems of south arabian epigraphy and archeology. Bulletin of the school of Orient. Studies univers of London, 1952, v. 14.
- Ryckmans G. Les religions arabes préislamiques. Louvain, 1951.
- Ryckmans G. Une inscription chrétienne sabéenne. A propos de de l'inscription de Baroda. Le Muséon, 1946, t. 59, p. 161.
- Ryckmans J. Aspects nouveaux du problème thamoudéen. Studia Islamica, 1956, V, p. 5.
- Ryckmans J. Les corégentes du roi Himyarite Abukarib As'ad d'après le texte Rossi 24. Rivista degli Studi Orientali, v. 37, p. 243.
- Ryckmans J. Le début de l'ère himyarite a-t-il coïncidé avec une éclipse du soleil? Bibliotheca Orientalis, 1961, 5/6, p. 219.
- Ryckmans J. L'Institution monarchique en Arabie méridionale avant l'Islam (Main et Saba). Louvain, 1951.
- Ryckmans J. Inscriptions historiques sabéennes de l'Arabie centrale. Le Muséon, 1953, v. 66, p. 319.
- Ryckmans J. Les persécutions des chrétiens himyarites au VI s. Istanbul, 1956. *Peu.*: Syria, 1959, 36. Bibliotheca Orientalis. 1958, 1/2, p. 63.
- Ryssel V. Georgis der Araberbischofs Gedichte und Briefe. Leipzig, 1891.

- Sarre F., E. Hergfeld. *Archeologische Reise im Euphrat und Tigris Gebiet*. T. II. Sauvaget J. *Les Gassanides et Sergiopolis*. Byzantion, 1939, XIV, f. 1, p. 115.
- Sachau Ed. *Zur Trilinguis Zebedaea*. Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, 1882, 36, p. 345; M. Liedzbarski, *Handbuch der nordsemitischen Epigraphik*, I. Weimar, 1898, p.484; *Journal asiatique*, 1907, IX, p. 509, *Rivista degli Studi Orientali*, 1907, I, 366; 1911, IV, 193.
- Sauvaget J. *Introduction à l'histoire de l'Orient musulman*. *Éléments de bibliographie*. Édition refondue et complétée par. Cl. Cahen. 1961, pp. VI+257. *Peu.*: Gabrieli. *Rivista degli Studi Orientali*, 1961, v. 36, f. 3—4, p. 310.
- Sauvaget J. *Memorial*. V. I. Damas, 1954.
- Schlumberger D. *Les fouilles de Qasr-el-Heir*. Syria. T. XX, 1939.
- Schlumberger D. *La Palmyrene du Nord—Ouest*. Paris, 1951.
- Serjeant R. B. *Historians et historiography of Hadramawt*. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*, XXV, 1962, p. 239.
- Serjeant R. B. *St. Sergius*. *Bulletin of the school of Oriental and African Studies University of London*, XII, 1959, p. 3, 574.
- Schaeder H. *Der Mensch im Orient und Oksident*. *Grundzüge einer urasiatischen Geschichte*. Hrsg. von G. Schaeder. Unter Mitarb. von K. H. Hansen. Mit. einer Einl. von E. Schulin. München, 1960. (Sammlung Piper. Probleme und Ergebnisse der modernen Wissenschaft). Bibliogr., p. 425—428.
- Schoo G. *Die Quellen der Kirchenhistorikers Sozomenos*. (Neue Studien zur Geschichte der Theologie und Kirche herausgegeben von N. Bonwetsch und R. Seeberg. Elftes Stück). Berlin, 1911.
- Simeon de Betaršam. *La lettera di Simeone vescovo di Beth—Arsam sopra i martiri Omeriti*, pubblicata e tradotta d'al socie I. Guidi. *Reale Accademia dei Lincei*, series 3, v. 7, Roma, 1881.
- Slane, de (Mac Guckin). *Le Diwan d'Amro'lkais*. Paris, 1837.
- Smith S. *Events in Arabia in the 6-th Century AD*. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*, v. XVI, 1954, p. 425.
- Socrates Scholasticus. *Ecclesiastica historia*, ed. R. Hussey. Oxonii, 1853, I, II, III.
- Sozomenos. *Ecclesiastica historia*, ed. R. Hussey. Oxonii, 1860, I—II.
- Spenger A. *Die alte Geographie Arabiens*. Berne, 1875.
- Sperber I. *Die Schreiben Muhammads an die Stamme Arabiens*. *Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen*. Berlin, 1916, Jg. 19, S. 1.
- Spuler B. *Syrische Literatur*. *Die Religion in Geschichte und Gegenwart*, 1962, VI, 3, S. 581.
- Stein E. *Histoire du Bas-Empire*, I—II. Paris. 1949—1959.
- Synodicon Oriental ou recueil de synodes nestoriens*. Ed. par J. B. Chabot. Paris, 1902.
- Tabari. *Annales quod scripsit Abu Djafar Mohammad ibn Djarir at Tabari*. Ed. M. J. dp Goeje. *Prima series*, t. II, recensuerunt I. Barth et Th. Noldeke. *Lugduni Batavorum*, 1881—1882.
- Tabari. *Chronique de Abou Djafar Mohammed Lon Djarir ben Yesid Tabari*. Trad. par M. H. Zotenberg. 4 vols. Paris, 1958. (Trad. sur la version Persane d'Abou Ali Mohammed Beiami d'après les Mss. de Paris, de Gotha, de Loudres et de Canterbury).
- Taqi Zadeh S. H. *Some chrouological data relating to the sassanian period*. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. London, 1937, t. IX.
- Tchalenko G. *Villages antiques de la Syrie du Nord*. Paris, I — 1953, II — 1953, III — 1958.
- Theodoret. *Historia religiosa*. *Patrologia graeca*. Theophanes. *Chronographia recensuit C. de Boor*, I, Lipsiae, 1883.
- Theophylactus Simocatta. *Historia*. Ed. C. de Boor, Lipsiae, 1887.
- Thompson E. A. *The historical work of Ammianus Marcellinus*. Cambridge, 1947.
- Tield. *North Arabian Désert*. *Archiological Survey 1925—1950*. *Papers of the Peabody Museum*. Harvard University XLV, N 2. Cambridge, Mass., 1960.
- Tor Andrae. *Les origines de l'islam et le christianisme*. Paris, 1955. *Recens. Archiv Orientalin*, 1958, t. 262, pp. 329—330.
- Turkel R. *Gerard de Crémone traducteur scientifique de XII se. et principal initiateur de la participation de l'Occident a la culture scientifique greco-arabe*. *Babel*. 1962, v. 8, № 2, p. 53.
- Uhlemann F. *Der heilige Simeon*. *Zeitschrift für historische Theologie*, N. F. IX, 1845, H. 3, 4.
- Ullendorf. *Ethiopiens*. *An Introduction to country and people*. London, 1960. *Peu.* Oriens, 1963, v. 16, p. 313.
- Vasiliev A. A. *Justin the First* (*Dumbarton Oaks Studies*, I), Cambridge, Mass., 1950.
- Vasiliev A. A. *Justin I and Abyssinia*. *Byzantinische Ztschrift*, 1933, t. 33, p. 67.
- Vasiliev A. A. *Notes on some episodes concerning the relations between the Arabs and the Byzantine empire from the 4-th, to the 6-th Century*. *Dumbarton Oaks Papers*. IX—X. Cambridge, Mass., 1956.
- Villard U. M. de. *Storia della Nubia Christiana*. *Orientalia Christiana Analecta*, 118, Roma, 1938.
- Walker J. *The Lihyanite Inscription on South Arabian coins*. *Rivista degli Studi Orientali*, 1959, 34, p. 77.
- Wellhausen J. *Reste arabischen Heidentums*. Berlin—Leipzig, 1927.
- Winkler H. *Altorientalische Forschungen*. Leipzig, I — 1893, III — 1898, II2 — 1900.

Winnett F. V. Safaitic Inscriptions from Jordan. I, Toronto, 1957. Recens. Arabica, 1959, v. 6, № 2, p. 214.

Wissmann H. und M. Höfner. Beiträge zue historischen Geographie des vorislamischen Südarabiens. (Akadem. d. Wissenschaften und der Literatur in Mainz. Abhandlungen. Wiesbaden, 1952, N 4).

Wissmann H. De Mari Erythraeo. Stuttgart. Geographische Beiträge. 1957, Bd. 69.

Wright W. Catalogue of the Syriac manuscripts of British Museum, London, I — 1870, II — 1871, III — 1872.

Wüstenfeld F. Die Geschichtschreiber der Araber und ihre Werke. Göttingen, 1882.

Zachariah of Mitylene. The syriac chronide of Zachariah of Mitylene Transl. by F. J. Hamilton and E. W. Brooks. London, 1899. Zacharias Rhetor. Historia ecclesiastica, I—II. Ed. E. W. Brooks CSCO. Scriptorum syri. Series tertia, t. V — textus; Parisiis, 1919; t. V — versio, Lovanii, 1924; t. VI — textus, Parisiis, 1921; t. VI — versio, Lovanii, 1924.

Zacharias Rhetor. Die sogenannte Kirchengeschichte des Zacharias Rhetor in deutscher Übersetzung von K. Ahrens und G. Kruger. Leipzig, 1899.

УКАЗАТЕЛИ

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

(Страницы указаны по книге-оригиналу)

- Аба, патриарх несториан (ум. 552 г.) 15, 281.
Абгабар, правил киндитами (547 г.) 150, 179.
Абкариб Асад, царь Сабы 133, 134.
Абрам (Авраам, сын Еупора, отец Нонна) 78, 79, 157, 158, 162, 163, 167—169.
Абраха, царь химьяритов 99, 100, 102—104, 147—150, 158, 163, 178, 179.
Абу Яфур, из рода лахмидов 69, 70, 72, 107, 141.
Абукариб ибн Габала (Джабала), гасанид 100, 118, 140, 148, 162, 172—174.
Абульфарадж Барэбрей, хронист (1225—1286 гг.) 17.
Абульфедя 9.
Авксилей, епископ «лагерей» арабов 50.
Авраам Кашкарский (ум. 586 г.) 280.
Агар (Агарос) см. Худжр.
Аггей, сын Зета, этнарх 81.
Адармахун, марзбан персидский 306.
Акакий, патриарх несториан 65, 276.
Аммиан Марцеллин 10, 30, 31, 33—35, 40, 43, 230.
Аморкес см. Амрулькайс.
Амр ибн Адай, отец Амрулькайса I, лахмид (270—300 гг.) 24, 26—28, 40.
Амр, аздит, отец Мавии царицы (IV в.) 40.
Амр ал Максур ибн ал Худжр Акил ал Мурар, киндит 141.
Амр, брат Кайса, киндит 162, 172.
Амр (Амбр, Амвр), сын Мундара III и Хинд, лахмид 103, 104, 108—110, 112—119, 149, 151, 179, 200, 203.
Амрулькайс (I) ибн Амр (Имрулькайс, Марулькайс), «царь всех арабов» (ум. 328 г. в Немаре) 6, 23—29, 40, 41, 125, 127, 128, 130.
Амрулькайс (Аморкес), «нокалийского рода», киндит 51, 52—54. 56, 137, 148.
Амрулькайс ибн Мундар III, единородный брат Амра ибн Мундара 109.
Анастасий, император (491—518 гг.) 54, 166, 182, 185, 219—222.
Антиох, сын Сабина, дукс Дамаска 59.
Антипатр, епископ Бостры 49.
Анфимий, строитель 220.
Ардавурий (Ардабур), глава готской дружины 55, 64.
Арефа см. Харит.
Ариадна, дочь императора Льва I, жена императора Зенона 55.
Асвад, царь лахмидов, сын Мундара и Хирр (V в.) 66, 68.
Асвад, киндит 194.
Аспар, глава готской дружины 55.

Аспебед (Петр в крещении), филарх арабов 45—50, 64.
 Атфар (Гафарас), «царь арабов» 186, 187.
 Ахудеммех, митрополит монофизитов 278—280, 307.
 Бабовой, патриарх несториан 276.
 Барсаума, епископ несториан в Нисибии [род. 415 (420 г.), ум. 496г.] 65, 66, 276, 277.
 Бадикарим (Маликарим) ибн Харит ибн Амр, киндит 70, 137, 139.
 Бахрам I (Варахран), сын Ездгерда, шаханшах 58, 62—64, 231.
 Бахрам II, шаханшах 28.
 Вазеба, царь Аксума 126, 127.
 Валент, император (425—455 гг.) 36, 38, 40, 41.
 Велисарий, стратилат Востока 85—88, 96—98, 186, 189—193.
 Габала ибн Харит ибн Габала (ум. 553 г.) 106.
 Габала (Джабала), «скинит» из рода гасанидов 137, 142, 174, 184, 185.
 Гафна (Джафна) ибн Амр ибн Таалаба ибн Амр ибн Мозекейка 181, 182.
 Гермоген, магистр (magister militum) 85, 87, 88, 90, 131, 138, 189.
 Гнуф, гасанид 82, 83, 143, 187.
 Георгий, «епископ арабов», монофизит (ум. 724 г.) 280.
 Дадишо, католикос 275.
 Диоклетиан, император 33.
 Диомед, дукс Палестины, силентиарий 73, 82, 167, 228.
 Дионисий Тельмахрский (псевдо-Дионисий), хронист 16.
 Домника, жена императора Валента 39, 40.
 Евагрий, историк (род. 536 г.) 11.
 Евгений, стратиг византийский 68, 137, 184.
 Евпор, отец Абраама, дед Нонна 157, 166.
 Евстафий Епифанийский, хронист 12, 13, 183.
 Евфимий, святой 44—49.
 Ездгерд, шаханшах Ирана (399—421 гг.) 46, 62, 275.
 Захарий Митиленский, хронист VI в. 15, 308.
 Зенон, император (476—491 гг.) 55, 182.
 Зих, персидский знатный род 105, 110, 112, 116.
 Зияд ибн Хайюл, из рода Салих 131.
 Зияд ибн Хабула, брат Зокома, из рода Салих 42.
 Зоком (Зоджом), филарх арабов, из рода Салих 42, 180, 182, 183.
 Зу Нувас см. Масрук зу Нувас.
 Иаков Барадей, епископ монофизитов 200, 201, 205, 268—270, 272, 273.
 Иаков Эдесский, хронист (640—708 гг.) 16.
 Иедигуснасп Зих см. Зих.
 Иешу Стилиит, хронист начала VI в. 15, 185.
 Ильшарах Яхдуб, царь Сабы и Зу Райдана 126, 127.
 Имрулькайс см. Амрулькайс Имрулькайс ибн Худжр ибн Харит ибн Амр, киндит, поэт 151, 152.
 Иоанн Ефесский, историк VI в. 15, 160, 203, 291—308.
 Иоанн Епифанийский, хронист 12.
 Иоанн Малала, историк VI в. 12, 157—159, 217.
 Иоанн Мосх, агиограф (ум. 622 г.) 14, 264.
 Иоанн, дукс Евфратезии 82.
 Иоанн, сын Доменциола, посол Юстина II в Иране 114.
 Ипатий, патрикий, стратилат Востока 76, 77, 85.
 Ишояб, патриарх несториан (ум. 594/5 г.) 120, 282.
 Ияс ибн Кабиша, из рода Тай 121.
 Кабос сын Мундара III и Хинд, родной брат Амра ибн Мундара, лахмид, царь Хирты с 569/70 г. 117—119, 203, 204, 301.
 Кавад, шаханшах (488—531 гг.) 68, 69, 76, 145, 159, 162, 308.
 Кайс ибы Салама ибн Харит ибн Амр, киндит, филарх 147, 148, 162—164, 168—170.
 Кандид, епископ Сергиополя 98.
 Кардаг Нехурган, марзбан (V в.) 65.

Кирилл Скифопольский, агиограф VI в. 14, 43—45.
Константин Порфирогенит 13, 199.
Лев I Макелл, император (457—474 гг.) 51—55.
Лонгин, монофизитский епископ 272, 296, 297.
Лукий, епископ ариан 37.
Мавия, сын Кайса, киндит 162, 246, 258.
Мавия (Мария), «сарацинская царица» 35—41.
Маврикий, император (582—602 гг.) 208, 209, 213, 291, 298, 299, 305, 306, 310.
Магн (Магна), куратор и коммерциарий 209—212, 266, 291—294, 311.
Мадикариб Яфур, царь Химьяра (516 г. н. э.) 73, 74, 144, 145.
Малала, см. Иоанн Малала.
Маликариб Юхамин, дед Хасана Юхамина, царь Сабы (около 375 г.) 133.
Маликум, царь киндитов 127, 128, 130.
Малх, историк V в. 12, 43, 50, 51, 56.
Маркиан, патрикий 204, 300—304.
Марулькайс см. Амрулькайс.
Марулькайс ибн Авафум 129.
Марута, епископ Майферкатский 275
Масрук зу Нувас (Юсуф Асар), царь химьяритов 78—81, 146, 256, 257, 259.
Масуди, историк X в. 8.
Мебод, персидский посол 116, 117.
Менандр Протектор, историк 13, 199.
Михаил Сириец, патриарх монофизитов, хронист (ум. 1199 г.) 17, 38, 213.
Моисей, епископ арабов 36, 37.
Мундар I, сын Наамана, царь лахмидов (V в.) 58, 62, 63, 66.
Мундар II ибн Мундар, брат Асвада, царь лахмидов 68.
Мундар III (Аламундар), сын Наамана II и Закики (505—554гг.), царь лахмидов 70—74, 81, 84, 91, 98, 99, 101, 104, 106, 108, 110—113, 115, 118, 121, 125, 126, 128—130, 134, 136, 142, 144, 145, 149, 152, 155, 161, 162, 173, 191, 193, 289.
Мундар (IV) ибн Мундар III, брат Кабуса, лахмид 119.
Мундар бар Харит, филарх византийский, гасанид 117, 118, 202—212, 239, 241, 242, 273, 291—294, 301—311.
Мундон, стратилат Востока 88.
Мухаммед, пророк 104, 123, 231, 260.
Нааман (Нуман), сын Амрулькайса, отец Мундара I, царь лахмидов 58—60, 62.
Нааман (Нуман), сын Мундара (I) — царя лахмидов 63.
Нааман II, сын Асвада и Умм, царь лахмидов (ум. 503 г.) 68, 140.
Нааман ибн Мундар, брат Хинд младшей, царь лахмидов 120, 121.
Нааман бар Мундар бар Харит, гасанид 212, 213, 293, 310, 311.
Наср ибн Раби'а 27, 29.
Нахверган (Бахрегган), перс 122.
Нонн (Ноннозий) сын Авраама, посол Византии 157, 158, 163, 171.
Павел Уккама, патриарх, монофизитов 201, 202, 205, 206, 271—273, 297.
Пероз, шаханшах (459—484 гг.) 141.
Петр см. Аспебед.
Петр патрикий, магистр 13, 105, 110, 112, 113.
Подосак, глава племени ассанитов (гасанидов), филарх, малек 30, 33.
Прокопий Кесарийский, историк VI в. 12, 161, 170, 173, 178, 196—198.
Роман, византийский военачальник, дукс Палестины 54, 137, 139, 184.
Рума, неджранитянка 256—258.
Руфин, стратилат, патрикий (VI в.) 88—90.
Руфин, историк, переводчик с греческого истории Евсевия Кесарийского 10, 11, 36, 37.
Савва, святой 227.
Салама ибн Харит ибн Амр, брат Шарахбиля, киндит 146, 153.
Север Антиохийский, монофизит 267, 269.
Симеон Бетаршамский, сирийский писатель 167, 277.
Симеон Столпник, святой 59—61, 265.

Ситта, византийский военачальник 86.
Созомен, историк V в. 11.
Сократ, историк V в. 11, 55.
Стратигий, архонт царской казны 89, 90, 92, 191.
Сумм, брат посла Юлиана, дукс Палестины 92, 170, 191, 227.
Табари, арабский историк 8, 28, 131.
Тайзан, арабский шейх 85.
Талабан, араб христианин 50.
Теребон старший, филарх арабов 45—48.
Теребон младший 45.
Тиверий, император (578—582 гг.) 204—209, 213, 291.
Тимострат, дукс Каллиника 69, 140, 167.
Узза, богиня доисламских арабов 76, 101, 120, 193.
Умм, из рода киндитов, сестра Харита ибн Амра, мать Наамана II ибн Асвада 68.
Фелициссимус, дукс 186, 221.
Феодор, епископ монофизитов, патриарх 201, 269, 270, 297.
Феодора, императрица, жена Юстиниана I 159, 161, 294—296.
Феофан Исповедник, хронист (752—818 гг.) 13, 160, 217.
Феофилакт Симокатта, историк VI в. 13.
Филосторг, историк V в. 11.
Фома, епископ Амидский 220, 221, 222.
Фотий, патриарх, автор «Библиотеки» 157, 158.
Хамза Испаганский, писатель X в. 8, 28.
Ханзала ибн Малик-Тамим, киндит, участник битвы Зу Кар 7.
Харит ибн Амр ибн Худжр Акил ал Мурар, кипдит, филарх (ум. 528 г.) 70—72, 82, 83, 129, 137, 141—143, 163, 166, 167, 212—214, 232, 254, 281.
Харит ибн Габала (Джабала), «Арефа филарх», гасанид из рода Гафна 83, 91, 101, 143, 172, 184, 187, 190, 192—202, 240, 268, 273.
Харит (Арефа), старец, этнарх Неджрана 160, 256, 258.
Хасан Юхамин ибн Абкариб Асад (Тубба ибн Кариб, Хасан ибн Тубба) 131—133, 135.
Хинд, дочь Харита ибн Амра ибн Худжра — киндита, мать Амра ибн Мундара III — царя Хирты 72, 108, 149, 283.
Хинд младшая, дочь Мундара III, сестра лахмидов Наамана и Амра 120, 282.
Хинд, мать Мундара I ибн Наамана 66.
Хирр, из рода лахмидов, жена Мундара I, мать Асвада 68.
Хишам ал Кельби, арабский историк 27, 28.
Хормизд, брат Шапура II 210.
Хосров Анушерван, шаханшах (531—579 гг.) 91, 98, 110, 114, 232, 307.
Хосров Парвиз, шаханшах (590—628 гг.) 120, 121.
Худжр Акил ал Мурар, киндит 125, 131, 135.
Худжр, Ἀγύρος; ибн Харит ибн Амр ибн Худжр Акил ал Мурар, киндит 70, 137, 139, 174.
Шамир, царь Зу Райдана (Шамир Юхариш ум. около 310 г.) 126, 127.
Шамир, царь Неджрана (до 320 г.) 24
Шапур II, шаханшах Ирана (310—379 гг.) 29, 30.
Шарахбиль Якмул (518 г.) 149, 248.
Шарахбиль ибн Харит ион Амр, киндит 146.
Шарахбиль Яфур, сын Абкариба Асада, брат Хасана Юхамина, киндит 133.
Шарахиль Зу Язан, полководец царя химьяритов Зу Нуваса 146.
Шемон (Симеон), епископ Хирты 276.
Шила, католикос несториан 268, 278.
Элисфей (Элесбоа, Эла Ашбеа, Калев), царь эфиопский 81, 159, 162, 163, 169, 170.
Эсимфей (Сумайфа), ставленник эфиопского царя Элесбоа в Химьяре 169, 170.
Ювеналий, патриарх Иерусалимский 48.
Юлиан, глава восставших самарян 187.
Юлиан Отступник, император (ум. 363 г.) 10, 30, 31, 33—35.
Юлиан, посол Византии 157—160, 163, 170, 171.

Юлиан пресвитер, просветитель нубийцев 160, 294—296.
Юстин I, император (518—527 гг.) 76, 268, 269.
Юстин II, император (565—578 гг.) 114—117, 204, 205.
Юстиниан, император (527—565 гг.) 91, 110, 113, 115, 159, 164, 176, 192.
Юстиниан магистр (magister militum), сын Германа, патрикий 205, 304.
Язид ибн Кибшат, киндит 104, 147.
Язид, брат Кайса, киндит 172.
Язиль Байин, брат Ильшараха
Яхдуба, царь Сабы и Зу Райдана 126.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Аджиты, арабское племя 104.
Адиабена см. Хедайяб.
Азд, аздиты, арабское племя 40, 129.
Аил (Эла, Элат, Элана), город у Акабского залива 51, 52, 137, 175, 177.
Айн Убаг, источник 118, 120, 203.
Акабский (Эланский) залив 51, 137.
Аксум, Аксумитское государство 51, 157, 158, 161, 163, 247.
Акулайе, арабское племя 280.
Амбар, город в Иране 70, 232, 240.
Амид, город в Междуречье 219, 221, 222, 225.
Амир (бану Амир, бану Амирим), арабское племя 102, 178, 179.
Амудин (Аммодей), крепость 220.
Антиохия 24, 38, 64, 77, 84—86, 89, 93—95, 182, 192, 218, 224, 227, 304, 309.
Апамея, город; Апамена, область 76, 94, 95, 212, 298, 308, 309.
Аравия, Южная Аравия 51, 71, 73, 76, 80, 82, 102, 117, 124, 125, 143, 145, 147, 251, 254, 257, 260—262, 266.
Аравия (Арабия), провинция Византии 188, 189, 195, 211, 227, 293.
Арзанона (Арзун), область Месопотамии 64, 76, 299, 308.
Армения 86, 89, 96, 99, 191, 201, 298.
Ароб (Бет Арабайе), область Междуречья 186, 220, 221, 226, 278.
Асад, арабское племя 23, 151.
Ассаниты 30, 33.
Бакр, бакриты, арабское племя 109, 122, 147.
Батнан (Серуг), крепость 94, 223.
Бероя (Халеб, Алеппо), город 93, 94.
Бет Арабайе см. Ароб. Бет Арамайе, область Ирана 65, 66, 276, 305.
Бет Гармай, область Ирана 65.
Битрапса, селение в Сирии 68, 137, 174.
Востра (Босра), город 23, 48, 212, 216, 240, 266, 269.
Габбула (Габулон), византийская крепость 87, 218.
Гасаниды 140, 174, 180—214, 225, 267.
Гафна (Джафна), гафниды, род племени гасанидов 131.
Гунны 76, 86, 101.
Дамаск 23, 90, 206, 209, 216, 266.
Дара, византийская крепость 95, 105, 111, 186, 208, 216, 219—223.
Дахла (Рамлах), горы 167.
Думер, центр одной из «епископий сарацин» 266.
Дура-Европос, крепость 98, 218, 223, 225.
Евфрат 10, 32, 64, 87, 189, 190, 216, 223.
Евфратезия, область Византии 82, 89, 97, 143, 174.
Египет 54, 161, 208, 267.
Зоджома (Даджама) см. Салих. Зу Кар, долина 7, 122, 123.
Иемама, область 103, 147.
Иераполь (Маббог, Мембидж). Город 93, 95, 218.
Индика (Аравия) 82, 143, 189.
Иотаба (ныне Тиран), остров 12, 51, 52, 137, 165, 174, 175.

Исавры (исаврийцы), горное племя 134, 190.
Йемен 102, 124, 130, 148, 152, 155, 181, 246, 249, 262, 277.
Каллиник (Ницефориум, Ракка) город 32, 69, 87, 89, 98, 140, 224.
Каспийские ворота 76, 111.
Каср ал Хейр, крепость 197.
Кинда (Киддат), киндиты, арабское племя 68, 70, 73, 75, 102, 104, 124—134, 145, 152—155, 168, 169, 180, 251.
Киннешрин (Халкис) 95, 106, 193, 217, 218, 227.
Киркесий (Киркесиум), крепость 32, 69, 189, 216.
Колхида см. Лазика. Коммагена, область Византии 86, 98, 108.
Константинополь 11, 34, 52, 54, 63, 107, 161, 165, 209, 241, 267, 273.
Красное море см. Эритрейское море. Ктесифон 95, 134.
Кулаб (ал Кулаб) 146.
Лазика (Колхида) 96, 105, 109, 114, 192.
Лахмиды 57—123, 274—283.
Маад (маадеи), арабское племя 78, 102, 104, 125, 130, 131, 135, 139, 149, 155, 168, 169, 177, 180.
Маббог см. Иераполь.
Мардин, крепость 42.
Маркабта де Тайиайе, селение 275, 276.
Мартирополь (Маиферкат), город в Армении 89, 191.
Масиль (вади Масиль), Масиль Гумхан, местность в центральной Аравии 71, 73, 100, 132, 134.
Масхидж (Мазидж), арабское племя 23, 24, 73, 74, 78, 125, 145, 154.
Мекка 18, 102, 125, 132, 148, 152, 178, 262.
Мембидж см. Иераполь. Месопотамия (Междуречье) 84, 86, 95, 96, 106, 107, 134, 140, 143, 147, 148, 192, 206, 215, 222, 227, 278.
Миндон, византийская крепость 85.
Мурайгхан, колодец в оазисе 102, 104, 178, 179.
Наджран, селение в византийской провинции Аравии 227.
Нежд 148, 152, 154, 162, 168, 237, 239, 274.
Неджран, город в Южной Аравии 23, 24, 127, 128, 146, 151, 160, 255—261, 274.
Немара (ан Немара), селение 23, 26, 27.
Низар, арабское племя 23, 29.
Нил 34, 158, 161.
Нимфий, приток Тигра 89.
Нисибия (Нисибин, Нисибис), город и область в Междуречье 64, 65, 76, 96, 111, 116, 219, 220, 300, 308.
Нокалипский, род арабов 53.
Нубия (нобады) 160, 161, 294—297.
Осроена, византийская область с центром в Эдессе 86, 88, 191, 306.
Палестина 43, 55, 68, 97, 125, 137, 138, 251.
Палестина, 1-я, 2-я, 3-я, провинции Византии 51, 140, 150, 164, 167, 172, 173, 177, 188, 195, 211, 213.
Пальмира, город; Пальмирена, область 24, 26, 42, 91, 201, 209, 215, 216, 226, 227, 231, 238.
Пётра, город в Лазике 96, 193.
Пётра, город в Набатее 12, 22, 42, 52, 118, 165, 216.
Петрея, область тяготевавшая к Пётре в Набатее 52.
Решайна, город в Месопотамии 306.
Рияд 132.
Русафа (Сергиополь) 93, 98, 205, 225, 226, 304.
Салих (Зоджома), арабское племя 131, 136, 138, 143, 180—184.
Самаряне 187—189, 309.
Самосата (Шамитат), город 140.
Сергиополь см. Русафа. Синай, Синайский полуостров 150, 165, 172.
Сингара (Синджар) 186.

Сирия 97, 138, 148, 167, 175, 201, 208, 215, 216, 222, 225, 267, 272.
 Сисавраны, крепость 96, 97, 192.
 Страта, мощеная дорога 91—94, 244.
 Сура, византийская крепость на Евфрате, 87, 93, 98, 190, 215.
 Таглиб (бану Таглиб), арабское племя 109, 118, 122, 147, 151.
 Талабиты (Таалаба), арабское племя 69, 73—75, 122, 139, 140, 145.
 Тамим, арабское племя 146.
 Танурин, пустыня 186.
 Танух (танухиты), арабское племя 63, 180, 280.
 Тигр 24, 34, 192, 193, 216.
 Туаййе, арабское племя 65, 66, 280.
 Урха см. Эдесса.
 Феодосиополь 193, 219, 225.
 Финикия 82, 84, 96, 97, 125, 137, 143, 167, 211, 213, 251, 266.
 Финикон 118, 160, 176.
 Хабор, река (приток Евфрата), область 32, 69, 140, 193, 216.
 Хаварин (Хеварин, Евария), селение в Сирии 209, 266, 291.
 Хаварнак, дворец близ Хирты 147.
 Хадрамаут, область в Южной Аравии 102, 149, 150, 152, 234, 247.
 Халеб см. Бероя.
 Халибан, местность в центральной Аравии 102.
 Халкис см. Киннешрин. Ханзала, арабское племя 104, 118, 146.
 Харран 140.
 Хедайяб (Адиабена), область 65.
 Химс см. Эмесса. Химьяр (химьяриты) 71, 78, 81, 100, 104, 129, 134, 145, 161, 163, 164, 177, 179, 235, 247, 248, 274.
 Хирта «дома Харита бар Габалы», центр гасанидов 206, 226, 240, 253, 272.
 Хирта (Хира, Хирта Нааманова), центр лахмидов 57, 62, 69, 70, 93, 104, 108, 119—121, 140, 142, 205, 250, 252, 253.
 Эдесса (Урха), город 100, 101, 140, 201, 216, 218, 220, 224, 306.
 Эмесса (Химс), город 76, 101, 136, 309.
 Эритрейское море (Красное море) 99, 156, 158, 165, 174, 176, 216.
 Эфиопия 80, 81, 100, 126—127, 129, 157, 161, 164, 168.

УКАЗАТЕЛЬ НАДПИСЕЙ

Надпись из ан Немары Амрулькайса (328 г.) 23—30.
 Трилингва из Зебеда (512 г.) 265.
 Билингва из Харрана (568 г.) 265, 266.
 Графитто Худжра 135. С. I. Н. 155 247. С. I. Н. 334 247.
 С. I. Н. 541 147, 148, 250.
 Ру 506 (547 г. н. э.) 102, 103, 109, 178.
 Ру 507 (у Химы, 518 г.) 146.
 Ру 508 (у Каукаба, 518 г.) 146.
 Ру 509 133—135.
 Ру 510 (516 г. н. э.) 73—75, 144.
 Ру 534 133.
 Ру 535 125—130.

ОГЛАВЛЕНИЕ

(Страницы указаны у книги-оригинала).

	Стр.
Введение	3
Источники по истории доисламских арабов и историография вопроса	6
Арабские источники	—
Греческие и латинские источники	10

Сирийские историки и хронисты	14
Историографический очерк	18
Арабские племена у границ Византии в IV—V вв.	22
Марулькайс — «царь всех арабов»	—
Царица Мавия	35
Арабы в Палестине и Сирии	43
Царство «персидских» арабов	57
Грозный царь Мундар	66
Внешняя политика Ирана и Хирта	73
Война за «Страту»	91
Последние лахмиды	108
Господство рода Кинда	124
Кинда, Маад и Масхидж в центральной Аравии	125
Киндиты на службе Византии	136
Имрулькайс — поэт-изгнанник	151
Красное море в политике Византии	156
Вопросы историографии	161
Посольства	165
Судьба Финикона	174
Византийские филархи рода Гасан	180
Салихиды и гасаниды	—
«Славный» царь Харит ибн Габала	184
Мундар бар Харит «с братьями и сыновьями»	202
Оборона византийских границ и арабы	215
Социальный строй и экономические особенности общества доисламских арабов	229
Союзы племен	237
Вопросы социального строя Южной Аравии	246
Становище и город	251
Город — государство	254
Арабы и христианство	264
Христианство у лахмидов	274
Заключение	284

Приложения

Переводы из сирийских источников	291
Библиография	313
Указатели	
Именной указатель	329
Указатель географических и этнических названий	333
Указатель надписей	335

ПРИМЕЧАНИЯ

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ДОИСЛАМСКИХ АРАБОВ И ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

- ¹ F. Gabrieli. La letteratura beduina preislamica. L'antica società beduina. Roma, 1959, pp. 95—114, 104.
- ² De Slane. Le diwan d'Amro'lkais. Paris, 1837; Th. Nöldeke. Fünf Mo'allakat. Sitzungsberichte der Wiener Akademie, 1899; F. Gabrieli. La poésie arabe ancienne. Diogene, 1962, v. 40, pp. 82, 93; C. J. Lyall. Translations of Ancient Arabian Poetry. New York, 1930.
- ³ W. Caskei. Die einheimischen Quellen zur Geschichte Nord-Arabiens vor dem Islam. Islamica, 1927, Bd. III, pp. 331—341.
- ⁴ W. Caskei. Aijam al 'Arab. Studien zur altarabischen Epik. Islamica, 1930, Bd. 3, f. 5, pp. 38, 47.
- ⁵ Encyclopédie de l'Islam, t. IV, Leiden, 1934, pp. 607—608; K. Brockelmann. Geschichte der arabischen Literatur, Bd. I, pp. 142—143; F. Wüstenfeld. Die Geschichtschreiber der Araber und ihre Werke. Göttingen, 1882, § 94, pp. 31—32.
- ⁶ Encyclopédie de l'Islam, t. II, 1927, pp. 271—272; C. Brockelmann. Geschichte der arabischen Literatur, Bd.

- I, p. 145; F. Wüstenfeld. Die Geschichtschreiber der Araber..., § 126, p. 41.
- ⁷ Encyclopédie de l'Islam, t. III, 1936, pp. 457—458; C. Brockelmann. Geschichte der arabischen Literatur, Bd. I, pp. 141—143; F. Wüstenfeld. Die Geschichtschreiber der Araber..., § 119, pp. 38—40.
- ⁸ H. A. R. Gibb. Abu'l-Fida. Encyclopedia of Islam, 1954, v. I, pp. 118—119.
- ⁹ Chronique de Seert. Histoire nestorienne, ed par Addai Scheer. Patrologia Orientalis. Paris, IV — 1908, pp. 215—312; V — 1910, pp. 219—344; VII — 1911, pp. 97—201; XIII — 1919, pp. 437—639.
- ¹⁰ G. Graaf. Geschichte der christlichen arabischen Literatur. Citta del Vaticano, 1947, II, p. 195.
- ¹¹ Ammianus Marcellinus. Rerum gestarum libri qui supersunt. Rec. Fr. Eysenhardt. Berolini, 1871, pp. 269, 295, 297.
- ¹² Eusebius Werke. Die Kirchengeschichte, herausgegeben von Ed. Schwartz. Die lateinische Übersetzung des Rufinus von Th. Mommsen, II Teil. Leipzig, 1908, pp. 951—952.
- ¹³ Pauly-Wissowa. Realencyclopädie, 1927, 2 Reihe, I Bd., col. 1195.
- ¹⁴ Socrates. Ecclesiastica historia, IV, 36, ed. R. Hussey. Oxonii, 1853, t. II, p. 564—566.
- ¹⁵ В. В. Болотов. Лекции по истории древней церкви, I. СПб., 1907, стр. 164; Pauly-Wissowa. Realencyclopädie, 1927, 2 Reihe, V Bd., col. 893—901.
- ¹⁶ В. В. Болотов. Лекции..., стр. 165—167; G. Schoo. Die Quellen des Kirchenhistoriker Sozomenos. Texte und Untersuchungen. 1911, Bd. 32.
- ¹⁷ Sozomenos. Historia ecclesiastica, VI, 38, ed. R. Hussey. Oxonii, 1860, t. II, pp. 667—674.
- ¹⁸ Philostorgius. Historia ecclesiastica, ed. J. Bidez. Leipzig, 1913; J. Bidez. Der Geschichtschreiber Philostorgius, p. CVI; G. Moravcsik. Byzantinoturcica, I. Berlin, 1958, p. 473.
- ¹⁹ Evagrius. Historia ecclesiastica, ed. J. Bidez and L. Parmentier. London, 1898, IV, 12, 13, p. 163; V, 20, p. 216; VI, 2, p. 223; VI, 22, p. 238; G. Moravcsik. Byzantinoturcica, I, pp. 257—259.
- ²⁰ Fragmenta historicorum graecorum, ed. C. Mullerus. Parisiis, 1851, v. IV, pp. 111—132.
- ²¹ Procopius Caesariensis, Opera omnia, v. I—III, ed. Hauray. Lipsiae, 1905—1908.
- ²² G. Moravcsik. Byzantinoturcica, I, pp. 489—491.
- ²³ Joannes Malalas. Chronographia, ed. L. Dindorfius. Bonnae, 1831; G. Moravcsik. Byzantinoturcica, I, pp. 229—334.
- ²⁴ G. Moravcsik. Byzantinoturcica, I, pp. 422—424.
- ²⁵ Excerpta historica iussu imp. Constantini Porphyrogeniti. Excerpta de legationibus, ed. C. de Boor, pars I. Berolini, 1903, p. 180.
- ²⁶ Theophylactus Simocatta. Historia, ed. C. de Boor. Lipsiae, 1887.
- ²⁷ G. Moravcsik. Byzantinoturcica, I, pp. 531—533.
- ²⁸ Theophanes. Chronographia, rec. C. de Boor, I. Lipsiae, 1883.
- ²⁹ Kyrillos von Skythopolis, ed. Ed. Schwartz. Texte und Untersuchungen, Bd. 49, H. 2, 1939.
- ³⁰ B. Genier. Vie de St. Euthyme le Grand (337—473). Paris, 1909.
- ³¹ Pratur spiritualum. Patrologia graeca, t. 87, col. 2845—3116.
- ³² The chronicle of Joshua the Stylite, ed. by W. Wright. Cambridge, 1882; Н. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V и VI вв. Хроника Иешу Стилита как исторический источник. Л., 1940.
- ³³ Historia ecclesiastica Zachariae Rhetori vulgo adscripta, ed. E. W. Brooks. CSCO. Scriptores syri, series tertia, tt. V, VI cum versio latina. Parisiis, I — 1919, II — 1921; Die sogenannte Kirchengeschichte des Zacharias Rhetor. Übersetzt von K. Ahrens und G. Krüger. Leipzig, 1899; Н. Пигулевская. Сирийские источники по истории народов СССР. Л., 1941, стр. 8—14, 148—167.
- ³⁴ Histoire de mar Iaballaha et de trois autres patriarches, ed. par P. Bedjan. Paris, 1895; Н. Пигулевская. Мар Аба I. Зап. Инст. востоковед. АН СССР, 1948, V, стр. 73—84.
- ³⁵ Ioannes Ephesus. Historia ecclesiastica, pars tertia, ed. E. W. Brooks. Parisiis, 1935. CSCO. Scriptores syri, series tertia, t. III. Versio latina E. W. Brooks. Lovanii, 1936; Johannes von Ephesus. Kirchengeschichte. Übersetzt von I. M. Schönfelder. München, 1862; John of Ephesus, transl. by R. Payne-Smith, Oxford, 1860; А. П. Дьяконов. Иоанн Ефесский и его церковно-исторические труды. СПб., 1908; Н. Пигулевская. Сирийские источники..., стр. 15—28, 109—147.
- ³⁶ См.: стр. 269—274 и приложения, стр. 294—297.
- ³⁷ John of Ephesus. Lives of the Eastern Saints, ed. by E. W. Brooks. Patrologia Orientalis, 19, 1926.
- ³⁸ Chronica minora, ed. I. Guidi, Parisiis, 1903. CSCO. Scriptores syri, series tertia, t. IV, textus pp. 16—39, versio pp. 13—32; Th. Nöldeke. Die von Guidi herausgegebene Chronik. Sitzungsberichte der Wiener Akademie, philhist. Klasse, 1893, Bd. 128, Abh. 9, pp. 1—48; Н. Пигулевская. Анонимная сирийская хроника времени сасанидов. Зап. Инст. востоковед. АН СССР, т. VII, 1939, стр. 55—78.
- ³⁹ Chronica minora, ed. W. E. Brooks. CSCO. Scriptores syri, series tertia, t. IV, pp. 197—255, versio pp. 261—327; A. Baumstark. Geschichte der syrischen Literatur. Bonn, 1922, pp. 248, 254; I. Ortiz de Urbina. Patrologia syriaca. Roma, 1958, pp. 166—167.
- ⁴⁰ Chronicon anonymum Pseudo-Dionysianum vulgo dictum, ed. J. B. Chabot. CSCO. Scriptores syri, series tertia, tt. I—II, Lovanii, 1927, 1933; I. Ortiz de Urbina. Patrologia syriaca, pp. 197—198; A. Baumstark. Geschichte der syrischen Literatur, p. 275.
- ⁴¹ Chronicon miscellaneum, ed. A. D. 724 pertinens, ed. E. W. Brooks. Chronica minora. CSCO. Scriptores syri, t. IV, pp. 77—156 (61—119).
- ⁴² Michel le Syrien. Chronique éditée par J. B. Chabot. Paris I — 1899; II — 1901; III — 1905; IV — 1910; introduction et tables — 1924; A. Baumstark. Geschichte ..., pp. 298—300; Н. Пигулевская. Византия и Иран на рубеже VI и VII вв. Л., 1946, стр. 33—42. I. Ortiz de Urbina. Patrologia..., p. 207.

⁴³ Barhebraeus. 1) *Chronicon syriacum*, ed. P. Bedjan. Parisii, 1890; 2) *Chronicon ecclesiasticum*, ed. I. B. Abbeloos — Th. I. Lamy, I, II, Löwen, 1890; A. Baumstark. *Geschichte...*, pp. 318—319; I. Ortiz de Urbina. *Patrologia...*, pp. 207—209.

⁴⁴ *Documenta ad origines monophysitarum illustrandas*, ed. J. B. Chabot. CSCO. *Scriptores syri, series secunda*, t. 37, versio J. B. Chabot, t. 52, Louvain, 1952; A. Baumstark. *Geschichte...*, pp. 175—176; I. Ortiz de Urbina. *Patrologia...*, p. 195.

⁴⁵ *Synodicon orientale ou oirecueil de synodes nestoriens*, ed. par J. B. Chabot. Paris, 1902; I. Ortiz de Urbina. *Patrologia...*, pp. 112—113.

⁴⁶ A. P. Caussin de Perceval. *Essai sur l'histoire des arabes avant l'islamisme*. Paris, I — 1847; II — 1847; III — 1848.

⁴⁷ Th. Nöldeke. *Die Ghassanischen Fürsten aus dem Hause Gafnas*. *Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften zu Berlin*, Berlin, 1887.

⁴⁸ G. Rothstein. *Die Dynastie der Lahmiden in al-Hira*. Berlin 1899.

⁴⁹ H. Lammens. 1) *L'Arabie occidentale avant l'hégire*. Beyrouth, 1928; 2) *Le berceau de l'Islam. L'Arabie occidentale à la veille de l'hégire*. Roma, 1914.

⁵⁰ De Slane. *Le diwan d'Amro'lkais*. Paris, 1837.

⁵¹ G. Olinde. *The Kings of Kinda*. Lund, 1927.

⁵² W. Caskel. 1) *Die einheimischen Quellen zur Geschichte Nord-Arabiens vor dem Islam*. *Islamica*, 1927, t. III, pp. 331—34; 2) *Aijam al'Arab. Studien zur altarabischen Epik*. *Islamica*, 1930, t. III, f. 5, pp. 38—61.

⁵³ G. Ryckmans. *Inscriptions sud-arabes*. *Le Muséon*, 1950—1962. tt. 62—74.

⁵⁴ J. Pirenne. *Paléographie des inscriptions sud-arabes. Contribution à la chronologie et à l'histoire de l'Arabie du sud antique*. Bruxelles, 1956.

⁵⁵ M. Höfner. *Altsüdarabische Grammatik (Porta linguarum orientalium, t. XXIV)*. Leipzig, 1943; H. Wissmann und M. Höfner. *Beiträge zur historischen Geographie des vorislamischen Südarabiens*. Wiesbaden, 1952.

⁵⁶ A. F. Beeston. *Epigraphic South Arabian Calendars and Dating*. London, 1956.

⁵⁷ Н. Пигулевская. *Византия на путях в Индию*. М.—Л., 1951, стр. 215—384.

⁵⁸ А. Г. Лундин. *Южная Аравия в VI в. Л.*, 1961.

⁵⁹ I. Kawar. 1) *Procopius und Arethas*. *Byzantinische Zeitschrift*, 1957, Bd. 50, H. 1, 2; 2) *Procopius on the Ghassanids*. *Journal of the American Oriental Society*, 1957, v. 77, № 2; 3) *The Last Days of Salih*. *Arabica*, 1958, t. 5, f. 2; 4) *Ghassan and Byzantium, a new terminus a quo*. *Der Islam*, 1958, Bd. 33, H. 3; 5) *The Patriate of Arethas*. *Byzantinische Zeitschrift*, 1959, Bd. 52, H. 2.

⁶⁰ P. Goubert. *Byzance avant l'Islam*, I. Paris, 1951, pp. 252—253, 259—263.

⁶¹ F. Altheim, R. Stiehl. *Finanzgeschichte der Spätantike*. Frankfurt am Main, 1957; F. Altheim. *Geschichte der Hunnen*, Bd. I. Berlin, 1959.

⁶² B. Rubin. *Das Zeitalter Justinians*, Bd. I. Berlin, 1960.

⁶³ F. Gabrieli, 1) *La letteratura beduina preislamica. L'antica società beduina*. Roma, 1959, pp. 95—114; 2) 'Adi ihn Zaid. *Rendiconti d. Acad. d. Lincei*, 1948, ser. 8, III; 3) Ta'abbata Sarran. *Rendiconti d. Acad. d. Lincei*, 1946, ser. 8, I; 4) *La poesie arabe ancienne*. *Diogene*, 1962, v. 40, 4.

⁶⁴ *L'antica società beduina raccolta da F. Gabrieli*. Università di Roma, *Studi semitici*, 2, Roma, 1959.

АРАБСКИЕ ПЛЕМЕНА У ГРАНИЦ ВИЗАНТИИ В IV—V В.В.

¹ R. Dussaud. *Les arabes en Syrie avant l'Islam*. Paris, 1907, fig. 10, p. 39.

² *Répertoire chronologique d'épigraphie arabe*, t. I. Publ. par Et. Combe, J. Sauvaget et C. Wiet, Le Caire, 1931, pp. 1—2.

³ Th. Nöldeke. *Der Araberkönig von Nemara*. *Florilegium...* De Vogue. Paris, 1909, p. 464.

⁴ R. Dussaud. *La penetration des arabes en Syrie avant l'Islam*. Paris, 1955, p. 64; F. E. Peiser. *Die arabische Inschrift von Nemara*. *Ori-entalische Literaturzeitung*, 1903, № 7, col. 280.

⁵ J. Ryckmans. *L'institution monarchique*. Louvain, 1951, p. 311.

⁶ Ch. Clermont-Ganneau. *Recueil d'archéologie orientale*, VI. Paris, 1905, p. 308; R. Dussaud. *La penetration des arabes...*, p. 64.

⁷ F. E. Peiser. *Die arabische Inschrift von en-Nemšra*. *Orientalische Literaturzeitung*, 1903, № 7, col. 280.

⁸ Th. Nöldeke. *Der Araberkönig von Nemara*, p. 463.

⁹ R. Dussaud. *La pénétration des arabes...*, fig. 17, p. 79.

¹⁰ F. E. Peiser. *Die arabische Inschrift von Nemara*, col. 281; Ch. Clermont-Ganneau. *Recueil...*, p. 307.

¹¹ R. Dussaud. *La pénétration des arabes...*, p. 65.

¹² Приводим не подтвержденную филологическим анализом попытку дать новый английский перевод надгробия Амрулькайса. Приводим его в русском переводе: «Это гробница Имрулькайса сына Амра, царя всех арабов, который был увенчан и был царем племен Асад и Низар и их шейхов. И он понудил бежать Масхидж победоносно к границам Неджрана, городу Шамира; царь Маад и его сыновья правили над народами. Персы и византийцы признали его, ни один царь не достиг его в славе и силе. Он умер в 223 г., 7 касула (328 г. н. э.); сыновья наследовали ему». (См.: J. Germanus. *Legacy of ancient Arabia*. *Islamic Culture*, 1963, 37, f. 4, p. 263).

¹³ Th. Nöldeke. *Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sas-saniden*, aus der arabischen Chronik des Tabari. Leyden, 1879, p. 25, nota 3 (далее цитируем: Nöldeke—Tabari).

¹⁴ Tabari. *Annales, quod scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at Tabari*, ed. M. J. De Goeje, prima series, t. II, rec. J. Barth et Th. Nöldeke. *Lugduni Batavorum*, 1881—1882, p. 770.

- ¹⁵ G. Rothstein. Die Dynastie der Lahiniden..., p. 54.
- ¹⁶ Там же, стр. 57.
- ¹⁷ Tabari. Annales..., p. 834.
- ¹⁸ Hamzae Ispahanensis Annalium, libri X, ed. J. M. E. Gottwaldt. Lipsiae, t. I — 1844, pp. 99—100; t. II — 1848, p. 78.
- ¹⁹ Tabari. Annales..., t. II, p. 834; G. Rothstein. Die Dynastie der Lahmididen..., p. 54.
- ²⁰ Th. Nöldeke. Geschichte der Perser und Araber..., p. 435.
- ²¹ Tabari. Annales..., t. II, p. 834.
- ²² Там же.
- ²³ Nöldeke—Tabari, p. 47, nota 3.
- ²⁴ Maçoudi. Les prairies d'or, t. II. Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. Paris, 1863, pp. 175—177.
- ²⁵ Там же, стр. 178—181.
- ²⁶ Ammianus Marcellinus. Rerum gestarum libri qui supersunt, 24, 2, 4. Rec. Fr. Eyssenhardt. Berolini, 1871, p. 297.
- ²⁷ E. A. Thompson. The Historical Work of Ammianus Marcellius Cambridge, 1947, pp. 20—42.
- ²⁸ Ammianus Marcellinus. Rerum gestarum libri..., 23, 2, 1, p. 266.
- ²⁹ R. Dussaud. Topographie historique de la Syrie antique et médiévale. Paris, 1927, carte XIV.
- ³⁰ Ammianus Marcellinus. Rerum gestarum libri..., 23, 3, 8, p. 269.
- ³¹ Ю. А. Кулаковский несколько сужает смысл выражения *ut ad furta bellorum adpositi* как «их пригодность для партизанской войны» (Аммиан Марцеллин. История, вып. II. Киев, 1907, стр. 162), тогда как «тайная», «скрытая» война включает и понятие разведки.
- ³² Ammianus Marcellinus. Rerum gestarum libri..., 23, 5, 1, p. 272.
- ³³ Там же, 23, 5, 2, стр. 272.
- ³⁴ Там же, 24, 1, 10, стр. 295.
- ³⁵ Там же, 24, 2, 4, стр. 297.
- ³⁶ Там же, 22, 15, 2, стр. 255.
- ³⁷ Там же, 23, 6, 13, стр. 279.
- ³⁸ Там же, 24, 4, 1—3, стр. 8.
- ³⁹ Там же, 14, 4, 3—4, стр. 8.
- ⁴⁰ Там же, 14, 4, 6—7, стр. 8.
- ⁴¹ Там же, 25, 6, 10—11, стр. 332.
- ⁴² Eusebius Werke. Die Kirchengeschichte, herausgegeben von Ed. Schwartz, Bd. II, 2. Teil. Leipzig, 1908, p. 1010.
- ⁴³ Там же, стр. 1012.
- ⁴⁴ Там же, стр. 1110—1013.
- ⁴⁵ В. В. Болотов. Лекции по истории древней церкви, т. I. СПб., 4907, стр. 165—166; C. Schoo. Die Quellen des Kirchenhistorikers Sozomenos. Neue Studien zur Geschichte der Theologie und der Kirche, herausgegeben von N. Bonwetsch und R. Seeberg. Berlin, 1911, Bd. 32, pp. 90, 92, 94.
- ⁴⁶ Sozomenos. Historia ecclesiastica, I, VI, 38, ed. R. Hussey, t. II. Oxontii, 1860, p. 667.
- ⁴⁷ Там же, VI, 38, т. II, стр. 671.
- ⁴⁸ A. Vasilev. Notes on some Episodes concerning the Relations between the Arabs and the Byzantine Empire from the Fourth to the Sixth Century. Dumbarton Oaks Papers, №№ 9 and 10, Cambridge, Massachusetts, 1956, p. 307.
- ⁴⁹ Sozomenos. Historia ecclesiastica, IV, 36, ed. R. Hussey, t. II. Oxonii, 1853, p. 564.
- ⁵⁰ Theophanes. Chronographia, ed. C. De Boor. Lipsiae, 1888, p. 64.
- ⁵¹ Michel le Syrien. Chronique, texte syriac, t. 4. Paris, 1910, pp. 151—152.
- ⁵² Sozomenos. Historia ecclesiastica, IV, 36, t. II, p. 564.
- ⁵³ Rufinus. Historia ecclesiastica, XI, 7, p. 1012.
- ⁵⁴ Sozomenos. Historia ecclesiastica, VI, 38, pp. 672—673.
- ⁵⁵ Там же, 40, стр. 676—677.
- ⁵⁶ Theophanes. Chronographia, ed. De Boor, v. I. Lipsiae, 1883, p. 65.
- ⁵⁷ Sozomenos. Historia ecclesiastica, pp. 678—679.
- ⁵⁸ Sozomenos. Historia ecclesiastica, I, t. II, p. 574.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Ammianus Marcellinus, Rerum gestarum libri..., 31, 13, 12—17, p. 520.
- ⁶¹ Там же, 31, 16, 3—7, стр. 527.
- ⁶² Hamza Ispahanensis. Annales, t. I, p. 100; t. II, p. 78.
- ⁶³ Там же, т. I, стр. 105; т. II, стр. 82; Nöldeke—Tabari, p. 169.
- ⁶⁴ Sozomenos. Historia ecclesiastica, VI, 38, p. 671.
- ⁶⁵ Там же, стр. 672.
- ⁶⁶ Там же, стр. 673.
- ⁶⁷ Theophylactus Simocatta. Historia, II, 2, ed. C. De Boor. Lipsiae, 1887, p. 72 (в тексте в винительном падеже).
- ⁶⁸ Hamza Ispahanensis. Annales, ed. J. M. E. Gottwaldt. Petropoli, t. I, 1844, p. 115; Lipsiae, 1848, t. 90.

- ⁶⁹ Th. Nöldeke. Die Ghassanischen Fürsten..., p. 8.
- ⁷⁰ Там же, стр. 9.
- ⁷¹ Procopius Caesarensis. De aedificiis, II, 24, t. p.; Kyrillos von Skythopolis, ed. Ed. Schwartz. Leipzig, 1959; Vita Sabae, 70, p. 172.
- ⁷² Vita Sabae, 61, p. 163; 70, p. 172.
- ⁷³ Kyrillos von Skythopolis, p. 409.
- ⁷⁴ Там же, стр. 413; R. Génier. Vie de St. Euthyme le Grand (377—473). Paris, 1909, pp. XIV—XV.
- ⁷⁵ Kyrillos von Skythopolis. Vita Euthymii, p. 18.
- ⁷⁶ A. Christensen. L'Iran sous les Sassanides. Copenhague, 1944, p. 103.
- ⁷⁷ Там же, стр. 108.
- ⁷⁸ Там же, стр. 269.
- ⁷⁹ Vita Euthymii, pp. 18—19.
- ⁸⁰ Там же, стр. 19.
- ⁸¹ R. Devréesse. Le patriarcat d'Antioche. Paris, 1945, p. 247.
- ⁸² Vita Euthymii, p. 25.
- ⁸³ Там же, стр. 21.
- ⁸⁴ Там же, стр. 20—21.
- ⁸⁵ Там же, стр. 21.
- ⁸⁶ Там же, стр. 24.
- ⁸⁷ Там же.
- ⁸⁸ Там же.
- ⁸⁹ Церковь была освящена Ювеналием в 428 г.
- ⁹⁰ Vita Euthymii, p. 25.
- ⁹¹ Там же, стр. 36.
- ⁹² Там же, стр. 52.
- ⁹³ Vita Kyriaki, ed. Schwartz, p. 226.
- ⁹⁴ Vita Euthymii, p. 26.
- ⁹⁵ Там же, стр. 33; R. Devréesse. Le patriarcat d'Antioche, p. 247; R. Génier. Vie de St. Euthyme, p. 151.
- ⁹⁶ Vita Euthymii, p. 412; R. Génier. Vie de St. Euthyme, p. 180.
- ⁹⁷ Vita Euthymii, p. 75.
- ⁹⁸ Σουίδας, Suidas, ed. Aemilius. Partus, Coloniae Allobrogum, 1619, t. II, p. 87.
- ⁹⁹ Excerpta de legationibus gentium Constantini Porphyrogeneti, ed. C. do Boor, v. I, pars 2. Berolini, 1903, p. 568. Ю. Кулаковский. История Византии. Киев, 1913, стр. 380.
- ¹⁰⁰ Malchus, Excerpta..., p. 568.
- ¹⁰¹ Malchus, Excerpta..., p. 568; Nonnosius. Fragmenta historicorum graecorum, t. IV. Parisiis, 1853, p. 179; Theophanes. Chronographia, ed. De Boor. Lipsiae, 1883, p. 141; A. Musil. Kusejr Anira I. 1907, pp. 130—132, 174; E. Stein. Histoire du Bas-Empire, t. II. Paris, 1949, p. 90.
- ¹⁰² Malchus, Excerpta..., p. 569.
- ¹⁰³ F. M. Abel. L'île de Iotabé. Revue biblique, 1938, 47, pp. 510—538; Рец.: P. Peeters). Analecta bollandiana, 1939, 57, pp. 415—416.
- ¹⁰⁴ Procopius Caesariensis. De bello persico, I, 19, ed. Haury. Lipsiae, 1905, v. I, p. 101.
- ¹⁰⁵ Там же, I, 19, стр. 101.
- ¹⁰⁶ Malchus, Excerpta..., p. 569; R. Paret. Note sur un passage de Malalas concernant les phylarques arabes. Arabica, 1958, t. V, f. 3, p. 254.
- ¹⁰⁷ R. Paret. Note sur un passage de Malalas..., p. 253.
- ¹⁰⁸ Malchus, Excerpta..., p. 569.
- ¹⁰⁹ Malchus, Excerpta..., p. 569; Ю. Кулаковский. История Византии, т. I, стр. 380; E. Stein. Histoire du Bas-Empire, t. I. 1959, p. 357.
- ¹¹⁰ Theophanes. Chronographia. A. M. 5990 (497/8), p. 141. — Подробнее анализ этих событий дан в последующих главах.
- ¹¹¹ Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. I, 1913, стр. 328—330.
- ¹¹² Там же, стр. 290—291, 331.

ЦАРСТВО «ПЕРСИДСКИХ» АРАБОВ

- ¹ Th. Nöldeke. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sassaniden aus der arabischen Chronik des Tabari. Leiden, 1879, p. 83. (В дальнейшем: Nöldeke—Tabari).
- ² Nöldeke—Tabari, pp. 85—89.
- ³ Hamza Ispahanensis. Annales Lipsiae, t. I — 1844, p. 105; t. II — 1848, p. 82; Nöldeke—Tabari, p. 80; G. Rohtstein. Die Dynastie der Lahmiden in al-Hira. Berlin, 1899, pp. 66—67. — Если Синнимар построил замок Синнин, то его имя этимологизируется как «Синнина господин», «Синнин-мар».
- ⁴ L. Massignon. Note sur le château d'al Okhaider. Comptes-rendus de l'Académie des Inscriptions et de belles-lettres, 1909, pp. 202—212; R. Devréesse. Le patriarcat d'Antioche. Paris, 1945, pp. 250—252.
- ⁵ Nöldeke—Tabari, p. 84; Hamza Ispahanensis. Annales, t. I — p. 103; t. II — p. 80.
- ⁶ Nöldeke—Tabari, pp. 84—85; A. P. Caussin de Perceval. Essai sur l'histoire des arabes avant

Islamisme, t. II. Paris, 1847, p. 55—56.

⁷ A. P. Caussin de Perceval. Essai..., pp. 56—57; G. Rothstein. Die Dynastie der Lahmiden..., p. 66.

⁸ H. Lietzmann. Das Leben des heiligen Symeon Stylites. Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur, Bd. 32, 3. Leipzig, 1908, pp. 216—217.

⁹ H. Lietzmann, Symeon Stylites, pp. 10—11.

¹⁰ P. Peeters. Le tréfonds oriental de l'hagiographie byzantine. Bruxelles, 1950, pp. 112—113; E. Honigsmann. The Calendar Change at Antioch and the Earthquake of 458. Byzantion, 1945, 17, pp. 336—339.

¹¹ G. E. Assemanus. Acta sanctorum, pars II. Martyrum occidentalium. Romae, 1748, pp. 268—308.

¹² Acta martyrum et sanctorum, t. IV, ed. P. Bedjan. Parisiis, 1894, pp. 507—644. (В дальнейшем: Acta mm. ss.).

¹³ Acta mm. ss., t. IV, p. 644; V. Grumel. La chronologie. Traité d'Etudes byzantines, I, ed. car P. Lemerle, 1958, p. 243.

¹⁴ Acta mm. ss., t. IV, pp. 597—598.

¹⁵ Jacut, II, 709; G. Rothstein. Die Dynastie der Lahmiden..., pp. 23—24, nota 2.

¹⁶ Theodoret, Historia religiosa, XXVI, § 13; H. Lietzmann. Simeon Stylites, p. 10.

¹⁷ Theodoret. Historia religiosa, § 14, Simeon, p. 11.

¹⁸ Там же, § 15, стр. 11; § 16, стр. 12.

¹⁹ Там же, § 19, стр. 14.

²⁰ Acta mm. ss., t. IV, p. 546.

²¹ Antonius. Vita Simeonis, § 29, p. 68.

²² P. Peeters. Le tréfonds oriental..., pp. 120—121.

²³ Acta mm. ss., t. IV, p. 596.

²⁴ G. Rothstein. Die Dynastie der Lahmiden..., pp. 67—68.

²⁵ Nöldeke—Tabari, p. 92.

²⁶ Nöldeke—Tabari, pp. 90—91, notae.

²⁷ Nöldeke—Tabari, p. 91; A. Christensen. L'Iran sous les Sassanides. Copenhague, 1944, pp. 274—275.

²⁸ Nöldeke—Tabari, p. 83; F. Altheim. Finanzgeschichte..., p. 117.

²⁹ Nöldeke—Tabari p. 24, nota 3; G. Rothstein. Die Dynastie der Lahmiden..., p. 28.

³⁰ Nöldeke—Tabari, pp. 92—93; G. Rothstein. Die Dynastie der Lahmiden..., pp. 68—69.

³¹ Abu Hanifa ad Dinaweri. Kitab al-Ahbar at-Tiwal, ed. V. Guirgass. Leide, 1888, p. 57.

³² Nöldeke—Tabari, pp. 86—87, notae (возможно, что царь Хирты, которому Ездгерд передал на воспитание сына, был не Мундар; а его отец Нааман); E. Herzfeld. Paikuli, v. I. Berlin, 1924; Glossary 645, p. 218.

³³ Socrates Scholasticus. Historia ecclesiastica, VII, 18 v. II, p. 767.

³⁴ Н. Пигулевская. Византийские историки об арабах V в. Палестинский сборник, 7 (70), Л., 1962, стр. 91.

³⁵ Socrates Scholasticus, VII, 18, II, p. 70.

³⁶ Там же, стр. 770. — В сокращенном виде рассказ Сократа изложен у Барэбрея: Gregorius Barhebraeus. Chronicon syriacum. Parisiis, 1890, p. 70.

³⁷ Socrates Scholasticus. Historia ecclesiastica, VII, 18, p. 771.

³⁸ Там же.

³⁹ Synodicon Oriental, ed. par J. B. Chabot. Paris, 1902, pp. 53—60 (299—307); A. Baumstark. Geschichte der syrischen Literatur. Bonn, 1922, p. 108.

⁴⁰ Synodicon Oriental, pi. 526—527 (532—533).

⁴¹ W. Wright. Catalogue of the Syriac Manuscripts in the British Museum, v. II. London, 1871, pp. 986, 988.

⁴² Nöldeke—Tabari, p. 132; Hamza Ispahanensis, Annales, p. 103.

⁴³ Nöldeke—Tabari, p. 132; Hamza Ispahanensis, Annales, p. 103; G. Rothstein. Die Dynastie der Lahmiden..., p. 68.

⁴⁴ Nöldeke—Tabari, p. 133, nota 1.

⁴⁵ Hamza Ispahanensis, p. 104; Nöldeke—Tabari, p. 133.

⁴⁶ G. Rothstein. Die Dynastie der Lahmiden..., p. 73.

⁴⁷ Nöldeke—Tabari, pp. 148, 169.

⁴⁸ Evagrius. Historia ecclesiastica, III, 36, ed. J. Bidez and L. Parmentier. London, 1898, p. 135.

⁴⁹ Theophanes. Chronographia, rec. C. De Boor, I. Lipsiae, 1883, p. 141.

⁵⁰ Joshua the Stylite. Chronicle, ed. by W. Wright. Cambridge 1882, § 52; Н. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V и VI вв. Л., 1940, стр. 150 (русск. пер., § 52).

⁵¹ Joshua the Stylite. Chronicle, § 52; Н. Пигулевская. Месопотамия. Хроника Иешу Стилита, § 52, p. 150; B. Rubin. Das Zeitalter Justinians, p. 271.

⁵² Joshua the Stylite. Chronicle, § 51, p. 153; G. Rothstein. Die Dynastie der Lahmiden..., p. 74; A. Christensen. L'Iran sous les Sassanides. 2-me ed., Kopenhagen, 1944, p. 352.

⁵³ Joshua the Stylite. Chronicle, §§ 57—58, p. 153.

⁵⁴ Chronique de Seert, publ. et trad. par Addai Scher. Seconde partie, XXII. Patrologia Orientalis, v. 7, Paris, 1911, pp. 142—143.

⁵⁵ Nöldeke—Tabari, p. 169, nota; Hamza Ispahanensis, Annales, p. 105 (82).

⁵⁶ Nöldeke—Tabari, p. 170; G. Rothstein. Die Dynastie der Lahmiden..., pp. 71, 79.

⁵⁷ Theophanes. Chronographia, pp. 141, 144.

⁵⁸ Hamza Ispahanensis. Annales, p. 106 (83).

- ⁵⁹ Там же, стр. 107 (84); Nöldeke—Tabari, pp. 170—171, nota 4; G. Rothstein. Die Dynastie der Lahmidens..., pp. 88—89.
- ⁶⁰ A. Christensen. *Iran sous les Sassanides*, pp. 358—359, 361.
- ⁶¹ Nöldeke—Tabari, pp. 148—150.
- ⁶² *Chronicon miscellaneum ad A. D. 724 pertinens*, ed. E. W. Brooks, interpr. est I. B. Chabot. CSCO. *Scriptores syri, series tertia*, Parisus, 1903, v. 4, p. 143.
- ⁶³ Joannes Malalas. *Chronographia*. Bonn, 1831, pp. 434—435 (дата смерти Харита — см. Nöldeke—Tabari, p. 466); G. Olinder. *The Kungs of Kinda*. Lund, 1927, p. 66; G. Rothstein. *Die Dynastie der Lahmidens...* p. 89.
- ⁶⁴ Nöldeke—Tabari, p. 171, nota 1; A. Christensen. *Iran...*, pp. 358—359.
- ⁶⁵ G. Olinder. *The Kings of Kinda*, pp. 61—62.
- ⁶⁶ Там же, стр. 63—64.
- ⁶⁷ Там же, стр. 64—65. — Эти положения принял также Рубин (B. Rubin. *Das Zeitalter Justinians*, pp. 272—273).
- ⁶⁸ G. Ryckmans. *Inscriptions sud-arabes, 10-me série*. Le Muséon, 1953, v. 66, f. 3—4. Ry 510, pp. 307—310.
- ⁶⁹ J. Ryckmans. *Inscriptions historiques sabéennes de l'Arabie Centrale*. Le Muséon, 1953, v. 66, f. 3—4, p. 327.
- ⁷⁰ W. Caskel. *Entdeckungen in Arabien*. Arbeitsgemeinschaft für Forschung des Landes Nordrhein—Westfalen, 1954, H. 30, p. 11—13.
- ⁷¹ S. Smith. *Events in Arabia in the 6-th Century A. D.* *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*, 1954, v. 16, 3, pp. 460—461.
- ⁷² G. Ryckmans. *Inscriptions sud-arabes*, p. 308; J. Ryckmans. *Inscriptions historiques...*, Le Muséon, 1953, v. 66, f. 3—4, pp. 328—329.
- ⁷³ *The book of Himyarites*, ed. A. Moberg. Lund, 1924, p. 43—44a; Н. Пигулевская. *Византия на путях в Индию*, стр. 233—238.
- ⁷⁴ W. Caskel. *Entdeckungen in Arabien*, pp. 11—13.
- ⁷⁵ S. Smith. *Events in Arabia...*, p. 461.
- ⁷⁶ А. Г. Лундин. *Южная Аравия в VI в.* *Палестинский сборник*, вып. 8, Л., 1960, стр. 25, прим. 30 и 31.
- ⁷⁷ *Chronicon miscellaneum ad annum Domini 724 pertinens*, ed. E. W. Brooks, interpr. est J. B. Chabot. CSCO. *Scriptores syri, series tertia*, t. IV, p. 143.
- ⁷⁸ В квадратных скобках издателем в текст Захарии Митиленского вставлена следующая фраза из хроники Михаила Сирийца (т. IV, стр. 277): [«Так Мундар араб отправился и полонил всю область делемитов, т. е. Белиху и Хабор»]. Между тем опустошение арабами областей Белихи и Хабора относится к другому времени, ко времени войны 502—503 гг. Оно ошибочно отнесено Михаилом к более позднему времени.
- ⁷⁹ K. Ahrens — G. Krüger. *Die sogenannte Kirchengeschichte des Zacharias Rhetor in deutscher Übersetzung*. Leipzig, 1899, p. 158.
- ⁸⁰ Zacharias Rhetor. *Historia ecclesiastica*, VIII, 5. *Corpus scriptorum christianorum orientalium Scriptores syri, series tertia*, t. VI, textus pp. 77—78.
- ⁸¹ Michel le Syrien. *Chronique*, ed. par I. B. Chabot, t. II, f. 2, pp. 270—271 (178—179). — Император Юстин называется у Михаила Сирийца Юстинианом I, или старшим.
- ⁸² Procopius Caesarensis. *De bello persico*, I, 8, pp. 36—37; Theophanes. *Chronographia*, (5997), pp. 146—147.
- ⁸³ A. A. Vasiliev. *Justin the first*. Cambridge, Massachusetts, 1950, p. 227.
- ⁸⁴ Zacharias Rhetor. *Historia* VIII, 4, pp. 75, 76.
- ⁸⁵ Joannes Malalas. *Chronographia*, p. 423.
- ⁸⁶ Theophanes. *Chronographia*, pp. 170—171.
- ⁸⁷ См., напр.: R. Devrèsse. *Le patriarcat d'Antioche*. Paris, 1945 p. 255.
- ⁸⁸ Н. Пигулевская. *Византия на путях в Индию*. Л., 1951, стр. 228—233, 292—297; B. Rubin. *Das Zeitalter Justinians*, pp. 310—311.
- ⁸⁹ *Martyrium Arethae*. *Acta sanctorum*. Octobris, t. X, Parisiis et Romae, 1869, p. 742.
- ⁹⁰ *The Book of Himyarites*, p. 5.
- ⁹¹ John of Ephesus. *Lives of the Eastern Saints*. *Patrologia Orientalis*, XVII, 1, p. 140.
- ⁹² I. Guidi. *La lettera di Simeone vescovo di Beth-Arsam sopra i martiri omeriti*. *Memoire della classe di scienze morali, storiche e filologiche*, ser. 3-e, v. VII, Romae, 1881, p. 1.
- ⁹³ *The Book of Himyarites*, p. 7a.
- ⁹⁴ Simeon Betharšamensis. *Lettera*, p. 4.
- ⁹⁵ Там же, стр. 8.
- ⁹⁶ *Chronicon Pseudo Dionysianum*. *Corpus scriptorum christianorum orientalium*. *Scriptores syri, series tertia*, t. I, p. 62.
- ⁹⁷ *Martyrium Arethae*. *Acta sanctorum*, p. 742; I. Guidi. *Kaiser Mundar III und die beiden monophysitischen Bischöfe*. *Zeitschrift der Deutsch. Morgenl. Gesellschaft*, Bd. 35, p. 145; Н. Пигулевская. *Византия на путях в Индию*, стр. 277, 278.
- ⁹⁸ *Martyrium Arethae*. *Acta sanctorum*, Octobris..., t. X, p. 743, § 27; Н. Пигулевская. *Византия на путях в Индию*, стр. 239.
- ⁹⁹ Procopius Caesarensis. *De bello persico*, I, 17, pp. 89—90.
- ¹⁰⁰ *Martyrium Arethae*, p. 742.

- ¹⁰¹ Procopius Caesarensis. De bello persico, p. 89.
- ¹⁰² Malalas. Chronographia, p. 434.
- ¹⁰³ Там же, стр. 434—435.
- ¹⁰⁴ Theophanes. Chronographia, p. 179.
- ¹⁰⁵ Th. Nöldeke. Die Ghassanischen Fürsten..., p. 11.
- ¹⁰⁶ Malalas. Chronographia, p. 435.
- ¹⁰⁷ Th. Nöldeke. Die Ghassanischen Fürsten..., pp. 10—11; I. Kawar. The Last Days of Salih, p. 153; G. Rothstein. Die Dynastie der Lahmiden..., p. 89; B. Rubin. Das Zeitalter Justinians, p. 273.
- ¹⁰⁸ Malalas. Chronographia, p. 434; B. Rubin. Das Zeitalter Justinians, p. 273.
- ¹⁰⁹ Theophanes. Chronographia, p. 179.
- ¹¹⁰ Malalas. Chronographia, p. 445.
- ¹¹¹ Theophanes. Chronographia, p. 178; B. Rubin. Das Zeitalter Justinians, pp. 274, 492; E. Honigmann. RE, 13, Sp. 739, Sp. 1736; E. Stein. Histoire du Bas-Empire, II, p. 287.
- ¹¹² Malalas. Chronographia, pp. 460—461.
- ¹¹³ Theophanes. Chronographia, p. 178; Malalas. Chronographia, p. 445; Procopius. De bello persico, I, 13, p. 60.
- ¹¹⁴ Там же, I, 13, стр. 63.
- ¹¹⁵ Там же, I, 14, стр. 73—74.
- ¹¹⁶ Там же, I, 15, стр. 75—76.
- ¹¹⁷ Там же, I, 15, стр. 78—79.
- ¹¹⁸ Там же, I, 17, стр. 88.
- ¹¹⁹ Там же.
- ¹²⁰ Там же, I, 18, стр. 91.
- ¹²¹ Malalas. Chronographia, p. 461.
- ¹²² Там же, стр. 462.
- ¹²³ Procopius. De bello persico, I, 18, p. 92.
- ¹²⁴ Там же, стр. 96—97.
- ¹²⁵ Malalas. Chronographia, p. 464.
- ¹²⁶ Там же, стр. 463.
- ¹²⁷ Procopius. De bello persico, I, 18, p. 100.
- ¹²⁸ Malalas. Chronographia, pp. 465—466.
- ¹²⁹ Там же, стр. 465.
- ¹³⁰ Procopius. De bello persico, I, 21, p. 110.
- ¹³¹ Malalas. Chronographia, p. 466.
- ¹³² Там же, стр. 466—467.
- ¹³³ Там же; стр. 467.
- ¹³⁴ Там же, стр. 467.
- ¹³⁵ Malalas. Chronographia, p. 469; Я. А. Манандян. О торговле и городах Армении. Ереван, 1954, стр. 110—111.
- ¹³⁶ Malalas. Chronographia, p. 470.
- ¹³⁷ Там же, стр. 471; S. H. Taqi-Zadeh. Some Chronological Data relating to the Sassanian Period. Bulletin of the School of Oriental and African Studies, 1937, t. IX, p. 125.
- ¹³⁸ Procopius. De bello persico, I, 21, pp. 112—113.
- ¹³⁹ Malalas. Chronographia, p. 471.
- ¹⁴⁰ Там же, стр. 472.
- ¹⁴¹ Jacobus Edessenus. Chronicon, ed. E. W. Brooks. CSCO. Scriptores syri, series tertia, t. IV, Parisiis, 1903, p. 319.
- ¹⁴² Procopius. De bello persico, I, 22, p. 117.
- ¹⁴³ Malalas. Chronographia, p. 478.
- ¹⁴⁴ P. Roussel. Un monument d'Hierapolis-Bambyke relatif à la paix perpétuelle de 532 après J. Chr. Mélanges syriens offerts à M. René Dussaud, t. I, Paris, 1939, pp. 366—367.
- ¹⁴⁵ Procopius. De bello persico, II, I, p. 148.
- ¹⁴⁶ Th. Nöldeke. Geschichte der Perser und Araber..., p. 238.
- ¹⁴⁷ Tabari. Annales. Prima series, II, p. 958; Nöldeke—Tabari, p. 238.
- ¹⁴⁸ Procopius. De bello persico, II, I, p. 150.
- ¹⁴⁹ Там же, стр. 149—150.
- ¹⁵⁰ Nöldeke—Tabari, p. 239.
- ¹⁵¹ Procopius. De bello persico, II, I, p. 150.
- ¹⁵² Там же, II, 4, pp. 165—166.
- ¹⁵³ Там же, II, 5—9, стр. 167—193.
- ¹⁵⁴ Chronicon ad A. D. 846 adscriptum, ed. E. W. Brooks. CSCO. Scriptores syri, series tertia, t. IV, Parisiis, 1903, p. 229.
- ¹⁵⁵ Historia ecclesiastica Zachariae Rhetori vulgo adscripta, ed. E. W. Brooks, II, p. 190 CSCO. Scriptores syri, series tertia, t. VI. Parisiis. 1921, p. 129.

- ¹⁵⁶ Jacobus Edessensis. Chronicon, ed. E. W. Brooks. CSCO. Scriptores syri, series tertia, t. IV, p. 320.
- ¹⁵⁷ Ошибка в тексте, правильно у Иакова Эдесского — 13-й год Юстиниана.
- ¹⁵⁸ Michel le Syrien. Chronique éditée par J. B. Chabot, t. II, f. 2. Paris, 1902, p. 287 (205—206).
- ¹⁵⁹ G. Downey. History of Antioch., p. 544.
- ¹⁶⁰ Procopius. De bello persico, II, 12, стр. 204.
- ¹⁶¹ Там же, II, 12, стр. 209; II, 13, стр. 213.
- ¹⁶² Nöldeke—Tabari, p. 239, pp. 239, 165.
- ¹⁶³ Procopius. De bello persico, II, 14, p. 214.
- ¹⁶⁴ Там же.
- ¹⁶⁵ Nöldeke—Tabari, pp. 165, 239.
- ¹⁶⁶ Tabari. Annales, p. 960.
- ¹⁶⁷ Там же, стр. 959; Nöldeke—Tabari, p. 240.
- ¹⁶⁸ Procopius. De bello persico, II, 17, p. 227.
- ¹⁶⁹ Там же, II, 16, стр. 223.
- ¹⁷⁰ Там же, II, 17, стр. 224.
- ¹⁷¹ Там же, II, 19, стр. 236.
- ¹⁷² Там же, II, 19, стр. 237.
- ¹⁷³ Там же, II, 20, стр. 239.
- ¹⁷⁴ Michel le Syrien. Chronique, t. II, f. 2, p. 296 (220)
- ¹⁷⁵ Procopius. De bello persico, II, 25, pp. 264—267.
- ¹⁷⁶ S. Smith. Events in Arabia in the 6-th century A. D. Bulletin of the School of Oriental and African Studies, 1954, v. XVI, part 3, pp. 441, 465.
- ¹⁷⁷ J. Ryckmans. Institutions monarchiques en Arabie méridionale avant l'Islam. Lonvain, 1951, p. 289; A. F. L. Beeston. Bulletin of the School of Oriental and African Studies, 1954, v. XVI, part I, pp. 37—40; Bibliotheca Orientalis, 1953, X, pp. 207—208.
- ¹⁷⁸ J. Ryckmans. Le début de l'ère himyarite a-t-il coïncidé avec une éclipse du soleil? Bibliotheca Orientalis, 1961, 5/6, pp. 219—221.
- ¹⁷⁹ Corpus inscriptionum semiticarum, pars IV. Inscriptiones himyariticas et sabaeas continens, t. II, f. 3. Parisiis, 1920, pp. 278—296, № 541 (Glaser 618), lin. 90, 91; Н. Пигулевская. Византия на путях в Индию, стр. 321—322.
- ¹⁸⁰ Procopius. De bello persico, II, 27, p. 280.
- ¹⁸¹ Там же, II, 27, стр. 282.
- ¹⁸² Там же, II, 28, стр. 283.
- ¹⁸³ Кавар (I. Kawar. Procopius and Arethas. Byzantinische Zeitschrift, 1857, 50, H. 2, pp. 362—382) стремится доказать предвзятое отношение и клевету, возводимые на Арефу Прокопием. Кавар явно преувеличивает отрицательное отношение автора «персидских войн» к арабам, о чем речь впереди. Он допускает ошибку, считая, что сражение между арабами в 546 г. было известной битвой, ошибочно называемой Yawm Halima, в которой был убит Мундар. Битва эта и смерть Мундара имели место в 554 г. — В. Rubin. Das Zeitalter Justinians, pp. 345, 517, nota 1124.
- ¹⁸⁴ G. Ryckmans. Inscriptions sud-arabes. Ry 506. Le Muséon, 1953, v. 66, f. 3—4, pp. 275—284; J. Ryckmans. Inscriptions historiques sabéennes de l'Arabie centrale. Le Muséon, 1953, v. 66, f. 3—4, pp. 339—342.
- ¹⁸⁵ J. Ryckmans. Inscriptions historiques ..., p. 341; W. Caskel. Entdeckungen..., p. 28; А. Г. Лундин. Южная Аравия, стр. 74.
- ¹⁸⁶ A. F. L. Beeston. Notes on the Muraighan Inscription. Bulletin of the School of Oriental and African Studies, 1954, v. 16, 2, pp. 391—392.
- ¹⁸⁷ W. Caskel. Entdeckungen in Arabien, pp. 28, 30.
- ¹⁸⁸ S. Smith. Events in Arabia in the 6-th century A. D., pp. 435—437, 465.
- ¹⁸⁹ J. Ryckmans. Le début de l'ère himyarite..., Bibliotheca Orientalis, 1953, X, pp. 207—208.
- ¹⁹⁰ A. F. L. Beeston. Notes on the Muraighan inscription p. 592.
- ¹⁹¹ А. Г. Лундин. Южная Аравия, стр. 78, прим. 71.
- ¹⁹² A. P. Caussin dePerceval. Essai sur l'histoire des arabes, t. II. Paris, 1847, p. 119.
- ¹⁹³ В. Rubin. Procopius von Kaisareia, col. 23, 354.
- ¹⁹⁴ Procopius. De bello persico, I, 19, p. 110.
- ¹⁹⁵ Fr. Altheim. Finanzgeschichte der Spätantike, pp. 144—145, 147.
- ¹⁹⁶ Н. Пигулевская. Византия на путях в Индию, стр. 328.
- ¹⁹⁷ Там же, стр. 319—320.
- ¹⁹⁸ Procopius. De bello persico, II, 28, 284.
- ¹⁹⁹ Там же, II, 28, стр. 289.
- ²⁰⁰ Procopius Caesarensis, Opera omnia, v. II, ed. Haury. Lipsiae, 1905, De bello gothico, IV, 11, p. 536.
- ²⁰¹ Нельдеке полагал, что столкновения между гасанидами и лахмидами. имели место в 544, 546 и в последующие годы. (Th. Nöldeke. Die Ghassanischen Fürsten..., p. 18).
- ²⁰² Procopius. De bello gothico, IV, 15, p. 567.
- ²⁰³ Там же, стр. 566.
- ²⁰⁴ Michel le Syrien. Chronique, t. II, 2, pp. 323—324 (269).
- ²⁰⁵ Chronicon miscellaneum ad annum D. 724 pertinens, ed. E. W. Brooks. CSCO. Scriptores syri, series tertia, t. 4, Parisiis, 1903, p. 143.

- ²⁰⁶ G. Rothstein. Die Dynastie der Lahmidien..., pp. 70, 84—87; Hitti. History of the Arabs, p. 83. — Поэтому следует отказаться от того, чтобы считать битву «день Халима» тем же сражением, что и сражение ал Хаджир, как это ошибочно полагают некоторые исследователи (См., напр.: В. Rubin. Das Zeitalter Justinians, pp. 347, 517, 1124).
- ²⁰⁷ Th. Nöldeke. Die Ghassanischen Fürsten aus dem Hause Gafnas. Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften zu Berlin, phil.-hist. Klasse Berlin, 1887, p. 18.
- ²⁰⁸ Nöldeke—Tabari, pp. 169—170.
- ²⁰⁹ Procopius. De bello persico, I, 17, p. 89.
- ²¹⁰ Там же.
- ²¹¹ Nöldeke—Tabari, pp. 171—172.
- ²¹² Hamza Ispahanensis. Annales, p. 109 (85).
- ²¹³ Nöldeke—Tabari, p. 172, nota 1.
- ²¹⁴ Jacuts Geographisches Wörterbuch, herausgegeben von F. Wüstenfeld, Bd. II, Leipzig, 1867, p. 709, — Якут называет Хинд: «Хинд дочь Харита. сына Амру сына Худжра Акил ал Мурара киндита».
- ²¹⁵ G. Rothstein. Die Dynastie der Lahmidien..., pp. 87, 96; A. P. Caussin dePerceval. Essai sur l'histoire des arabes, II, Paris, 1847, p. 116.
- ²¹⁶ Ю. Кулаковский. История Византии, т. II. Киев, 1912, стр. 203.
- ²¹⁷ Menandros. Fragmenta. Excerpta de legationibus, ed. C. De Boor, pars I. Berolini, 1903, p. 179; С. Де-тунис. Византийские историки. СПб., 1860, стр. 341; E. Doblhofer. Byzantinische Diplomaten und östliche Barbaren. Graz, 1955, pp. 106—107; В. Rubin. Das Zeitalter Justinians, p. 527.
- ²¹⁸ Menandros. Excerpta..., p. 180.
- ²¹⁹ Там же, стр. 181,
- ²²⁰ Menandros. Excerpta..., p. 182; V. Grecu. Menander Protector und der persische Gesandtschaftbericht Petros Patricios. Bulletin de la Section historique de l'Académie Roumaine, 1941, 22, 2, pp. 78—84.
- ²²¹ Menandros. Excerpta..., p. 186.
- ²²² Theophanes. Chronographia, p. 240.
- ²²³ E. Doblhofer. Byzantinische Diplomaten und östliche Barbaren. Graz, 1955, p. 127.
- ²²⁴ Menandros. Excerpta..., p. 189.
- ²²⁵ Там же, стр. 190—191; I. Kawar. The Arabs in the Peace Treaty of A. D. 561. Arabica, 1956, III, f. 3, pp. 181—213.
- ²²⁶ A. P. Caussin de Perceval. Essai sur l'histoire des arabes, t. II, p. 117.
- ²²⁷ G. Rothstein. Die Dynastie der Lahmidien..., pp. 97—98.
- ²²⁸ Menandros. Excerpta ..., pars II, p. 448.
- ²²⁹ Там же; A. P. Caussin de Perceval. Essai..., II, pp. 118—119.
- ²³⁰ Menandros. Excerpta..., pars II, p. 449.
- ²³¹ Там же.
- ²³² Там же, стр. 449—450; G. Rothstein. Die Dynastie der Lahmidien..., p. 98.
- ²³³ Th. Nöldeke. Die Ghassanischen Fürsten..., p. 23.
- ²³⁴ Chronicon miscellaneum ad. A. D. 724, ed. E. W. Brooks. Chronica minora, t. IV, p. 143.
- ²³⁵ Michel le Syrien. Chronique, t. II, f. 2, p. 291. — Нельдеке считал этим днем 20 мая.
- ²³⁶ Hamza Ispahanensis. Annales, pp. 109—110 (85—86); Nöldeke—Tabari, p. 172.
- ²³⁷ Joannes Ephesus. Historia ecclesiastica, pars tertia, ed. E. W. Brooks. CSCO. Scriptorum syri, series tertia, t. III. Parisiis, 1935, p. 280.
- ²³⁸ A. P. Caussin de Perceval. Essai..., t. II, pp. 123, 126—127.
- ²³⁹ Joannes Ephesus. Historia ecclesiastica, pars tertia, VI, 4, p. 284.
- ²⁴⁰ Там же, стр. 284.
- ²⁴¹ Там же, стр. 286—287.
- ²⁴² Hamza Ispahanensis. Annales, p. 110 (86).
- ²⁴³ Nöldeke—Tabari, p. 345.
- ²⁴⁴ Hamza Ispahanensis. Annales, p. 113 (89).
- ²⁴⁵ G. Rothstein. Die Dynastie der Lahmidien..., pp. 106—107.
- ²⁴⁶ Hamza Ispahanensis. Annales, pp. 111—112 (87); Nöldeke—Tabari, p. 347.
- ²⁴⁷ Evagrius. Historia ecclesiastica, VI, 22, ed. Bede and Parinientier-London, 1898, p. 238.
- ²⁴⁸ Chronicon anonymum, ed. I. Guidi. CSCO. Scriptorum syri, series tertia, t. IV. Chronica minora. Parisiis, 1903, p. 17; I. Guidi, CSCO; Th. Nöldeke. Die von Guidi herausgegebene Chronik. Sitzungsberichte der Wiener Akademie, phil.-hist. Klasse, Bd. 128, Abh. IX, Wien, 1893; Н. Пигулевская. Сирийская хроника времени последних сасанидов, § 3. Зап. Инст. востоковед., т. VII, стр. 64.
- ²⁴⁹ Barhaebraeus. Chronicon ecclesiasticum, ed. Abelloos et Lami, t. II, p. 105.
- ²⁵⁰ Chronicon anonymum, p. 20.
- ²⁵¹ Chronicon anonymum, p. 20; A. Christiansen. L'Iran sous les Sassanides, p. 452.
- ²⁵² G. Rothstein. Die Dynastie der Lahmidien. . ., pp. 116, 119.
- ²⁵³ Dinaweri, p. 115 (4).
- ²⁵⁴ Nöldeke—Tabari, p. 347; Hamza Ispahanensis. Annales, p. 112 (88); A. P. Caussin de Perceval. Essai..., II, p. 170.

- ²⁵⁵ Nöldeke—Tabari, p. 332;
²⁵⁶ Там же, стр. 333.
²⁵⁷ G. Rothstein. Die Dynastie der Lahmidens..., p. 125.
²⁵⁸ Nöldeke—Tabari, p. 347, nota 1.
²⁵⁹ A. P. Caussin de Perceval. Essai..., pp. 170—185; Nöldeke—Tabari, pp. 332—345;
 G. Rothstein. Die Dynastie der Lahmidens..., pp. 120—125.

ГОСПОДСТВО РОДА КИНДА

- ¹ G. Olinder. The Kings of Kinda. Lund, 1927, p. 22.
² Hamza Ispahanensis. Annales, ed. I. Gottwaldt, t. I, textus arabicus. Petropoli, 1844, p. 140; Translatio latina, Lipsiae, 1848, t. II, p. 111.
³ A. P. Caussin de Perceval. Essai sur l'histoire des Arabes avant l'islamisme, t. II. Paris, 1847, p. 264.
⁴ G. Olinder. The Kings of Kinda, pp. 32—34.
⁵ G. Ryckmans. Inscriptions sud-arabes, 13-me série. Le Muséon, 1956, v. 69, f. 1—2, pp. 140—163.
⁶ J. Pirenne. L'inscription Ryckmans 535. Le Muséon, 1956, v. 69, f. 1—2, pp. 165—181.
⁷ Ry 535, lin. 1—2.
⁸ J. Pirenne. L'inscription Ryckmans 535, pp. 176, 179.
⁹ Anzani. Numismatica axumita. Rivista italiana di Numismatica, 1926, t. 39, p. 30.
¹⁰ Corpus inscriptionum semiticarum, pars IV, t. I. Parisiis, 1889, p. 345.
¹¹ St. J. Philby. Notes on Ryckmans 535. Le Muséon, 1960, v. 73, f. 3-4, p. 407.
¹² Там же, стр. 397, 406—407.
¹³ G. Ryckmans, Inscriptions sud-arabes, p. 153.
¹⁴ St. J. Philby. Notes on Ryckmans 535, p. 406.
¹⁵ F. Altheim. Geschichte der Hunnen, Bd. I. Berlin, 1959, pp. 131—132.
¹⁶ J. Pirenne. L'inscription Ry 535, p. 167.
¹⁷ H. Wissmann und M. Höfner. Beiträge zur historischen Geographie des vorislamischen Süd-Arabiens. Wiesbaden, 1952, pp. 122, 126.
¹⁸ St. J. Philby. Notes on Ryckmans 535, p. 407.
¹⁹ J. Pirenne. L'inscription Ryckmans 535, p. 176.
²⁰ A. Jammé. Sabaean Inscriptions of Marib. 1962, Ja, 576, 2, p. 67.
²¹ Там же, стр. 318.
²² Там же, стр. 390 (хронологическая таблица).
²³ G. Ryckmans, Bibliotheca Orientalis, 1961, XVIII, 3—4, p. 188.
²⁴ H. Wissmann und M. Höfner. Beiträge zur historischen Geographie..., pp. 93, 115.
²⁵ M. Höfner. Die Beduinen in den vorislamischen arabischen Inschriften. L'antica società Beduina. Università di Roma. Roma, 1959, Studi Semitici, II, pp. 53—68.
²⁶ W. Dostal. The Evolution of Beduin Life. L'antica società Beduina. Roma, II, pp. 11—34; G. Ryckmans, Bibliotheca Orientalis, 1961, XVIII, 3—4, pp. 187—188.
²⁷ Hamza Ispahanensis. Annales, t. I, ed. I. M. E. Gottwaldt. Petropoli, 1844, p. 140.
²⁸ Там же, стр. 132.
²⁹ G. Olinder. The Kings of Kinda, p. 39.
³⁰ Hamza Ispahanensis. Annales, t. I, p. 140.
³¹ G. Ryckmans. Inscriptions sud-arabes. Le Muséon, 1951, v. 64, f. 1—2, p. 100; Le Muséon, 1953, v. 66, f. 3—4, p. 304.
³² Répertoire d'épigraphie sémitique, t. VI, X» 3383, p. 140.
³³ St. J. Philby. Note on the Last Kings of Saba. Le Muséon, 1950, t. 63, f. 3—4, pp. 269—270.
³⁴ G. Ryckmans. Inscriptions..., 12-me série. Ry 534. Le Muséon, 1955, t. 68, f. 3—4, pp. 309—310. — К 449 г. н. э. относится надпись СІН 540 царя Шарахбиля, сына Абкариба Асада. Corpus inscriptionum semiticarum, pars IV. Parisiis, 1911, t. II, pp. 263, 266.
³⁵ W. Caskel. Entdeckungen in Arabien. Arbeitsgemeinschaft für Forschung des Landes Nordrhein—Westfalen, 1954, H. 30, p. 10.
³⁶ G. Ryckmans. Inscriptions Ry 509, pp. 304, 307.
³⁷ J. Ryckmans. Inscriptions historiques sabéennes. Le Muséon, 1953, v. 66, f. 3—4, p. 328.
³⁸ W. Caskel. Entdeckungen..., p. 10.
³⁹ J. Pirenne. L'inscription Ryckmans 535, p. 175.
⁴⁰ G. Olinder. The Kings of Kinda, pp. 40—41.
⁴¹ G. Ryckmans. Inscriptions sud-arabes, 13-me série. Le Muséon, 1956, v. 69, f. 1—2, p. 152; G. Ryckmans. Graffites sabéens relevés en Arabie Saudite. Rivista degli Studi Orientali, Scritti in onore de G. Furlani, 1957, v. 32, pp. 557, 561.
⁴² Kyrillos von Skythopolis, ed. Ed. Schwartz. Leipzig, 1939, p. 243.
⁴³ Там же, стр. 244.
⁴⁴ Theophanes. Chronographia, rec. C. De Boor, v. I. Lipsiae, 1883, p. 141.
⁴⁵ Evagrius. Historia ecclesiastica, III, 36, ed. J. Bidez and L. Parmentier. London, 1898, p. 135.

- ⁴⁶ Theophanes. Chronographia, p. 141.
- ⁴⁷ Там же, стр. 144.
- ⁴⁸ E. Stein. Histoire du Bas-Empire. T. I — Paris, 1959, pp. 357, 595; t. II — Paris, 1949, p. 91.
- ⁴⁹ Theophanes. Chronographia, p. 141.
- ⁵⁰ B. Rubin. Prokopius von Kaisareia. Stuttgart, 1955, col. 81.
- ⁵¹ Procopius. De bello persico, I, 19, ed. Haury. Lipsiae, 1905, p. 101.
- ⁵² Theophanes. Chronographia, p. 141.
- ⁵³ Th. Nöldeke. Die Ghassanischen Fürsten..., pp. 8, 12.
- ⁵⁴ G. Olinder. The Kings of Kinda, p. 45. — Развивая положения, выдвинутые Нельдеке и Олиндером, Кавар придает особое значение этим арабским князьям рода Салих, которые сдали свои позиции лишь к началу VI в., когда в 502 г. филархат был якобы захвачен гасанидами (L. Kawar. The Last Days of Salih. Arabica, t. 5, f. 2, pp. 150, 158).
- ⁵⁵ E. Stein. Histoire du Bas-Empire, II, p. 91.
- ⁵⁶ B. Rubin. Das Zeitalter Justinians. Berlin, 1960, p. 271 (502 г.).
- ⁵⁷ Theophanes. Chronographia, p. 143.
- ⁵⁸ Там же, стр. 144.
- ⁵⁹ Худжр был убит в сражении «день Кулаб», следовательно, после 530 г. G. Olinder, p. 92.
- ⁶⁰ G. Rothstein. Die Dynastie der Lahmididen..., p. 91.
- ⁶¹ Th. Nöldeke. Die Ghassanischen Fürsten..., p. 9.
- ⁶² Там же, стр. 6.
- ⁶³ Н. Пигулевская. Византия на пути в Индию, стр. 322—323.
- ⁶⁴ Joshua the Stylite. Chronicle, ed. by W. Wright. Cambridge, 1882, § 57; Н. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V и VI вв. Л., 1940 (русск. пер. хроники — § 57, стр. 153).
- ⁶⁵ Н. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V и VI вв., стр. 153, § 58.
- ⁶⁶ Hamza Isphahanensis. Annales, ed. I. M. E. Gottwaldt. Petropoli, Lipsiae, 1844, t. I, p. 140; G. Olinder. The Kings of Kinda, pp. 47, 50.
- ⁶⁷ G. Olinder. The Kings of Kinda, p. 55.
- ⁶⁸ Hamza Isphahanensis. Annales, I, p. 140.
- ⁶⁹ Там же, I, стр. 107.
- ⁷⁰ Там же, стр. 107—108.
- ⁷¹ Там же, стр. 141.
- ⁷² Nöldeke-Tabari. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sassaniden. Aus der arabischen Chronik des Tabari. Leyden, 1879, p. 148. — Нельдеке отмечает ошибку в генеалогии Наамана (стр. 148, прим. 2).
- ⁷³ Malalas. Chronographia, p. 434.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ Th. Nöldeke. Die Ghassanischen Fürsten..., p. 10—11; Н. Пигулевская. Византия на путях в Индию, стр. 322; I. Kawar. The Last Days of Salih, p. 153.
- ⁷⁶ Malalas. Chronographia, p. 435.
- ⁷⁷ G. Ryckmans. Inscriptions sud-arabes, 10-me série. Le Muséon, 1953, v. 66, f. 3—4, Ry 510, pp. 307—310.
- ⁷⁸ H. Wissmann und M. Höfner. Beiträge zur historischen Geographie..., p. 120.
- ⁷⁹ The Book of Himyarites, ed. A. Moberg. Lund, 1924, pp. 43—44a.
- ⁸⁰ G. Ryckmans. Inscriptions sud-arabes. Ry 507—444, Ry 508. Le Muséon, 1953, t. 66, f. 3—4, pp. 284, 294; J. Ryckmans. Inscriptions historiques. Le Muséon, 1953, t. 66, f. 3—4, pp. 330—331; W. Caskel. Entdeckungen in Arabien. Arbeitsgemeinschaft für Forschung des Landes Nordrhein—Westfalen, 1954, H. 30, p. 13.
- ⁸¹ J. Ryckmans. Inscriptions historiques, pp. 329, 338; H. Wissmann und M. Höfner. Beiträge zur historischen Geographie Sud-Arabiens, p. 120.
- ⁸² G. Olinder. The Kings of Kinda, p. 82.
- ⁸³ W. Caskel. Die einheimischen Quellen zur Geschichte Nord-Arabiens vor dem Islam. Islamica, 1923, t. 3, f. 3, pp. 334—335; C. J. Lyall. Translations of Ancient Arabian Poetry. New York, 1930, pp. XLIV—XLV, 103—106.
- ⁸⁴ G. Olinder. The Kings of Kinda, pp. 91—92; W. Caskel. Die einheimischen Quellen..., p. 339.
- ⁸⁵ Jacuts geographisches Wörterbuch, ed. F. Wüstenfeld, Bd II. Leipzig, 1867, p. 648.
- ⁸⁶ Н. Пигулевская. Византия на путях в Индию, стр. 319—320.
- ⁸⁷ H. Wissmann und M. Höfner. Beiträge zur historischen Geographie..., p. 121.
- ⁸⁸ Corpus inscriptionum himyariticarum, t. II, f. 3. Parisii, 1920, pp. 279—280, 293—294.
- ⁸⁹ G. Ryckmans. Inscriptions sud-arabes. Ry 506. Le Muséon, 1953, t. 66, f. 3—4, pp. 275—284. — Подробно об этой надписи см. в главе о лахмидах.
- ⁹⁰ Н. Пигулевская. Византия на путях в Индию, стр. 295.
- ⁹¹ J. Ryckmans. Inscriptions sabéennes de l'Arabie centrale. Le Muséon, 1953, t. 66, f. 3—4, pp. 339—342; W. Caskel. Entdeckungen in Arabien..., pp. 28—30; A. F. L. Beeston. Notes on the Muraighan Inscription. Bulletin of the School of Oriental and African Studies, 1954, v. 16, part 2, pp. 591—592; F. Altheim, R. Stiehl. Finanzgeschichte der Spätantike. Frankfurt am Main, 1957, pp. 144—145; А. Г. Лундин. Южная Аравия в VI в. Л., 1960, стр. 74; B. Rubin. Das Zeitalter Justinians. Berlin, 1960, p. 318.
- ⁹² G. Ryckmans. Inscriptions sud-arabes. Ry 507, Ry 508. Le Muséon, 1953, t. 66, f. 3—4, pp. 287, 289, 298.
- ⁹³ H. Wissmann und M. Höfner. Beiträge zur historischen Geographie..., p. 121.
- ⁹⁴ De Slane. Le diwan d'Amro'lkais. Paris, 1837, pp. 8, 10, 16; G. Olinder. The Kings of Kinda, pp. 95—96.

- ⁹⁵ De Slane. Le diwan d'Amro'lkais, p. 19.
- ⁹⁶ G. Olinder. The Rings of Kinda, pp. 99, 103—104.
- ⁹⁷ G. Ryckmans. Inscriptions sud-arabes, Ry 506, p. 278.
- ⁹⁸ De Slane. Le diwan d'Amro'lkais, p. 20; G. Olinder. The Kings of Kinda, pp. 107—109.
- ⁹⁹ De Slane. Le diwan d'Amro'lkais, p. 27; G. Olinder. The Kings of Kinda, pp. 112—114.
- ¹⁰⁰ De Slane. Le diwan d'Amro'lkais; A. Mueller. Imru'lkaisi Mu'allaka. Halis, 1869; C. J. Lyall. Translations of Ancient Arabian Poetry. New York, 1930, pp. 103—106.
- ¹⁰¹ G. Olinder. The Kings of Kinda, p. 37.
- ¹⁰² W. Caskel. Die einheimischen Quellen..., p. 339.
- ¹⁰³ Там же, стр. 340.
- ¹⁰⁴ Там же, стр. 339.
- ¹⁰⁵ G. Olinder. The Kings of Kinda, pp. 34—37.
- ¹⁰⁶ G. Olinder. Al al-Gaun of the Family of Akil al Murar. Le Monde Oriental, 1931, v. 25, p. 208.
- ¹⁰⁷ Там же, стр. 209.
- ¹⁰⁸ M. Höfner. Die Beduinen, pp. 65, 66.
- ¹⁰⁹ G. Ryckmans. Inscriptions sud-arabes. Ry 506. Le Muséon, t. 66, p. 278 (литературу о ней см. выше).
- ¹¹⁰ G. Olinder. The Kings of Kinda, p. 37.
- ¹¹¹ W. Caskel. Die einheimischen Queten..., p. 339.
- ¹¹² Там же, стр. 340.
- ¹¹³ Nonnosus. Fragmenta. Fragmenta historicorum graecorum, t. IV, ed. C. Mullerus. Parisiis, 1851, p. 179.
- ¹¹⁴ Malalas. Chronographia, ed. Bonnae. 1831, pp. 457, 433.
- ¹¹⁵ Procopius Caesarensis. De bello persico, I, 20, ed. Haury, t. I. Lipsiae, 1905, p. 109.
- ¹¹⁶ Nonnosus. Fragmenta, p. 179.
- ¹¹⁷ Malalas. Chronographia, p. 457; Н. Пигулевская. Византия на путях в Индию, стр. 312, 313 и примечания.
- ¹¹⁸ Nonnosus. Fragmenta, p. 179.
- ¹¹⁹ Там же, стр. 180.
- ¹²⁰ Н. Пигулевская. Византия на путях в Индию, стр. 312.
- ¹²¹ Theophanes. Chronographia, t. I, ed. De Boor. Lipsiae, 1883, pp. 244—245.
- ¹²² S. Smith. Events in Arabia..., p. 450.
- ¹²³ Н. Пигулевская. Византия на путях в Индию, стр. 324; В. Rubin. Das Zeitalter Justinians, p. 315, nota 987.
- ¹²⁴ Joannes Ephesinus. Historia ecclesiastica, pars tertia, IV, 5—8. CSCO. Scriptorum syri, series tertia, t. III, pp. 182—188.
- ¹²⁵ А. П. Дьяконов. Иоанн Ефесский и его церковно-исторические труды. СПб., 1909, стр. 313, 323.
- ¹²⁶ Martyrium Arethae, p. 722; Н. Пигулевская. Византия на путях в Индию, стр. 323.
- ¹²⁷ Procopius. De bello persico, I, 10, pp. 105—10R.
- ¹²⁸ A. Dillmann. Zur Geschichte des Axumitischen Reiches im IV bis VI Jh. Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften zu Berlin, 1880, pp. 41—44.
- ¹²⁹ E. Glaser. Zwei Inschriften über den Dambruch von Marib. Mitteilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft. Berlin, 1897, pp. 70, 77—89, 125.
- ¹³⁰ G. Olinder. The Kings of Kinda, pp. 114—115.
- ¹³¹ Там же, стр. 116.
- ¹³² S. Smith. Events in Arabia..., pp. 448—451.
- ¹³³ Там же, стр. 450.
- ¹³⁴ I. Kawar. Byzantium and Kinda. Byzantinische Zeitschrift, 1960, Bd. 53, pp. 58, 61.
- ¹³⁵ Там же, стр. 63.
- ¹³⁶ Там же, стр. 65.
- ¹³⁷ Там же, стр. 65, 76.
- ¹³⁸ Там же, стр. 68—69.
- ¹³⁹ В. Rubin. Das Zeitalter Justinians, pp. 315—316, 318, 505.
- ¹⁴⁰ Malalas. Chronographia, pp. 434, 435; Th. Nöldeke. Die Ghassanischen Fürsten. ... p. 11; W. Caskel. Entdeckungen in Arabien..., p. 13.
- ¹⁴¹ Nonnosus. Fragmenta, p. 179.
- ¹⁴² Theophanes. Chronographia, pp. 143, 144.
- ¹⁴³ Н. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V и VI вв. Хроника Иешу Стилита, § 57, стр. 153.
- ¹⁴⁴ Подробности см.: Н. Пигулевская. Византия на путях в Индию, стр. 228—233.
- ¹⁴⁵ Табари и Хамза Испаганский (см.: Н. В. Пигулевская. Арабы у границ Византии в IV в. Палестинский сборник, вып. 5, стр. 49—51).
- ¹⁴⁶ J. Guidi. La lettera di Simeone vescovo di Beth-Aršam sopra i martiri omeriti. Ed. J. Guidi, Reale Accademia dei Lincei. Memorie della classe di scienze morali, storiche e filologiche, ser. 3, v. VII, Roma, 1881, p. 8.
- ¹⁴⁷ Там же, стр. 1.
- ¹⁴⁸ Nonnosus. Fragmenta, p. 179.
- ¹⁴⁹ Н. Пигулевская. Византия на путях в Индию, стр. 228—233.

- ¹⁵⁰ Procopius. De bello persico, I, 17, p. 90.
- ¹⁵¹ Nonnosus. Fragmenta, p. 179.
- ¹⁵² Procopius. De bello persico, I, 20, p. 109.
- ¹⁵³ Hamza Ispahanensis. Annales, I, p. 141 (112); G. Olander. The Kings of Kinda, p. 92.
- ¹⁵⁴ Nonnosus. Fragmenta, p. 179.
- ¹⁵⁵ Procopius. De bello persico, II, 1. p. 149.
- ¹⁵⁶ Там же, I, 20, стр. 108.
- ¹⁵⁷ Там же, стр. 109.
- ¹⁵⁸ Там же,
- ¹⁵⁹ Там же, II, 1, стр. 149.
- ¹⁶⁰ Н. Пигулевская. Византия на путях в Индию, стр. 314, 326; S. Smith. Events in Arabia..., p. 465.
- ¹⁶¹ В. Rubin. Das Zeitalter Justinians, pp. 274, 280, 284.
- ¹⁶² Procopius. De bello persico, I, 20, p. 109.
- ¹⁶³ Nonnosus. Fragmenta, p. 179.
- ¹⁶⁴ S. Smith. Events in Arabia..., pp. 449—450.
- ¹⁶⁵ I. Kavar. Byzantium and Kinda. Byzantinische Zeitschrift, 1960, t. 53, pp. 61, 63.
- ¹⁶⁶ Nonnosus. Fragmenta, p. 179.
- ¹⁶⁷ Procopius. De bello persico, I, 19, p. 106.
- ¹⁶⁸ В. Rubin. Das Zeitalter Justinians, p. 193.
- ¹⁶⁹ I. Kavar. Byzantium and Kinda, p. 69.
- ¹⁷⁰ Procopius. De bello persico, I, 19, p. 102.
- ¹⁷¹ Theophanes. Chronographia, p. 141; Ed. Stein. Histoire du Bas-Empire, t. II. Paris, 1949, p. 91.
- ¹⁷² Procopius. De bello persico, I, 19, p. 101.
- ¹⁷³ Там же, стр. 102; Н. Пигулевская. Византия на путях в Индию, стр. 323.
- ¹⁷⁴ Martyrium Arethae, p. 722.
- ¹⁷⁵ Nonnosus. Fragmenta, p. 179.
- ¹⁷⁶ Там же.
- ¹⁷⁷ Procopius. De bello persico, I, 19, p. 102.
- ¹⁷⁸ Там же p. 103.
- ¹⁷⁹ Там же, I, 20, стр. 110.
- ¹⁸⁰ В. Rubin. Das Zeitalter Justinians, p. 193.
- ¹⁸¹ G. Ryckmans. Inscriptions sud-arabes, 10-me série. Le Muséon, 1953, v. 66, pp. 275—284; J. Ryckmans. Inscriptions historiques sabéennes. Le Muséon, 1953, v. 66, pp. 339—342; W. Caskeel. Entdeckungen in Arabien, pp. 28—30.
- ¹⁸² В надписи wsthlfw/ly/m'dm от корня hlf, от которого происходит и слово «халиф». — G. Ryckmans. Inscriptions sud-arabes, p. 284; A. Beeston. Notes on the Mureighan Inscription. Bulletin of the School of Oriental and African Studies, 1954, v. 16, p. 391.
- ¹⁸³ W. Caskeel. Entdeckungen in Arabien, p. 38.

ВИЗАНТИЙСКИЕ ФИЛАРХИ РОДА ГАСАН

- ¹ Sozomenos. Historia ecclesiastica, VI, 38, ed. R. Hussey. Oxonii, 1860, t. II, pp. 672—673; G. Olander. The Kings of Kinda, p. 45; Н. Пигулевская. Арабы у границ Византии в IV в. Палестинский сборник, вып. V, 1960, стр. 61, 64.
- ² Maçoudi. Les prairies d'or, t. III. Ed. C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille, Paris, 1844, pp. 215—216.
- ³ Th. Nöldeke. Die Ghassanischen Fürsten..., p. 8.
- ⁴ Al-Ia'qubi. Historiae pars primum historiam anteislamicam continens, ed. M. Th. Houtsma. Lugduni Batavorum, 1883, p. 235.
- ⁵ Abulfeda. Historia anteislamica, ed. H. Fleischer. Lipsiae, 1831, p. 128.
- ⁶ Al-Ia'qubi. Historia, p. 235.
- ⁷ Abulfeda. Historia anteislamica, p. 128.
- ⁸ Hamza Ispahanensis. Annales, p. 116.
- ⁹ Al-Ia'qubi. Historia, p. 235.
- ¹⁰ Th. Nöldeke. Die Ghassanischen Fürsten..., p. 94.
- ¹¹ Maçoudi. Les prairies d'or, t. III, p. 217.
- ¹² Abulfeda. Historia anteislamica, p. 128.
- ¹³ I. Kavar. The Last Days of Salih. Arabica, 1958, v. V, p. 149.
- ¹⁴ Th. Nöldeke. Die Ghassanischen Fürsten..., p. 10.
- ¹⁵ G. Rothstein. Die Dynastie der Lahmidien..., p. 91.
- ¹⁶ I. Kavar. Ghassan and Byzantium; a new terminus a quo. Der Islam, 1958, Bd. 33, pp. 254—255.
- ¹⁷ Evagrius. Historia ecclesiastica, III, 36, ed. Bidez and Parmentier London, 1898, p. 135; Eustathius. Fragmenta. Fragmenta historicorum graecorum, ed. C. Mullerus, t. IV. Parisiis, 1851, p. 142.
- ¹⁸ I. Kavar. Ghassan and Byzantium..., p. 247
- ¹⁹ Theophanes. Chronographia, p. 141.

- ²⁰ Th. Nöldeke. Die Ghassanischen Fürsten..., p. 10.
- ²¹ Eustathius. Fragmenta, p. 142; Evagrius. Historia ecclesiastica, III, 36, p. 135.
- ²² Theophanes. Chronographia, p. 141.
- ²³ Th. Nöldeke. Die Ghassanischen Fürsten..., p. 23.
- ²⁴ I. Kawar. 1) Arethas Son of Gabalah. Journal of the American Oriental Society, 1955, v. 75, pp. 205—216; 2) The Last Days of Salih. Arabica, 1958, v. V, p. 149; 3) The Patriciate of Arethas. Byzantinische Zeitschrift, 1959. Bd. 52, p. 321—343; 4) Ghassan and Byzantium, pp. 232—255.
- ²⁵ R. Guiland. Études de titulature byzantine. Revue des études byzantines. Paris, 1955, XIII, pp. 50—84.
- ²⁶ Н. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э., стр. 93—130. Русск. пер. Хроники Иешу Стилита, §§ 47, 48, 97, 98, стр. 148, 169.
- ²⁷ Zacharias Rhetor. Historia ecclesiastica, IX, l. CSCO. Scriptores syri, series tertia, t. VI, Parisiis, 1921, p. 92.
- ²⁸ Там же, IX, 2, стр. 92—93.
- ²⁹ Malalas. Chronographia, p. 441.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Chronicon Jacobi Edesseni. Chronica minora. CSCO. Scriptores syri, t. IV, pp. 319, 240.
- ³² Th. Nöldeke. Die Ghassanischen Fürsten..., p. 11; I. Kawar. Arethas Son of Gabalah, p. 207.
- ³³ Ю. Кулаковский. История Византии, т. II. Киев, 1912, стр. 46—49.
- ³⁴ Th. Nöldeke. Die Ghassanischen Fürsten..., pp. 11—12; I. Kawar. The Patriciate of Arethas, p. 324.
- ³⁵ Malalas. Chronographia, pp. 445—446.
- ³⁶ Constantinus Porphyrogenitus. Excerpta de insidiis, ed. De Boor. Berolini, 1905. Ex Joannes Malalas, § 44, p. 171.
- ³⁷ E. Stein. Histoire des Bas-Empire II, p. 288, n. l; R. Paret. Note sur un passage de Malalas concernant les phylarques arabes. Arabica, 1958, t. V, p. 259.
- ³⁸ Paret. Note sur un passage de Malalas, p. 260.
- ³⁹ Procopius. De bello persico, I, 17, p. 90.
- ⁴⁰ Kyrillos von Skythopolis, ed. Ed. Schwartz. Leipzig, 1939, pp. 171—173, 345.
- ⁴¹ Procopius. Anecdota, XI, 24—29, ed. Haury, v. III. Lipsiae, 1906, pp. 74—75.
- ⁴² Zacharias Rhetor. Historia, lib. IX, cap. VIII. CSCO. Scriptores syri, series III, v. VI, p. 100; The Syriac Chronicle of Zachariah of Mitylene, transl. by F. J. Hamilton and E. W. Brooks. London, 1899, p. 132.
- ⁴³ Theophanes. Chronographia, p. 178.
- ⁴⁴ Zacharias Rhetor. Historia, IX, 8, p. 101.
- ⁴⁵ Malalas. Chronographia, p. 447.
- ⁴⁶ Th. Nöldeke. Die Ghassanischen Fürsten..., p. 12.
- ⁴⁷ Zacharias Rhetor. Historia ecclesiastica, IX, 4, p. 95.
- ⁴⁸ Procopius. De bello persico, I, 18, pp. 90—91.
- ⁴⁹ Zacharias Rhetor. Historia ecclesiastica, IX, 4, p. 95; B. Rubin. Das Zeitalter Justinians, p. 288.
- ⁵⁰ Procopius. De bello persico, I, 18, pp. 95—96; I. Kawar. Procopius and Arethas. Byzantinische Zeitschrift, 1957, t. 50, pp. 55—56.
- ⁵¹ Malalas. Chronographia, p. 464; B. Rubin. Procopius von Caesarea, p. 100.
- ⁵² Zacharias Rhetor. Historia, ecclesiastica, IX, 4, p. 95.
- ⁵³ Там же, IX, 6, стр. 97.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Procopius. De bello persico, II, l, p. 149; Th. Nöldeke. Die Ghassanischen Fürsten..., pp. 17—18.
- ⁵⁶ Novella 102, De moderatore Arabiae, cap. 2, Novellae, Ed. R. Schoell et G. Kroll. Berolini, 1895, ed. стереотипа, p. 494.
- ⁵⁷ Th. Nöldeke. Geschichte der Perser und Araber aus der arabischen Chronik des Tabari. Leyden, 1879, pp. 238—239, notae.
- ⁵⁸ Procopius. De bello persico, II, 16, стр. 222.
- ⁵⁹ Там же, II, 19, стр. 233.
- ⁶⁰ Там же, стр. 234.
- ⁶¹ Там же, стр. 235.
- ⁶² Там же, стр. 236, 237.
- ⁶³ Там же, стр. 238.
- ⁶⁴ Там же. II, 28, стр. 284.
- ⁶⁵ Procopius. De bello gothico, IV, 11, ed. Haury, v. II, p. 536; Th. Nöldeke. Die Ghassanischen Fürsten..., p. 18.
- ⁶⁶ Hamza Ispahanensis. Annales, p. 119; Abulfeda. Historia anteislamica, pp. 144—145.
- ⁶⁷ Kyrillos von Skythopolis, ed. Ed. Schwartz, p. 259. — Эти события отнесены ко времени между 543 и 554 гг. E. Stein. Histoire du Bas-Empire, t. II, p. 297.
- ⁶⁸ Kyrillos von Skythopolis. Vita Euthymiae, § 51, p. 7.
- ⁶⁹ Нельдеке (Th. Nöldeke. Die Ghassanischen Fürsten..., p. 11, nota 6) полагал, что Харит, может быть, был филархом и Палестины III.
- ⁷⁰ Procopius. De bello persico, I, 17, p. 90; I. Kawar. Arethas son of Jabalah. Journal of the American Oriental Society, 1955, v. 75, p. 211.

- ⁷¹ Procopius. De bello persico. I, 17, p. 90.
- ⁷² Там же, I, 17, стр. 90.
- ⁷³ I. Kawar. The Patriciate of Arethas. Byzantinische Zeitschrift, 1959, Bd. 52, pp. 321—343.
- ⁷⁴ B. Rubin. Procopius von Kaisarea. Stuttgart, 1954, col. 1—366.
- ⁷⁵ Там же, col. 98.
- ⁷⁶ Procopius. De bello persico, I, 17, 48, p. 90.
- ⁷⁷ Там же, I, 17, стр. 90.
- ⁷⁸ I. Kawar. Procopius and Arethas. Byzantinische Zeitschrift, 1957, Bd. 50, pp. 39—64, 362—382.
- ⁷⁹ Th. Nöldeke. Die Ghassanischen Fürsten..., pp. 13—14.
- ⁸⁰ Novellae. Nov. 102.
- ⁸¹ D. Schlumberger. Les fouilles de Qasr-el-Heir. Syria, 1939, v. 20, pp. 195, 363, 368, 371—372.
- ⁸² I. Kawar. The Patriciate of Arethas. Byzantinische Zeitschrift, 1959, Bd. 52, pp. 336—337, 340—341.
- ⁸³ B. Rubin. 1) Procopius von Caesarea. 2) Das Zeitalter Justinians, pp. 173—226.
- ⁸⁴ I. Kawar. Procopius on the Ghassaiids. Journal of the American Oriental Society, 1957, v. 77, pp. 80—81.
- ⁸⁵ I. Kawar. Procopius and Arethas, pp. 55—59.
- ⁸⁶ Procopius. De bello persico, II, 28, p. 284.
- ⁸⁷ I. Kawar. Procopius and Arethas, pp. 371—373, 380—382.
- ⁸⁸ См. выше стр. 110 и сл. [«беспощинный их провоз ромейскими»]; I. Kawar. The Arabs in the Peace Treaty of A. D. 561. Arabica, 1956, t. III, pp. 197—201.
- ⁸⁹ Theophanes. Chronographia, p. 240.
- ⁹⁰ Chronicon miscellaneum ad a. D. 724 pertinens. ed. Brooks. CSCO. Scriptores syri, t. IV, p. 143 (111).
- ⁹¹ Michel le Syrien. Chronique, ed. par J. B. Chabot. Paris 1901, t. II, pp. 316 (256).
- ⁹² John of Ephesus. Lives of the Eastern Saints, ed. by E. W. Brooks. Patrologia Orientalis, t. XIX, Paris, 1926, pp. 153—154; Michel le Syrien. Chronique, t. II, pp. 309—310 (245).
- ⁹³ L. Jalabert et R. Mouterde. Inscriptions grecques et latines de la Syrie, t. V. Emesene. Paris, 1959, Inscription 2553, pp. 240—243.
- ⁹⁴ Там же, стр. 245.
- ⁹⁵ John of Ephesus. Lives, p. 233.
- ⁹⁶ Michelle Syrien. Chronique, t. II, p. 311 (246—247).
- ⁹⁷ Там же, стр. 333 (285).
- ⁹⁸ Там же.
- ⁹⁹ Joannes Ephesus. Historia ecclesiastica, pars tertia, lib. II, cap. 8. Scriptores syri, series tertia, t. III, Parisiis, 1935, p. 67.
- ¹⁰⁰ Michel le Syrien. Chronique, t. II, pp. 323—324 (269).
- ¹⁰¹ Abulfeda. Historia anteislamica, ed. H. Fleischer. Lipsiae, 1831, pp. 128—131; Hamza Ispahanensis. Annales, ed. I. M. E. Gottwald. Lipsiae, 1848, pp. 117—119.
- ¹⁰² Menandros. Excerpta 6. Constantinus Porphyrogenetus. Excerpta de legationibus, ed. C. De Boor, pars II, Berolini, 1903, p. 449; Byzantinische Diplomaten und östliche Barbaren. Aus den «Excerpta de legationibus». Übersetzt von E. Doblhofer. Graz, 1955, p. 131.
- ¹⁰³ Chronicon miscellaneum ad a. D. 724 pertinens, ed. E. W. Brooks. CSCO. Scriptores syri, t. IV. Parisiis, 1903, p. 143.
- ¹⁰⁴ Th. Nöldeke. Die Ghassanischen Fürsten..., p. 23; G. Rothstein. Die Dynastie der Lahmiden..., p. 103.
- ¹⁰⁵ Joannes Ephesinus. Historia, VI, 3, pp. 280—281 (212—213).
- ¹⁰⁶ Там же, VI, 3, стр. 282.
- ¹⁰⁷ Там же, VI, 4, стр. 282—283.
- ¹⁰⁸ Th. Nöldeke. Die Ghassanischen Fürsten..., p. 24; G. Rothstein. Die Dynastie der Lahmiden..., p. 104.
- ¹⁰⁹ Joannes Ephesinus. Historia, VI, 4, pp. 285—286 (216—217); VI, 18, p. 314 (238).
- ¹¹⁰ Воспоминание об этом нападении сохранилось у Табари, но он не уверен в имени гасанида, который разорил и поджег Хирту, он называет с сомнением Гафну ибн Наамана и относит это событие ко времени царя лахмидов Наамана III. Сожжение Хирты Абульфед (Abulfeda. Historia anteislamica, p. 128) приписывает Джафне, младшему сыну Мундара старшего (Nöldeke-Tabari, p. 320).
- ¹¹¹ Joannes Ephesinus. Historia, VI, 4, pp. 286—287 (217).
- ¹¹² Th. Nöldeke. Die Ghassanischen Fürsten..., p. 24; G. Rothstein. Die Dynastie der Lahmiden..., p. 104.
- ¹¹³ См. выше и А. Baumstark. Geschichte der syrischen Literatur. Bonn, 1922, pp. 174—175.
- ¹¹⁴ Joannes Ephesinus. Historia, IV, 21, p. 208 (15).
- ¹¹⁵ Там же, IV, 19, pp. 205—206 (154).
- ¹¹⁶ Там же, IV, 36, стр. 216 (162); E. Honigmann. Evêques et évêches monophysites d'Asie antérieure au VI siècle. Louvain, 1951, p. 198.
- ¹¹⁷ Joannes Ephesinus. Historia, IV, 21, p. 208 (155).
- ¹¹⁸ Там же, IV 36, стр. 216 (162). — Обращает на себя внимание в сирийском слове от арабского ahl — народ. Иоанн Ефесский, возможно, преувеличивает широкое участие «войска» или «народа» в монофизитских спорах.
- ¹¹⁹ Joannes Ephesinus. Historia, IV, 35, p. 215 (161).
- ¹²⁰ Там же, IV, 32, стр. 208—209 (156); — E. Honigmann. Évêques et évêchés monophysites..., pp. 161, 203.

- ¹²¹ Evagrius. *Historia ecclesiastica*, V, 19, ed. J. Bidez and L. Parmentier. London, 1898, p. 214; Theophylactus Simocatta. *Historia*, III, 15, 8—10, ed. De Boor. Leipzig, 1887, pp. 141—142.
- ¹²² A. Christensen. *Iran sous les Sassanides*. Copenhagen, 1944, pp. 441, 443.
- ¹²³ Joannes Ephesinus. *Historia*, IV, 39, pp. 219—220 (164); IV, 42, pp. 224(168—169); Н. Пигулевская. Арабы VI в. по сирийским источникам, стр. 61.
- ¹²⁴ Joannes Ephesinus. *Historia*, IV, 40, p. 220 (165).
- ¹²⁵ Там же, IV, 40, стр. 221 (165—166). — В сирийском тексте дан греческий термин *ὄχλος*, в транскрипции, «простой народ».
- ¹²⁶ Там же, IV, 42, стр. 224 (168).
- ¹²⁷ Там же, стр. 225 (169).
- ¹²⁸ Theophylactus Simocatta. *Historia*, III, 17, pp. 145—146.
- ¹²⁹ Нельдеке полагал, что мост, о котором идет речь, был мостом через Евфрат. Но у Симокатты сказано, что по Евфрату за войском шли барки с продовольствием. Вероятнее, что мост, о котором идет речь, был через Тигр. — Н. Пигулевская. Арабы VI в..., стр. 61—62.
- ¹³⁰ Joannes Ephesinus. *Historia*, III, 40, pp. 173—174 (129); VI, 16, pp. 312 (237); Th. Nöldeke. *Die Ghassanischen Fürsten...*, p. 27; Н. Пигулевская. Византия и Иран на рубеже VI и VII в. Л., 1946, стр. 68.
- ¹³¹ Evagrius. *Historia ecclesiastica*. V, 20, p. 216.
- ¹³² Joannes Ephesinus. *Historia*, VI, 16, p. 313 (237).
- ¹³³ Theophylactus Simocatta. *Historia*, III, 17, p. 146.
- ¹³⁴ Th. Nöldeke. *Die Ghassanischen Fürsten...*, p. 273; Н. Пигулевская. Арабы VI в..., стр. 61.
- ¹³⁵ R. Devreesse. *Le patriarcat d'Antioche*. Paris, 1945, p. 276; P. Goubert. *Byzance avant l'Islam*, I. Paris, 1951, pp. 252—253
- ¹³⁶ Joannes Ephesinus. *Historia*, III, 40, p. 174 (129—130); Th. Nöldeke. *Die Ghassanischen Fürsten...*, p. 28.
- ¹³⁷ G. Tchalenko. *Villages antiques de la Syrie du Nord*, v. III. Paris, 1958, p. 41.
- ¹³⁸ G. Tchalenko. *Villages antiques...*, v. I. Paris, 1953, p. 115; R. Mouterde. *Mélanges de l'Université de St. Joseph*, XI. Beyrouth, 1923—1924, p. 453.
- ¹³⁹ E. Stein. *Hitsoire du Bas-Empire*, v. II. Paris, 1949, p. 67.
- ¹⁴⁰ G. Tchalenko. *Villages antiques...*, I, pp. 116, 117.
- ¹⁴¹ L. Jalabert, R. Mouterde et C. Mondésert. *Inscriptions grecques et latines de la Syrie*, t. V. Emésène. Paris, 1959, Inscription 2696, p. 299.
- ¹⁴² Joannes Ephesinus. *Historia*, III, 41, pp. 175—176 (130—131); P. Goubert. *Byzance avant l'Islam*, pp. 254—255.
- ¹⁴³ Joannes Ephesinus. *Historia*, III, 41, p. 176 (131).
- ¹⁴⁴ Там же, III, 41, стр. 176—177 (131).
- ¹⁴⁵ Evagrius. *Historia ecclesiastica*, VI, 2, p. 223; E. Stein. *Histoire du Bas-Empire*, II, p. 94; P. Goubert. *Byzance avant l'Islam*, I, p. 256 (неточен перевод текста Евагрия, VI, 2).
- ¹⁴⁶ Joannes Ephesinus. *Historia*, III, 43, p. 178 (132); Evagrius. *Historia ecclesiastica*, VI, 2, p. 223.
- ¹⁴⁷ L. Jalabert, R. Mouterde et C. Mondésert. *Inscriptions grecques et latines de la Syrie*, t. IV. Laodicée, Арамène. Paris, 1955, Inscription 1550, pp. 176—177.
- ¹⁴⁸ Joannes Ephesinus. *Historia*, III, 43, p. 178 (133).
- ¹⁴⁹ Michel le Syrien. *Chronique*, t. II, p. 374 (350); *Chronicon ad an. Chr. 1234 pertinens*, ed. I. B. Chabot. CSCO. *Scriptores syri*, series tertia, t. XIV, 1920, p. 215 (168).
- ¹⁵⁰ Evagrius. *Historia ecclesiastica*, VI, 2, p. 223.
- ¹⁵¹ Joannes Ephesinus. *Historia*, VI, pp. 276—277 (209).
- ¹⁵² Michel le Syrien. *Chronique*, t. II, p. 375 (350); Joannes Ephesinus. *Historia*, III, 43, p. 182 (136).
- ¹⁵³ Th. Nöldeke. *Die Ghassanischen Fürsten...*, p. 30 (эти события отнесены ко времени между 14 VIII 582 и I IX 584); V. Grumel. *La chronologie. Traité d'études byzantines* publié par Paul Lemerle, I, Paris, 1958, p. 246.

ОБОРОНА ВИЗАНТИЙСКИХ ГРАНИЦ И АРАБЫ

- ¹ R. Dussaud. *La topographie historique de la Syrie antique et médiévale*. Paris, 1927; V. Chapot. *La frontière de l'Ephrate, de Pompée à la conquête arabe*. Paris, 1907; L. Jalabert et R. Mouterde. *Inscriptions grecques et latines de la Syrie*, I—V. Paris, 1928—1959; A. Poidebard. *La trace de Rome dans le désert de la Syrie. Le limes de Trajan à la conquête arabe*. Paris, 1934; E. Honigmann. *Die Ostgrenze des Byzantinischen Reiches*. Brüssel, 1935; R. Mouterde et A. Poidebard. *Le limes de Chalkis. Organisation de la steppe en Haute Syrie romaine*. Paris, 1945; R. Devreesse. *Le patriarcat d'Antioche depuis la paix de l'église jusqu'à la conquête arabe*. Paris, 1945; D. Schlumberger. *La Paimyrène du Nord-Ouest*. Paris, 1951; G. Tschalenko. *Villages antiques de la Syrie du Nord*. I, II — Paris, 1953; III — Paris, 1958; R. Dussaud. *La pénétration des Arabes en Syrie avant l'Islam*. Paris, 1955.
- ² F. Cumont. Préface, pp. IX, XIV; A. Poidebard. *La trace de Rome dans le désert de Syrie*. Paris, 1934.
- ³ Malalas. *Chronographia*, pp. 434, 445.
- ⁴ Theophanes. *Chronographia*, I, pp. 174, 179.
- ⁵ R. Devreesse. *Le patriarcat d'Antioche...*, p. 270.
- ⁶ A. Poidebard. *La trace de Rome...*, p. 19.
- ⁷ Procopius. *De aedificiis*, II, 7, ed. Dindorfuis. Bonn, 1838, pp. 228—230.

- ⁸ Там же, II, 7, p. 230.
- ⁹ Там же, II, 8, 9, pp. 231—237.
- ¹⁰ Там же, II, 10, pp. 238—241.
- ¹¹ Там же, II, 11, pp. 242—243.
- ¹² Der Byzantiner Anonymus. Griechische Kriegsschriftsteller. Ed. Koehly und Rüstow, Bd. II, 2, Leipzig, 1855; Н. Пигулевская. Византия и Иран на рубеже VI и VII вв. М.—Л., 1946, стр. 20—22.
- ¹³ Н. Пигулевская. 1) Византия на путях в Индию. Л., 1951, стр. 385—407; 2) Города Ирана в раннем средневековье. Л., 1956, стр. 317—318.
- ¹⁴ Н. Пигулевская. Оборона городов Месопотамии. Уч. зап. ЛГУ, сер. истор. наук, 1941, вып. 12, стр. 52—55, 63—72.
- ¹⁵ Collinet. Une ville neuve byzantine. Mélanges G. Schiumberger, 1924, pp. 55—60; Birk. Dara-Anastasiopolis. Der Erdball, 1929, Bd. 3, H. 5, pp. 201—205; Ensslin. Zur Gründungsgeschichte von Dara-Anastasiopolis. Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher, t. 5, pp. 342—347; E. Honigmann. Die Ostgrenze des Byzantinischen Reiches, p. 10; Н. Пигулевская. Оборона городов Месопотамии, стр. 58—63.
- ¹⁶ Joshua the Stylite, §90, p. 83; Н. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V и VI вв., стр. 166.
- ¹⁷ Zacharias Rhetor. Historia, VII, 6, p. 35.
- ¹⁸ Joshua the Stylite, § 90, p. 83.
- ¹⁹ Zacharias Rhetor. Historia, VII, 6, p. 36.
- ²⁰ Procopius. De bello persico, I, 13, p. 61; R. Dussaud. La topographie..., planche XIV.
- ²¹ Procopius. De aedificiis, II, 3, p. 218.
- ²² Там же, II, 3, стр. 217.
- ²³ Procopius. De bello persico, II, 13, p. 213.
- ²⁴ Procopius. De aedificiis, II, 8, p. 234.
- ²⁵ Там же, II, 3, стр. 217—218.
- ²⁶ Zacharias Rhetor. Historia, VII, 6, p. 35.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Collinet. Une ville neuve byzantine. La fondation de Dara-Anastasiopolis, pp. 55—60; Birk. Dara-Anastasiopolis, pp. 201—205; Ensslin. Zur Gründungsgeschichte von Dara-Anastasiopolis, pp. 342—347; E. Honigmann. Die Ostgrenze des Byzantinischen Reiches, p. 10.
- ²⁹ Zacharias Rhetor. Historia, VII, 6, p. 36.
- ³⁰ Там же, стр. 37.
- ³¹ Там же.
- ³² Joshua the Stylite, § 90, p. 83 (русск. пер., стр. 167).
- ³³ Zacharias Rhetor. Historia, VII, 6, p. 36.
- ³⁴ Н. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V и VI вв., стр. 76—77.
- ³⁵ Joshua the Stylite, §90, p. 83—84 (русск. пер., стр. 167).
- ³⁶ Zacharias Rhetor. Historia. p. 36.
- ³⁷ Procopius. De bello persico, I, 10.
- ³⁸ Joshua the Stylite, §89, p. 83 (русск. пер., стр. 166).
- ³⁹ Там же, § 91, p. 84 (русск. пер., стр. 167).
- ⁴⁰ Anonymus, IX, 1, 2, 3, 4, 7, 8.
- ⁴¹ Н. Пигулевская. Оборона городов Месопотамии, стр. 63—72; Procopius. De aedificiis, II, 6, p. 226.
- ⁴² Procopius. De bello persico, II, 5, p. 224.
- ⁴³ Там же, II, 13, стр. 211.
- ⁴⁴ Procopius. De aedificiis, II, 7, pp. 228—229.
- ⁴⁵ Там же, стр. 230.
- ⁴⁶ Procopius. De bello persico, II, 13, p. 212; II, 27, p. 276.
- ⁴⁷ Там же, II, 21, стр. 248.
- ⁴⁸ Anonymus, XII, 5.
- ⁴⁹ Procopius. De bello persico, II, 26, p. 269; II, 27, p. 279.
- ⁵⁰ Там же, II, 8, стр. 185.
- ⁵¹ Procopius. De aedificiis, II, 9, p. 235.
- ⁵² Там же, II, 4, стр. 223.
- ⁵³ Там же, II, 6, стр. 227.
- ⁵⁴ Charot. La frontière de l'Ephrate, p. 301.
- ⁵⁵ Joshua the Stylite, §62 (русск. пер., стр. 156—157).
- ⁵⁶ Procopius. De aedificiis, II, 9, p. 235.
- ⁵⁷ R. Devréesse. Le patriarcat d'Antioche..., p. 279.
- ⁵⁸ Theophanes. Chronographia, p. 267.
- ⁵⁹ M. I. Sauvaget. Les gassanides et Sergiopolis. Byzantion, 1939, pp. 115—130; R. Devréesse. Le patriarcat d'Antioche, p. 279, nota 5.
- ⁶⁰ Patrologia Orientalis, t. III. 1909, p. 29; J. M. Fiey. Les sts Serge de l'Iraq. Analecta Bollandiana, t. 79, Bruxelles, 1961, pp. 102—114.
- ⁶¹ Fr. Sarre et E. Herzfeld. Archäologische Reise im Euphrat und Tigris-Gebiet, t. II, fig. 156.

- ⁶² J. Sauvaget. Memorial, v. I. Damas, 1954, pp. 154, 157.
- ⁶³ Joannes Ephesus. Historia, III, 41, pp. 175—176.
- ⁶⁴ Brünnow und Domaschewsky. Die Provinzia Arabia. Strassbourg, I. 1904, pp. 120, 210, 217; II, 1905, pp. 94, 247—261; III, 1909, pp. 102, 105—106, 141, 197, 201—209.
- ⁶⁵ R. Devréesse. Le patriarcat d'Antioche..., p. 239.
- ⁶⁶ Lammence. La Syrie. Beyrouth, 1921, p. 10.
- ⁶⁷ A. J. Festugière. La vie de Sabas et les tours de Syrie—Palestine. Revue biblique, 1963, t. LXX, pp. 91—92.
- ⁶⁸ A. Poidebard. La route septentrionale Antioche—Chaïkis—Palmyre. Mélanges R. Dussaud, Paris, 1940, v. II, p. 735; R. Mouterde et A. Poidebard. Le limes de Chalkis. Paris, 1945.
- ⁶⁹ Procopius. De aedificiis, II, 6, p. 226.

СОЦИАЛЬНЫЙ СТРОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕСТВА ДОИСЛАМСКИХ АРАБОВ

¹ M. Oppenheim. Die Beduinen. Unter Mitarbeit von E. Bräunlich und W. Caskel. Bd. I — Die Beduinenstämme in Mesopotamien und Syrien. Leipzig, 1939, p. 22. — «Die eigentlichen Beduinen sind reine Nomaden, Kamelzüchter...». Полуномады кочуют лишь в определенное время года, в остальное время они остаются оседлыми, имея определенное местожительство (стр. 23). О верблюдоводстве см.: J. Henninger. Das Eigentumsrecht bei den heutigen Beduinen Arabiens. Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft, 1959, Bd. 61, pp. 46—49.

² J. Henninger. La société bédouine ancienne. Studi semitici, 2. L'antica società beduina, Roma, 1959, p. 70.

³ J. Henninger. Die Familie bei den heutigen Beduinen Arabiens und seiner Randgebiete. Internationales Archiv für Ethnographie. 1943, XIII, pp. 2—3; J. Henninger. Das Eigentumsrecht bei den heutigen Beduinen, pp. 50, 43; W. Dostal. The Evolution of Beduin Life. L'Antica società Beduina, Roma, 1959, pp. 12—13, Bibliography — pp. 29—34.

⁴ W. Dostal. The Evolution of Reduin Life, pp. 18, 22.

⁵ Там же, стр. 20.

⁶ Fr. Altheim, R. Stiehl. Finanzgeschichte der Spätantike. Frankfurt a. M., 1957, pp. 117, 120.

⁷ Maçoudi. Les prairies d'or, t. II, p. 191.

⁸ Th. Nöldeke. Fünf Mo'aliaqat, I. Die Mo'aliaqat des Amr und des Harith. Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften, phil.-hist. Klasse, Wien, 1899, Bd. 140, VII. Abhandlung: Die Mo'aliaqa des Amr 49 (p. 27), 50, 57, 58 (p. 28), 75, 76, 84 (p. 30).

⁹ Th. Nöldeke. Fünf Mo'aliaqat. Mo'aliaqa des Harith, 50, p. 64.

¹⁰ Там же, стр. 41—42.

¹¹ Там же, стр. 45—46.

¹² Там же, стр. 46.

¹³ F. Altheim, R. Stiehl. Finanzgeschichte..., pp. 117, 118.

¹⁴ См. выше гл. «Ляхмиды», стр. 57 и сл. Hamza Ispahanensis, p. 107; Nöldeke—Tabari, p. 170; G. Rothstein. Die Dynastie der Lahmidien..., p. 88.

¹⁵ Michel le Syrien. Chronique, t. II, 2; F. Altheim, B. Stiehl. Finanzgeschichte..., p. 121.

¹⁶ Nöldeke—Tabari, p. 333.

¹⁷ W. Caskel. Zur Beduinisierung Arabiens. Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, 1953, Bd. 103, pp. 30—31.

¹⁸ Там же, стр. 32; W. Caskel. Die Bedeutung der Beduinen für die Geschichte der Araber. Arbeitsgemeinschaft für Forschung des Landes Nordrhein—Westfalen, 1952, H. 8, pp. 7—8.

¹⁹ Там же, стр. 33.

²⁰ Там же.

²¹ Там же, стр. 35.

²² Рецензия: Н. Л. Gottschalk, Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes, 1959, Bd. 55, p. 189.

²³ L'antica società beduina. Ed. Fr. Gabrieli, Studi semitici, 2, Roma, 1959.

²⁴ M. Rodinson. Bilan des études mohammadiennes. Revue historique, 1963, t. 229, f. 465, p. 190.

²⁵ M. Höfner. Die Beduinen in den vorislamischen arabischen Inschriften. L'antica società beduina, pp. 60, 63—64, 68.

²⁶ M. Höfner. Die Beduinen..., p. 65.

²⁷ J. Henninger. La société beduine, p. 70.

²⁸ Н. Пигулевская. Арабы VI в. по сирийским источникам. Труды 2-й сессии ассоциации арабистов 19—23 октября 1937 г., М.—Л., 1941, стр. 52—68; Н. Пигулевская. Византия на путях в Индию, 1951, стр. 336—384; А. Лундин. Южная Аравия в VI в. М.—Л., 1961, стр. 93—108.

²⁹ J. Henninger. Das Eigentumsrecht bei den heutigen Beduinen Arabiens. Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft, 1959, Bd. 61, pp. 6—7, 43, Bibliographie — pp. 52—56.

³⁰ F. Altheim. Geschichte der Hunnen, I. Berlin, 1959, pp. 184, 187.

³¹ W. Caskel. Zur Beduinisierung Arabiens, pp. 32 *—33 *.

³² M. Höfner. Die Beduinen..., pp. 58—59.

³³ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2-е, т. 21, М., 1961, стр. 107.

- ³⁴ Там же, стр. 127.
- ³⁵ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. Вестник древней истории. 1940. № 1, стр. 14.
- ³⁶ M. Rodinson. Bilan des études mohamadiennes, pp. 189—190.
- ³⁷ Joannes Ephesinus. Historia ecclesiastica, VI, 3. CSCO. Scriptorum syri, series III, v. III, Parisiis, 1935, p. 280 (212).
- ³⁸ Там же, VI, 3, стр. 280 (212).
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Н. Пигулевская. Арабы VI в. по сирийским источникам, стр. 53.
- ⁴¹ John of Ephesus. Lives of the Eastern Saints. Patrologia Orientalis, t. 19, Paris, 1926, p. 233.
- ⁴² Vita Simeoni. Acta martyrum et sanctorum, ed. Bedjan, v. IV, Parisiis, 1894, p. 597.
- ⁴³ Joannes Ephesinus. Historia ecclesiastica, IV, 21. CSCO. Scriptorum syri, series III, t. 3, p. 208 (156).
- ⁴⁴ Michel le Syrien. Chronique, p. 316 (256).
- ⁴⁵ Joannes Ephesinus. Historia ecclesiastica, IV, 40, p. 220.
- ⁴⁶ Там же, IV, 40, стр. 221.
- ⁴⁷ C. Brockelmann. Lexicon syriacum. Halis Saxonum, 1928, p. 185.
- ⁴⁸ Joannes Ephesinus. Historia ecclesiastica, VI, 4, p. 286.
- ⁴⁹ The chronicle of Joshua the Stylite, § 51, ed. Wright. Canibridge, 1882, p. 47 (русск. пер. хроники § 51); Н. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V и VI вв. Сирийская хроника Иешу Стилита как исторический источник. М.—Л., 1940, стр. 150.
- ⁵⁰ Chronicon anonymum Pseudo-Dionysianum, ed. I. B. Chabot, t. II. CSCO. Scriptorum syri, series tertia, t. II, Parisiis, 1933, pp. 62—63.
- ⁵¹ Н. Пигулевская. Византия на путях в Индию, стр. 295—297 (дано подробно).
- ⁵² К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 12, 11.
- ⁵³ Procopius. De bello persico, II, 1, p. 150.
- ⁵⁴ Joannes Ephesinus. Historia ecclesiastica, VI, 3, p. 280 (212).
- ⁵⁵ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 164). — Об организованных набегах у кочевых народов, в частности у арабов, известно из этнографических очерков (Y. Henninger. Des Eigentumsrecht bei den heutigen Beduinen Arabiens, pp. 38—40).
- ⁵⁶ Joshua the Stylite, § 24, p. 19 (русск. пер., стр. 136).
- ⁵⁷ Joannes Ephesinus. Historia ecclesiastica, III, 42 p. 224 (168).
- ⁵⁸ СИХ 315, lin. 7, pp. 346—347.
- ⁵⁹ M. Hartmann. Die Arabische Frage. Leipzig, 1909, pp. 448—449, 448. š'b — «Stamm, auch Bürger, Volksleute im Gegensatz zu Krieger», hms — «Krieger von Beruf».
- ⁶⁰ СИХ 155, lin. 3, t. I, pp. 218—219.
- ⁶¹ СИХ 334, lin. 38, t. I, pp. 377—378, 381.
- ⁶² A. F. L. Beeston. Notes on Old South Arabian Lexicography. Le Muséon, 1952, v. 65, f. 1—2, pp. 140—141.
- ⁶³ Там же, стр. 141. — hms — «nontribal element of the population as opposed both to the tribal element designed š'b... and to the purly beduin 'rb».
- ⁶⁴ M. Höfner. Die Beduinen..., p. 62.
- ⁶⁵ G. Ryckmans. Une inscription chrétienne sabéenne aux Musées d'Antiquites d'Istanbul. Le Muséon, 1946, v. 59, pp. 165—172.
- ⁶⁶ СИХ, t. I, pp. 433, 353, nota 10.
- ⁶⁷ M. Höfner. Die Beduinen..., p. 61.
- ⁶⁸ СИХ, t. II, № 397, 7, 8, p. 59.
- ⁶⁹ M. Höfner. Die Beduinen..., pp. 61—62.
- ⁷⁰ A. F. L. Beeston. Notes on Old South-Arabian Lexicography, pp. 140—141; M. Höfner. Die Beduinen..., p. 62.
- ⁷¹ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 11.
- ⁷² Н. Пигулевская. Византия на путях в Индию, стр. 350.
- ⁷³ G. Ryckmans. Inscriptions sud-arabes, 10-me série, Ry 508. Le Muséon, 1953, v. 66, p. 297; M. Höfner. Die Beduinen..., p. 64.
- ⁷⁴ G. Ryckmans. Inscriptions sud-arabes. Le Muséon, 1932, v. 45, pp. 290, 294—295.
- ⁷⁵ СИХ 541, t. II, p. 281. 250
- ⁷⁶ A. Fakhry. An Archaeological Journey to Yemen (1947), part II. Epigraphical texts by G. Ryckmans, Cairo, 1952, Fakhry 3, lin. 6, p. 4, 7 (wfn — «acte de cession, de concession»).
- ⁷⁷ A. F. L. Beeston. Notes on Old South Arabian Lexicography, VI. Le Muséon, 1954, v. 67, pp. 311—312.
- ⁷⁸ Joannes Ephesinus. Historia ecclesiastica, VI, 4, p. 286 (217).
- ⁷⁹ Išo Stylite, § 57, Wright, p. 54 (русск. пер. § 57, стр. 153).
- ⁸⁰ Joannes Ephesinus. Historia ecclesiastica, IV, 22, p. 209 (156).
- ⁸¹ E. Honigmann. Évêques et évêchés monophysites. Louvain, 1951, pp. 162, 203, 228; Th. Nöldeke. Zur Topographie und Geschichte des Damascenischen Gebiets. Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, 1875, Bd. 29, p. 430; R. Dussaud. La topographie historique de la Syrie antique et médiévale. Paris, 1927, pp. 334—335.
- ⁸² Joannes Ephesinus. Historia ecclesiastica, III, 42, p. 177 (132).

- ⁸³ Там же, III, 41, стр. 175 (131).
- ⁸⁴ I. Guidi. La lettera di Simeone di Beth-Arsam. Roma, 1881, p. 2.
- ⁸⁵ Procopius. De bello persico, II, 28, p. 284.
- ⁸⁶ Kyrillos Skythopolis. Vita Euthymii, 46, 51, ed. Ed. Schwartz. Texte und Untersuchungen, 1939, Bd. 49, pp. 67, 75.
- ⁸⁷ G. S. Assemani. Bibliotheca orientalis Clementino-Vaticana. De scriptoribus syris nestorianis. Romae, 1728, III, 1, p. 88.
- ⁸⁸ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 15.
- ⁸⁹ Н. Пигулевская. Византия на путях в Индию, стр. 336—337 и сл.; N. Pigulevskaja. Les rapports sociaux à Nedjran au début du VI-e siècle de l'ère chrétienne. Journal of Economic and Social History of the Orient, 1960, v. 3, pp. 113—130; 1961, v. 4, pp. 1—14.
- ⁹⁰ Hitti. History of the Arabs. 4-th ed., 1949, pp. 57—85; N. Rhodokanakis. Das öffentliche Leben in den alten südarabischen Staaten; D. Nielsen. Handbuch der altarabischen Altertumskunde. Kopenhagen, 1927, p. 119.
- ⁹¹ G. J. Lyall. Translations of Ancient Arabian Poetry. New York, 1930, p. XXIII; F. Gabriel; La letteratura beduina preislamica. L'antica società beduina, Roma, 1959, pp. 102—104.
- ⁹² J. Ryckmans. Institution monarchique en Arabie méridionale Avant l' Islam. Louvain, 1951, pp. 163, 203—208.
- ⁹³ A. Moberg. The Book of Himyarites. Lund, 1924, pp. 24b—25b.
- ⁹⁴ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 12.
- ⁹⁵ Martyrium Arethae. Acta sanctorum, Octobris, t. X, p. 728.
- ⁹⁶ A. Moberg. The Book of Himyarites, pp. 8a—36b.
- ⁹⁷ Там же, стр. 8a.
- ⁹⁸ Martyrium Arethae, pp. 724, 728.
- ⁹⁹ Там же, стр. 723, 732.
- ¹⁰⁰ Там же, стр. 736, 758.
- ¹⁰¹ Н. Пигулевская. Византия на путях в Индию, стр. 238—241.
- ¹⁰² Там же, стр. 344.
- ¹⁰³ The book of Himyarites ed. A. Moberg. Lund, 1924, p. 43b—44a.
- ¹⁰⁴ Simeon Betharšamensis. Lettera..., p. 4; Martyrium Arethae, p. 732.
- ¹⁰⁵ Al-Beladsori. Liber expugnationis regionum. Lugduni Batavorum, 1866, pp. 64—65; Kitab futuh al-buldan, t. I. Trans. by Hitti. New York, 1916, pp. 98, 100—101.
- ¹⁰⁶ Н. Пигулевская. Византия на путях в Индию, стр. 352—354.
- ¹⁰⁷ Martyrium Arethae, p. 739.
- ¹⁰⁸ Al-Beladsori, Liber..., p. 65; Hitti, Kitab..., pp. 100—101.
- ¹⁰⁹ I. Sperber. Die Schreiben Muhammads an die Stämme Arabiens. Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen, Berlin, 1916, Bd. 19 pp. 77, 85.
- ¹¹⁰ Там же, стр. 87, 85; Tabari, I, p. 1729.
- ¹¹¹ I. Sperber, Die Schreiben Muhammads..., p. 90.
- ¹¹² К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 15.

АРАБЫ И ХРИСТИАНСТВО

- ¹ A. J. Festugière. Antioche païenne et chrétienne. Paris, 1959, pp. 395—296.
- ² Patrologia graeca, t. 87, 3, col. 2845—3116; Ἰωάννης ο Ἐυκράτης Λεμονάριος (Pratum spirituale); Иоанн Мосх. Луг духовный. Перевод с греческого М. И. Хитрова. Сергиева Лавра, 1896.
- ³ Pratum spirituale, col. 2868.
- ⁴ Pratum spirituale, col. 3000.
- ⁵ Pratum spirituale, col. 3024.
- ⁶ M. A. Kugener. Note sur l' inscription trilingue de Zébed. Journal asiatique, 1907, t. IX, pp. 511, 516—517.
- ⁷ E. Littmann. Osservazioni sulla iscrizioni di Harran e di Zebed. Rivista degli Studi Orientali, 1911, t. IV, p. 196.
- ⁸ C. A. Nallino. Raccolta di scritti editi e inediti, t. III. Roma, 1941, p. 134.
- ⁹ R. Dussand. Topographie de la Syrie antique et médiéval. Paris, 1927, p. 375.
- ¹⁰ E. Littmann. Osservazioni, p. 194; C. A. Nallino. Raccolta di scritti..., p. 135.
- ¹¹ E. Honigmann. Trois mémoires posthumes d'histoire et de géographie de l'Orient chrétien, préparées par P. Devos. Bruxelles, 1961, pp. 8, 11—13.
- ¹² Chronicon anonymum ad A. D. 846 pertinens, ed. E. W. Brooks, interpretatus J. B. Chabot. CSCO, v. IV, p. 227 (172).
- ¹³ E. Honigmann. Évêques et évêchés..., p. 100.
- ¹⁴ Joannes Ephesus. Historia ecclesiastica, III, 40, p. 174 (130).
- ¹⁵ Theophanes. Chronographia, p. 159.
- ¹⁶ I. Guidi. Mundhir III und die beiden monophysitischen Bischöfe. Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, 1881, Bd. 35, pp. 142—146; G. Rothstein. Die Dynastie der Lahmiden..., pp. 141—142.
- ¹⁷ R. Devréesse. Le patriarcat d'Antioche, p. 255, nota 1; E. Honigmann. Évêques et évêchés..., p. 161,

nota l.

¹⁸ Theophanes. Chronographia, p. 159. — Эти же возражения приводятся в послании Севера Антиохийского к монахам Телада (I. Guidi. Mundhir III..., p. 145).

¹⁹ Шила был поставлен католикосом в 505 г. (816 г. селевкидской эры). — I. Labourt. Le christianisme de l'empire Perse sous la dynastie sassanide. Paris, 1904, p. 159, nota 5.

²⁰ Histoire nestorienne, ed. par Addai Scheer, chap. 22. Patrologia Orientalis, t. 7, pp. 142—144.

²¹ Michel le Syrien. Chronique, p. 320 (II, 264); E. Honigmann. Évêques et évêchés..., p. 129.

²² Н. Пигулевская. Византия на путях в Индию, стр. 293—299

²³ E. Honigmann. Évêques et évêchés..., p. 159.

²⁴ John of Ephesus. Lives of the Eastern Saints, ed. by E. W. Brooks. Patrologia Orientalis, t. 18, p. 692.

²⁵ E. Honigmann. Évêques et évêchés..., p. 161, notae 1, 3.

²⁶ Documenta ad origines monophysitarum illustrandas, ed. I. B. Chabot. CSCO. Scriptorum syri, t. 37, Parisiis, 1907, p. 213; Documenta ad origines monophysitarum illustrandas, interpretatus I. B. Chabot. CSCO. Scriptorum syri, t. 52, Louvain, 1952, p. 148.

²⁷ Documenta..., p. 155 (223).

²⁸ Michel le Syrien. Chronique, p. 341 (II, p. 300).

²⁹ Documenta..., pp. 143—144 (100).

³⁰ E. Honigmann. Évêques et évêchés..., p. 196.

³¹ Там же, стр. 176.

³² Documenta..., pp. 198 (137), 199—200 (139), 202 (140). E. Honigmann. Évêques et évêchés..., p. 176.

³³ Documenta..., pp. 205—206 (142—143).

³⁴ Там же, стр. 206—207 (143—144).

³⁵ Там же, стр. 199 (139).

³⁶ Joannes Ephesus. Historia ecclesiastica, II, 8, p. 67 (48); E. Honigmann. Évêques et évêchés..., p. 200 (текст понят неправильно, о ставке Мундара и пребывании там Павла нет речи).

³⁷ Documenta..., pp. 264—265 (184—185).

³⁸ Там же, стр. 181 (126).

³⁹ Joannes Ephesus. Historia ecclesiastica, IV, 21, p. 208 (155); E. Honigmann. Évêques et évêchés..., p. 203.

⁴⁰ Joannes Ephesus. Historia ecclesiastica, IV, 22, pp. 208—209 (156).

⁴¹ Documenta..., pp. 278—279 (195).

⁴² Н. Пигулевская. Византия и Иран на рубеже VI и VII вв. Л., 1946, стр. 242—243.

⁴³ Evagrius. Historia ecclesiastica, VI, 22, ed. I. Bidez and L. Parmentier. London, 1898, p. 238.

⁴⁴ Joannes Ephesus. Historia ecclesiastica, IV, 40, pp. 220—221 (165—166).

⁴⁵ Н. Пигулевская. Византия на путях в Индию, стр. 276—278.

⁴⁶ I. Labourt. Le christianisme dans l'empire Perse. Paris, 1904, p. 93.

⁴⁷ Synodicon Oriental, éd. J. Chabot. Paris, 1902, pp. 17—18 (254).

⁴⁸ Там же, стр. 36 (275).

⁴⁹ Там же, стр. 34 (272—273), 616, 618.

⁵⁰ Там же, стр. 34 (273).

⁵¹ Там же, стр. 43 (285), 625, 676.

⁵² Там же, стр. 43 (285).

⁵³ Там же, стр. 53 (299), 54 (301), 59 (306).

⁵⁴ Там же, стр. 66 (315); F. Nau. Les arabes chrétiens de Mésopotamie et de Syrie du VII—VIII ss. Paris, 1933, p. 39.

⁵⁵ Synodicon Oriental, p. 62 (310—311).

⁵⁶ Там же, стр. 525 (531, nota 4).

⁵⁷ Там же, стр. 527 (533).

⁵⁸ Maris Amri et Slibae. De patriarchis nestorianorum commentaria, ed. H. Gismondi. Romae, 1899, Mari, p. 38, Amr, p. 20.

⁵⁹ Synodicon Oriental, pp. 527—530 (534—537).

⁶⁰ Н. Пигулевская. Византия на путях в Индию, стр. 292—297.

⁶¹ John of Ephesus. Lives of the Eastern Saints. Patrologia Orientalis, t. 17, Paris, 1923, p. 140.

⁶² Там же, стр. 157, nota l.

⁶³ Histoire nestorienne (Chronique de Seert), seconde partie. Publiée et traduite par Addai Scher. Patrologia Orientalis, t. VII, pp. 142—144.

⁶⁴ G. Hoffmann. Auszüge aus Syrischen Akten Persischer Martyrer. Leipzig, 1880, p. 97.

⁶⁵ Histoire de St. Ahoudemmeh, ed. par E. Nau. Patrologia Orientalis, t. III, Paris, 1909, p. 19.

⁶⁶ Там же, стр. 20.

⁶⁷ Там же, стр. 21; F. Nau. Les arabes chrétiens..., p. 17.

⁶⁸ Histoire d'Ahoudemmeh, p. 22.

⁶⁹ Там же, стр. 27.

⁷⁰ Н. Пигулевская. Византия и Иран..., стр. 234—249 (особенно стр. 239—240).

⁷¹ Joannes Ephesus. Historia ecclesiastica, VI, 20, pp. 317—318

- ⁷² Histoire d'Ahudemme, p. 32.
- ⁷³ Там же, стр. 37.
- ⁷⁴ Там же, стр. 28.
- ⁷⁵ Там же, стр. 28, прим. 3.
- ⁷⁶ Synodicon Oriental, pp. 526—527 (532—533).
- ⁷⁷ V. Ryssel. Geors des Araberbischofs Gedichte und Briefe. Leipzig, 1891, p. 44; A. Baumstark. Geschichte der syrischen Litteratur. Bonn, 1922, p. 257.
- ⁷⁸ Jésusdenah. Livre de chasteté, ed. par I. B. Chabot. Roma, 1896, § 14, pp. 7—9 (8—10); I. Labourt. Le christianisme..., pp. 316—317.
- ⁷⁹ Amr. De patriarchis nestorianorum, p. 23.
- ⁸⁰ Vie de mar Aba, pp. 269—270; Histoire de mar Iabalaha et de trois autres patriarches, ed. P. Bedjan. Paris, 1895; Н. Пигулевская. Мар Аба I. Сов. востоковед., т. V. Л., 1948, стр. 84; N. Pigulevskaya. Mar Aba I. Mélanges Massé. Téhéran, 1963, p. 10.
- ⁸¹ Н. Пигулевская. Византия на путях в Индию, стр. 129—156; W. Wolska. La topographie chrétienne de Cosmas Indicopleustes. Paris, 1962, pp. 63—85.
- ⁸² Histoire nestorienne. Patrologia Orientalis, t. 7, p. 170.
- ⁸³ Maris Amri et Slibae. De patriarchis nestorianorum commentaria, ed. H. Gismondi. Pars prior, Romae, 1899; Mari, p. 52 (45); pars altera, Romae, 1897; Amr et Sliba, pp. 40—41 (23—24).
- ⁸⁴ Vie de mar Aba, 216.
- ⁸⁵ Evagrius. Historia ecclesiastica, VI, 22, p. 238.
- ⁸⁶ Chronicon anonimum. Chronica minora. CSCO. Scriptores syri, t. IV, p. 20; Н. Пигулевская. Анонимная хроника о времени сасанидов, § 3, стр. 64.
- ⁸⁷ Barhebraeus. Chronicon ecclesiasticum, t. II, p. 105.